МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФИЛОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ: МЕТОДЫ, ПРОБЛЕМЫ, ИДЕИ

Материалы II Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции
15 апреля 2014 года

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
"Perm University Press"

Пермь 2014

УДК 80
ББК 80
Ф 54

Ф 54 **Филология** в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., Пермь, 15 апреля 2014 г. / отв. ред. Н.В. Соловьева, И.И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – 328 с.

ISBN 978-5-7944-2409-6

В сборнике представлены материалы II Всероссийской научной конференции «Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи», прошедшей на филологическом факультете Пермского государственного национального исследовательского университета.

Сборник предназначен для широкого круга филологов.

УДК 80
ББК 80

Печатается по решению ученого совета филологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета

Рецензент: кафедра общего языкознания
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

Редакционная коллегия: В.В. Абашев, Е.А. Баженова, Е.В. Ерофеева, Б.В. Кондаков, Н.В. Соловьева, И.И. Русинова, А. Стоянович (Белград)

Ответственные редакторы: И.И. Русинова, Н.В. Соловьева

ISBN 978-5-7944-2409-6

© Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2014

Научное издание

ФИЛОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ: МЕТОДЫ, ПРОБЛЕМЫ, ИДЕИ

Материалы II Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции
15 апреля 2014 года

Сборник статей

Издается в авторской редакции

Компьютерная верстка *Н.В.Соловьевой*, *И.И. Русиновой*
Иллюстрация на обложке *Л.Г. Писорогло*

Подписано в печать 18.11.2014. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 19,07. Тираж 200 экз. Заказ ____

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. А.И. Букирева, 15

Отпечатано с оригинал-макета предпринимателем И.Г. Богатыревым
ОГРН 304 590427400071
614000, г. Пермь, ул. Пушкина, 110, оф. 122
Тел. /факс 8 (342) 236-53-53; e-mail: ld36@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Язык и современное общество

Вань Нин, Данилевская Н.В.	Реклама как языковой индикатор национальных ценностей (на материале слоганов русских и китайских текстов автомобильной рекламы)….	*8*
Вохмянина Е.В., Данилевская Н.В.	Политическая социальная реклама как инструмент информационной войны……..	*16*
Гричин С.В.	Авторизация как субъектный компонент речи ….	*21*
Ермакова Т.Г.	«Медунка или медулька – всяко скажу»: наименования медуницы в говорах Среднего Прииртышья…….....	*25*
Ерофеева Т.И.	Глоссарий пермских локализмов. Словарь региональной лексики города……..	*32*
Жесткова Е.А., Филиппова Л.В.	Фразеологизмы как средство формирования лингвокультурной компетентности у детей-билингвов…….....	*38*
Косович О.В.	Деривационный потенциал конфиксов *cyber* и *hyper* в инновационных процессах французского языка …….	*44*
Маштакова Е.И.	Субкультура экстремалов……...	*50*
Муринова М.Н., Данилевская Н.В.	Воздействующая функция выразительных средств в текстах документального кино ……..	*56*
Недайнова И.В.	Концепт *антиглобализм* в современном англоязычном дискурсе…….	*61*
Некрасова И.М.	К вопросу о «безагентивных» конструкциях…….	*67*
Низгулов Т.С.	Юридические основы современной языковой политики России……...	*73*
Павлова Д.С.	Анализ семантической структуры текста о себе: выбор методики ……...	*79*

Панова А.А. Языковое представление образа *советчика* в дневниках Митрополита Вениамина Федченкова 1926–1948 гг. …….. *85*

Платыгина С.М., Запевалова Л.А. Опыт изучения ядра концепта «неопределенное количество» на лексическом уровне в английском языке ……. *91*

Ромашева К.Е. Модель содержания текста как способ отражения профессиональной идентичности (на примере женщин-медиков)……. *96*

Рыжкина А.А. Linguistic view of the world……... *101*

Стоянович А. Идентичность сербского языка……..... *105*

Шкураток Ю.А., Айдаров Ю.Р. О создании электронного архива мифологических рассказов Пермского края …….. *115*

Современное коммуникативное пространство

Гришина Е.Н., Куличкина Г.В. Жанровое своеобразие темы военных действий в Чечне (на материале пермской региональной прессы 1995 г.)……..... *123*

Землянухина Е.Д. Идеологии государства и общества на материале дискурсивного поля темы «Оборона Ленинграда»……... *129*

Карпова Т.Б. Концепция речеведения в современной школе……. *131*

Кошкарова Н.Н. Языковая личность С.М. Миронова (на материале авторских статей)…… *136*

Крижановская Е.М. Жанровые особенности текстов предвыборных сайтов (на материале официальных сайтов В.В. Путина и Г.А. Зюганова)……. *140*

Мехонина Е.Н. Формы и средства диалогичности в политическом секторе Рунета..... *146*

Пономарев Н.Ф. Сторителлинг и риторика в публичном дискурсе……..... *151*

Пустовалов А.В., Яруллин Д.В. Пермские СМИ в «Яндекс.Новостях»: подсчитываем успех……. *157*

Смирнова Е.А. Первая русская революция в контексте журнала «Русское богатство»……...…. *163*

Соловьева Н.В. Метатекстовые компоненты в научной дискуссии …….. *169*

Сунь Сунся, Ли Липин, Карпова Т.Б. Состояние изучения русского языка в Китае (на примере провинции Шаньдун) ……. *175*

Тихомирова Л.С., Ширинкина М.А. Тема «Семейные ценности» в курсе «Русский язык и культура речи» в вузе……..... *180*

Ширинкина М.А. Информативность и экспрессивность в обращениях граждан к власти ……. *186*

Чжипэн Цзоу, Русинова И.И. Основные функции пословиц и поговорок в современной российской прессе…..……... *192*

Региональная культура

Антипина З.С. Материалы по региональной культуре в каталогах и полнотекстовых архивах лаборатории политики культурного наследия Пермского университета……..…... *197*

Боброва М.В. Ойконимия с. Троельга Кунгурского района Пермского края: мотивационный аспект…… *202*

Власова Е.Г. Географические параметры путешествия и образ пространства: на материале уральского травелога XVIII – начала XX века..…….. *207*

Зверева Ю.В. Лексика питания в пермских говорах: продукты растительного происхождения……... *215*

Клюйкова Е.А. «Сон Богородицы»: бытование в микролокальной традиции……..... *223*

Князева Е.А. «Наивное» письмо Владимира Воробьева…..…... *229*

Королёва С.Ю. «Наивный» дискурс в краеведческих работах К.П. Гусевой…….. *235*

Курочкина М.В. «Наивная» эзотерическая поэзия: случай Василия Бартова……... *243*

Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Портрет исторической личности на основе рукописных источников XIX века……. *249*

Пантелеева Л.М. Слово *выдра* в деловых актах Пыскорского медеплавильного завода..……. *255*

Подюков И.А. К вопросу о композиционно-речевых особенностях текстов коми-пермяцких заговоров *260*

Русинова И.И. Злые духи, связанные с колдуном, в мифологической традиции Пермского края…… *266*

Свалова Е.Н. Семантическое своеобразие и функции «хозяйственных» словесных формул в коми-пермяцком речевом этикете…….…… *272*

Цао Юехуа, Кондаков Б.В. «Диалог культур» и развитие туристической индустрии в провинции Шаньдун: состояние, проблемы и задачи ……..... *278*

Чугаев Н.В. Происхождение некоторых пермских фамилий XVIII века……... *284*

Литература

Галиева М.А. Рождество у Ф.М. Достоевского: закон пространства……... *288*

Гурова Е.П. Странничество в русской прозе второй половины XIX века……..…... *292*

Моисеева А.А. Мирра Лохвицкая и Марина Цветаева: диалог мифологических героинь (на примере образа Федры)…….. ……. *298*

Мокрушина О.А. Школа как предмет изображения в прозе 1985–1990-х годов. О двух повестях Лии Симоновой……. *303*

Расторгуева М.Ю. Тема Африки в поэзии А. Ладинского……... *309*

Роготнев И.Ю. К вопросу об объектах сатиры И.А. Крылова…… *324*

Туманова О.С. Мифологический образ Севера в поэзии Серебряного века (на материале лирики И. Северянина) ……... *319*

Чичкина М.В. Экфрасис в «Трех повестях» Г. Флобера…… *323*

УДК 81’42(811.161+811.58)

Данилевская Наталия Васильевна
профессор кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
danil6@mail.ru

Вань Нин
ассистент кафедры теоретического
и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
wanning2004@mail.ru

РЕКЛАМА КАК ЯЗЫКОВОЙ ИНДИКАТОР НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОГАНОВ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ТЕКСТОВ АВТОМОБИЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ) [1]

В статье рассматриваются отдельные теоретические вопросы рекламы и современное состояние ее изучения с лингвистической точки зрения. Определяются особенности рекламных текстов, посвященных автомобильной тематике; конкретизируются основания активного функционирования таких текстов на рекламном рынке. Анализируются языковые особенности русских и китайских слоганов, их тематические различия. Приводятся примеры русских и китайских рекламных слоганов. Описание слоганов осуществляется с точки зрения разных языковых уровней. Проведенный анализ позволяет говорить о некоторых различиях в содержании между рассматриваемыми рекламными текстами, что предопределяется особенностями картин мира русских и китайцев.

Ключевые слова: картина мира; межкультурная коммуникация; рекламный текст; слоган; языковые особенности.

Глобализация, захлестнувшая в последние годы жизнь современного общества, отражается не только в политической, экономической, культурной, бытовой и других сферах его жизнедеятельности, но и в коммуникативной. Сегодня уже невозможно представить мировую речевую практику без текстов межнационального (межкультурного) значения, причем не только в политическом или дипломатическом дискурсах, но и (что особенно важно с социальной точки зрения) в дискурсе повседневной коммуникации обычных людей. Носителем этих повседневных межнациональных связей, условно говоря, платформой для размещения и хранения их семио-

© Данилевская Н.В., Вань Нин, 2014

тических продуктов является медиакоммуникация и, в частности, такая ее разновидность, как реклама, или рекламный дискурс.

Исследователи рекламы отмечают ее особую роль в процессах экономического, политического, культурного взаимодействия разных стран и народов, а значит – в динамике межкультурных связей постиндустриального общества [Дрю 2003; Кафтанджиев 2005; Измайлова 2011; Песоцкий 2003; Симонова 2010; Стеблецова 2009; Шалимова 2010; Ученова 2012 и др.]. По верному замечанию В.В. Ученовой, реклама заняла прочное место в глобальных информационных процессах – и каждый новый шаг в утверждении идущей на смену предшествующим информационной цивилизации с неизбежностью приводит также и к экспансии рекламных текстов [Ученова 2012].

Отражая особенности материальной и духовной жизни того или иного народа, его сложившиеся стереотипы и новые веяния, рекламные тексты расширяют границы знания народов друг о друге, углубляют осведомленность одних о производственных, бытовых, психологических, ментальных и т.п. особенностях жизни других, тем самым принимая участие в осуществлении таких активно развивающихся в последнее время процессов, как социально-экономическая глобализация, межкультурное взаимодействие, этническое сближение.

Существенным результатом функционирования медийной коммуникации является разрушение информационных границ между слоями одного конкретного общества, с одной стороны, и между разными обществами – с другой. Быстро развивающаяся и постоянно модифицирующаяся массмедийная коммуникация являет собою один из современных механизмов межнационального и межкультурного объединения. Не случайно проблемы межкультурного взаимодействия представляют большой интерес не только для лингвистов, но и для ученых других областей – философов, экономистов, психологов, социологов, историков, литературоведов, культурологов, педагогов и др.

Социальная значимость рекламы заключается, безусловно, в том, что это один из видов материальных носителей знаний человека о мире: сообщая о продукте, рекламные тексты одновременно трансформируют последний в некий устойчивый образ, который впоследствии начинает самостоятельно функционировать в сознании человека, занимая в нем определенное место. И в этом мы видим серьезное гуманитарное значение рекламы: она детерминирует социальное поведение человека в том смысле, что побуждает реализовать фундаментальную для личности потребность в самоутверждении и самоидентификации. И далеко не только в рамках референтной для человека социальной группы, но также в контексте межнациональных связей, т.е. помогает каждому ощутить себя частью мирового сообщества. Это особенно справедливо для автомобильной рекламы, благодаря которой каждый, например русский, может почувствовать себя

«чуть-чуть немцем», сидя в «BMW», американцем – в автомобиле марки «Chryisler» или настоящим россиянином, управляя «Ладой».

В эпоху глобализации общественной жизни и стирания жестких границ между этносами реклама оказывается не только источником сведений о жизни других народов и стран, но и существенным компонентом межнациональной (= планетарной) коммуникации и культуры, входит в *общечеловеческое культурное пространство*.

Важно уточнить, что речь идет о рекламе как одном из средств такого социального взаимодействия, которое способно влиять на изменение и формирование ценностных ориентаций в повседневной жизни людей разных стран, а следовательно, способно создавать, с одной стороны, зоны пересечения культур разных народов – так называемые ***зоны культурного совпадения*** (общности, единства); с другой стороны, способно нести информацию о специфике восприятия и понимания разными народами одних и тех же артефактов, т.е. создавать так называемые ***зоны культурного несовпадения*** (расхождения), или культурной самобытности в рамках рекламного дискурса.

В связи со сказанным интересно проанализировать, какие ключевые смыслы автомобильных рекламных текстов являются наиболее ценными, а какие остаются менее значимыми в сознании носителей русской и китайской картин мира. Такой сопоставительный анализ позволит обнаружить как зоны «культурного совпадения», так и зоны «культурного несовпадения», что облегчит рекламодателям процесс гармоничного конструирования рекламной деятельности в рамках международной автомобильной экономики.

Нами было опрошено 200 респондентов: по 100 человек с русской и китайской стороны. При этом мы придерживались гендерного паритета, поэтому в каждую сотню вошли по 50 мужчин и 50 женщин. Средний возраст опрошенных составил 25–35 лет (в целом в опросе участвовали люди от 17 до 50 лет); социальное положение респондентов разное – это студенты, рабочие, служащие (гос- и офис-служащие, работники бюджетной сферы), предприниматели, домохозяйки.

Респондентам были предложены анкеты с пятью одинаковыми вопросами.

1. Какими качествами, по Вашему мнению, должен обладать хороший автомобиль?

2. Сведения о чем Вас привлекают прежде всего в автомобильной рекламе?

3. Какие слоганы из текстов автомобильной рекламы Вы помните?

4. Повлияет ли на Ваше решение о приобретении автомобиля его марка?

5. Повлияет ли на Ваше решение о приобретении автомобиля его название?

Эти вопросы выявили зоны совпадения и зоны несовпадения в оценке автомобиля и его важнейших качеств русскими и китайцами.

Так, например, среди ответов на первый вопрос (Какими качествами должен обладать хороший автомобиль?) в анкетах русских преобладают ответы: *комфорт* – I место; *разгон с места до 100 км / мощность двигателя / скорость (динамичность)* – II место; *надежность, выносливость* – III место. Анкеты китайцев демонстрируют иные представления о важнейших качествах автомобиля: *безопасность* – I место; *дизайн («стильный вид»)* – II место; *комфорт* – III место. Таким образом, приоритетными качествами автомобиля **для русских** являются комфорт, мощность и надежность, **для китайцев** – безопасность, внешний вид (эстетика оформления) и комфорт.

Как видно, зоной совпадения в русских и китайских представлениях об основных качествах автомобиля является *комфорт*, причем для русских – это первое требование к автомобилю, для китайцев оно лишь на третьем месте среди важнейших. По всем же остальным качествам представления опрошенных о хорошем автомобиле не совпадают: для русских важны его *мощность* и *надежность* (= выносливость), для китайцев – *безопасность на дороге* (= прочность стали и стекол) и *внешний дизайн*.

Выявленная разница в автомобильных приоритетах двух народов представляется вполне естественной, поскольку у китайцев и русских разная автомобильная история, разный жизненный опыт в обладании машинами и их эксплуатации.

Весь советский период и до сих пор отечественный автопром, мягко говоря, не обращал большого внимания на удобное оформление салона автомобиля, на надежность его технического устройства, на долговечность работы его деталей. Русскому водителю долгое время пришлось быть вынужденным аскетом и, кроме того, постоянно заниматься ремонтом своего автомобиля, доделкой и переделкой воплощенных в нем инженерных решений, поэтому для русского водителя *комфорт* и *надежность* составляют ядро ценностей автомобиля. Что касается мощности (она на II месте), то ее важность для русского автомобильного сознания тоже объяснима: в России мало хороших дорог, а зимой много снега – без автомобиля с мощным мотором можно проехать далеко не везде, даже в пределах городского ландшафта.

Интересно распределились оценки качеств хорошего автомобиля в зависимости от гендерных характеристик респондентов. Так, среди **русских автолюбителей-мужчин** важнейшими оказались такие качества, как *комфорт*, *мощность двигателя* и *надежность, выносливость*; среди **автолюбителей-женщин** наиболее предпочтительными названы *мощность двигателя* и *комфорт*, затем *внешний дизайн* и далее *надежность, выносливость*. Если учесть, что перечисленные качества расположены по степени убывания их важности, то становится очевидным, что русские муж-

чины, как знающие цену комфорту и надежности машины, не задумываются, в отличие от женщин, о ее внешнем дизайне (хотя в нашем материале есть и ответы мужчин, связанные с выбором этого качества, но они никогда не входят в зону трех важнейших автомобильных ценностей, а находятся на периферии).

Для **китайских автолюбителей-мужчин** в число важнейших качеств входят (по степени убывания важности) *безопасность* автомобиля, его *внешний (стильный) дизайн*, *комфорт в управлении*; **китайские автолюбители-женщины** называют *внешний (стильный) дизайн*, *безопасность*, *комфорт в управлении*. Как видим, с китайской точки зрения, ценности автомобиля не меняются в зависимости от гендерных характеристик его потребителей. Меняется лишь степень их значимости: для мужчин важнее всего *безопасность*, для женщин – *внешний вид*, тогда как *комфорт* и у тех, и у других на надежном третьем месте.

Ответы на второй вопрос анкеты (Сведения о чем Вас привлекают прежде всего в автомобильной рекламе?) выявили несколько иную картину. В анкетах **русских** первое место разделили сведения о *цене* и *технических характеристиках машины*; второе место занимает информация о *мощности двигателя*; на третьем месте – о *комфорте салона*. В анкетах **китайцев** на первом месте оказалось такое качество, как *безопасность*, на втором месте – *экономичность расхода топлива*, третью позицию занимают сведения о *технических характеристиках автомобиля*.

Такие данные свидетельствуют о том, что текст рекламного сообщения русский потребитель начинает оценивать со стоимости товара и его технических характеристик; немаловажным для него оказывается и комфортное оформление салона, но это, как показывает материал, уже дело третье. Иное восприятие рекламного сообщения у китайского потребителя: не задумываясь о цене, он интересуется прежде всего безопасностью и экономичностью машины, которые позволяют ему уже более или менее спокойно воспринять сведения о технических особенностях предлагаемого товара.

В ответах на второй вопрос так же, как и в ответах на первый вопрос, можно отметить некоторые особенности, связанные с гендерными характеристиками респондентов.

Так, например, для **русских мужчин** в содержании рекламных текстов наиболее значимой оказывается информация о *цене* автомобиля (I место) и его *мощности* (II место), а уж затем его *марка* (III место); для **русских женщин** более приоритетной оказывается информация о *мощности* (I место), затем сведения об *удобстве* и *комфорте* (II место), на последнем же месте стоит вопрос о *цене* и *надежности* автомобиля. Подобный расклад «голосов» объясняется, видимо, тем, что русские мужчины почти полностью – покупатели авто (ср. место вопроса о цене в их анке-

тах), тогда как женщины почти полностью только пользователи (ср. место о цене автомобиля в их анкетах).

Китайские мужчины выделяют в рекламе прежде всего сведения об *экономичности расхода топлива* (I место), затем о *безопасности* (II место) и уже в третью очередь о *технических характеристиках*; китайские женщины сведения о *безопасности* ставят на первое место, сведения об *экономичности* – на второе, а уже затем обращают внимание на *технические характеристики* рекламируемого автомобиля. Как видно, китайские женщины единодушны со своими мужчинами, ибо ценность рекламных сведений для них одинакова, меняется местами лишь экономичность с безопасностью, уходя с первого места у мужчин на второе у женщин.

Интересные выводы позволяет сделать анализ ответов на третий вопрос (Какие слоганы из текстов автомобильной рекламы Вы помните?). Выяснилось, что в России наиболее известными и узнаваемыми являются слоганы зарубежных автомобильных концернов «Toyota» (*Управляй мечтой!*), «Nissan» (*Превосходя ожидания!*) и «Volkswagen» (*Das Auto!*). Рекламный рынок Китая же, судя по анкетным данным, наполняют тексты таких концернов, как «Toyota» (*Где есть дорога, там обязательно Toyota!* – наиболее часто называемый китайцами слоган), «Audi» (*Прорыв науки и техники! Будущее воодушевляет!*) и «Mercedes» (со слоганом *Ведет за собой время!*). Эти данные позволяют сделать три важных вывода.

1. Реклама автомобилей марки «Mercedes» в России не является общественно значимой, она не стала распространенной, цитируемой. Возможно, одной из причин отсутствия этой фирмы на российском рекламном рынке является высокая стоимость производимого ею автомобиля, к чему средний русский потребитель, несмотря на все достоинства машины такого класса, в настоящее время не готов. Вместе с тем четвертая часть китайских потребителей назвала слоган этой компании, значит, последняя нашла свою нишу в китайском экономическом пространстве.

2. Серьезной гендерной дифференциации в ответах на третий вопрос нет: русские мужчины и женщины, с одной стороны, и китайские мужчины и женщины, с другой стороны, назвали почти одни и те же слоганы.

3. Русские респонденты демонстрируют бóльшую осведомленность в рекламном дискурсе, так как позицию «Затрудняюсь ответить» отметили только 33 человека, в то время как в китайских анкетах таких набралось 60 человек; при этом рекламные слоганы лучше знают русские мужчины (из них только 15 «затруднились ответить»), чем женщины, среди которых «затруднились ответить» 25 человек. Та же картина и среди китайских респондентов: не ответили на этот вопрос 23 мужчины и 40 женщин.

Что касается четвертого (Повлияет ли на Ваше решение о приобретении автомобиля его марка?) и пятого (Повлияет ли на Ваше решение о приобретении автомобиля его название?) вопросов, то среди ответов на них нет какой-либо существенной разницы: носители и китайского, и рус-

ского рекламных дискурсов с большим перевесом ответили «да» на оба вопроса.

Завершая анализ, отметим, что восприятие рекламных текстов, выделение в них ценностей, и среди них – приоритетных, происходит далеко не одинаково у представителей разных наций. Здесь многое зависит от особенностей менталитета – культурных и бытовых традиций, социально-экономических особенностей жизни, прошлых и настоящих исторических событий, влияющих на картину мира носителей того или иного языка, и т.п. В результате эмоционально-психическое восприятие одного и того же артефакта, обнаруживая ***зоны культурного несовпадения***, может приводить к неодинаковым, а возможно, и противоположным физическим или материальным реакциям / действиям со стороны представителей разных национальностей. Поэтому всякое рекламное сообщение фирмы-производителя или фирмы-продавца, которые выходят на международное торговое пространство, должно непременно учитывать особенности национального мировосприятия своего адресата, ибо то, что жизненно необходимо для русского, – для китайца вторично. И наоборот. Это убедительно демонстрирует проведенный нами анализ рекламных текстов автомобильной тематики.

Разные ценностные приоритеты того или иного народа, фиксируемые в рекламных слоганах посредством слова, являются, безусловно, ценностными ориентирами для экономической деятельности в автомобильной отрасли: чтобы успешно производить автомобили, надо успешно их продавать; чтобы успешно продавать, необходимо успешно рекламировать; чтобы успешно рекламировать, создатель рекламного текста должен ориентироваться на ценностные ментальные установки того сообщества, в рамках которого этот текст распространяется.

Примечания

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-04-00575а.

Библиографический список

Дрю Ж.–М. Ломая стереотипы: Реклама, разрушающая общепринятое. М., 2003. 271 с.

Измайлова М.А. Психология рекламной деятельности. М., 2011. 444 с.

Кафтанджиев Х. Гармония в рекламной коммуникации. М., 2005. 366 с.

Песоцкий Е.А. Современная реклама. Теория и практика. Ростов-н/Д, 2003. 352 с.

Симонова А.К. Реклама в процессе детерминации социального поведения личности: автореф. … канд. социол. наук. Екатеринбург, 2010. 19 с.

Стеблецова А.О. Национальная специфика делового общения в англоязычной и русскоязычной коммуникативных культурах. Воронеж, 2009. 207 с.

Ученова В.В. Реклама и массовая культура. Служанка или госпожа?: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ, 2012. 232 с.

Шалимова Л.А. Реклама. Цветовые каноны в социальном пространстве человека: культура, восприятие, функционирование цвета. М., 2010. 335 с.

N.V.Danylevskaya
Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

Wang Ning
Assistant of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

ADVERTISEMENT AS THE LINGUISTIC INDICATOR OF THE NATIONAL VALUES (BASED ON THE MATERIALS OF RUSSIAN AND CHINESE AUTOMOBILE ADVERTISEMENT TEXTS)

The article considers some theoretical questions of advertising and the current status of the study from a linguistic point of view. Are determined the features of advertising texts on the automotive subjects; elaborates on the active functioning of such texts on the advertising market. Analyses the specific features of the Russian and Chinese slogans, their thematic differences. Examples of Chinese and Russian advertising slogans. Description of the slogans carried out from the point of view of different language levels. The analysis allows one to talk about some of the differences in content between discussed ad text, as determined by the peculiarities of world pictures Russians and Chinese.

Key words: picture of the world; intercultural communication; the advertisement text; slogan; language features.

УДК 81’42:32

Вохмянина Екатерина Владимировна
аспирант кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
ekaterina_vohmyanina@mail.ru

Данилевская Наталия Васильевна
профессор кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
danil6@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК ИНСТРУМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ [1]

В статье рассматриваются языковые способы выражения ключевых смыслов социальной рекламы политической направленности. Языковые способы выражения ключевых смыслов анализируются как инструменты достижения манипулятивного эффекта в социальной рекламе. Устанавливаются и описываются невербальные (иносемиотические) средства воздействия на адресата. Вербальные и невербальные средства выражения политической идеи определяются как эффективный инструмент управления общественным сознанием.

Ключевые слова: реклама; политическая реклама; социальная реклама; поликодовый текст; информационная война.

В свете последних событий на Украине и присоединения Крыма к России возросла активность и роль социальной рекламы. При этом социальная реклама явно приобрела политический оттенок.

Политизированная по содержанию и направленности социальная реклама используется разными сторонами конфликта, каждая из которых ставит перед собою свои собственные цели, как правило, противоположные друг другу. В совокупности с противоречивой информацией, распространяемой в СМИ и социальных сетях, социальная реклама становится одним из мощных инструментов разжигания в обществе информационной войны.

Под социальной рекламой понимается «информация.., направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства» [Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 № 38−ФЗ, ст. 3]. Социальная реклама, развернутая в сторону политики, ориентирована прежде всего на последний аспект этого определения – «обеспечение интересов государства». Обеспечение же ин-

© Вохмянина Е.В., Данилевская Н.В., 2014

тересов государства, тем более в условиях военного столкновения, которое развернулось на Украине, всегда связано с информационной войной: воздействие на гражданское население и/или военнослужащих другого государства путём распространения определённой информации [Манойло 2005]. Особенностью информационной войны является то, что эта, можно сказать, война слов и смыслов имеет двойную направленность – внутри- и межгосударственную. Особенностью же информационной войны, развернувшейся в связи с украинскими событиями, является уже не двойная, а тройная направленность, так как вербально-смысловое противостояние развернулось не только между Россией и Украиной, но и между континентами: с одной стороны, между Америкой и Россией, с другой стороны, между Россией и Европой.

Такой глобальный конфликт носит, безусловно, самый серьезный − вплоть до угрожающего миру − характер, что свидетельствует об актуальности и необходимости исследования языковой специфики текстов, принимающих участие в этом «мировом противостоянии».

При восприятии социальной рекламы у адресата формируется ощущение, что ее содержание является мнением общества. Это происходит в силу того, что, во-первых, за социальной рекламой не стоит видимый заказчик, а значит, она не преследует коммерческих целей, т.е. выражает не узкие, а действительно широкие, массовые интересы; во-вторых, социальная реклама не преследует никакой материальной выгоды, «не заставляет» нас отдавать деньги, напротив, она воздействует только на положительные эмоции граждан, вызывая чувства патриотизма, гордости, желание бороться с трудностями и т.п. В силу этих причин социальная реклама обладает высоким воздействующим потенциалом.

Однако на самом деле и у социальной, в том числе политизированной социальной, рекламы заказчик существует. Причем если позиционирование заказчика осуществляется при открытой информационной поддержке, то эффективность рекламного сообщения увеличивается. Так, например, один из текстов такой рекламы, появившийся на улицах Киева, гласит: *Путин! Убери войска с Украины!* Этот уличный баннер сопровождался дополнительной информацией, размещенной в СМИ: по новостным каналам и в Интернете сообщалось, что несколько баннеров с таким содержанием установил за свои деньги индивидуальный предприниматель Рабанко. В данном случае акцент на заказчике делается с целью привлечения внимания общественности и формирования в сознании людей идеи национального единства: если предприниматель оплатил рекламу из собственных средств, значит, проблема действительно насущна – Путин есть враг Украины, ведущий на нее войска.

По нашим наблюдениям, языковые инструменты социальной рекламы совпадают с инструментами рекламы коммерческой: при создании рекламного сообщения используются как вербальные, так и невербальные

средства – выделение фоном, графические акценты, изображения. Вообще, поликодовость является одним из мощнейших средств ведения информационной войны с помощью текстов, имеющих материальные носители.

Поликодовыми называют тексты, объединяющие в себе единицы разных семиотических систем – вербальной, звуковой, цветовой, графической; единство разных кодов позволяет сделать сообщение ярким, привлекательным, легким для восприятия и понимания [Черняевская 2010: 120]. Термины «поликодовый / поликодовость» характеризуют явление текстовой неоднородности, достигнутой через соединение различных вербальных и визуальных знаков, символов [Черняевская 2013: 91−105]. Поликодовый характер социальной политической рекламы усиливает ее воздействующий потенциал.

Так, психологами доказано, что каждый цвет, даже оттенок цвета, оказывает на человека определенное воздействие. Например, желто-красные тона создают чувство взволнованности, возбуждения, активности. Синие, серые цветовые тона, напротив, действуют успокаивающе. Цвет становится важным элементом общего решения внешнего вида вещи и ее рекламного образа. Краски соотносят друг с другом и со средой и именно это имеют в виду, когда говорят об их «функциональности» [Люшер: http://ru/wikipedia.org/wiki].

Проанализировав источники, мы можем выделить определенные приемы, использованные для создания позитивного и негативного образов государства в текстах социальной рекламы. Разделим их по государственной и идеологической принадлежности.

Для создания рекламного сообщения, призывающего встать на сторону «Единой Украины» чаще всего используется такой речевой прием, как языковая игра. Например: *Вова! Не делай маме нервы!*. В данном случае языковая игра построена на уподоблении структуры высказывания специфике одесской речи. Кроме того, нередко используется прием иронии или даже сарказма. Ср.: *Загнивающий запад Украины* (на сопутствующей тексту фотографии изображены современные автобус и трамвай); *Встающая с колен Россия* (на сопутствующем изображении разбитая газель и старый трамвай). Заметим, что данные текстовые сообщения и изображения можно рассматривать только вместе с мультимедиа, так как иначе смысл их будет обратным.

Для привлечения внимания и призывов широко используются обращения и восклицательные предложения, но особенно интересно здесь использование многоточия, предназначенного выражать «как бы недосказанность»: *Один художник – И. Репин. Два народа…* (реклама, размещенная в украинских интернет-ресурсах). Используя соответствующий мультимедийный код, автор предлагает здесь своему адресату самостоятельно сопоставить изображения и сделать выводы о величии Украины.

Наиболее распространенным графическим приемом является использование шрифтовых и цветовых выделений отдельных слов и словосочетаний в составе целого высказывания. Например: *Прощай,* ***немытая Россия, страна рабов****, страна господ, и вы, мундиры голубые, и ты, им* ***преданный народ****!* (реклама, размещенная в украинских СМИ). Во-первых, таким способом здесь акцентируются негативные качества России как государства, уже не являющегося родственным (ср. глагол *прощай*), во-вторых, слово «преданный» используется здесь в другом, тоже негативном, смысле, в-третьих, большую роль играет использование в тексте цветовой гаммы – голубого и желтого оттенков, соотносящих высказывание с национальным флагом Украины.

В числе применяемых мультимедийных инструментов наиболее часто встречается использование альтернативных изображений. Например, объединение в одном тексте двух разных картин художника И. Репина – «Бурлаки на Волге» и «Казаки пишут письмо турецкому султану». Подпись к изображениям: *Один художник – И. Репин. Два народа….* В данном случае автор делает акцент на противопоставлении нищих, занятых рабским трудом русских и довольных, веселых, украинцев.

В социальной политической рекламе «российского производства» интересно использование символики ограничения или запрета. Например: красный круг с чертой по диагонали и наложенный на человеческую фигуру с «коктейлем Молотова» в руке; адаптированный автомобильный знак с текстом *СТОП Майдан* и опоясывающая баннер черно-желтая оградительная лента с текстом *Украинский выбор предупреждает: ассоциация с ЕС – это однополые браки*.

Для создания рекламного сообщения, целью которого является агитация за позицию «против действий президента Путина», активно используется такой речевой прием, как языковая игра. Ср.: *Хороший Путин – «холодный Путин»*. В данном тексте сопоставляются два похожих по звучанию словосочетания, одно из которых носит метафорический характер, по сути, означая «мертвый Путин».

Кроме того, используется прием неологизации: *Рашизм. Гитлер тоже начинал с «защиты соотечественников» в соседних странах*. Здесь слово «рашизм» создается как аналогия фашизму, что подтверждается и комментарием к нему. Это дополнительно подчеркивается и графическим приемом – от буквы «Р» в первом слове сообщения отделяется часть, вместе с которой она бы образовывала букву «Ф». Из этого же источника мы можем выделить использование еще одного графического приема − изображение свастики в цветах георгиевской ленты, размещенной на изображении земного шара. Таким образом авторы сообщения сравнивают российскую идеологию с идеологией фашизма, а также намекают на мировое господство, которое входило в планы Гитлера. Среди мультимедийных приемов в других источниках также используется символика ограничения.

Необходимо подчеркнуть, что источников политической социальной рекламы с позицией «За Россию» в рамках медиапространства существенно меньше, чем противоположных. Возможно, это связано с тем, что включение Крыма в состав РФ воспринимается гражданами последней в подавляющем большинстве позитивно, что делает неактуальной для России политическую социальную рекламу.

Примечания

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-04-00575а.

Библиографический список

Манойло А.В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта // V Международная научно-практическая конференция «Информационные технологии и безопасность»: Материалы. Вып. 8. Киев, 2005. С. 73−80.

Черняевская В.Е. Поликодовость коммуникации как объект речеведения // Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 14. Пермь, 2010. С. 113–124.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Лингвистика дискурса: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 208 с.

Люшер М. Цветовой тест Люшера. Электронный источник. Зона доступа: http://ru/wikipedia.org/wiki. (Дата обращения: 04.05.2014.)

E.V. Vohmyanina
Postgraduate student of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

N.V. Danilevskaya
Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

POLITICAL SOCIAL ADVERTISING AS A TOOL OF INFORMATION WAR

The article examines the linguistic means of expression of the key meanings of social advertising political orientation. Language means of expression of key meanings are analyzed as tools to achieve the manipulative effect in social advertising. Establishes and describes non-verbal (inseminations) means of influencing the recipient. Verbal and non-verbal means of expressing political ideas are defined as an effective tool in the management of public consciousness.

Key words: advertising; political advertising; social advertising; politology text; information war.

УДК 81’42

Гричин Сергей Владимирович
заведующий кафедрой гуманитарного образования
и иностранных языков
Томский политехнический университет
grichinsergei@mail.ru

АВТОРИЗАЦИЯ КАК СУБЪЕКТНЫЙ КОМПОНЕНТ РЕЧИ [1]

В статье рассмотрена авторизация как субъектный компонент речи, выражающий в тексте научного произведения соответствующие смыслы, детерминированные коммуникативным намерением автора и ментальными операциями, связанными с обработкой и фиксацией в тексте научного знания.

Ключевые слова: авторизация; субъектный компонент речи; научный дискурс.

Авторизация, представляющая собой категорию функционально-семантическую, антропоцентрическую, по нашему мнению, может быть представлена в тексте научного произведения как субъектный компонент речи (далее СКР – термин Н.К. Рябцевой). По Н.К. Рябцевой, «в субъектных компонентах речи, как ни в каких других, отражаются особенности речемыслительной деятельности и свойства “порождающего” их естественного интеллекта, …что предопределяется тем, что субъектные компоненты речи представляют собой единый комплекс, обладают целым рядом объединяющих их отличительных и взаимосвязанных свойств, имеющих прямое отношение к сознанию говорящего, его личности, производимым им в текущем процессе общения мыслительным, речемыслительным и речевым операциям» [Рябцева 2005: 380]. Субъектные компоненты речи обладают комплексом следующих взаимосвязанных свойств: метауровневости, синкретичности, конситуативности, интенциальности и супрасегментности. Проанализируем, каким образом авторизация проявляет эти свойства на отдельных примерах употребления авторизационых конструкций.

Метауровневость СКР как свойство, заключающееся в противопоставленности объектным компонетам речи и проявляющееся в возможности противопоставления фактуальной информации и ее интерпретации, оказывается неотъемлемым свойством авторизации вследствие ее модусного характера, принадлежности к рамочным категориям. Наибольшее выражение метауровневость получает в квалифицирующем типе авторизации. Так, в следующем примере сравнение (через введение авторизацинной конструкции) стихотворения А.С. Пушкина «Герой» с «поэтическим разговором» не добавляет фактологических данных к его описанию, однако приводит к по-

© Гричин С.В., 2014

явлению коннотативного значения: *Этот «поэтический разговор»,* ***как определил его Ф.Е. Корш****, обнаруживает, кроме сложного историко-биографического уровня и оригинальной диалогической формы, ряд внутренних, значительно приглушенных другими смыслами отсылок к «Фаусту» Гёте* [Васин 2012: 12–13].

Следующее свойство СКР – синкретичность, заключающееся в способности присутствовать в высказывании в неявном виде, проявляется у авторизации сразу в двух планах: в облигаторности авторизационной квалификации высказывания (имплицитность / эксплицитность), а также синкретичности некоторых квалифицирующих форм авторизации (типа *видеть что-то в ком-то, воспринимать кого-то как-то*). Поскольку синкретичность предполагает «синтез в одном познавательном акте рефлексии целого и цельного комплекса мыслительных, интеллектуальных операций, их совмещение, взаимодействие, взаимосвязь в обработке релевантных в данной текущей ситуации ее параметров, их учет и вписывание в текущее взаимодействие» [Рябцева 2005: 399], то синкретичность в научном дискурсе авторизации проявляется также во взаимозаменяемости авторизационых показателей: ср. *Иванов пишет / говорит / указывает* и т.д.

Конситуативность авторизации, предполагающая обязательное осознание текущей ситуации общения, выражается в ее способности переключать фокус внимания читателя с одного объекта на другой, в способности вводить и изменять ситуацию общения. Ср. переключение фокуса внимания на другой объект: ***Есть еще другое объяснение исчезновению этого героя:*** *«По-видимому, Бертольд должен был стать жертвой собственной любознательности и “взорваться”, не успев зайти так далеко, как мечтал...»* [Васин 2012: 13]. Введение ситуации общения: *Данная статья посвящена выявлению диапазона семантико-прагматического варьирования деминутивных суффиксов в русском языке.* ***На наш взгляд****, неоднократно отмечаемая исследователями зависимость актуализации семантики деминутивных суффиксов от контекстных условий нуждается в дальнейшем исследовании* [Воронина 2012: 15]. Возможно также маркирование изменения ситуации общения: *Оставляя в стороне собственно физиологические качества человека, авторы рассматриваемой работы делают упор на ту часть природных качеств, которую можно сформировать под влиянием тех или иных внешних факторов* [Мазур 2012: 34]. Развитие ситуации общения: ***Вслед за Е.С. Кубряковой****,* ***под метафорой понимаем*** *одну из форм концептуализации как когнитивного процесса, в результате которого происходит формирование новых понятий* [Барышева 2012: 7]. Смысл авторизационных показателей может быть связан и с поддержанием ситуации общения концентрацией внимания на предмете речи: *Главное место в данных исследованиях занимает изучение семан-*

тики цвета с позиции выявления ассоциативных, символических значений (А. Вежбицкая, А.А. Залевская, А.И. Белова, И.В. Гете, Л.Н. Миронова). Говоря словами Ж. Вардзелашвили, «смысловые элементы культуры накапливают значения, разрастаются и символизируются. Переходя из одной эпохи в другую, они сохраняют свои константные составляющие. Эти смыслы передаются различными семиотическими кодами, самым совершенным из которых является человеческий язык, формирующий языковую картину мира» [Тараканова 2012: 15]. *К идеологии «hidden curriculum» обращаются и представители структурно-функционального подхода П. Бурдье. «Hidden curriculum» они рассматривают в контексте концепции культурного воспроизводства, фиксирующей политический контроль над системой образования, в том числе и над западным университетом* [Полонников 2012: 165].

Интенциональность авторизации в научном дискурсе во многом обусловлена нормой и этикой научного общения, предполагающими указывать источники используемой информации, диалогическим характером научного изложения, реализующейся в тексте интертекстуальностью: «Каждый научный текст знаменует собой переход от уже известного (“старого”) знания к новому; он с необходимостью соотнесен со многими предшествующими текстами как теоретическим фундаментом для вновь создаваемого произведения и проспективно ориентирован на будущие открытия» [Чернявская 1999: 3].

Супрасегментность авторизации («Основная функция суперсегментного языкового слоя – создать дополнительные смыслы, семантическую ауру вокруг сообщаемого сегментными средствами» [Рябцева 2005: 389]), пожалуй, менее всего манифестируется в авторизации, что объясняется одним из определяющих свойств научной коммуникации, заключающемся в открытом, явно выраженном маркировании чужих смыслов при формировании нового знания [Чернявская 2011: 95].

Логично предположить, что демонстрируя большинство отмеченных для СКР свойств, авторизация не может не выражать и самое важное из субъективных функций этой категории речевых единиц – функцию рефлексии автора.

Примечания

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 13-14-70002.

Библиографический список

Барышева Я.А. Концептуальные особенности метафорической модели «серый цвет – наружный покров тела человека» (на материале русского, английского и немецкого языков) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 359. С. 7–10.

Васин Н.С. Семантическое поле фаустианских реминисценций в творчестве А.С. Пушкина // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 360. С. 11–14.

Воронина Л.П. Семантика и прагматика деминутивных суффиксов в русском языке // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 359. С. 15–17.

Мазур Т.Г. Категория «природные качества» человека в современном Китае: ее содержание и идейные истоки // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 359. С. 34–37.

Полонников А.А. «Hidden curriculum» и продуктивность образования // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 359. С. 165–169.

Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект / РАН. Ин-т языкознания. М.: Academia, 2005. 640 с.

Тараканова Д.А. «Символическое» в семантике цветообозначений в народной культуре (лингвокультурологический аспект) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 360. С. 15–17.

Чернявская В.Е. Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации. СПб.: изд-во СПбГУЭФ, 1999. 209 с.

Чернявская В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 240 с.

S.V. Grichin
Head of Humanities and Foreign Languages Department
Tomsk Polytechnic University

EVIDENTIALITY AS SUBJECTIVE COMPONENT OF SPEECH

The paper presents an effort to describe evidentiality as subjective component of speech containing additive meaning inherent in subjective components of speech. This meaning is determined by the author's communicative intent and mental operations taking place during the processing and fixation of scientific knowledge in a text.

Key words: evidentiality; subjective component of speech; scientific discourse.

УДК 81’28

Ермакова Татьяна Георгиевна
соискатель кафедры русского языка,
славянского и классического языкознания
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
ermakova.ff@gmail.com

«МЕДУНКА ИЛИ МЕДУЛЬКА – ВСЯКО СКАЖУ»: НАИМЕНОВАНИЯ МЕДУНИЦЫ В ГОВОРАХ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ [1]

В статье рассматриваются диалектные номинации медуницы, бытующие на территории Среднего Прииртышья. Определены мотивационные признаки, послужившие основанием номинации данного растения. Кроме того, представлен проект словарной статьи МЕДУНИЦА для понятийно-тематического словаря говоров Среднего Прииртышья.

Ключевые слова: диалектный фитоним; медуница; мотивационный признак; словарная статья.

На территории России встречаются три вида медуницы. В европейской части страны, от западных границ до Урала, распространена медуница неясная Pulmonaria obscura Dum. В черноземной полосе России произрастает медуница узколистная Pulmonaria angustifolia L. В Западной и Восточной Сибири повсеместно растет медуница мягчайшая Pulmonaria mollissima A. Kern., встречается она также на Кавказе, иногда в восточных областях европейской части России. От других видов Pulmonaria mollissima отличается мягким бархатистым опушением листьев и стебля (Pulmonaria angustifolia и Pulmonaria obscura – жесткоопушенные). В лечебных целях медуница традиционно применялась для лечения болезней легких, о чем свидетельствует видовое латинское название pulmonaria – от pulmones ‘лёгкие’, а также ряд славянских названий-ка́лек: чешские *plicník, pličník* (plíce ‘лёгкие’), польское *płucnik* (płuca ‘лёгкие’), сербское *плућњак* (плуће ‘лёгкие’), русское *лёгочница*.

В словарях русских народных говоров для рода Pulmonaria зафиксировано большое количество названий, актуализирующих различные признаки и свойства растения: *б**а**рхатень* (Волог.), *бархат**и**нка* (Том.), *барховник* (удар.?) (Том.), *б**а**рхатный л**и**ст* (Тобол., Том.), *белост**о**йка* (Вят.), *г**у**ньб**а*** (Сарат.?), *коньба* (удар.?) (Костром.), *жив**о**тная трав**а*** (Новг.), *заячьи ушки* (Кем.), *й**о**дова трава* (Том., Кем.), *й**о**дник* (Ср. Приобье), *лесн**о**е копьец**о*** (Твер.), *синенький корешо**к*** (Вятск.), *медвежья трава* (Моск.), *медович**о**к* (южн.), *медун**и**ка* (Сарат., Том.), *медун**и**ха* (Том.), *медун**и**чка* (Том.), *медун**и**чник* (Смол., Новг., Калин.), *мед**у**нка* (Заурал., Курган., Ср.

© Ермакова Т.Г., 2014

Приобье, Тобол., Иркут., Ср. Урал, Том.), *мед**у**нчик* (Перм., Курск.), *мед**у**нька* (Том.), *медян**и**ца* (Ворон.), *первоцвет* (Вятск.), *попель* (Ворон.), *посечная трава* (Вятск.), *серпор**е**з* (Том.), *суконце* (Перм.) и др. [Анненков 1878; Арьянова 2007; СРНГ]. В то же время лексема *медуница* может сама обозначать совершенно разные растения-медоносы: клевер, лабазник, донник, мяту, подмаренник и др., а также служить диалектным названием пчелы, шмеля или осы [СРНГ 18: 73, 74; Арьянова 2007: 18; Меркулова 1967: 106]. Подобная неоднозначность народной ботаники отмечается всеми исследователями и создает трудности при определении денотативной отнесенности диалектных фитонимов, требуя тщательного анализа как языковых, так и внеязыковых факторов.

Фитонимическая лексика говоров Среднего Прииртышья недостаточно изучена, поэтому целью данного исследования является мотивационный и этимологический анализ фитонимов, обозначающих в омских говорах медуницу. На территории Среднего Прииртышья виду Pulmonaria mollissima принадлежит ряд номинаций. Значительную их часть составляют, наряду с литературным *медун**и**ца*, диалектные варианты, образованные от корня *мед-*, различающиеся аффиксами: *мед**у**н, мед**у**нка, мед**у**нька, мед**у**лька, мед**о**нка.* Фонетические варианты *мед**у**нка – бед**у**нка* отражают чередование согласных по дифференциальному признаку 'способ образования'.

В лексеме *барх**о**тник* мотивационным признаком выступает фактура листьев медуницы, покрытых мягким пушком. Номинация *первоцв**е**т* обусловлена ранним временем цветения растения: медуница зацветает уже в конце апреля – начале мая.

Большой интерес представляет ряд фитонимов *шамел**а** / шемел**а** / шмел**а** / шумел**а**.* Их фиксируют лишь несколько современных диалектных словарей, а география фиксации ограничивается территорией Западной Сибири. Так, по данным «Словаря русских народных говоров», лексемы *шемела, шемала* отмечены в Томской области со значением ‘медуница’ [СРНГ т. 18: 74, 75]. Номинации *шемел**а**, шумел**а*** приводятся в «Словаре фитонимов Среднего Приобья», место записи – Яшкинский район Кемеровской области и Томский и Шегарский районы Томской области [Арьянова 2007 2: 47, 48]. В Тарском и Знаменском районах Омской области зафиксированы фитонимы *шамел**а**, шемел**а**, шмел**а**, шумел**а*** [СГСрП 1993].

В словарях XIX в. среди народных названий Pulmonaria officinalis встречаются лексемы *щемелина, щемелица, шемелина.* В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля и в «Опыте словаря народных названий растений юго-западной России» А.С. Роговича отмечена лексема *щемелина* (у В.И. Даля с пометой *юж.*) [Даль 1912: 1500; Рогович 1874: 25]. Все три фитонима представлены в ботаническом словаре Н.И. Анненкова в значении Pulmonaria officinalis, с географическими по-

метами *Малор*. и *Курск. Черв*., кроме того, Н.И. Анненков замечает, что «другие виды Pulmonaria, растущие в России, имеют те же названия» [Анненков 1878: 279]. В том же словаре приведен фитоним *щемялина*, обозначающий внешне сходный с медуницей вид ‘черноголовка крупноцветковая Prunella grandiflora’. Н.И. Анненков пишет, что *щемялина* – «название, вероятно, произошедшее от корня “хмель”, но сильно искаженное». Возможно, предположение Н.И. Анненкова основано на наличии у Prunella grandiflora названий *хмелёк* (Гродн.), *дикий хмель* (Смол. Каз.), *огородный хмель* (Перм.), *чмелинник* (Орл.) [Анненков 1878: 273]. Однако более вероятно, что фитонимы *щемелина / щемелица / шемелина / чмелинник* образованы суффиксальным способом от диалектных названий *шмеля*. Так, в «Опыте областного великорусского словаря» зафиксирована лексема *щ**е**мель* (псков.) в значении ‘дикая пчела, шмель’ [Опыт 1852: 270]. В «Смоленском областном словаре» В.Д. Добровольского находим следующие варианты: *щамялёчик, шамяли, шемил**и**, чмили, щимил**я*** (с пометой: родит, винит. падеж от *щамель*, также *щамиля*) [Добровольский 1914: 1005]. У В.И. Даля отмечена форма *чмел* (ворон.) – шмель [Даль 1912: 1355]. В других славянских языках *шмель* имеет следующие названия: čmelák (чеш.), čmel (чеш.), trzmiel (пол.), czmiel (пол.), джміль (укр.), чміль (диал. укр.), чмель (белор.). По данным этимологических словарей, праформа **čьmelь* представляет собой образование с суффиксом *-elь* от корня **čьm-*, восходящего к звукоподражательному **kem-/*kom-* (отсюда *комар*). М. Фасмер объясняет формы на *щ-* как результат сближения со словом *щемить.* П.Я. Черных замечает, что форма *шмель* «по всей видимости, восходит к **щмель* (<*ščьmeljь), наличие которой подтверждает ст.-чеш. ščmel и ст.-польск. szczmiel», а форма *ščьmeljь «своим возникновением обязана контаминации с глаг. *ščemiti : *ščeměti, *ščьmiti» [ЭССЯ 1977: 145; Фасмер 1987: 459; Черных 2006: 419].

Полагаем, что фитонимы *шамел**а** / шемел**а** / шмел**а** / шумел**а*** соотносятся с лексемой *шмель,* реализуя метонимический перенос ‘насекомое’ – ‘опыляемое растение’. Появление вставных гласных связано с тенденцией к открытости слога, сохраняющейся в лексикализованных формах в говорах Среднего Прииртышья. В областях Сибири варианты с начальным *щ-* диалектными словарями не зафиксированы, что ожидаемо, так как сибирским старожильческим говорам не свойственны долгие мягкие шипящие.

В настоящее время коллективом диалектологов Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского ведется работа над понятийно-тематическим словарем говоров Среднего Прииртышья [Харламова 2010, 2011; Ермакова 2013]. Такой тип словаря объединяет относящиеся к одному понятию / денотату диалектные номинации во всем их многообразии и дает возможность полно и наглядно отобразить определенный участок экстралингвистической действительности. Словарь включает диалектные наименования, диалектные варианты общерусских слов, обще-

русские названия. Словарная статья состоит из нескольких зон: заголовок, дефиниция, синонимы (А), варианты (Б) и дериваты (В) заглавного слова, переносные значения (Г), устойчивые / фразеологические сочетания (Д), иллюстрации (Е), сочетаемость (Ж), прецедентные высказывания (З), лингвокультурологический комментарий (И). Представляем подготовленную для данного проекта словарную статью МЕДУНИЦА.

Заглавное слово: МЕДУН**И**ЦА, -ы, *ж.*

Семантика:

1. Медуница мягчайшая. Семейство бурачниковых (Boraginaceae). Многолетнее травянистое растение высотой до полутора метров с продолговатыми мягкоопушенными листьями и сине-фиолетовыми цветами, собранными в щитковидную метёлку.

Латинское наименование: Pulmonaria mollissima A. Kern.

Синонимы (А):

А1. Медун**и**ца, ы, *ж.*, барх**о**тник, а, *м.,* первоцв**е**т, -а, *м.,* шмел**а**, -**ы**, *ж.*

Варианты (Б):

Б1. Бед**у**нка, -и, *ж.,* мед**у**н, -а, *м.,* мед**у**нка, -и, *ж.,* мед**у**нька, -и, *ж.,* мед**у**лька, -и, *ж.,* мед**о**нка, -и, *ж.,* шамел**а,** -ы, *ж.,* шемел**а,** -ы, *ж.,* шумел**а**, -ы, *ж.*

Устойчивые / фразеологические сочетания (Д): *на мед**о**нках* ‘питаясь медуницей’.

Иллюстрации (Е):

Бархотник в лесу растёт (Б.-реч Новолог.). *Бархотник – лис*(т)*, наподобие **е**да* (Мур. Низ.) [СГСрП, т. 1].

Корни варили, ели – долгий корень; бедунки – синие цветочки. Всё ели, что попадало (У.-Иш. Загв.) [СГСрП, т. 1].

*На-мед**о**нках-то л**е**том-то хорош**о** / а-**о**т зим**о**й-то кап**у**стка да-карт**о**шэч'ка в**о**т и-фс**я** ед**а** //* (с. Могильно-Посельское, Большереченский р-н, Никитина В.Е., старож., 2007).

А раньше какие-то травы ели, медун (Б.-реч. Кр. Яр.) [СГСрП, т. 2].

*Ау**а** / медун**и**цу рв**а**ли / э-э / **э**ту / п**а**хнит-то / душн**и**ч'ку //* (с. Могильно-Посельское, Большереченский р-н, Хлебнова Т.И., 72 г., новосел., 2007). *Пч**ё**лки м**ё**т с-медун**и**ц фк**у**сный прин**о**сят // Так**о**й св**е**тлый и-п**а**хнет фк**у**сно* (60 л., 1995). *В-вайн**у**-жэ трав**у** адн**у** **е**ли в**о**т м**ы** пайд**ё**м миш**о**к ц**е**лый набир**ё**м / медун**и**ца / сн**ы**ть крап**и**вы / да-р**а**знай // <…>* [Что делали ещё из травы?] *А-м**ы** **е**ли и**ё** / фс**ю** **э**ту трав**у** / сам**у** трав**у** / лебяд**у** **а**ли крап**и**ву **а**ли в**о**т **э**ту сн**ы**ть ищ**ё** как**и**-та т**а**м в**о**т **э**ту медин**и**цу / **э**та / л**а**дна в**о**т **э**ти шт**о** м**ы** / срыв**а**ли-та / а-т**о** т**а**к вм**е**с'те с-стибил'к**а**ми ни-ч**и**щену / х**о**ть **е**с'ть и-в**о**т руб**и**ли / так**и** кар**ы**ца / с**е**ч'каные / патам**у**-шта мн**о**га н**а**да б**ы**ла // Р**е**зать // <…> и-в**о**т т**а**к пакар**ы**цу руб**и**ли / нар**у**биш и**ё** / чюгун**ы** б**ы**ли здар**о**вые / видр**о** дв**а** туд**а** вад**ы** вб**у**хае**ш** / р**у**ски п**е**чи-жэ ухв**а**т на-дв**а** / ф-п**е**чь / в**о**т набь**ё**ш п**о**лный*

этат чюгун травы-та / ана закипит / и-там вот столич'ка астаница / вот чэрес решэто и-цыдили эту траву / патом ищё набухаеш // (р.ц. Черлак, Черлакский р-н, Новикова А.Г., 71 г., грамот., новосел., 2004).

Медунка или медулька – всяко скажу (Тар. Зал.). *Медунки синим што ли светут?* (Тар. Уст.). *Медунки или низки* (Знам. Знам.) [СГСрП, т. 2]. *Медунки / в-войну мы их ели сил'но // У-нас травы разны / медунка / гоголь* (с. Такмык, Большереченский р-н, старож., 1999). *Медунок насабираем и-завариваем // Медунка голубая помогает от-живота* (с. Решетниково, Большереченский р.н, ?, старож., 1999). *А-когда весна начнёца / язык'ки называеца / стебель ф-палец толщиной / пуч'ки ели / медунки / ну-вот первоцветы / синеньким цветут //* (д. Кирсановка, Большереченский р-н, Шильникова Е.С., 70 л., старож., 1996). *Мы бирёзы / мы иё сйидали рощей / абдирали / и-вот-этат сок / вот-этим йищё питались / мы вот-этим выжыли / и-примерна / вот-такую пору мы ужэ этат лес дирём / и-пакос / пака ано ни-станит сохнуть / патом ужэ мы прикращяем / пириходим на-мидун'ки / на-езыч'ки там / на-поч'ки / вот-эта наша была еда / нам некагда была сидеть / вот если примерна оддых / то-мы бижым скарей / ахапак зелини нарывайим / так-вот-эта едим //* [Что такое язычки?] *Езыч'ки / ну-эта / как-сказать / ну-вот пашли мы свами в-лес / я-бы вам фсё-фсё паказала / девач'ки //* (р.ц. Большие Уки, Большеуковский р-н, Ковалёва А.Г., 76 л., 5 кл., старож., 2005). [А первые весенние цветы как называются?] *Ну-первые / ети / пац'нежники // И / и-мядунки мы их называим / а-как //* (с. Поречье, Муромцевский р-н, Ольховская Н.И.,80 л., 7 кл., рус.-бел., 2010).

Шамелу мы ели в голод (Знам. Знам.) [СГСрП, т. 3]. *В войну траву всяку ели: кислянку, гыгыль, шкирду, шамелу* (Тар. Лож.) [Доп. 2].

У-нас шэмила называли // Синин'ким цвила таким // Иё тожы апчищали и-ету сирётку ели // Шкирда ишо / широки лис'тья таки и // Тожы ели пака ни-прирас'тёт / ана быстра пирирас'тёт / рас и-жоская // Или мидунки ишо их заву / то шымилу // А-шкирда эта жолтым растёт / ана высокая вырастает // Гыгыли // Вот-были гыгыли маржовыи и-прастыи гыгыли // У-маржовава прастой лист / а-у-прастова как-та большы разризно // И-цвет у-маржовава каг-бы-пушыстыи свер'ху у-маржовава а-у-това глаткий лист // Ели ф'сё ран'шы / ты-чё / тока начяла рас'тить ф'сё в-лису ф'сё | так жрали чё папала // Есь-та асоба шыпка нечива была // Фсё што-сйесть можна была то ели // (д. Чёкрушево, Тарский р-н, Иванов А.И., 74 г., 2 кл., старож., 2010).

Шмела, медуница ли её зовут (Тар. Уст.) [СГСрП, т. 3].

Шумела как трава, с 15 сантиметров, делают лекарство, цветочки синенькие (Тар. Зал.) [СГСрП, т. 3].

Сочетаемость (Ж):

А1. (с определениями: прилагательными, причастиями, местоимениями и др. атрибутивными сочетаниями): синенький, голубой.

А1. (с глаголами): **е**сть, рв**а**ть, набр**а**ть, зав**а**ривать, зв**а**ть, назыв**а**ть, цвест**и** (*св**е**сти*), обчищ**а**ть, раст**и**, перераст**а**ть, помог**а**ть.

Лингвокультурологический комментарий (И):

Медуница – хороший медонос и ценное лекарственное растение. В народной медицине сок размятого листочка медуницы заменяет йод: *Бархотник – лис*(т)*, наподобие **е**да* (йода), а её отвар применяется при болезнях дыхательных путей. Но анализ диалектных текстов показывает, что наиболее востребованной медуница оказалась как съедобное растение: *Шамелу мы ели в голод; Мед**у**нки / в-войн**у** м**ы и**х **е**ли с**и**л'но; В войну траву всяку ели: кислянку, гыгыль, шкирд**у**, шамелу*. В пищу употребляли сочные молодые листья и побеги растения, а также корневища: *Корни варили, ели – долгий корень; бедунки – синие цветочки.*

В говорах Среднего Прииртышья для обозначения медуницы используется ряд фитонимов. Значительную часть составляют диалектные варианты, образованные от корня *мед-*: *мед**у**н, мед**у**нка, мед**у**нька, мед**у**лька, мед**о**нка*. Фонетические варианты *мед**у**нка – бед**у**нка* отражают чередование согласных по способу образования.

Фитонимы *шамел**а**, шемел**а**, шмел**а**, шумел**а*** соотносятся с лексемой *шмель*. В лексеме *барх**о**тник* мотивационным признаком выступает фактура листьев медуницы – приятных на ощупь, бархатистых, покрытых мягким пушком. Ранним временем цветения растения обусловлена номинация *первоцв**е**т*: уже в апреле медуница раскрывает свои сине-фиолетовые цветки.

Примечания

[1] Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-34-01078 / 14 (1).

Библиографический список

Анненков Н.И. Ботанический словарь: Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. СПб., 1878.

Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. Т. 2: Л–Т. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2007. 160 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд. СПб.; М., 1912. Т. 1–4.

Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Ермакова Т.Г. Номинации травянистых растений в говорах Среднего Прииртышья в лексикографическом аспекте // Вестник Омского университета, 2013. № 1. С. 82–84.

Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений / В.А. Меркулова. М.: Наука, 1967. 260 с.

Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1852.

Рогович А.С. Опыт словаря народных названий растений Юго-Западной России, с некоторыми повериями и рассказами о них. Киев: В Университетской типографии, 1874. [4], 56 с. (Записки Юго-Западного отдела ИРГО. Киев, 1874. Т. 1.)

Словарь русский народных говоров / под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. М.–Л., 1966–2007.

Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья / под ред. Г.А. Садретдиновой. Т. I–III. Томск: Изд-во ТГУ, 1992–1993. [СГСрП].

Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: Дополнения / отв. редактор Б.И. Осипов. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. Вып. II. 172 с. [Доп-2].

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1986–1987.

Харламова М.А. Лексикографическая интерпретация оценочной лексики говоров Среднего Прииртышья // Славянская диалектная лексикография: Материалы конференции / отв. ред. С.А. Мызников, О.Н. Крылова, И.В. Бакланова; Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2011. С. 95–97.

Харламова М.А. Что? Где? Когда? О трудностях лексикографа // Вестник Омского университета, 2010. № 1. С. 82–87.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 7-е изд., стереотип. М., 2006.

Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачева. М., 1977. Вып. 4.

T.G. Ermakova
Postgraduate Student of Russian Language,
Slavic and Classical Linguistics Department
Omsk State University

DIALECT NAMES OF LUNGWORT IN THE DIALECTS OF MIDDLE IRTYSH

In the article considered dialect names of lungwort in the dialects of Middle Irtysh. Were identified motivational features that were the basis of the nomination of the plant. Also presented a project of the entry Lungwort for concept-subject dictionary of middle Irtysh dialects.

Key words: dialect names of plants; lungwort; motivational feature; vocabulary entry.

УДК 81’37:81’27

Ерофеева Тамара Ивановна
профессор кафедры теоретического
и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет

ГЛОССАРИЙ ПЕРМСКИХ ЛОКАЛИЗМОВ. СЛОВАРЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ГОРОДА [1]

Исследуются локальные лексические единицы – локализмы, которые не принадлежат русскому литературному языку, однако активно используются как в литературной речи пермяков, так и в речи жителей других регионов. Идея создания Словаря локальных элементов и принципов его описания принадлежит известному диалектологу Ф.Л. Скитовой. Сегодня эта идея воплощается в социолингвистическом глоссарии локализмов, позволяющем описать территориальную и социальную основу локальных вариантов устной литературной речи. В статье демонстрируются типы локальных единиц глоссария: фонематические, словообразовательные, грамматические, собственно лексические.

Ключевые слова: региональная лексика города; локализм; глоссарий; типы локальных единиц.

Сегодня интересы многих лингвистов, в том числе и пермских, обращены не только к описанию той или иной языковой подсистемы, но и к изучению функционирования языка в речевой деятельности пользующихся этим языком людей. Наблюдения за речью образованных лиц, проживающих в городах с диалектным окружением, обнаруживают достаточно заметное воздействие народных говоров на литературную речь города [Ерофеева Т.И. 1979; Ерофеева Е.В. 1997]. Локальные явления оказываются результатом диалога двух языковых систем – литературной и диалектной. На практике изучение локальной вариативности литературного языка связано прежде всего с изучением локальных лексических единиц – локализмов. Это лексемы и лексико-семантические варианты, не принадлежащие кодифицированному русскому литературному языку, однако употребляемые в локально окрашенной литературной речи пермяков либо в речи жителей пермского региона наряду с другими.

Картотека локализмов составляет 12600 карточек. В настоящее время выявлено и лексикологически описано 1000 локальных лексических единиц. Эту работу в течение полувека возглавляла Ф.Л. Скитова, известный диалектолог, тонкий ценитель народного слова. Ей же принадлежала идея создания Словаря локальных элементов, бытующих в литературной

© Ерофеева Т.И., 2014

речи горожан, а также первоначальная разработка принципов его создания [Ерофеева, Скитова 1985].

Сегодня идея создания словаря локальных элементов воплощается в своеобразном социолингвистическом глоссарии локализмов. Глоссарий – свод толкований таких слов (глосс), которые малопонятны (устаревшие, диалектные и т.п.). Форма глоссария позволяет достаточно полно описать территориальную и социальную основу, способствующую образованию локальных вариантов устной литературной речи.

Глоссарий будет включать более 1000 локализмов, как наиболее употребительных, так и редких (используемых по случаю). Способ подачи слов преимущественно алфавитный, в некоторых случаях – словарно-гнездовой (как в словаре В.И. Даля).

Например: **БО᾽РЫ.** Сборки, складки. Это словообразовательно-семантический локализм. Он сопоставим с литературным существительным *сборки*, но отличается от него не только по словообразовательной модели (не имеет префикса и суффикса), но и по семантике, поскольку обозначает и сборки, и складки. Слово **БО᾽РЫ** является ведущим словом большого гнезда. В него входят существительные **БО᾽РИКИ, БО᾽РОЧКИ, БО᾽РКИ** (*уменьш.-ласк.* к боры), глагол **БО᾽РИТЬ** – собирать в сборки, в складки; прилагательное **БО᾽РИСТЫЙ** – собранный в сборки, складки, имеющий много сборок, складок. *Тебе с борами юбку надо? По-моему, прямая лучше* (учит., 45 лет, жен., пос. Октябрьский); *Юбка с бориками* (секретарь-машинистка, 30 лет, г. Березники); *Сейчас в моду вошли рукава с борочками вверху, сильно борят* (филолог, пенс. г. Пермь); *Борки-то у твоей юбки какие славные! Тогда бористые юбки не носили* (пенс., жен., 69 лет, г. Чусовой); *А на Любочке бористая юбочка* (студентка-историк, Кунг. р-н). Все слова этого гнезда используются преимущественно в речи женщин. Но лишь половина информантов отнесла перечисленные слова к активному словарному запасу. Словарями литературного языка эти слова не отмечаются.

Фонетические, словообразовательные и грамматические варианты подаются в одной словарной статье на ведущий вариант. На каждый из других вариантов на соответствующем алфавитном месте приводится отсылочная статья.

Устойчивые сочетания всех типов приводятся на своем алфавитном месте по первому слову.

Особое внимание в глоссарии уделяется разработке словарной статьи, которая дала бы возможность представить в комплексе основные параметры слова как объекта лексикографического описания и как субъекта речевой деятельности, поскольку в языковой способности человека слово живет как сложный комплекс.

В связи с этим словарная статья на локальное слово (или выражение) будет содержать следующие компоненты: заголовочное слово в орфографической записи с обозначением ударения; определение значения слова в форме дефиниции или литературного синонима; грамматические и стилистические пометы; данные словарей, свидетельствующие о локальном характере слова; иллюстративный материал, включающий цитаты из живой обиходной литературной речи, устной публичной речи и произведений художественной литературы, преимущественно уральских писателей; социологические данные, указывающие на среду бытования локализма.

Глоссарий включает локальные единицы следующих типов:

1. Фонематические локализмы. Варианты к общелитературным словам. Их немного. См. словарную статью:

НАРАСТОПА'ШКУ, нареч. образа действия. Нараспашку. *Ясно: сам без фуражки, пальто нарастопашку. Как в песне*.

Наречие *нарастопáшку* в речи значительного числа информантов используется как вполне литературное слово. Оказалось, что некоторым информантам неизвестно литературное разговорное нараспашку – 'в расстегнутом виде'. Ср. высказывание: «*Что? вот уж никогда не думала, что нарастопашку нелитературное. Я и выговорить не могу: нараспашку. Да и ассоциации какие-то другие связываются с этим словом*». В речи пермяков наречие *нарастопашку* используется и в переносном значении – «открыто, ничего не утаивая». *Я нарастопашку живу, секретов никаких нéт.*

2. Словообразовательные локализмы. Их достаточно много. Например: *засóня, сподряд, голодовáть, начистовýю*.

ВЗАД, нареч. В направлении к задней части чего-либо, назад. *Это мы сами конструировали. Отнесли этот бункер взад, и один – вперёд. Компоновка не устраивала* (инж., высш. образ., муж., 45 лет, Оханск); *Взад оглянулась – безвозвратно ушла молодость* (пенс., жен., 62 года, г. Красновишерск); *Отправляйся взад, что ты торчишь на первой парте* (учит. нач. клас., ср. спец., 39 лет, п. Чернушка). Нормативные словарями квалифицируется как «разговорное», толкуется «в обратном направлении, назад», сопровождается указанием, что употребляется оно лишь в сочетаниях: **взад и вперед**, **ни взад ни вперед**. Следовательно, реализующееся в свободных синтаксических сочетаниях пермское *взад* противоречит нормам литературной речи и выступает как словообразовательный локализм.

3. Грамматические локализмы. Напр. *бланка* (лит. бланк), *плацкарт* (лит. плацкарта), *берёсто* (лит. берёста и береста). См. словарные статьи:

БЕРЁСТО, ср.р. Верхний слой коры берёзы. *Мама, куда ты берёсто положила?* (инж., ср. обр., г. Соликамск); *Не могу спокойно смотреть на берёзы, на их ослепительно белое берёсто. Прелесть!* (врач, Ныт-

ва). Форма среднего рода широко бытует в пермских говорах, городском просторечии и нередко фиксируется в речи носителей литературного языка.

БЛА'НКА, ж.р. Бланк. *Возьми бланку из ящика и занеси прокурору* (лит. сотр., г. Кунгур); – *Возьми бланку и заполни. – Да которую бланку-то брать? Их тут много!* (пожилые люди, г. Березники).

ССРЛЯ квалифицирует вариант *бланка* как устаревший [ССРЛЯ: 500].

ПЛАЦКА'РТ, м.р. Плацкарта (из нем. die Platzkarte). В пермской речи это существительное используется в значении «билет на право занимать спальное место при проезде по железной дороге». *Дорога-то неблизкая. Давай, иди и купи уж лучше плацкарт; Купила плацкарт и укатила в Ленинград* (фил., 60 лет, ср. спец.).

4. Собственно лексические локализмы. Их, конечно, много. Например: *калега* – брюква; *вица, вичка* – веник без листьев; *красноголовик* – подосиновик; *синявка* – сыроежка: *Я не слышала, чтобы в уральской среде кто-нибудь называл синявки сыроежками. Везде: от рынка и до самых высоких сфер – все зовут их синявками* (фил., высш., 50 лет).

БУСИ'ТЬ, глаг., несов. Моросить, идти мелкому дождю. *Погляди, дождь бусит* (пенс., жен., 60 лет, Частинский р-н); *Бусить – это когда мелкий дождь идет* (воспит. д/с, ср. спец., г. Кунгур); *Какой мелкий дождь! Так и бусит!* (пенс., филолог, жен., 69 лет, г. Чусовой). Употребляется преимущественно в речи лиц старшего поколения. Используется информантами, имеющими непосредственную связь с диалектами (см. АС, СПГ). В городской речи встречаются и производные от этого собственно лексического локализма, например, **ЗАБУСИ'ТЬ**: *Дождь опять забусил* (жен., 27 лет, Пермская обл.); *Дождик забусил* (агроном, жен., 26 лет, п. Куеда). Достаточно употребителен и другой локализм того же корня **БУСЕНЕ'Ц**. Мелкий моросящий дождь. *На дворе бусенец, за грибами не пойдём, он надолго* (инж., жен., 45 лет, г. Пермь); *Бусенец сеет* (пенс., матем., 62 года, жен., г. Краснокамск).

5. Семантические локализмы. Это слова, бытующие в повседневной речи представителей интеллигенции не только с теми значениями, которые приняты в литературном языке, но и с теми, которые не свойственны литературному употреблению. Среди них много и глаголов, и существительных.

БИ'РКА, произв. *бирочка*. 1. Жетон, выдаваемый в гардеробе взамен верхней одежды, номерок. *В нашем драмтеатре бирки очень большие и тяжелые* (пенс., жен., Пермь); *Мы ходили на кафедру в новом корпусе. Там пальто сдавали в раздевалку. Галя бирку потеряла* (студ., Пермь); *При потере бирки пальто из раздевалки не возвращается* (объявление в муз. училище); *Иди, бирочку сдай – получишь пальто* (библ., г. Кунгур).

2. Талон к врачу. *Утром в поликлинику схожу, возьму бирку к стоматологу* (пенс., г. Чусовой); *Получила я бирку к врачу только на 12 часов* (юрист, г. Чайковский); *Врач принимает по бирочкам или в порядке очереди*? (эконом., г. Нытва).

Локализмы *бирка, бирочка* настолько привычны в пермском регионе, что не воспринимаются как отклонение от нормы в литературной речи. Их употребление фиксируется во всех социально-возрастных группах.

Кроме того, в Глоссарий войдут:

а) лексикализованные фонетические элементы, например: *чё, ничё, да чё, да чё да*;

б) устойчивые сочетания различных типов *век свой* ‘всю жизнь’; *упал назад себя* ‘навзничь’; *пищит да лезет*; *ни в коем разе* ‘ни в коем случае’.

Опыт изучения локализмов показывает, что в настоящее время, когда подчеркивается важность учета регионального компонента в преподавании как в школе, так и в вузе, перед учителем встает сложная задача разрешения диалектического противоречия, заложенного в самой природе локализма. С одной стороны, учитель должен помочь учащимся приобрести навык избегать неоправданного использования в литературной речи локализмов, а с другой – обучить такому умелому их использованию, которое обогащает речь и придает ей неповторимый колорит края [Ерофеева Е.В. и др. 2002].

Рассмотрение лингвистической природы локализма в пределах взаимодействия речи города и деревни весьма перспективно и для других городов, находящихся в диалектном окружении.

Примечания

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ (№ 13-14-59004).

Библиографический список

АС – Словарь говора Акчим Красновишерского района Пермской области / гл. ред. Ф.Л. Скитова. Пермь: Пермский государственный университет, 1984. Вып. 1. А–З. 400 с.

Ерофеева Е.В. Экспериментальное исследование фонетики регионального варианта литературного языка: учебное пособие. Пермь: Изд-во Пермского университета, 1997. 140 с.

Ерофеева Е.В., Ерофеева Т.И., Скитова Ф.Л. Локализмы в литературной речи горожан. Изд. 2-е исправленное и дополненное. Пермь, Пермский государственный университет, 2002. 107 с.

Ерофеева Т.И. Локальная окрашенность литературной разговорной речи: учебное пособие, Пермь: Изд-во Пермского университета, 1979. 91 с.

Ерофеева Т.И., Скитова Ф.Л. Проект словаря локальных элементов, бытующих в литературной речи Пермской области // Живое слово в русской речи Прикамья: межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1985. С. 5–10.

СПГ – Словарь пермских говоров. Пермь: Книжный мир. Вып. 1 (А–Н), 2000, 608 с. Вып. 2 (О–Я), 2002.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. М., Л.: Наука, 1950–1965.

T.I. Erofeeva
Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

GLOSSARY OF PERM LOCALISMS. REGIONAL LEXICON OF THE CITY

The article analyses the local lexical items – localisms. The items are not included in the Russian literary language but are regularly used both in the literary speech of the natives of Perm and in speech of habitants of other regions. The idea of the Dictionary of local items and principles of its description belongs to the well-known dialectologist F.L. Skitova. Today this idea materializes as a sociolinguistics glossary of localisms which allows to describe the territorial and social base of local variants of oral literary speech. The article demonstrates the types of the local items of the glossary: phonemic, derivational, grammatical and properly lexical.

Key words: regional lexicon of the city; lokalism; glossary; types of local units.

УДК 81’27(07)

Жесткова Елена Александровна
доцент кафедры методики дошкольного
и начального образования
АФ ННГУ им. Н.И. Лобачевского
ezhestkova@mail.ru

Филиппова Людмила Владимировна
доцент кафедры методики дошкольного
и начального образования
АФ ННГУ им. Н.И. Лобачевского
lydfil1@rambler.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ

В статье описываются предпосылки, сущность понятия «лингвокультурная компетентность» и содержание методической работы по ее формированию у детей в условиях двуязычия.

Ключевые слова: лингвокультурная компетентность; фразеологические единицы; универсальные учебные действия; межкультурное общение; лексические упражнения.

В поликультурных условиях России обычным явлением стало двуязычие. Специфика функционирования неродного языка состоит в том, что его коммуникативная функция должна обеспечивать межкультурное общение. Последнее должно отвечать такому важному условию, как обеспечение взаимопонимания. Это возможно при формировании у обучаемых лингвокультурологической компетентности. Л.А. Городецкая предлагает следующее определение: «Лингвокультурная компетентность – это та часть культурной компетентности, которая ответственна за коммуникативное поведение личности в рамках данной лингвокультуры, при этом лингвокультурная компетентность есть феномен культуры, а не феномен языка» [Городецкая 2007: 15].

В младшем школьном возрасте при помощи родного и неродного языков осуществляется первичная социализация и культуризация личности, приобщение к культуре двух народов. В связи с этим можно говорить о формировании предпосылок линговокультурной компетентности у детей-билингвов. Л.П. Крысин выделяет уровни овладения вторым языком: 1) собственно-лингвистический: умение строить тексты на данном языке и

© Жесткова Е.А., Филиппова Л.В., 2014

преобразовывать их друг в друга; 2) ситуативный: умение применять языковые знания сообразно с ситуацией; 3) лингвострановедческий: владение национально обусловленной спецификой использования языковых знаков, в частности, владение системой коннотаций, сопровождающих употребление языковых единиц [Крысин 1989: 35].

Стоит особо подчеркнуть важность культурологических исследований и значение лингвокультурологического подхода для разработки учебных материалов по русскому языку как иностранному.

Обучение неродному языку бывает успешным, если оно ведется на материале живой речи. Известно, что во фразеологии национально-культурная специфика языка проявляется наиболее ощутимо. И именно фразеологизмы как выразительные средства языка и речи способны обеспечить не только обогащение словаря детей, но и развитие коммуникативных умений. Знакомство с устойчивыми словосочетаниями вызывает большой интерес к познанию языковых явлений и народной культуре.

Фразеологизмы, или фразеологические обороты, – устойчивые в своем составе, лексически не делимые, воспроизводимые сочетания слов, единство которых создается переосмыслением (целостность значения) [Заскока 2009: 119]. Дифференциальные признаки фразеологизмов: 1) лексическое значение, присущее всему обороту в целом; 2) компонентный состав; 3) наличие в структуре грамматических категорий. От свободного сочетания слов фразеологический оборот отличают следующие признаки: воспроизводимость (фразеологизм не создается в процессе общения, а, как и слово, воспроизводится в виде целостной единицы); целостность значения, которое не зависит от составляющих его элементов (во фразеологическом обороте происходит как бы «переосмысление» словосочетания, в результате процесса десемантизации входящих в него слов образуется новая единица со своим собственным значением); устойчивость состава, постоянство тесно связанных между собой частей (компоненты фразеологического оборота располагаются друг за другом в строго определенном порядке; всякое изменение состава фразеологизма ведет к образованию фразеологического неологизма; в своих связях с составляющими его словами фразеологизм неделим на части, поэтому в предложении он выполняет роль одного из его членов; непроницаемость (большинство фразеологизмов не допускает вставки других слов).

Программа начальных классов предусматривает работу с фразеологическими единицами в практическом ключе, без введения терминов и определений. Учащиеся сталкиваются с ними при чтении басен, стихотворений, рассказов (басни И.А. Крылова и др.). Например, *во весь дух*, *от зари до зари*, *собираться с мыслями*. Опыт работы учителей и методистов показывает, что младшие школьники обычно понимают значение фразео-

логизмов, крылатых слов, но в устной речи используют их очень редко: 3–5 случаев на 1000 слов текста в сочинении.

В начальной школе необходимо методически грамотно построить работу над различными типами фразеологических единиц: осуществлять отбор по темам: быт и жизнь народа, традиционная русская метрическая система, национально-культурная семантика топонимов; фразеологизмы, употребляющиеся в целях создания художественного образа, колорита эпохи. Фразеологизмы, как правило, опираются на иносказание и многозначность слова, его способность выступать в образных значениях. Следовательно, необходимо объяснять фразеологизмы способами замены их синонимами, развернутого объяснения. Примерами синонимичных фразеологизмов могут служить следующие: *взять себя в руки*, *овладеть собой* и т.д. Они раскрывают себя через другое выражение.

На минутках чистописания для списывания можно предложить младшим школьникам фразеологизмы о Родине, России, мире, защитниках Отечества: *Откуда есть пошла земля русская. Трубка мира. Голубь мира. Одним миром мазаны.*

На наш взгляд, будет уместным и задание типа: *Найдите эквивалент известного вам фразеологического оборота в любом другом языке*. А если учесть, что почти в каждом классе обучаются дети разных национальностей, то можно предложить вспомнить пословицы из родного языка и объяснить их значения. Подобные задания формируют личностные универсальные учебные действия (УУД), поскольку способствуют проявлению интереса и уважения к языкам и культуре других народов [Жесткова 2013: 37] .

Изучение фразеологизмов является неотъемлемой частью работы по культуре речи. В последнее время речь детей характеризуется бедностью и однообразием словарного состава, неточным и неуместным употреблением слов, монотонностью, наличием просторечных слов и выражений, жаргонизмов. Ребятам можно предложить составить предложения и тексты с указанным фразеологизмом; подобрать устойчивые сочетания определенной тематики; подобрать к фразеологизмам синонимы, антонимы; дописать фразеологизмы, выбрав нужное слово. Изучение фразеологических единиц в начальных классах оказывает большое влияние на развитие речи, способствует развитию мышления.

Однако освоение таких оборотов нерусскими учащимися часто вызывает определенные трудности, например, в их речи встречаются ошибки, связанные с нарушением структуры фразеологизмов. Они употребляют компонент *как убитый* со словом «лежать» вместо «спать», *как рыба в воде* со словом «молчать» вместо «чувствовать» и т.д. Это связано с тем, что значение многих устойчивых сочетаний усваивается обычно в изоляции от содержания того отрезка речи, в котором они употребляются. По-

этому нужно уделять внимание работе над фразеологизмами, их способности выступать в качестве устойчивой единицы со строго определенными словами: *до корней волос – краснеть*, *из первых рук – узнать* и т.д. Эти синтагмы нужно использовать для составления предложения, небольших самостоятельных высказываний. Только многократное употребление фразеологизмов в контекстном окружении позволит ученикам твердо запомнить их значение и особенности употребления в составе предложения. Для усвоения и закрепления учащимися знаний о фразеологизмах можно использовать такие упражнения.

1. Прочитайте и выберите фразеологизмы, записанные верно: *беречь как зеницу уха, бросать слова на ветер, встать не с той лапы, гнаться за двумя зайцами, язык заговаривать, кот наплакал, покраснеть до кончиков ресниц, держи нос востро.* Исправьте ошибки и запишите получившиеся фразеологизмы.

2. Допишите фразеологизмы, выбрав нужное слово или форму слова. Аргументируйте свой выбор: *С ... нос (мышиный, гулькин). Делать из ... слона (черепахи, мухи). Не в своей ... (кастрюле, тарелке). Держать ... востро (клыки, ухо). Семь пятниц на ... (году, неделе).*

3. Прочитайте и подберите к каждому фразеологизму противоположный ему по значению фразеологизм – антоним: *Повесить голову. Воспрянуть духом. Взять себя в руки. Выйти из себя.*

4. Подберите подходящий по смыслу фразеологизм: *О человеке, который ведет себя как не вполне здоровый, безумный. О том, кто часто меняет свои решения. О человеке, которого трудно заставить поверить во что-либо, убедить в чём-нибудь. О кротком и безобидном человеке.*

5. Распределите фразеологизмы в два столбика, записав в первый столбик состоящие из синонимов, а во второй – из антонимов: *Нет худа без добра, ум за разум заходит, из огня да в полымя, всеми правдами и неправдами, вопрос жизни и смерти, ни сыт, ни голоден, переливать из пустого в порожнее, с больной головы да на здоровую, цел и невредим.*

6. Нарисуйте подсказки к фразеологизмам: *Я волка ужасно боялся, до слёз! Но я разрешил этот сложный вопрос. Как только на празднике волком я стал / – Дрожать как осиновый лист перестал!*

7. Выпишите русские народные пословицы и поговорки, которые содержат фразеологические обороты: *Веселая голова живёт спустя рукава. Ему и беда, что с гуся вода. Мы с ним живём душа в душу. Не криви душой. Здоровью цены нет. Плывет по течению, как полено. Кто весел, а кто и нос повесил. Гляди в оба, да не разбей лба. В здоровом теле – здоровый дух. Потерявши голову, по волосам не плачут. С больной головы да на здоровую.*

8. Замените подчеркнутые в предложениях слова фразеологизмами. Запишите получившиеся предложения: *Учитель объяснял решение задачи,*

но Вася не слушал (считал ворон). Катя узнала, что поездка переносится, и загрустила (повесила нос). Кирилл целый день ничего не делал (бил баклуши).

Данные упражнения используются по мере того, как учащиеся овладевают знаниями и умениями употребления фразеологизмов. Они могут применяться при изучении различных тем на этапах повторения, закрепления и обобщения на уроках русского языка, литературы, развития речи и во внеурочной работе по предмету.

Семантическая разнородность фразеологизмов требует дифференцированного подхода к работе над их значением, различных приемов семантизации.

Толкование фразеологических единиц осуществляется как средствами родного языка (при совпадении объема значений), так и средствами русского языка. Родной язык используется в том случае, если он обеспечивает более экономное и полноценное раскрытие значений эквивалентных фразеологизмов. В остальных случаях для семантизации целесообразно использовать следующие приемы: семантизация с помощью контекста; описательный способ толкования; подбор лексического эквивалента, который может быть выражен одним или несколькими синонимами.

Весьма важно последовательно, кропотливо осуществлять активизацию фразеологизмов в речи учащихся. Все основные виды работ, предусмотренные программой по русскому языку, можно связывать с их усвоением: прослушивание текста; ответы на вопросы, включающие в себя устойчивые словосочетания; устный и письменный пересказ содержания прочитанного с использованием изученных фразеологизмов; самостоятельное конструирование предложений с включением устойчивых словосочетаний; составление рассказа, диалога с опорными фразеологизмами; сочинение по определенной теме с использованием фразеологических оборотов. При подготовке творческих работ следует обращать внимание на стилистическую уместность фразеологизмов, подчеркивать их способность употребляться в различных стилях речи.

Фразеология как раздел школьного курса русского языка содержит в себе огромный образовательный, развивающий и воспитывающий потенциал. Фразеологизмы отражают в своей семантике процесс развития культуры народов, населяющих нашу страну, передают от поколения к поколению культурные стереотипы.

Библиографический список

Городецкая Л.А. Лингвокультурная компетентность личности как культурологическая проблема: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М.: МГУ им. Ломоносова, 2007. С. 15–19.

Жесткова Е.А. Работа над фразеологизмами на уроках русского языка в начальной школе как средство обогащения речи младших школьников // Научный поиск. № 4.1. 2013. С. 36–38.

Заскока С.А. Введение в языкознание: конспект лекций. М.: Приор-издат, 2009. 272 с.

Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 165 с.

E.A. Zhestkova
Associate Professor of Technique of Preschool and Primary Education Department
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Arzamas Branch

L.V. Filippova
Associate Professor of Technique of Preschool and Primary Education Department
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Arzamas Branch

PHRASEOLOGISM AS MEANS OF FORMAITION LINGVOKULTURNUYE COMPETENCE OF BILINGUAL CHILDREN

The paper describes the background, the nature and content of the concept of methodical work on the formation of linguistic-cultural competence of children in a bilingual.

Key words: linguistic and cultural competence; phraseological units; universal learning activities; intercultural communication; vocabulary exercises.

УДК 811.133.1’373

Косович Ольга Васильевна
докторант кафедры французской филологии
Киевский национальный университет им. Т. Шевченко
olgak2270@gmail.com

ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНФИКСОВ *CYBER* И *HYPER* В ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В статье описана продуктивность конфиксов *cyber* и *hyper* в онлайновых масс-медийных ресурсах, подан корпус неолексем с этими элементами, проведена оценка важности механизма неологизации с помощью *cyber* и *hyper*, который действует на всех уровнях языка. Исследование основано на концепции французского лингвиста А. Мартине в отношении таких понятий, как синтема, монема. Показано, что продуктивность конфикса греческого происхождения *cyber* и префикса *hyper* активно наблюдается в сфере информатики, особенно в информационных интернет-ресурсах.

Ключевые слова: конфикс; префикс; *cyber*; *hyper*; синтема; монема; неолексема; неология; инновация.

В исследовании мы опираемся на понятие *синтема*, которое предложено А. Мартине. Ученый определяет синтему как (много) значительную единицу, состоящую из двух или нескольких монем. Он изучает образование некоторых синтем, созданных с помощью деривационных средств на одной основе с помощью *аффиксов* (префиксов и суффиксов), а также две другие формы создания неолексем, которые связаны с *конфиксацией* и представляются следующим образом:

– конфиксированная синтема, созданная с помощью двух конфиксированных монем, т.е. двух монем, которые не являются свободными, например: *bipudes, multilingues*;

– конфиксированная синтема, созданная с помощью одной конфиксированной монемы и другой свободной монемы: *géopolitique, télévision* [Martinet 1998: 262].

А. Мартине подчеркивает, что «создание термина *синтема* было обозначено амбивалентностью термина *слово*, который многие исследователи попытались применить к любой единице с / без флексионного элемента» [Martinet 1999: 113]. Следовательно, нужно рассматривать механизмы неологической креации в рамках этого нового похода.

Используя подход А. Мартине, Шеол-Хун Хонг показал, что деривация является «самым креативным способом в неологии современного французского языка» [Chéol-Hoon Hong 1997: 107], а также, что механизм конфиксации, ввиду греческих и латинских монем, является методом, ко-

© Косович О.В., 2014

торый стал особенно распространенным в научном языке XVIII в. и активизировался в языке современной французской прессы, особенно в начале этого века. Мы считаем, что эти тенденции, характерные для французского языка, содействовали переходу в него данных синтагм, созданных в английском языке, на основе одинакового механизма неологии: например, английские термины *cyberspace – cyberpunk* и *hypertext – hyperlink* были созданы именно благодаря механизмам конфиксации и деривации с помощью монем греческого и латинского происхождения. Сегодня конфикс *cyber* входит в состав неолексемы *cyberespace* со значением *réalité virtuelle* (*виртуальная реальность*). На основе этого значения были созданы многочисленные термины во французском языке, например, *cybérien* – имя прилагательное, созданное от *cyberie*, обозначающее реалии «виртуального мира сетей». Однако ввиду того, что эта виртуальная реальность относится и к области средств информации, и к сети Интернет, данный конфикс используется во французском языке в обеих сферах: *cybermarché, cyberami, cybercommerce*, *cyberpornographie* и т.д. Это относится и к лексеме *cyberbavardage*, предложенной в качестве возможной альтернативы англицизму *chat*. С такой же структурой (конфиксированная монема плюс свободная монема) словарь информатики регистрирует перечень следующих синтем: *cybercafé* – “Vrai bar où il est possible de se connecter à Internet”; *cybermarketing* – “Ensemble de méthodes, analyses, outils et recherche du marketing sur Internet”; *cyberplan* – “Plan d’élaboration, de communication et de promotion d’un site Internet”. Только синтема *cybersex* сохраняет первоначальное значение виртуальной реальности (“un “acte” sexuel, une exhibition... dans un environnement *on line* ou virtuel”).

Продуктивность конфикса послужила причиной того, что монема *cyber* стала свободной и используется как лексический детерминант в форме эпитета, например, в таких синтагмах, как *“culture cyber”*, *“créature cyber”*, *“génération cyber*.

В отношении возможных значений конфикса *cyber* в онлайновых словарях находим следующие интерпретации, связанные: 1) с виртуальной реальностью; 2) с интернет-контекстом или мультимедиа; 3) с кибернетикой или робототехникой.

Ссылка на второе значение является самой многочисленной, хотя само значение встречается только в двух случаях: имя прилагательное *cyberhippie*, т.е. *“qui allie technologies du multimédia et mode de vie hippie”*, и имя существительное женского рода *cyberdescente*, т.е. *“forte impression de glisse éprouvée par un spectateur, engendrée par un écran tridimensionnel et décuplée par une série d’effets spéciaux multimédias”*.

Неосинтемы (особенно те, которые связаны с сетью Интернет) относятся к одушевленным существам и абстрактным понятиям (например, *cyberdémocratie “nouvelle forme de démocratie fondée par une participation*

collective des citoyens qui s'ouvrent davantage aux dialogues interactifs avec le réseau Internet"). В случае создания синтем, которые выходят из значения монемы *cyber-*, мы можем отметить наличие следующих структур:

1) *cyber* + термин, относящийся к области правосудия: *cyberdélinquance*: n. f. "Ensemble des infractions sociales commises sur Internet";

2) *cyber* + термин, относящийся к области развлечений: *cyberfestif* : adj. "Qui se rapporte à la cyberfête";

Предмет: *cyberfeuilleton*: n. m. "Feuilleton diffusé sur une radio accessible sur le réseau Internet".

Место / виртуальное место: *cyberboutique*: n. f. "Site créé sur le réseau Internet pour exposer et vendre des articles de haute couture".

3) *cyber* + термин, относящийся к области войны: *cyberterrorisme* n. m. "Agression des serveurs par des pirates de l'informatique".

4) *cyber* + термин, относящийся к категории человека: *cyberadmirateur*: n. m. "Fan qui manifeste son admiration pour l'artiste sur le réseau Internet";

5) *cyber* + группа слов, созданных на базе *téléphone* или на основе аферезиса *phone*: *cyberphone*: n. m. "Téléphone sur l'Internet".

Обычно во втором значении монемы наблюдаем образования, созданные с помощью апокопы второй монемы: *cyberpro* (*profession*), *cybermanif* (*manifestation*).

Значение, связанное с лексемой *cybernétique*, характеризует отдельные использования конфикса *cyber*:

cyberblatte: n. f. "Blatte qui, connectée à une base par un microprocesseur harnaché à ses antennes et à ses yeux, peut exécuter sur une sphère des tâches simples télécommandées par lechercheur";

cyberlit: n. m. "Lit doté de fonctions robotiques permettant d'accomplir certaines tâches de façon automatique";

cybermaison: n. f. "Maison cybernétique où tout (portes, fenêtres, réfrigérateurs, autres appareils, etc.) est relié à l'informatique [...]";

cyberpapillon: n. m. "Petit robot conçu comme un papillon, destiné a évoluer en orbite autour de la Terre et permettant d'assurer les relais des transmissions entre grands satellites".

Подчеркнем также тот факт, что в области прессы *cyber* входит и в образования следующих словосочетаний: *bague cybermagique*, *cyberidées reçues*. Существует два «игровых» использования конфикса, что следует из трансформации известного выражения ("la bague/baguette magique"; les "idées reçues") в неожиданное, случайное, окказиональное словосочетание ("bague *cybermagique*"; "*cyberidées* reçues") [La Banque des mot 1997: 25–38].

Префикс греческого происхождения *hyper* впервые возник в области информатики – синтемы *hypertexte* и *hyperlien*, переведенные с английского языка *hypertext* и *hyperlink*. Присутствие в структуре английских синтем префикса греческого происхождения *(hyper)* и двух свободных монем романского происхождения *text* и *link* способствовало принятию данного англицизма. Термин *hypertexte* является французской калькой английского неологизма. В сфере информатики он обозначает систему ссылок, которые позволяют перейти непосредственно от одной части одного документа к другой части, или от одного документа к другим документам. В этом значении внутри любого текста *hypertexte* является ссылкой, полученной через любой линк (фр. *lien*, англ. *link*), перемещение в киберпространстве (виртуальной реальности), т.е. в другую зону текста. Связь между двумя частями текста становится *un hyper-hyperlien*. Таким образом, *hypertexte* метафорически обозначает сам текст, в котором присутствуют *hyperliens*, являющиеся физически ключевыми фразами или картинками, на них нужно нажать, чтобы перейти в другую зону текста. *Hyperliens* как гипонимы лексем *hypertextes* обычно принято рассматривать через аналогичный механизм [La Banque des mots 1997: 43].

В синтемах *hypertexte – hyperlien* привлекает внимание новое, связанное с перемещением в киберпространстве значение префикса, которое делает возможным создание неологизмов. Словарь *Jargon français* регистрирует, например, новообразование *hypertoile*, а также синоним *web*, редко используемый. По нашему мнению, нужно указать два статуса, касающиеся нового значения *hyper*:

1) префикс больше не может рассматриваться в оппозиции к префиксу греческого происхождения *hyp(o)*, с которым он составлял антонимичную пару как префикс интенсивности начиная с XVI в.;

2) *hyper* приобретает все больше коннотаций, а значит, может находиться в конфиксах, используемых в информатике (*info*, но особенно *cyber*), это способствует тому, что неосинтемы получают позитивное значение, связанное с киберпространством и с виртуальной реальностью.

La Banque des mots регистрирует прежде всего четыре случая неолексем, связанных со значением интенсивности префикса:

1) значение интенсивности префикса *hyper*:

hyperféminité: (biologie), n. f. “Féminité extrême où l’on trouve d’un côté la rondeur associée à la fertilité, de l’autre la carrure protectrice associée à l’appartenance à un milieu social”; *hyperviolence*: (sociologie), n. f. “Violence extrême”.

Префикс продуктивен в области информатики благодаря значению, которое «деривируется» с его использованием в лексеме *hypertexte*, связанной с перемещением в пространстве. Вместе с тем, по нашему мнению, большинство новых терминов в информатике имеют разные значения по

отношению к значению пространственного перемещения, что предусматривает *hypertexte*. В действительности значение префикса постепенно переходит от пространственного отношения между двумя пунктами киберпространства к отношению взаимодействия, связанному с пространством. Приведем несколько неологизмов, зафиксированных в последнее десятилетие:

2) значение пространственного перемещения (отношения между двумя терминами киберпространства):

hyperfiche: n. f. “Fiche d’un document informatisé comportant des informations par thème, elles-mêmes connectées à d’autres informations du fichier par des liens hypertextes”;

3) значение взаимодействия:

hypervidéo: n. m. “Procédé fondé sur le principe de l’interactivité et l’exploitation des hyperliens, permettant à l’utilisateur de naviguer dans un espace conçu à l’image d’un café”;

hypercafé: n. m. “Dans un logiciel, milieu conçu pour représenter un café où se déroulent des conversations et des scènes de la vie quotidienne, destiné à un utilisateur qui souhaite naviguer dans cet espace virtuel sur un écran d’ordinateur grâce aux modes interactifs”;

hyperson: n. m. “Procédé qui s’appuie sur le son et qui vise à l’améliorer grâce à l’interactivité des logiciels multimédias”.

Рассматривая неолексемы *hypervideo*, *hypercafé* и *hyperson*, мы видим наличие третьего значения префикса, который сегодня не является достаточно исследованным, зато начинает быть особенно активным и продуктивным в образовании инноваций.

Таким образом, новая продуктивность конфикса греческого происхождения *cyber* и префикса *hyper* наблюдается в области информатики, особенно в информационных интернет-ресурсах. Такое использование вводится в английский язык с неологизмами, созданными с помощью конфиксации и деривации через участие этих двух монем. Тот факт, что механизмы неологии на основе монем греческого и латинского происхождения также существуют во французском языке, способствует переходу английских неологизмов во французский язык в форме кальки. Конфикс *cyber* и префикс *hyper* присутствуют таким образом во французском языке для создания новых образований на основе значений, полученных в области Интернета и новых технологий.

Библиографический список

Chéol-Hoon Hong. Tendances de la néologie par dérivation et par formation au moyen d'éléments gréco-latins // La Linguistique. Vol. 33, fasc. 2/1997. p. 107.

La Banque des mots. 1997. n. 54. p. 3, 4.

Le Dictionnaire bilingue de l'informatique (français-anglais) de Robert Cormier // URL: http://wwli.com/translation/netglos/netglos.html. (Дата обращения: 07.03.2014.)

Le Dictionnaire du nouveau vocabulaire de Vicnet // URL: http://www.multimania.com/ici/dico/dico.html. (Дата обращения: 13.03.2014.)

Le Glossaire informatique des termes de la Commission ministérielle de terminologie informatique (CMTI), rédigé par Philippe Deschamp // URL: http://www-rocq.inria.fr/~deschamp/www/CMTI/glossaire.html. (Дата обращения: 13.03.2014.)

Le Dico de l'informatique d'Éric Goguey // URL: http://www.dicofr.com. (Дата обращения: 31.03.2014.)

Le Dico du Net: http://www.outilnet.com/dico. (Дата обращения: 30.03.2014.)

Le Jargon français de Roland Trique // URL: http://www.linux-france.org/prj/jargonf/. (Дата обращения: 31.03.2014.)

Le Lexique des néologismes Internet, de Guy Brand et Jean-Pierre Kuypers // URL: http://www.mediaport.net/HumainsAssocies/Lexique/Lexique.html. (Дата обращения: 30.03.2014.)

Martinet A. Grammaire fonctionnelle du français. Paris, Didier, 1998. 276 p.

Martinet A. Le synthème // La Linguistique. Vol. 35. PUF, 1999. pp. 11–16.

Martinet A. Eléments de linguistique générale Paris. Armand Colin. 2003. 221 p.

Mitterand H. Les mots français. Que sais-je. P.U.F., 1996. 128 p.

O.V. Kosovych
Doctoral Candidate of French Filology Department
Taras Shevchenko National University of Kyiv

DERIVATIONAL CAPACITY OF CONFIXES *CYBER* AND *HYPER* IN INNOVATION PROCESSES OF FRENCH LANGUAGE

The article deals with productivity of confixes *cyber* and *hyper* in on-line mass-media resources, the list of neolexemes with these elements is presented, the evaluation of neologization mechanism (with *cyber* and *hyper*) importance is carried out, this mechanism is acting on all levels of language. The Martinet's conception regarding synteme, moneme notions is the base of the research. In the article we demonstrate the productivity of confixe *cyber* (Grecian origin) and prefixe *hyper* is very high in the sphere of informatics and especially in informational Internet resources.

Key words: confixe; prefixe; *cyber*; *hyper*; synteme; moneme; neolexeme; neology; innovation.

УДК 81’27

Маштакова Екатерина Игоревна
аспирант кафедры теоретического
и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
astra.kate@bk.ru

СУБКУЛЬТУРА ЭКСТРЕМАЛОВ

В данной статье субкультура экстремалов рассматривается с точки зрения социологического подхода. Субкультура характеризуется по таким признакам, как наличие специфической картины мира, собственного языка, ценностей, стиля и образа жизни, социальных ролей, потребностей и склонностей. Каждый признак иллюстрируется примерами из живой речи.

Ключевые слова: культура городского пространства; субкультура; признаки субкультуры; экстрим.

Человеческое общество неоднородно: люди объединяются в социальные группы по территориальному, национальному, религиозному, половозрастному и другим признакам. Культура играет ключевую роль в этом процессе, поскольку «выражает глубину и неизмеримость человеческого бытия. В той мере, в какой неисчерпаем и разнолик человек, многогранна и культура» [Гуревич 2003: 32].

На сегодняшний день существует около тысячи определений термина *культура*, поскольку «каждый исследователь обращает внимание на одну из её сторон <…> и подходит к изучению культуры со своими методами и способами» [там же].

Философское понимание культуры является наиболее обобщённым: это общий и принятый всеми способ мышления (К. Юнг), процесс прогрессирующего самоосвобождения человека (Э. Кассирер), то, что отличает человека от животных (В.Ф. Оствальд).

В рамках антропологического подхода культура – это «язык, верования, эстетические вкусы, знания, профессиональное мастерство и всякого рода обычаи» [Рэдклифф-Браун 2001: 12]. Иными словами, это система знаний, унаследованных членами данного общества и проявляющихся в поведении человека. Данная система хранится в символах и артефактах, поэтому основная задача антропологов – расшифровать их и выделить культурные универсалии, характерные для всех времен и народов, «восстановить полноту жизненной реальности прошлой культуры, исходя из частичных свидетельств, которые дают материальные следы» [Малинов-

© Маштакова Е.И., 2014

ский 1983: 116].

Социологический подход к исследованию культуры раскрывает социальные связи и закономерности ее функционирования в обществе. Культура в русле социологии – понятие коллективное и в то же время детерминирующее, она выступает как программа социальной памяти и наследия общности, как способ социализации и самоопределения. Культура – «это система регулирующих механизмов, включающая планы, рецепты, правила, инструкции… которые служат для управления поведением» [Гирц 1973: 44–45]. Культура «организует человеческую жизнь. В жизни людей культура в значительной мере осуществляет ту же функцию, которую в жизни животных выполняет генетически запрограммированное поведение» [Смелзер 1998: 42]. «Концепция культуры необходимо вызвана к жизни самой пластичностью человеческого существа» [Клакхон 1967: 22].

Наша работа выполнена в русле работ по изучению культуры городского пространства. На формирование культуры города влияет масса факторов: географическое и геополитическое положение, численность населения, размеры, характер градообразующих предприятий, разнообразие состава городского населения, наличие всевозможных учреждений досуга, доступ к глобальной сети. Возможности города предоставляют богатую почву для самореализации.

Неоднородность культуры, ставшая очевидной в урбанизированном обществе, породила понятие субкультуры. Субкультура формируется «в рамках более общей системы, определяющей основу данной цивилизации и целостность данного социума… и ориентированной на постоянный диалог с ней» [Щепанская 2003]. Поначалу все, что выходит за пределы элитарной культуры, лишалось культурного статуса, но с течением времени понятие *субкультура* стало использоваться для определения подсистемы культуры.

Принадлежность к субкультуре – один из возможных культурных выборов. «Каждая субкультура включает набор правил, позволяющих принимать решение по поводу всего, что может быть выбрано – подходит это для них или нет, а если нет ни одного удовлетворительного варианта – изобретать что-то свое» [Соколов 1999: 23]. Это отличает субкультуру от культуры, говорить о выборе которой «невозможно: приобщение к ней начинается без согласия ребенка» [Соколов 1999: 23].

Для определения культурного статуса сообщества экстремалов необходимо провести его анализ по основным признакам, наличие которых у социальной группы указывает, по мнению Н.Н. Слюсаревского, на полноценность соответствующей субкультуры. Эти признаки: язык, ценности, стиль и образ жизни, социальные роли и статусы, социальные институты, процедурное знание, потребности, склонности. Иными словами, субкультура – это картина мира, общая для определенной группы людей.

Каждая субкультура обладает собственным языком (социолектом). Несамостоятельность, которую Е.В. Ерофеева выделяет в качестве одного из признаков социолекта (см. подробнее [Ерофеева Е.В. 2005]), проявляется в гетерогенном характере жаргона экстремалов. Он вбирает в себя элементы из следующих лексических систем:

1. общеупотребительная лексика (*радуга* ‘фигура для джиббинга’, *щёлкать* ‘производить характерный звук путем удара сноубордом/скейтбордом о фигуру’);
2. молодежный жаргон (*шматка* ‘падение’, *сделать* ‘победить’, *калить* ‘раздражать’);
3. спортивный жаргон (*выкидушка* ‘трамплин’), в том числе заимствования из английского спортивного жаргона (*джиббинг* ‘прыжки, скольжение и передвижение по специально подготовленным фигурам из металла, дерева или пластика или по элементам городской архитектуры’, *спот* ‘место для катания’, *паудер* ‘рыхлый снег’, *кикер* ‘невысокий трамплин перед фигурой для джиббинга’).

Процесс адаптации лексем из других систем языка детерминирован рядом био-, психо- и социологических факторов (страт), присущих носителям социолекта. Говоря о представителях субкультуры экстремалов, можем выделить следующие страты: возраст, гендер, потребность в занятиях экстремальными видами спорта, способствующих выработке адреналина. Экстремал – молодой человек, который прогрессирует в одном или нескольких экстремальных видах спорта (сноубординг, скейтбординг, роллерблейдинг и пр.); под прогрессом мы понимаем умение и совершенствование в исполнении трюков различной степени сложности. Экстрим проникает во все сферы жизни человека и не может не находить отражение в языке.

Процитируем слова экстремала, описывающего свой день (юноша, 24 года, 15 лет занимается сноубордингом, с 14 лет катается на скейтборде): *Нормально сегодня катнул на Бетоне, играли с Панкухой в школу, он начал кикфлипом, потом нолликикфлип, 360флип – всё чисто! Из этого я повторил кикфлип, нолликикфлип. На четвёртом трюке он расчесался, и ход перешёл ко мне. Я начинаю с попшовит, хилфлип, фэйки кэб, тоже шматку поймал на последнем. В итоге я пропарил 5:4, не расстроился, пошли с Олдскульщиком в стрите гонять.*

В тексте содержатся профессионализмы – лексемы, «характерные для людей какой-либо профессии» [Ефремова 2000: 741] и профессиональные жаргонизмы – «слово или выражение, свойственное речи представителей той или иной профессии или сферы деятельности и обычно выступающие как просторечные (иногда эмоционально окрашенные) эквиваленты терминов» [Жукова 2013: 334]. К профессионализмам относятся названия экстремальных трюков (*кикфлип*, *нолликикфлип*, *360флип*, *по-*

пшовит, *хилфлип*, *фэйки кэб*), которые в огромном количестве заимствованы из социолекта англоязычных экстремалов и не поддаются расшифровке без наличия соответствующих знаний (что указывает на социальную ограниченность и необщепонятность социолекта).

К профессиональным жаргонизмам относятся такие лексемы, как *расчесаться* ‘упасть’, *шматку словить* ‘упасть’, *пропарить* ‘проиграть’, *гонять/катать* – ‘кататься на экстремальном снаряде’.

Текст содержит локативы (*на Бетоне* ‘в экстрим-парке’, *в стрите* ‘по городу’) и антропонимы – прозвища, мотивированные стилем катания экстремалов (*Панкуха*, *Олдскульщик*). Наличие собственной ономастической системы, в которую входят групповые и индивидуальные прозвища (*Закамычи* ‘скейтбордисты из Закамска’, *Панкуха*, *Олдскульщик*), названия горнолыжных баз и городских мест для катания (*Жабы*, *Жабры* ‘Жебреи’, *Такманка* ‘Такман’, *Говново*, *Гамовер* ‘Гамово’, *на бетоне* ‘в экстрим-парке’, *в стрите* ‘по городу’, *на девять-два* ‘около гимназии №4’, *на драме*, *на фонтане* ‘около Драмтеатра’, *на КДЦ* ‘напротив культурно-делового центра’), подтверждает статус языка экстремалов как социолекта.

Образ жизни экстремала отличается от образа жизни профессионального спортсмена. Профессиональный спорт – это здоровое питание, отказ от вредных привычек, жесткий распорядок дня, система тренировок и пр., но для экстремала катание – это не профессия и не повод к самоограничению, а *путь для познания себя*, *«нереальный фан»*, *саморазвитие*.

Экстремалы практикуются в специально отведенных для этого местах (горнолыжные комплексы – Жебреи, Гамово, Такманаиха, Абзаково и пр.); частое употребление топонимов приводит к их трансформации в потоке речи. Таким образом, зимой можно съездить в *Жабры/Жабы*, *Говново/Гамовер*, *Такманку*, *Абзачку*, а летом покататься за лебедкой *на Жабьем пруду* (Мотовилихинский пруд) или посетить *Парк/Бетон* (Экстрим-парк) – единственный в России бетонный скейт-парк. Распространено и катание *в стрите* – на улицах города, чьи архитектурные объекты (периллы, лестницы, бордюры и ограды) в представлении экстремалов являются отличными *спотами* ‘местами для катания’.

Первый снег, открытие и закрытие сезона, всемирный день скейтбординга, проведение соревнований в течение сезона – все эти события сопровождаются шумными и веселыми вечеринками. *Есть какие-то вписки, вечеринки, там девочки и мальчики присутствуют, выпивают, дым пускают, жарят сосиски и не только*. Экстремалы любят и ценят общение; многие из них предпочитают кататься парами или группами, что является дополнительным стимулом к прогрессу. *Очень много фана, очень много веселья на склоне, там все мои друзья.* Среди экстремалов встречаются *досочники* (скейтбордисты и сноубордисты), *бордеры* (сноуборди-

сты), *роллеры* (экстремалы, занимающиеся роллерблейдингом), *ньюскулеры* (англ. new school – приверженцы горнолыжного фристайла).

Для обозначения снарядов и экипировки используются единицы *снаряга* ‘снаряжение’, *доска* ‘скейтборд/сноуборд’, *фанера* ‘сноуборд’, *роллы* ‘агрессивные ролики’, *крепы* ‘крепления’, *термуха* ‘термобелье’... Наличие и качество снарядов (а также необходимой защиты) предопределяет прогресс в овладении экстремальным спортом и снижает риск получения увечий. *Бордшопы* Перми (англ. *boardshop* – специализированный магазин экстремального снаряжения) предоставляют широкий ассортимент *катального стаффа* ‘снаряжения’, а также одежды и обуви от ведущих мировых производителей. *В межсезонку самое то закупать новый стаффчик. Надо пройтись по бордшопам, мне нынче термуха нужна и боты новые.*

Экстремалы готовы ежедневно *взрывать пухляк* ‘кататься на сноуборде/горных лыжах по свежевыпавшему снегу’, *ставить трюки* ‘оттачивать мастерство в исполнении трюка’, снимать *видосики* ‘видео’ или просто *залипать* ‘проводить время’ в скейт-парке.

Шматки, *уборки* и *размотки* неизбежны при занятии экстремальными видами спорта, но это не способно вытеснить в сознании экстремала стремление к ежедневной выработке адреналина и получении *фана* (англ. *fun* – веселье, развлечение), что составляет ядро идеальных ценностей.

Для экстремала важен прогресс в катании. Каждый райдер начинает свой путь со статуса новичка, которому предстоит многое освоить. Наличие определенных способностей, совершенствование навыков, победа в различных соревнованиях – все это повышает уровень катания райдера и дает возможность дорасти до статуса *прорайдера* (англ. *prorider*) – профессионального спортсмена, получающего поддержку от различных спонсоров.

Постройка бетонного скейт-парка повлекла за собой серьезный прогресс в катании пермских экстремалов и, как следствие, призовые места на всероссийских соревнованиях; появление сноубординга в качестве самостоятельной дисциплины на зимних Олимпийских играх в Сочи вывело экстрим на новый уровень.

Учитывая все вышесказанное, мы можем сделать вывод: пермское сообщество экстремалов – одна из самых прогрессивных и динамично развивающихся субкультур г. Перми, а социолект экстремалов представляет лингвистическую ценность и требует фиксации и изучения.

Библиографический список

Гуревич П.С. Культурология. М.: Проект, 2003. 336 с.

Ерофеева Е.В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 320 с.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. 1233 с.

Жукова И.Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович; под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 632 с.

Малиновский Б. Научная теория культуры // Вопросы философии. 1983. № 2. С. 120.

Рэдклифф-Браун А.С. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М.: Восточная литература, 2001. 304 с.

Слюсаревский Н.Н. Субкультура как объект исследования // Социология: теория, методы, маркетинг, 2002. С. 117–127.

Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М.: Феникс, 1998. 688 с.

Соколов М.М. Субкультурное изменение социальных движений: когнитивный подход // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга / под ред. В.В. Костюшева. СПб.: Норма, 1999. С. 9–23.

Щепанская А.Д. Традиции городских субкультур // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. 361 с.

E. I. Mashtakova
Post-graduate Student of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

EXTREME SPORTS SUBCULTURE

The article is concerned with the extreme sports subculture and its indications (view of the world, specific language, cultural values, lifestyle, characters, demands and tendencys). This indications are illustrated by examples of informal conversation.

Key words: city culture; subculture; indications of subculture; extreme.

УДК 81’42:791.43.05

Муринова Мария Николаевна
аспирант кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
murinova_murr@mail.ru

Данилевская Наталия Васильевна
профессор кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
danil6@mail.ru

ВОЗДЕЙСТВУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ТЕКСТАХ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО [1]

В статье рассматриваются вербальные тексты как значимая часть поликодового пространства документального кино. Анализу подвергаются отечественные неигровые фильмы с общей тематикой «обзор исторических событий с точки зрения современной России». Выявляются и описываются наиболее яркие языковые способы выражения ключевых смыслов конкретного фильма и оценочная позиция его автора. Утверждается, что метафора, олицетворение, сравнение, эпитет выступают в кинематографических текстах как вербальные инструменты воздействия на сознание адресата, иначе – как эффективный способ формирования «нужного» общественного мнения.

Ключевые слова: документальное кино; речевое воздействие; авторская позиция; средства речевой выразительности.

В связи с ростом общественного интереса к документальному кино и его социальной направленностью возникает настоятельная необходимость изучения особенностей текстов этого типа. Документальная медиапродукция разных жанров, прочно закрепившись на телевидении, выходит в последнее время за его пределы: становится популярной в интернет-ресурсах, демонстрируется на экранах кинотеатров в рамках многочисленных фестивалей. Именно документальные фильмы, наряду с информационным вещанием, зритель готов воспринимать как объективное отражение современной реальности, что делает их частью системы средств массовой информации. Поэтому на первый план в документальном кинематографе выходит воздействующая функция: формирование общественного мнения, идеологическая пропаганда, агитация.

Исследователи обращают внимание на тот факт, что в вопросах «воздействия на сознание» едва ли не главенствующая роль принадлежит рече-

© Муринова М.Н., Данилевская Н.В., 2014

вой форме подачи информации. Это делает проблему речевого воздействия в средствах массовой информации одной из наиболее актуальных.

Под речевым воздействием понимают речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности, планируемой эффективности [Иссерс 2011: 20].

В связи с ростом значимости телевидения в современной жизни и увеличением в последние годы документальных фильмов разного рода и на разных телеканалах необходимо признать, что документальное кино, во-первых, приобретает «вторую жизнь»; во-вторых, становится все более популярным, что объясняется высоким спросом общества на социально значимую (политическую, историческую, культурную, научную и др.) информацию; в-третьих, постепенно «наращивает» способность воздействовать на массовое сознание, т.е. становится одним из эффективных инструментов формирования общественного мнения. Поэтому сегодня можно говорить о значительном влиянии документального (неигрового) кино на интеллектуальное и морально-нравственное состояние социума.

В настоящей статье представлены результаты анализа текстов российского неигрового кино, с акцентом на выявлении выразительных средств языка в аспекте речевого воздействия. С помощью метода сплошной выборки для исследования были взяты тексты отечественных неигровых фильмов общей тематики, а именно ***обзоры исторических событий*** с точки зрения современной России. Данный жанр, по мнению Л.Н. Джулай, всегда воспринимался как «визуальная визитка страны, ее представительское лицо» [Джулай 2011: 140]. Обзоры исторических событий позволяют суммировать достигнутое, констатировать положительное и отрицательное и являются инструментом для формирования общественного мнения о правильности или неудачах проводимой политики и принимаемых правительством решений.

Безусловно, авторская позиция в документальных фильмах выражена с помощью образного и звукового рядов, а также приема отбора определенных фактов, но и стилистические средства, в частности выразительные средства языка, играют большую роль в формировании нужной зрительской оценки подаваемой информации.

К выразительным средствам языка прежде всего относят тропы – намеренные отклонения от речевого стандарта. В статье мы рассмотрим некоторые особенности функционирования в текстах документальных обзоров таких средств выразительности, как метафора, сравнение и эпитет.

Под **метафорой** понимается механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений, для характеризации или наименования объекта, входящего в другой класс, либо для наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении [Гарипов 2009: 5]. Важным свойством метафоры яв-

ляется ее способность влиять на видение ситуации. Например: ***Приданое,*** *полученное Путиным, могло свести с ума и согнуть любого. Как вернуть страну? Как помочь ей выйти* ***из клинической смерти без шокотерапии****, которая может окончательно угробить ее?* (к/ф «Мост над бездной». Реж. А. Иванкин, 2012).

Сравнение с приданым указывает нам, что президентство Путина началось в не самые благополучные времена, и в этом нет его вины. Сложная политическая ситуация сложилась в результате действий его предшественников. Однако он справился, и, в данном случае, президент представлен в образе героя-спасителя в почти безвыходной ситуации.

Олицетворение, как разновидность метафоры, также активно употребляется в рассматриваемых текстах. Ср.: *В 2008 году он* [кризис. – *М.М.*] ***взрывает*** *крупнейшие мировые экономики и* ***погружает в затяжную агонию*** *тех, кто слабее* (к/ф «Кризис 2008: Спасти Россию». Реж. Д. Зинченков, 2012).

Таким образом, авторы не акцентируют внимание на ответственности кого-либо за происходящее. Кризис рассматривается как самостоятельное явление, несущее угрозу. Серьезность угрозы подчеркнута метафорами.

В отдельных случаях используется не одна метафора, а целый комплекс однотипных метафорических употреблений. Так, в фильме «Мост над бездной» управление страной отождествляется с процессом управления транспортным средством. Преемственность власти выглядит следующим образом: *Сначала Гобачев* ***пустил огромную страну под названием СССР ко дну, хотя она могла ещё плыть и плыть****, затем Ельцин* ***тащил российский корабль неведомо куда, пока не натолкнулся на дефолт****, и, наконец, Путин вывел экономику* ***из состояния неуправляемого пике; и все эти годы командиру экипажа приходилось выполнять фигуры высшего пилотажа****.*

Здесь с помощью метафоричности изложения явно акцентируется высокая оценка В.В. Путина как управленца, умеющего выходить из экстремальных ситуаций, а также противопоставленность настоящего президента предшествующим, положительно выделяющегося, по мнению авторов фильма, на их фоне.

Можно заметить, что приведенные примеры представляют метафоры, построенные не на очевидном тождестве, а скорее на субъективном авторском приравнивании. В данном случае метафора именно создает, а не выражает сходство [Блэк 1990: 162]. Именно это свойство и делает метафору эффективным инструментом для создания новых смыслов и неявного воздействия на адресата.

Еще одно выразительное средство – **сравнение**. Сравнение указывает на подобие одного предмета другому, и, как правило, содержит мотивацию этого уподобления. Использование сравнения позволяет автору ак-

центировать внимание на определенном признаке явления. Например: *Внешняя политика чем-то похожа на айсберг. Лишь седьмая его часть возвышается над водой – красивая, белоснежная, сияющая. Это рукопожатия, объятия, улыбки фотосессии. А под водой все бурлит и кипит – там борьба, споры, схватки, интриги и подковерные игры* (к/ф «Холодная политика». Реж. Т. Арнштейн, 2012).

Для описания политической обстановки авторы нередко прибегают к сравнению современной ситуации с событиями прошлого: *Вопросы решались почти так же, как во времена отца народов: нет человека – нет проблемы. Он почувствовал – власть в стране надо брать немедленно, и сгреб ее в охапку, как большевики в семнадцатом году* (к/ф «Мост над бездной». Реж. А. Иванкин, 2012).

Приведенные примеры – апелляция к событиям, ранее имевшим место в истории и носящим негативный оттенок в сознании большинства носителей языка. Таким образом, автор переносит отрицательную оценку действий одних правителей на действия других.

Также для выражения оценки путем подчеркивания определенного признака, важного для предмета или явления, служат **эпитеты** – разновидность определения экспрессивного или переносного характера. Так, например, Россия до президентства В. Путина номинируется в тексте как *слабая страна, измученная Россия* – и как *огромная и великая страна* под его руководством. Выбор определения, по сути, является операцией, в результате которой происходит воздействие на модель мира адресата [Иссерс 2011: 173].

Таким образом, мы видим, что использование стилистических приемов при подаче информации в документальных фильмах-обзорах оказывает влияние на точку зрения адресата, склоняя его к определенным оценкам явлений и ситуаций, а также акцентируя внимание на важных для автора моментах, что способствует трансформации представлений зрителя об описываемых явлениях.

Примечания

[1]Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-04-00575а.

Библиографический список

Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 153–173.

Гарипов Р.К. Метафоризация и текст. Уфа: Изд-во БГПУ, 2009. 198 с.

Джулай Л.Н. Документальный иллюзион: Отечественный кинодокументализм – опыты социального творчества. М.: Материк, 2005. 240 с.

Иссерс О.С. Речевое воздействие: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.

M.N. Murinova
Postgraduate student of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

N.V. Danilevskaya
Professor of of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

AFFECTING THE FUNCTION OF MEANS OF EXPRESSION IN THE TEXTS OF DOCUMENTARY FILM

The article deals with verbal texts as knowledge-CIMA part politologe space documentary. The analysis focuses on the domestic non-fiction films with the theme "review of historical events from the point of view of modern Russia". Identifies and describes the most striking linguistic means of expression of the key meanings of a particular movie and the estimated position of its author. It is argued that metaphor, personification, comparison, epithet act of cinematic texts as verbal tools to influence the consciousness of the recipient, otherwise as an effective way of creating the "right" of public opinion.

Key words: documentary film; sound effect; author's position; means of verbal expression.

УДК 811. 111’42

Недайнова Ирина Васильевна
доцент кафедры теории и практики перевода
Луганский национальный университет
им. Тараса Шевченко, Украина
nedafox@gmail.com

КОНЦЕПТ *АНТИГЛОБАЛИЗМ* В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

В статье антиглобализм определяется как мегаконцепт, в структуре которого четко обозначаются другие концепты, представляющие стереотипный образ антиглобализма как объекта картины мира. Рассматриваемые субъекты антиглобализации руководствуются определенными идейно-ценностными установками по отношению к ее объектам. Данная структурная модель строится на анализе дискурсов, которые вербализуют антиглобализационную деятельность и помогают участнику событий ориентироваться в обозначенном концептуальном пространстве.

Ключевые слова: концепт; дискурс; глобализация; антиглобализация; ценностная составляющая; образно-перцептивный и понятийный компоненты; объекты антиглобализации; субъекты антиглобализации.

Изменение ценностных ориентаций мирового сообщества в конце XX столетия привело к появлению новых социальных структур, которые формировали собственное видение глобальных процессов и способствовали распространению альтернативных взглядов на развитие общества. Ключевым посылом этих альтернатив служило понимание глобализации как процесса, в сути которого заложен капиталистический принцип отношений международного сотрудничества. Естественным для антиглобалистски настроенных течений и организаций становится сегмент негативного отношения к глобализации как к политической идеологии, затрагивающей все сферы современной жизни.

Антиглобалистская тематика – относительно новая для концептуальной лингвистики проблема. Именно поэтому нам представляется актуальным обращение к проблеме антиглобализма как лингвоконцептуального явления. Цели нашего исследования в данном случае связаны с выявлением основ формирования антиглобализма как концепта в современной картине мира и анализом средств, с помощью которых данный концепт находит свою реализацию в англоязычном дискурсном пространстве.

В основе этого исследования лежат теории антиглобализации Д.Ф. Эриксон [Эриксон 2002], А.О. Кузнецова [Кузнецов 2008], Б.В. Мегорского [Мегорский 2003], Ч. Морса [Morse 2003], А. Старра [Starr 2001], а также теории описания концептосферы как упорядоченной совокупности концептов, информационной базы человеческого мышления

© Недайнова И.В., 2014

(Р. Джекендофф [Jackendoff 2011], В.И. Карасик [Карасик 2004], М.В. Никитин [Никитин 2004], Г.Г. Слышкин [Слышкин 2004], Ю.С. Степанов [Степанов 1997]).

В анализе концепта АНТИГЛОБАЛИЗМ мы опираемся на когнитивные основы его формирования как на базис продуцирования высказывания в системе отображения явлений языком. Таким образом, рассматривая концептуальную картину антиглобализма как феномена современной картины мира, мы учитываем тот факт, что в процессе познания этого явления формируется определенная система, а не происходит простое отображение фактов действительности.

В ходе исследования АНТИГЛОБАЛИЗМ определился как мегаконцепт, в структуре которого четко обозначились другие концепты, представляющие стереотипный образ антиглобализма как объекта картины мира. Эти концепты вмещают в себя важную информацию о фактах действительности и работают на формирование мегаконцепта АНТИГЛОБАЛИЗМ. Мы обозначили их как СУБЪЕКТЫ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИИ, ОБЪЕКТЫ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИИ и ИДЕОСФЕРА.

Структурная модель мегаконцепта АНТИГЛОБАЛИЗМ выстраивается нами на исследовании реализации в англоязычном дискурсе языковых единиц, вербализующих деятельность субъектов антиглобализационных практик; субъекты руководствуются определенными идейно-ценностными установками по отношению к объектам антиглобализационной борьбы.

Практическим материалом нашего исследования стали статья Ч. Морса “Theory of Anti-Globalization Movement” [Morse 2003], в которой автор представляет обзор работ “Globalization from Below: The Power of Solidarity” [Brecher 2000] и “Naming the Enemy: Anti-Corporate Movements Confront Globalization” [Starr 2001], а также публикация “Anti-Globalization Movement” в интернет-издании “Global Corporate Media Cover” [http://academic.brooklyn.cuny.edu/e].

Рассмотрим первую составляющую в структуре анализируемого мегаконцепта − СУБЪЕКТЫ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИИ. На наш взгляд, здесь проявляется как коллективное поведение активистов движения, так и спонтанная индивидуальная деятельность его приверженцев. Понятийный компонент этой составляющей обнаруживаем в следующих примерах: *inally, after years of disintegration and defeat on the Left, a new movement has erupted upon the political landscape. ... It is bold, anti-authoritarian, and truly global…* [Morse 2003]; *... Trade unions play a major role in the campaigns against financial speculation and in support of debt cancellation. ... but sure to include other religious institutions as it grows. Environmental groups are active in the financial reform movements ...Consumers groups, workers guilds and farmers associations have also played important roles ... All of the movements have in their front lines the youth of various societies...* [http://academic.brooklyn.cuny.edu/e]; *...“globalization*

from below" can transform the world by leading people to withdraw their consent from dominant social relationships… [Morse 2003].

В приведенных примерах мы можем выделить группу лексических единиц, которые передают спектр агентов антиглобализации, а именно: *a new movement upon the political landscape, trade unions, religious institutions, environmental groups consumers groups, workers guilds and farmers associations, the youth of various societies, leading people,* т.е. те, что отображают понятийный компонент концепта СУБЪЕКТЫ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИИ и формируют у носителя языка определенные ориентационные соотношения с конкретной сферой человеческой деятельности.

Рассмотрим развертывание ценностных характеристик, которые формируют анализируемый концепт. В выбранных текстах находим языковые единицы, придающие определенные характеристики субъектам антиглобализационного движения и, тем самым, вызывающие у участников дискурса соответствующие оценочные выводы о деятельности этих субъектов, например: *... the emergence of a democratic, direct action-based movement against global capital ... they praise this anti-authoritarian movement for its democratic sentiments, commitment to protest, and oppositional stance. They want to speak the language of the growing movement against global capitalism…* [Morse 2003]; *… This movement ... demonstrated the capacity to physically shut down meetings of trade ministers. It seems possible that this movement will continue to grow, deepen its radicalism, and revolutionize the world according to the radically democratic principles it embraces…* [там же]; *... the anti-globalization movement to a broader revolutionary project in a way that is coherent, concrete, and irrefutable…* [там же]; *... There is a steadily mounting grassroots movement against globalization, and it is a lot more nuanced, united and sophisticated ...* [http://academic.brooklyn.cuny.edu/e]; *... the anti-globalization citizens movement is presently centered around four well-organized and active international campaigns…* [там же]; *... their distinct agendas, leaderships and strategies, there is also a great deal of shared operations and agreement on tactics. Organized at the local, regional, national and international levels, the campaigns have become a widespread yet difficult to pinpoint counter-movement on a global scale…* [там же].

Из этих примеров становится понятным, что деятельность, осуществляемая субъектами антиглобализма, получает положительную оценку, и в данных дискурсах такая тактика направлена на формирование образа демократического, прогрессирующего и организованного деятеля, который входит в структуру мегаконцепта АНТИГЛОБАЛИЗМ.

Понятийный компонент второй составляющей мегаконцепта – ОБЪЕКТЫ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИИ – проявляется в следующих примерах: *… this movement directly attacks global capital's economic and political infrastructure with a radically democratic politics and a strategy of confrontation…*[Morse 2003]; *... this interconnection, they assert, could potentially serve the interests of people and the earth, not just the elites...* [там же]; *... They want to build a world structured by "human values other than greed and domination," one "less*

dominated by the culture and values of global capital... [там же]; ... *detailed program for reducing poverty, limiting environmental destruction, and enhancing democratic control over the economy* [там же]; ... *opposing the World Trade Organization, ... reforming international financial organizations... and countering global financial markets*... [http://academic.brooklyn.cuny.edu/e]; ... *the propaganda regime would cover up the mounting dissent, the fourfold movement shattered their dreams of a smooth transition to absolute corporate rule* [там же]; ... *the campaigns against financial speculation*... [там же]; ... *an end to corporate welfare and other forms of public support for private investment, taxes based on ecological concerns, and further debates on the role of sovereignty in an age of globalization*... [там же].

Ценностные характеристики, направленные в данном случае на формирование осознания глубины и пагубности вычлененных выше образов, выражены непосредственно в эмоционально заряженной лексике и словах, несущих в своем значении глубокие коннотации, например: *a radically democratic politics and a strategy of confrontation, greed and domination, global capital, poverty, environmental destruction, control over the economy, the propaganda regime, absolute corporate rule, massive international debt, the increasing necessity for transparency in financial institutions.*

Что касается третьей выделенной составляющей в структуре мегаконцепта АНТИГЛОБАЛИЗМ, названной нами ИДЕОСФЕРА, то весь дискурс здесь построен на явном сопротивлении глобализму как явлению в современной картине мира. На наш взгляд, именно ИДЕОСФЕРА как часть мегаконцепта и определяет, по сути, первые две составляющие: СУБЪЕКТЫ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИИ и ОБЪЕКТЫ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИИ. В данном концептуальном отрезке раскрываются особенности формирования и трансформации ценностей антиглобализма в современном обществе. Ценностный базис антиглобализма строится на его отношении к глобальным практикам, в которые включены все социальные сферы современной жизни, являющиеся, в общем-то, последствиями технического прогресса и процессов глобализации [Богуславский 2009; Кузнецов 2003; Соколов 2011]:

... *the economic, political, and cultural interconnectedness signified by globalization is irreversible and possibly a good thing: this interconnection could potentially serve the interests of people and the earth, not just the elites. Although the rich and powerful have shaped globalization in their interest ... there is a countermovement that seeks to reshape our interconnected world in the interests of people and the planet ... "globalization from below" can transform the world by leading people to withdraw their consent from dominant social relationships, which will prevent the reproduction of the social order, and thus create a situation in which the movement can impose different, more just norms upon society as a whole. BCS try to concretize these norms with a detailed program for reducing poverty, limiting environmental destruction, and enhancing democratic control over the economy....*

... *the ways activists in the anti-globalization movement criticize global capital and the types of alternatives they envision ... movements that want to democratize*

globalization by making governments and corporations accountable to people instead of elites ... movements that want to separate from global capital and build locally based alternatives to it... how they "understand their enemy and envision rebuilding the world" [Morse 2003].

В ходе анализа ИДЕОСФЕРЫ мы пришли к выводу о том, что данная составляющая является ядром мегаконцепта АНТИГЛОБАЛИЗМ. В нем четко определяется ценностная составляющая, а образно-перцептивный и понятийный компоненты полностью сливаются с ней, формируя оппозицию, построенную на отношении к глобализму на основе принципа «свой – чужой».

В целом, АНТИГЛОБАЛИЗМ описан нами как трехкомпонентная концептуальная структура, являющаяся базовым фрагментом картины мира антиглобализма и состоящая из менее обобщенных концептов (СУБЪЕКТЫ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИИ, ОБЪЕКТЫ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИИ, ИДЕОСФЕРА). Каждый из них обладает образно-перцептивным и понятийным компонентом, а также имеет ценностную составляющую. В конечном итоге все три составляющие направлены на формирование мегаконцепта АНТИГЛОБАЛИЗМ как прогрессирующего фрагмента картины мира XXI в.

В перспективе исследования видится интересным дискурс идеологий глобализма и антиглобализма как элемента развития процессов антиглобализации в вычлененных нами в ходе анализа фрагментах (МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА, МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР, ЭКОЛОГИЯ).

Библиографический список

Богуславский А. Первый кризис «антиглобализма» // URL: http:// perspectivy.info/oykumena/ekdom/pervyj_krizis_antiglobalizma_2009. (Дата обращения: 10.02.2014.)

Карасик В.В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004. 389 с.

Кузнецов А.О. Дискурс глобализма и альтерглобализма в современном политическом процессе : автореферат дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Пермь, 2008 // URL: http://rudocs.exdat.com/docs/index-48800.html. (Дата обращения: 20.02.2014.)

Мегорский Б.В. Антиглобалистское движение в современном политическом процессе : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Санкт-Петербург, 2003. 182 с.

Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 53–64.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004. 260 с.

Соколов М. Субкультурное измерение социальных движений: когнитивный поход // URL: http://subculture.narod.ru/texts/book2/sokolov.htm. (Дата обращения: 22.02.2014.)

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 40–76.

Эриксон Д.Ф. «Антиглобалистские» движения: истоки, стратегии, состав, ресурсы, культура, цена участия // Дискурс Пи. Вып. II. 2002. С. 99–142.

Anti-Globalization Movement // Global Corporate Media Cover // URL: http://academic.brooklyn.cuny.edu/e. (Дата обращения: 10.03.2014.)

Brecher J., Costello T., Smith B. Globalization from Below: The Power of Solidarity. N.Y.: South End Press, 2000. 154 p.

Jackendoff R. Conceptual Semantics // Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning / [ed. by C. Maienborn, K. von Heusinger, P. Portner]. V. 1. 2011. P. 688–709.

Morse C. Theory of the Anti-Globalization Movement // New Formulation. № 1. V. 2. 2003 // URL: http://flag.blackened.net/nf/1antiglobalization.htm. (Дата обращения: 14.01.2014.)

Starr A. Naming the Enemy: Anti-Corporate Movements Confront Globalization. N.Y.: Zed Books, 2001. 288 p.

I.V. Nedainova
Associate Professor of Theory and Practice of Translation Department
Luhansk Taras Shevchenko National University, Ukraine

THE CONCEPT OF ANTI-GLOBALISATION IN THE MODERN ENGLISH DISCOURSE

In this article we consider ANTI-GLOBALISATION as a mega-concept. In its structure we can define other concepts that represent the stereotypical anti-globalisation image in the modern world view. We see these concepts as ANTI-GLOBALISATION SUBJECTS that follow some ideological components and values towards ANTI-GLOBALISATION OBJECTS. This structural model is built on the discourse analyses that verbalise anti-globalisation functioning and help the actor of the events to behave correctly in this conceptual space.

Key words: concept; discourse; globalisation; anti-globalisation; values; figurative and perceptive; conceptual components; objects, subjects.

УДК 81’367

Некрасова Ирина Михайловна
доцент кафедры иностранных языков
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
nekrasova142008@yandex.ru

К ВОПРОСУ О «БЕЗАГЕНТИВНЫХ» КОНСТРУКЦИЯХ

В статье представлен опыт изучения синтаксической семантики в аспекте сравнительной типологии. Теоретической основой для исследования послужили ситуативная семантика Ч. Филлмора и концептуальная семантическая теория У. Чейфа. Предметом анализа стали пассивная форма в английском языке и неопределенно-личное предложение в русском языке. Как следует из статьи, изучение глубинной семантики предложения в сопоставительном аспекте может объяснить корреляцию различающихся формально-грамматических структур.

Ключевые слова: синтаксическая семантика; глубинная структура предложения; поверхностная (формально-грамматическая) структура; пассивная конструкция; неопределенно-личное предложение; сравнительная лингвистика; семантическая роль пациенса / адресата.

Одна из ключевых проблем когнитивной лингвистики – изучение семантических компонентов как универсальных единиц, обладающих когнитивными качествами. Традиционная лингвистика всегда испытывала трудность при обращении к семасиологическому уровню языка: значению присущи экстралингвистические признаки, и это обстоятельство нарушало строгость научного описания в рамках различных структурных направлений. Изучение семантики неизбежно приводит к привлечению таких понятий, как интуитивное знание языка, наблюдение, интроспекция, языковой опыт, знание о мире и т.п. Вместе с тем «общение – это прежде всего обмен “значениями”, и все в языке подчинено задаче осуществления этого обмена “значениями”. Лингвисты … обнаружили, что они фактически еще не сделали нужных выводов из того обстоятельства, что человек работает, действует, думает, творит, живет, будучи погружен в содержательный (или значимый) мир языка…» [Звегинцев 1965: 386–387]. Процитированное замечание особенно актуально для синтаксической семантики. Несмотря на революционные по своему содержанию работы Ч. Филлмора и У. Чейфа, эта область до сих пор остается малоизученной, особенно в аспекте сопоставительной лингвистики.

Считается, что исходным пунктом появления идеи глубинных падежей Филлмора послужила вербоцентрическая концепция Л. Теньера, в которой было сформулировано понятие актантов – зависимых от глагола

© Некрасова И.М., 2014

«сопроводителей действия». Однако не следует забывать и о другой продуктивной теории предложения того времени, выдвинутой чешским лингвистом Ф. Данешем в работе «A Three-Level Approach to Syntax»: подход к предложению как неоднородной, «многослойной» единице, подлежащей анализу: а) на коммуникативном уровне, как высказывание, или “a singular and individual utterance-event”; б) семантическом – “a part of context and situation”, which “contains concrete lexical items”; в) формальном уровне – “an abstract structure or configuration” [Daneš 1964: 229–230]. Филлмор использует термин *глубинная* (underlying), т.е. семантическая структура предложения, которую следует отличать от *поверхностной*, или формально-грамматической. Под «глубинными падежами» автор подразумевает «выражение синтаксических отношений, независимо от того, отражаются ли они в падежных аффиксах или нет» [Филлмор 1981: 398]. Набор падежей постепенно изменялся; наиболее обширный их список представлен в работе У. Чейфа, который выявил также соответствие между наборами семантических ролей и типами ситуаций, описываемых предложениями. Не останавливаясь на этом вопросе подробно, заметим лишь, что количество партиципантов ситуации (10 и более) намного превышает количество единиц субъектно-объектного уровня (обычно не более трех). Если концепцию Ч. Филлмора можно охарактеризовать как «ситуативную семантику», в которой использован «набор синтаксических понятийных ключей-ролей» [Звегинцев 1981: 24], то У. Чейф – автор концептуальной семантической теории.

Несмотря на то что ни Филлмор, ни Чейф не рассматривают семантику предложения в сопоставительном аспекте, в обеих работах содержится наблюдение о «несравнимости» поверхностных падежных систем [Филлмор 1981: 395] и о сходстве семантических структур различных языков [Чейф 1975: 98]. По Филлмору, в глубинной структуре предложения во всех языках имеется пропозиционное ядро, состоящее из глагола и одной или более именных групп, каждая из которых находится в особом падежном отношении к глаголу. Именно на этом «глубинном» уровне следует искать наиболее явные черты сходства между структурами предложений в разных языках [Филлмор 1981: 445].

С учетом вышеизложенного, вполне логично выдвинуть гипотезу о том, что изучение глубинной семантики предложения в сопоставительном аспекте может объяснить корреляцию различающихся формально-грамматических структур, которая нередко встречается при изучении иностранного языка или в переводческой практике. Предметом исследования стали пассивная форма в английском языке (АЯ) и неопределенно-личное предложение в русском языке (РЯ), которые считаются «соответствующими» конструкциями [Аракин 1979: 130]. Но что сближает форму страдательного залога с предложением, сказуемое которого стоит в активе?

Во-первых, отметим, что теоретической основой для сопоставления пассивной формы и неопределенно-личной конструкции служит точка зрения на залог как синтаксическую категорию, тесно связанную со строем предложения и с понятиями переходности / непереходности глагола [Некрасова 2000: 19]. Следовательно, мы рассматриваем пассив как пассивную конструкцию (ПК), поверхностную структуру которой можно сравнить с неопределенно-личным предложением (НЛП) в терминах субъектно-объектных отношений:

ПК	НЛП
$S - V_{pas.}$	$V_{act.} \rightarrow O$

Во-вторых, обратимся к функциональной характеристике ПК и НЛП. Сравним две выдержки: «В неопределенно-личных предложениях **подлежащее намеренно устранено из речи**, намеренно представлено как неизвестное, неопределенное» [Пешковский 1956: 371]. «Если и есть какая-либо одна функция, общая для всех языков, которым обычно приписывается существование пассивного залога, то такой функцией является **обеспечение возможности построения “безагентных” предложений**» [Лайонз 1978: 401] (в обоих случаях выделено мною. – *И.Н.*).

Итак, и пассивная, и неопределенно-личная конструкции служат одной цели – исключению из ситуации деятеля (агенса); следовательно, мы можем применить по отношению к ним общее понятие «конструкции без агенса». В этом случае глагол представляет ситуацию как состояние или процесс («Что случилось с X?»), а соотносящийся с ним актант (предмет или лицо, которое находится в определенном состоянии или в процессе изменения состояния) называется патиент, или пациенс [Чейф 1975: 119].

Далее остановимся на вопросе о соотношении рассматриваемой семантической структуры и линейной последовательности предложения. Как известно, наряду с функцией исключения деятеля двучленная ПК выполняет еще одну, не менее важную, функцию – изменяет актуальное членение предложения, а именно: происходит тематизация пациенса, или «изменение очередности при дистрибуции новой информации» [там же: 252]. Это особенно актуально для АЯ с его фиксированной начальной позицией подлежащего, ср.: *Yesterday he wrote **this letter** (рема). → **This letter** (тема) was written yesterday*.

Что касается НЛП, то в фокусе нашего исследования был анализ позиции пациенса, который представлен в поверхностной структуре предложения в виде дополнения. В качестве материала исследования были использованы оригинальные тексты художественной литературы и их перевод с одного языка на другой, причем анализу подвергались только случаи перевода английского пассива неопределенно-личной конструкцией, и наоборот. Обратимся к примерам перевода английской ПК (материалом по-

служила сказка-притча Дж. Оруэлла “Animal Farm”), иллюстрируя различные виды дополнения в составе НЛП.

– прямое дополнение (форма вин. падежа): *He **was** universally **respected** for his steadiness of character and tremendous powers for work.* (с. 2) – *Его **уважали** за ровный характер и бесконечное трудолюбие.* (с. 234)

– косвенное дополнение (форма дат. падежа): *However, these stories **were** never fully **believed**.* (с. 25) – *Однако этим рассказам **верили** отнюдь не до конца.* (с. 251)

– косвенное дополнение (форма род. падежа): *This **had** long **been expected**, and all preparations had been made. (26) – Этого **ждали** давно и заранее хорошо подготовились.* (с. 251)

– предложное дополнение: *The air was heavy with smell of blood, which **had been unknown** there since the expulsion of Jones.*(с. 57) – *Воздух пропитался густым запахом крови, от которого на ферме давно **отвыкли** со времени изгнания Джонса.* (с. 273)

Были отмечены случаи так называемого косвенного пассива в АЯ, когда в позиции подлежащего стоит лицо-получатель, или **адресат**. Косвенный пассив образуется от «трехвалентных» (в терминологии Теньера) глаголов типа *give smth. to smb*. Таким образом, в глубинной структуре предложения адресат выступает в качестве еще одного актанта, наряду с пациенсом. В русской конструкции-эквиваленте эта семантическая роль скрыта, соответственно, за косвенным дополнением, которое занимает первую позицию:

*We **are given** just so much food as will keep the breath in our bodies.* (с. 3) – *Нам **дают** еды ровно столько, чтобы мы не околели.* (с. 235)

Примерно пятую часть отобранных для анализа предложений составили конструкции со значением модальности: модальный глагол + пассивный инфинитив в АЯ и глаголы *следует, необходимо, нужно, можно* + активный инфинитив в РЯ, например:

*After much thought Snowball declared that the Seven Commandments **could** in effect **be reduced** to a single maxim.* (с. 21) – *Крепко подумав, Снежок объявил, что Семь Заповедей **можно** запросто **свести** к единому правилу.* (с. 248)

В качестве материала на русском языке была выбрана повесть М. Булгакова «Собачье сердце». Сравнительный анализ выявил аналогичную картину.

– прямое дополнение-пациенс:

*Это вас **вселили** в квартиру Федора Павловича Саблина?* (с. 309) – *Are you the people who **were moved in** as extra tenants into Fyodor Pavlovich Sablin’s apartment?* (с. 28)

– косвенное дополнение-адресат:

*Псу **достался** бледный и толстый кусок осетрины, которая ему не понравилась …* (с. 316) – *The dog **was given** a thick, white piece of sturgeon, which he didn’t like …* (с. 36)

– предложное дополнение-адресат:

На следующий день <u>*на пса*</u> ***надели*** *широкий блещущий ошейник.* (с. 323) – *Next day the dog* ***was given*** *a wide, shiny collar.* (с. 45)

– пациенс в конструкции с модальным значением:

... если бы <u>*за вас*</u> ***не заступались*** *самым возмутительным образом ...* <u>*вас*</u> ***следовало бы арестовать****!* (с. 313) – *... if you* ***weren't being protected*** *by certain people in the most disgusting way ... you* ***should be arrested****.* (с. 33)

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что пациенс / адресат, представленный как подлежащее в поверхностной структуре предложения в АЯ, может быть выражен любым видом дополнения в РЯ, в зависимости от управления глагола. Также было установлено, что в большинстве случаев (около 80 %) пациенс / адресат занимает начальную позицию или, по крайней мере, предшествует глаголу, т.е выполняет функцию темы.

Принимая во внимание полученные результаты, можно выразить семантическую структуру «безагентивных» конструкций формулой:

P (A) ← V (M), где

V – глагол, детерминирующий характер актанта;

P – пациенс;

A – адресат, который появляется при наличии «трехвалентного» глагола в качестве второго актанта;

M – модальное значение как факультативное «семантическое приращение» лексического значения глагола.

Таким образом, несмотря на «несравнимость» поверхностной структуры английской ПК и неопределенно-личного предложения в РЯ, семантические отношения их актантов на глубинном уровне идентичны, что позволяет считать их изоморфными конструкциями.

Полученный вывод неизбежно вызывает еще один вопрос: каким образом в современном РЯ сосуществуют две семантически однозначные конструкции? В чем заключается различие между предложениями (1) *Тему обсуждают* – (2) *Тема обсуждается*? Сводить все к различиям функционально-стилистического порядка – употребление в бытовой, разговорной речи (1) или в научной литературе и деловой документации (2) – представляется не совсем правомерным. Думается, что этот вопрос естественным образом приводит нас к проблеме эргативных языков и, следовательно, требует дальнейшего рассмотрения.

Библиографический список

Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: «Просвещение», 1979. 254 с.

Булгаков М.А. Собачье сердце: Роман. Повести. Рассказы. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 290–389.

Звегинцев В.А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий // НЗЛ. Вып. X. М.: Прогресс, 1981. С. 5–32.

Звегинцев В.А. Новые черты современного языкознания (вступительная статья) // Новое в лингвистике. Вып. IV. М.: Прогресс, 1965. С. 381–399.

Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. 543 с.

Некрасова И.М. Семантика и функции немецкого пассива (в сопоставлении с русским и английским языками). Автореф. дис. … канд. филол. наук. Пермь, ПГУ, 2000.

Оруэлл Дж. 1984. Скотный двор. / Пер. с англ. Д. Иванова, В. Недошивина. Пермь: Изд-во «КАПИК», 1992. С. 231–300.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Гос. учебно-пед. изд-во, 1956. 597 с.

Филлмор Ч. Дело о падеже // НЗЛ. Вып. X. М.: Прогресс, 1981. С. 369–495.

Чейф У. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. 428 с.

Bulgakov M. The Heart of a Dog / Translated from the Russian by M. Glenny. London: The Harvill Press, 1999. 128 p.

Daneš D. A Three-Level Approach to Syntax. Travaux linguistiques de Prague 1. Academia Prague, 1964. P. 221–240.

Orwell G. Animal Farm. London: Penquin Books, 2000. 113 p.

I.M. Nekrasova
Associate Professor of Foreign Languages Department
Perm State Humanitarian Pedagogical University

“NON-AGENT” CONSTRUCTIONS

The article presents the results of the analysis of the deep semantic structure, namely the passive form in English and the generic construction (with a dropped subject) in Russian, which greatly differ in their abstract structure of configuration. Ch. Fillmore’s Case Grammar and W. Chafe’s semantic theory can be regarded as a base for the investigation of the “underlying” semantic relations. Special attention is paid to the initial position of the object in the Russian generic construction which corresponds to the communicative function of the topic or theme.

Key words: the underlying (deep) sentence structure; Ch. Fillmore’s Case Grammar; W. Chafe’s semantic theory; the contrastive linguistics approach; the passive form; the Russian generic construction (with a dropped subject); the semantic role of patient / addressee; the communicative function of the topic.

УДК 81’272:342

Низгулов Тимур Сабирович
аспирант кафедры теоретического
и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
tnizgulov@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Современная языковая политика России имеет обширную юридическую базу, регулирующую различные вопросы. Большое внимание уделяется статусу государственного языка РФ, месту языков народов России, а также развитию русского языка и изменению его статуса.

Ключевые слова: юридические основы; языковая политика; Россия.

В Российской Федерации языковой политике уделяется особое внимание, так как наша страна является полиэтническим и полилингвальным государством. Национальное самосознание и характер каждого российского этноса формировались на протяжении веков, взаимодействуя с русским национальным характером и мировидением [Караулов 2001: 24]. Именно на этом и строится языковая политика современной России.

Законодательные акты, затрагивающие языковую политику, можно структурировать по их юридической силе: от Конституции Российской Федерации до актов субъектов федерации.

Учитывая главенствующий статус Конституции, обратим внимание на ее основные положения, регламентирующие языковой статус. Так, статья 19 Конституции РФ гарантирует равные права «независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств» [Конституция РФ 1993]. Таким образом, языковые права народа и личности гарантируются Конституцией Российской Федерации. Второй параграф статьи 26 гласит: «Каждый человек имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» [Конституция РФ 1993].

Кроме того, языковым правам народов Российской Федерации посвящена статья 68 Конституции РФ, которая разрешает республикам устанавливать свои государственные языки. Этой же статьей определен государственный язык РФ [Конституция РФ 1993].

© Низгулов Т.С., 2014

Развитию темы государственного языка в РФ посвящен отдельный Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» с изменениями и дополнениями от 2 июля 2013 г. Он «направлен на обеспечение использования государственного языка Российской Федерации на всей территории Российской Федерации, обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации, защиту и развитие языковой культуры» [Закон № 53-ФЗ 2005].

Текст закона регулирует различные аспекты использования русского языка, в частности порядок изменения его норм (Постановление Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. N 714). Данное постановление наделяет Министерство образования и науки РФ правом утверждать на основании рекомендаций Межведомственной комиссии по русскому языку список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации (по результатам экспертизы), а также правила русской орфографии и пунктуации;

определять порядок проведения экспертизы грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации.

Законом № 53-ФЗ установлены сферы использования государственного языка РФ. Стоит отметить, что перечень, содержащийся в статье 3 данного закона, открытый, а значит, русский язык может быть использован и в иных сферах, не указанных в самом тексте закона.

Среди сфер использования государственного языка следует отметить следующие: деятельность различных органов власти, географические наименования, все отрасли судопроизводства. Статья 3 Закона № 53-ФЗ, перечисляя отрасли судопроизводства, содержит в себе отсылки к положениям иных документов, таким как статья 33 Закона «О Конституционном суде РФ» (язык конституционного судопроизводства), статье 9 Гражданско-процессуального кодекса (язык гражданского судопроизводства), статье 18 Уголовно-процессуального кодекса (язык уголовного судопроизводства) и иным статьям.

Принципы языковой политики также изложены в законе «О языках народов Российской Федерации» и соответствующих законах республик – субъектов РФ. Эти законодательные акты предусматривают социальные, юридические и экономические меры, направленные на поддержание потребностей существования языков, развитие коммуникативных ресурсов каждого языка – коренных и некоренных этносов России. Провозгласив языки народов России национальным достоянием государства, закон гарантирует свободное и равноправное развитие языков, независимо от чис-

ленности их носителей, а также свободное развитие таких важных компонентов потребности в безопасности, как двуязычие и многоязычие.

На Правительство РФ законом возложена задача обеспечения функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации, а также разработка целевых программ по сохранению и развитию языков. Таким образом, принципы языковой политики формируют равные возможности и создают условия для реализации всех компонентов, из которых складывается энергетический потенциал языка, его энергетический коммуникативный ресурс [Самойлова 2009: 162].

В связи с тем, что Россия имеет федеративное устройство, республики в ее составе имеют право устанавливать свой внутренний государственный язык. Примером такой практики служит принятый 8 июля 1992 г. № 1560-XII Закон «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», который устанавливает правовые основы официального использования родных и русского языков при осуществлении гражданами экономических, культурных, политических и личных прав на территории Республики Татарстан. Он гарантирует защиту и функционирование государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан.

Помимо непосредственного законодательного регулирования языковой политики в России действует «Программа по развитию русского языка», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 20 июня 2011 г. № 492 «О федеральной целевой программе “Русский язык” на 2011–2015 гг.».

Целями указанной Программы являются поддержка, сохранение и распространение русского языка, в том числе среди соотечественников, проживающих за рубежом.

Задачами Программы являются:

1) в Российской Федерации: обеспечение реализации функции русского языка как государственного языка Российской Федерации; создание условий для функционирования русского языка как средства межнационального общения народов Российской Федерации;

2) в зарубежных странах: поддержка русского языка как основы развития интеграционных процессов в государствах – участниках Содружества Независимых Государств; удовлетворение языковых и культурных потребностей соотечественников, проживающих за рубежом.

Программа осуществляется в 2011–2015 гг. в 2 этапа: первый этап (2011–2012 гг.) – формирование научно-методической базы и разработка методологических подходов и методик реализации функции русского языка как государственного языка Российской Федерации, создание условий для функционирования русского языка как средства межнационального общения народов Российской Федерации и основы развития интеграционных процессов в государствах – участниках Содружества Независи-

мых Государств для обеспечения распространения и сохранения русского языка как средства консолидации российского общества, интеграции Российской Федерации и иностранных государств; второй этап (2013–2015 гг.) – апробация разработанных на первом этапе методологических подходов и методик, практическое внедрение и распространение результатов, полученных по итогам реализации первого этапа, тиражирование и распространение книг, учебников и методических пособий, внедрение программно-методического обеспечения системы использования специальных дистанционных технологий в обучении русскому языку за рубежом, создание координационно-методических центров глобальной системы использования специальных дистанционных технологий в обучении русскому языку за рубежом.

Актуальность федеральной целевой программы «Русский язык» на 2011–2015 гг. (далее – Программа) продиктована особой важностью поддержки российской культуры и русского языка. Это является ключевым фактором гармоничного развития человека, сохранения единства российского общества, служит необходимым потенциалом России для формирования положительного образа страны за рубежом.

Сегодня не теряют своей остроты следующие проблемы, обусловившие разработку Программы: угроза разрушения единого информационного, образовательного, социально-культурного и экономического пространства Российской Федерации; ущемление прав личности российских граждан, касающихся дискриминации по языковому признаку; ослабление национальной самоидентификации россиян; снижение активности интеграционных процессов в государствах – участниках Содружества Независимых Государств и странах Балтии; снижение престижа России в мировом сообществе.

Решению этих проблем будет способствовать: научно-методическая и ресурсная поддержка функционирования, изучения и преподавания русского языка в России и за рубежом как средства консолидации российского общества, преумножения и взаимообогащения духовной культуры народов России, межнационального и международного общения; развертывание глобальной системы использования специальных дистанционных технологий в обучении русскому языку с созданием координационно-методических центров за рубежом и в России и т.д.

Для обеспечения эффективного решения указанных проблем уже недостаточно использовать традиционные механизмы. Только рациональное использование выделенных ресурсов и комплексное решение проблем на основе программно-целевого метода позволит повысить эффективность Программы и обеспечить: проведение единой политики в языковой сфере во всех субъектах Российской Федерации; продвижение русского языка как средства межнационального общения в государствах – участниках Содружества Независимых Государств и странах Балтии и укрепления по-

зиций русского языка в мире для дальнейшего развития политических, экономических, социальных и культурных отношений с зарубежными странами, а также русскими диаспорами в них; формирование положительного отношения к России в мировом сообществе; создание условий для функционирования русского языка как способа обеспечения государственной целостности России.

Показателями социально-экономического эффекта реализации Программы являются: обеспеченность населения лингвокультурологической информацией в сфере русского языка и литературы; доступность для населения просветительских мероприятий, популяризирующих русский язык, литературу и культуру России; доступность использования специальных дистанционных технологий в обучении русскому языку и литературе для лиц государств – участников Содружества Независимых Государств; доступность для соотечественников, проживающих за рубежом, информационных материалов по русскому языку и культуре России и др.

Подводя итоги анализа юридических основ современной языковой политики, можно сделать вывод, что Российская Федерация справляется с поставленными задачами на качественно высоком уровне. Россия остается федеративным государством с различным этническим и языковым составом. В таких условиях важно учитывать интересы как носителей титульного языка, так и представителей языковых меньшинств. Языковая политика Российской Федерации, имея обширную нормативно-правовую базу, на данный момент соответствует общественно-политической ситуации. В то же время в стране и в мире постоянно происходят изменения, что требует активной корректировки имеющихся нормативно-правовых актов. Целевая программа «Русский язык» однозначно требует продления на последующие годы, а законы, принимаемые субъектами федерации, требуют доработки. Таким образом, современная языковая политика Российской Федерации является постоянно развивающимся объектом, который связан с различными социально-политическими условиями.

Библиографический список

Закон Республики Татарстан от 8 июля 1992 г. № 1560-XII «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан».

Закон РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-I «О языках народов Российской Федерации».

Караулов Ю.Н. Этнокультурная и языковая ситуация в современной России: лингвистический плюрализм, 2001 // URL: http://www.gramota.ru. (Дата обращения: 10.03.2014.)

Конституция Российской Федерации, 1993 // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 марта 2014 г. № 9 ст. 851.

Постановление Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании

в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации» // Российская газета от 29 ноября 2006 г. № 268.

Постановление Правительства РФ от 20 июня 2011 г. № 492 «О федеральной целевой программе “Русский язык” на 2011–2015 годы».

Самойлова М.Н. Языковая ситуация и языковая политика в современном обществе // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание 2009. № 1 (9). С. 160–165.

Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // Российская газета от 7 июня 2005 г. № 120.

Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета от 23 июля 1994 г. № 138-139.

T.S. Nizgulov
Post-graduate student of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

LEGAL BASIS OF MODERN RUSSIAN LANGUAGE POLICY

Modern Russian language policy has broad legal framework governing the various issues. Much attention is paid to the status of the state language of the Russian Federation, the place of languages of ethnic groups in Russia, as well as the development of the Russian language and the change of its status.

Key words: legal framework; language policy; Russia.

УДК 81’38

Павлова Дарья Сергеевна
магистрант кафедры теоретического
и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
pavlovads@mail.ru

АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА О СЕБЕ: ВЫБОР МЕТОДИКИ

В статье рассматриваются методики обработки устных спонтанных монологических текстов. Построение графов семантических связей полей в тексте производилось в ИС «Семограф». С целью выбора адекватного метода семантического анализа текста один и тот же текст был обработан разными методиками. Сравнительный анализ методик позволяет говорить о значительных изменениях в семантических структурах текстов.

Ключевые слова: методика; семантическая структура текста; граф; эксперимент.

С середины XX в. начинается активное изучение устной речи, которое продолжается и сегодня. В лингвистике складывается несколько точек зрения на то, что представляет собой устная речь: текст, текстоид и т.д.? Мы придерживаемся мнения, что устный спонтанный монолог на заданную тему (что служит материалом изучения) является текстом, так как он обладает базовыми категориями текста, которые выделяет большинство исследователей, а именно цельностью и связностью.

Благодаря тому, что устный текст является цельным и связным, можно изучать его семантическую структуру, которая, по мнению Т.В. Жеребило, основана на правилах языкового кодирования и отражает языковую и когнитивную информацию [Жеребило 2011: 88]. Семантическая структура текста – ассоциативно-семантическая сеть, отражающая связи и отношения между реализованными в тексте лексическими и грамматическими значениями слов, фразеологизмов, предложений.

Задача исследования – изучение семантической структуры устного спонтанного монолога. Под семантической структурой текста мы понимаем совокупность контекстуально-семантических полей (далее КСП), элементов этих полей и связей между ними (полями и элементами). Контекстуально-семантическое поле – это не ЛСП (лексико-семантическое поле) и не семантическое поле в традиционном понимании. Это слова, являющиеся семантически связанными только в конкретном тексте. КСП – структура синтаксическая, поэтому синтаксис, на наш взгляд, сильно влияет на структуру текста, а текст мы рассматриваем, прежде всего, как

© Павлова Д.С., 2014

коммуникативную организацию. Под устным монологом понимается рассказ человека на заданную тему, в данном случае – о себе.

Материалом исследования стал устный монологический текст о себе, состоящий из 125 уникальных компонентов, т.е. разных, неповторяющихся лексем. Автор текста – мужчина, негуманитарий, 36 лет, с высшим образованием. Для обработки материала используется Система графосемантического моделирования «Семограф» [http://semograf.com], созданная совместными усилиями программистов и лингвистов. При определении полей мы опирались на данные словарей [Большой… 2005; Большой… 2007]. Цель исследования – выделение наиболее значимых контекстуально-семантических полей в тексте и выяснение структуры их взаимодействия в данном тексте. В данной статье обосновывается выбор методики исследования.

Согласно методике, реализованной в ИС «Семограф» (разработчик К.И. Белоусов), текст делится на синтагмы, слова каждой синтагмы получают семантическое описание через отнесение к семантическому полю. Например, в синтагме *пять часов* слово *пять* относится к полю КОЛИЧЕСТВО, а *часов* – к полю ВРЕМЯ. Или в синтагме *большой снегопад* слово *большой* относится к полю КАЧЕСТВО, а *снегопад* – к полю ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ (ПОГОДА). Программа автоматически считает связанными слова одной синтагмы. Получаемый в результате анализа граф изображает семантические связи полей в тексте (см. рис. 1).

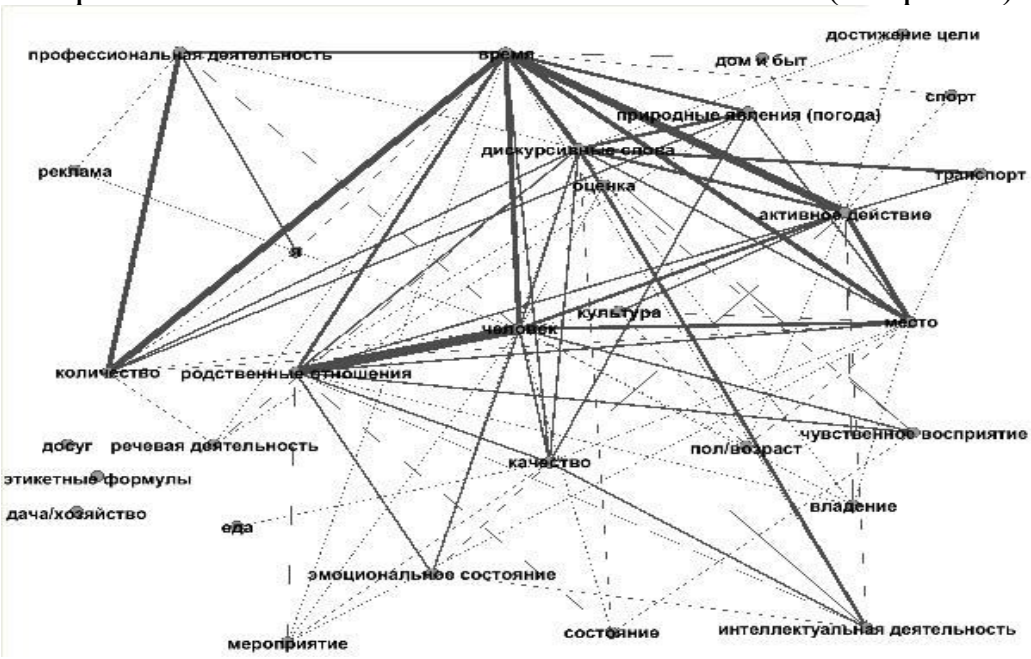

Рис. 1. Граф семантических связей полей в тексте, построенный с использованием методики разработчиков ИС «Семограф»

Однако такой тип анализа учитывает только вхождения слов в синтагму, но не синтаксические связи между ними. Поэтому стандартная методика была нами изменена. Согласно новой методике обработки материала слова относятся к контекстуально-семантическим полям с учетом не

только семантики, но и их синтаксических связей. Например, в словосочетании *пять часов* существительное *часов* относится к полю ВРЕМЯ, а *пять* – одновременно к полям и КОЛИЧЕСТВО, и ВРЕМЯ, поскольку числительное обозначает именно количество времени. Или в словосочетании большой снегопад существительное снегопад относится к полю ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ (ПОГОДА), а прилагательное большой – одновременно к полям КАЧЕСТВО и ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ (ПОГОДА), так как обозначает именно качество явления.

Обработка происходит в той же ИС «Семограф», в результате обработки получаем граф семантических связей (см. рис. 2).

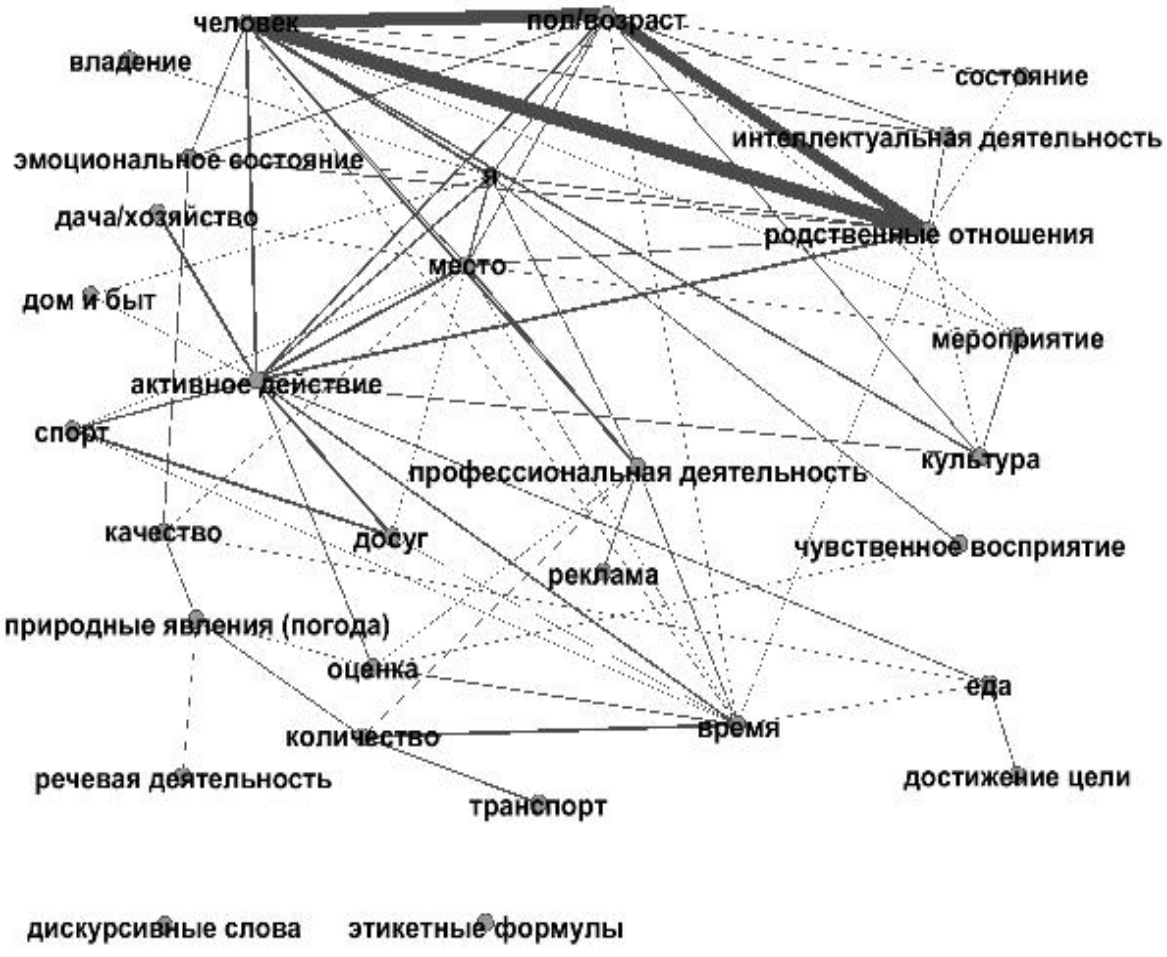

Рис. 2. Граф семантических связей полей в тексте, построенный с использованием измененной методики

Как видим из представленных графов, методики дают разный результат. Во-первых, меняется сила связи между полями, например, с учетом синтаксических связей поля СПОРТ и АКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ связаны сильнее, чем при учете только семантики. Во-вторых, при учете синтаксических отношений поля ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ и

ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА оказались не связанными с другими полями вообще, а без учета этих отношений такими полями стали ДАЧА / ХОЗЯЙСТВО, ДОСУГ и ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ.

Рассмотрим различия, которые дают методики, на примере поля КОЛИЧЕСТВО. Как видим, обе методики показывают, что наиболее сильную связь оно образует с полем ВРЕМЯ (см. рис. 3 и рис. 4).

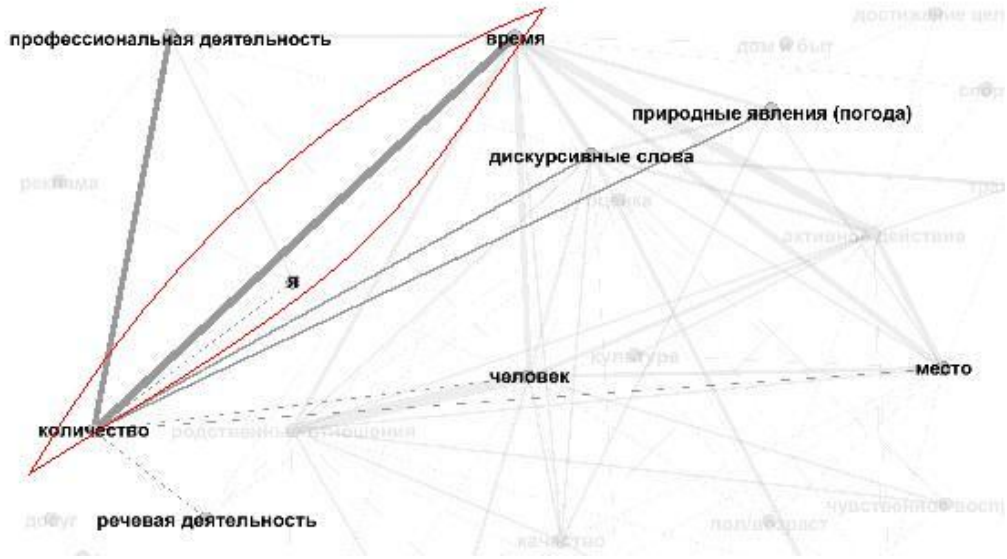

Рис. 3. Связь поля КОЛИЧЕСТВО с другими полями при использовании методики разработчиков ИС «Семограф»

Рис. 4. Связь поля КОЛИЧЕСТВО с другими полями при использовании измененной методики

Как видим, помимо силы связи между полями меняются и сами поля. Кроме общих в обоих случаях полей ВРЕМЯ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ и ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ (ПОГОДА), в первом случае связанными с полем КОЛИЧЕСТВО будут поля Я, ЧЕЛОВЕК, МЕСТО, РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ и ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА, а во втором случае – поле ТРАНСПОРТ.

Для ответа на вопрос «какой же метод больше соответствует цели и задачам нашего исследования?» нами был проведен эксперимент в форме

письменного анкетирования. Испытуемыми стали 25 филологов в возрасте от 20 до 25 лет, уже имеющие высшее образование или учащиеся на старших курсах. Им необходимо было прослушать трехминутный монолог о себе и ответить на 2 вопроса: 1) выделите 5 основных тем текста; 2) установите 3 наиважнейшие связи между выявленными темами.

Нами было выделено 30 полей, информанты же выделили 19 тем, совпадающих с нашими полями. Граф связей между выделенными информантами темами выглядит так (рис. 5):

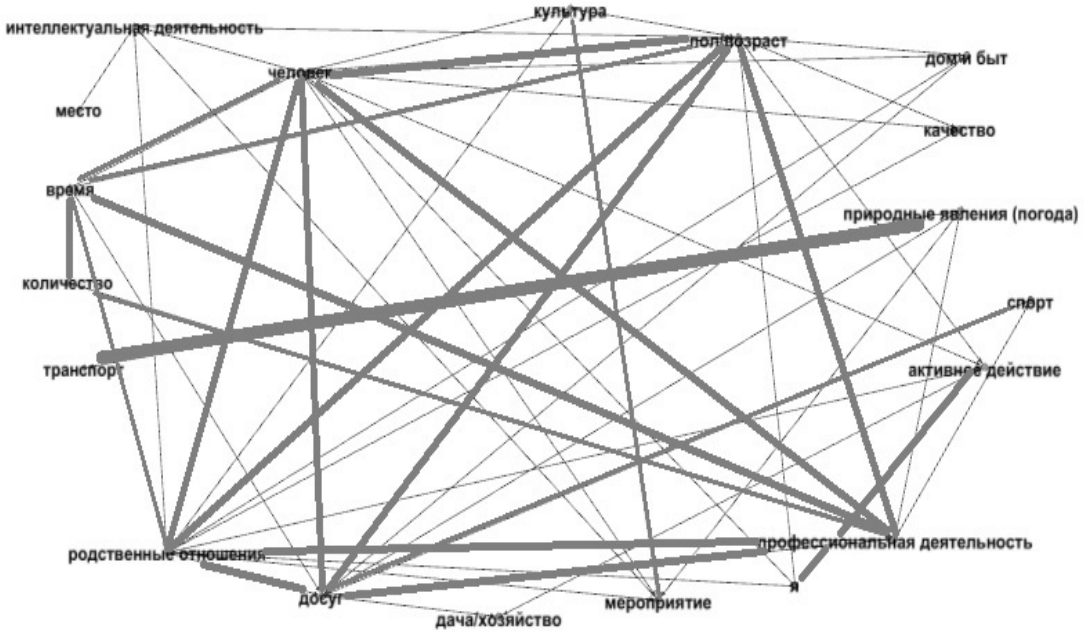

Рис. 5. Граф связей между темами, которые выделили информанты

Как видим, наиболее легко опознаваемой и выделенной почти всеми информантами была связь погоды и пробок (в нашем случае: ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ (ПОГОДА) и ТРАНСПОРТ).

Интересным оказался тот факт, что информанты указали в основном те поля, которые имеют сильные связи с другими упомянутыми выше двумя методиками. Только к этим основным полям добавились поля ДОСУГ, ДОМ и БЫТ, МЕРОПРИЯТИЕ. Отсутствуют поля ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ, ОЦЕНКА.

Сравним полученные 3 графа. При сопоставлении графов видим, что граф по результатам эксперимента и граф с использованием нашей методики имеют больше общего, отражают наиболее важные связи. Таким образом, получается, что на семантическую структуру текста одинаково сильно влияют семантика и грамматика.

Анализ графов позволил показать, что применение той или иной методики должно быть обусловлено целью исследования. При исследовании семантического пространства текста в статике необходимо пользоваться

оригинальной методикой разработчиков «Семографа», а при изучении семантического развертывания текста предложенная нами методика будет более адекватна.

Библиографический список

Большой толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 576 с.

Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.

Жеребило Т.В. Термины и понятия: Методы исследования и анализа текста: Словарь-справочник. Назрань: ООО «Пилигрим», 2011. 108 с.

D.S. Pavlova
Master Student of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

ANALYSIS OF THE SEMANTIC STRUCTURE OF SELF-PRESENTATION TEXTS: SELECTION METHODS

The paper deals with the methods of processing of oral spontaneous monologue texts. Construction of graphs of semantic relations between fields in text produced in the IS “Semograf”. It was important to choose an adequate method of semantic analysis of the text. For this same text was processed by different methods. Comparative analysis of methods suggests that a significant change in the semantic structure of the text.

Key words: methods; the semantic structure of the text; graph; experiment.

УДК 81’42

Панова Анна Александровна
аспирант кафедры русского языка
Институт филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южного федерального университета
PanyAnn@yandex.ru

ЯЗЫКОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБРАЗА *СОВЕТЧИКА* В ДНЕВНИКАХ МИТРОПОЛИТА ВЕНИАМИНА ФЕДЧЕНКОВА 1926–1948 гг.

Статья посвящена анализу языкового преставления образа *советчика* в дневниках митрополита Вениамина Федченкова 1926–1948 гг. Характерной чертой исследуемых дневников является лейтмотивное повторение образов *советчика* и *руководителя / начальника*, в которых нашло свое отражение стремление автора обрести жизненные ориентиры, потерянные после революционного переворота в России. В контексте исследуемых дневников образ *советчика* выступает в качестве вспомогательного, при помощи которого автор пытается выразить свои представления об идеальном руководителе, наставнике.

Ключевые слова: дневник; религиозный дискурс; образ советчика; лексема; семантика.

Дневниковые записи предстают в качестве одной из важных составляющих религиозного дискурса. Традиция ведения дневника укрепилась в христианстве после Иоанна Кронштадтского, оставившего большое наследие в форме дневников и заповедавшего своим ученикам вести беспрерывный откровенный разговор с самими собой на страницах своих дневников. Являясь текстами личного характера, дневники представляют большой интерес для исследователей языковой личности, в частности, священнослужителя.

Материалом для данного исследования послужила выборка из дневников митрополита Вениамина Федченкова 1926–1948 гг. объемом в 377 языковых единиц разного уровня.

Поиск жизненной опоры в эпоху разрушения многих традиционных устоев (потеря родины, борьба между духовными лидерами в эмиграции, процесс разделения института Церкви на Русская Православная Церковь (РПЦ) и Русская Православная Церковь за границей (РПЦЗ), также связанный с решением вопроса о руководителе – сохранить ли подчинение Московскому Патриархату или же выбрать руководителя в эмиграции и существовать автономно от РПЦ) в дневниках митрополита Вениамина реализуется в трех частных вопросах: поиск руководителя (8 контекстов),

© Панова А.А., 2014

характеристика человека, советам которого можно следовать, т.е. вопрос о фигуре потенциального советчика (6 контекстов), обоснование самой необходимости вопрошания совета (4 контекста).

В рамках данной статьи остановимся на подробном рассмотрении группы фрагментов, служащей иллюстрацией попытки митрополита Вениамина Федченкова очертить круг возможных советчиков путем выявления их определенных характеристик. Отметим, что при ответе на вопрос о том, к кому можно обращаться за советом, автор исследуемых дневников также апеллирует к прецедентным текстам, вставляя в записи цитаты из имеющихся в его распоряжении источников (несколько томов «Добротолюбия» – фактически все, что в тот момент было ему доступно, об этом он сам неоднократно упоминает). Таким образом, выводы о фигуре советчика, к которым пришел автор, также «перепоручены» другим: это выдержки из работ отцов Церкви, чей авторитет для митрополита Вениамина бесспорен. Автором затушевывается тот факт, что подборка цитат, введенных в текст дневников, его собственный труд. Очевидно, что выбирались те фрагменты, которые были созвучны его собственным взглядам на тот или иной вопрос.

Так, обратимся сначала к рассмотрению следующих примеров: «<…> премудрый Сирах и говорит: “мирствующии с тобою да будут мнози, **советницы** же твои един от тысящ”» [Федченков 2008: 345]; «**Вопрошать** надобно того, к кому имеешь **веру**, и знаешь, что он может **понести помыслы**, и **веруешь ему, как Богу**» [там же: 359]; «Не домогайся **заимствоваться советом** у человека, который не ведет одинакового с тобой образа жизни, хотя он и крайне **мудр**» [там же: 317]; «<…> пользуйся таким **советником**, который, все испытав сам, *умеет в терпении обсудить*, что требует рассуждения и в **твоем** деле, – и верно может указать истинно **тебе полезное**» [там же: 318]. Прежде всего отметим, что указание на *советника* в приведенных фрагментах может быть выражено эксплицитно (существительное *советник* в значении ‘кто советует что, кому-либо’ [Даль 2012: 450], ‘тот, кто дает советы, советчик’ [Евгеньева 1988: IV, 175], ‘то же, что советчик (устар.), тот, кто советует, дает советы’ [Ожегов, Шведова 2010: 742; Кузнецов 2008: 1227] в первом и четвертом примерах) и имплицитно (во втором примере идея выражена при помощи глагола *вопрошать* в значении ‘спрашивать, задавать вопрос’ [Даль 2012: 82]; [Евгеньева 1985: I, 211]; [Кузнецов 2008: 150]; [Ожегов, Шведова 2010: 97]; в третьем примере описательная конструкция с глаголом *заимствоваться* в значении страд. к глаголу *заимствовать* ‘перенять (перенимать), взять что-либо откуда-либо’ (в данном случае – совет, мудрость, опыт у человека, отвечающего определенным требованиям) [Евгеньева 1985: I, 523] и существительным *совет* ‘наставление, указание, предложение: как поступить [Евгеньева 1988: IV, 175]; [Кузнецов 2008: 1227];

[Ожегов, Шведова 2010: 742]; [Лопатин, Лопатина 2011: 722] – *заимствоваться советом у человека*).

Говоря о потенциальных советчиках, Вениамин Федченков при помощи «цитаты в цитате» (цитата из Священного Писания, помещенная в цитату из Григория Синаита, тексты которого находятся в «Добротолюбии») подчеркивает, что советчик у человека может быть только один. Такая позиция акцентирует повышение ответственности при выборе человека, советам которого можно следовать. Второй фрагмент называет конкретные требования к такой личности. Обратим внимание на однокоренные слова: существительное *вера* и глагол *верить*. В данном примере лексема *вера* приведена в значении ‘доверие’ [Евгеньева 1985: I, 149], ‘глубокая уверенность в ком-либо’ [Кузнецов 2008: 118]; [Ожегов, Шведова 2010: 74]; [Лопатин, Лопатина 2011: 62], т.е. не имеет отношения к вере как чувству религиозному, а обозначает высокую степень доверия к тому или иному человеку. Глагол *верить*, употребленный в составе сравнительного оборота *веруешь ему, как Богу*, также употреблен в значении ‘доверять кому-либо, полагаться на кого-либо’ [Кузнецов 2008: 119], ‘иметь твердую уверенность, быть убежденным’ [Евгеньева 1985: I, 150]. Однако само участие в образовании сравнительного оборота, содержащего сравнение с Богом, как представляется, привносит в это значение и дополнительные коннотации. Как известно, вера в Бога не требует доказательств, Бога нельзя верифицировать, а с точки зрения православия даже сама мысль об этом греховна. Таким образом, в выборе советчика, человека, которому, по мнению о. Вениамина, можно полностью довериться и чьим советам можно следовать, остается элемент упования, надежды на данного человека без обязательного присутствия доказательств. Другими словами, при пользовании советом всегда остается место риску.

Интересна характеристика потенциального советчика: *он может понести помыслы.* Существительное *помысел*, особенно употребленное во множественном числе, обычно имеет негативные коннотации, в частности в религиозном дискурсе, связанные с нечистыми ‘замыслами, кознями, крамолами, тайными злонамерениями’ [Даль 1912–1914: http://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vdal&wi=151027].

Однако в данном случае, как представляется, выражение *понести помыслы* употреблено в положительном значении ‘постигнуть смысл чего-либо, понять’, иначе говоря, советчик – тот, который способен мыслить (ср. *помысел* в значении ‘мысль’ [Евгеньева 1987: III, 286]; [Кузнецов 2008: 918]; [Ожегов, Шведова 2010: 560]; [Лопатин, Лопатина 2011: 540]). Так, потенциальный советчик должен войти в ситуацию вопрошающего и верно осмыслить ее, только при таком условии он может дать правильный совет.

В третьем фрагменте постулируется еще одно условие выбора потенциального советчика: он должен вести с вопрошаемым один образ жизни. Подчеркивается, что наличие большого ума не может рассматриваться как приоритет, если советчик живет в других обстоятельствах, имеет другие ценности, род занятий и т.д. Вероятно, это связано еще и с пониманием в православном христианстве мудрости как отрицательной черты человека, способствующей развитию тщеславия – одного из пороков. В словарях слово *мудрый* имеет значение ‘наделенный большим умом и обладающий знанием жизни, опытом’ [Евгеньева 1986: II, 308]; [Кузнецов 2008: 562]; [Ожегов, Шведова 2010: 369]; [Лопатин, Лопатина 2011: 346], однако мысль о наличии большого ума у человека с точки зрения христианства тщеславна.

Рассмотрим четвертый приведенный фрагмент, остановившись на лексемах *терпение* и *обсудить*, а также на повторе местоимений второго лица (притяжательное *твой*, в дат. п. *тебе*). *Советник*, маркированный в данном фрагменте при помощи соответствующей лексемы, должен обладать возможностью обсуждать дело вопрошателя в терпении. Очевидно, что в данном случае существительное *терпение* употреблено в значении ‘способность долго, настойчиво, упорно делать что-либо’ [Евгеньева 1988: IV, 358]; [Кузнецов 2008: 1320], что входит в корреляцию со глаголом *обсудить* в значении ‘всесторонне рассмотреть, обдумать, делясь своими мнениями, соображениями’ [Евгеньева 1986: II, 570]; [Кузнецов 2008: 688]. Так, вкупе с наличием богатого личного опыта (*который, все испытав сам*), советчику необходимо обладать усердием, упорством в решении вопроса, готовностью уделить этому много времени, войти в положение вопрошающего – *в терпении обсудить*. Последнее требование к советчику, необходимость войти в положение вопрошающего, подчеркивается употреблением местоимения: *в твоем деле* и *тебе полезное*.

Обрисовав качества (или признаки, по которым можно найти идеального советчика), обратимся к рассмотрению последних двух фрагментов из анализируемой группы примеров: «Но и аще проще можно найти **советника**: “кто при памятовании о Боге *чтит всякого человека*, тот, по мановению Божию втайне, обретает себе *помощь от всякого человека*”» [Федченков 2008: 318]; «Сретишь **единого единомысленного**, **приобщись к нему** искреннее, не оставляя других, и живи с ним **душа в душу**» [там же: 361]. В первом примере приводится рекомендация, следуя которой можно найти советчика. Несмотря на то что *советником* может быть один из тысячи (см. приведенный ранее пример), Вениамин Федченков вводит в текст дневника слова, приписываемые Исааку Сирину, учет которых повышает шансы отыскать доверенное лицо: исполняя заповедь (*при памятовании о Боге*), необходимо относиться с уважением и любовью к каждому человеку (глагол *чтить* в значении ‘относиться к кому-

либо, чему-либо с глубоким почтением и любовью’ [Евгеньева 1988: IV, 685]; [Кузнецов 2008: 1485]; [Ожегов, Шведова 2010: 890]; [Лопатин, Лопатина 2011: 875]). При исполнении данного условия велика вероятность получить поддержку от любого человека, но не как ответную благодарность за любовь и уважение, проявленные к человеку (так как человек – существо эгоистичное), а как вознаграждение от Бога за следование Его заповедям: *по мановению Божию втайне*. Так, Бог разрешает или даже приказывает какому-либо человеку помочь (очевидно, в данном случае советом, так как речь идет о *советнике*) тому, кто, в свою очередь, жил в соответствии с заповеданными Им правилами. О помощи советчика как изъявлении Бога говорит существительное *мановение* в значении ‘движение (руки, головы), выражающее приказание’ [Евгеньева 1986: II, 227]; [Ожегов, Шведова 2010: 342] и ‘разрешение к действию’ [Кузнецов 2008: 520].

Последний приведенный пример предстает своеобразной квинтэссенцией для предыдущих пяти фрагментов. Во-первых, постулируется сущность советчика, т.е. человека, который должен вести с вопрошаемым единый образ жизни, одинаково смотреть на вещи и т.д. (т.е. он *единомысленный* в значении ‘имеющий одинаковые с кем-либо мысли, взгляды, убеждения’ [Евгеньева 1985: I, 463]). Во-вторых, вновь подчеркивается уникальность человека, способного стать советчиком (*сретишь единого*). В-третьих, прописывается необходимость ценить обретенного советчика, по возможности, принимать его образ жизни (который, мы помним, не должен существенно отличаться от образа жизни вопрошающего) в качестве образца и стремиться жить с ним одной жизнью, стать ее частью. Последнее выражается при помощи глагола *приобщиться* в значении ‘стать причастным к чему-либо, знакомым с чем-либо’ [Евгеньева 1987: III, 430]; [Кузнецов 2008: 986]; [Лопатин, Лопатина 2011: 580], ‘включиться в какую-нибудь деятельность, стать участником чего-нибудь’ [Ожегов, Шведова 2010: 596] и фразеологической единицы *жить душа в душу*.

Так, проанализированные фрагменты обрисовывают необходимость наличия в жизни автора дневников такой личности, к которой в трудный момент он мог бы обратиться и получить верный совет.

Библиографический список

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. И.А. Бодуэна де Куртене. Т. 1–4. 4-е изд. СПб., 1912–1914 // URL: http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=246. (Дата обращения: 23.03.2014.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Избранные статьи / под. ред. Л.В. Беловинского. М.: Олма Медиа Групп, 2012. 576 с.

Евгеньева А.П. Словарь русского языка. В 4 т. Т. I (А–Й). 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985. 696 с.

Евгеньева А.П. Словарь русского языка. В 4 т. Т. II (К–О). 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986. 736 с.

Евгеньева А.П. Словарь русского языка. В 4 т. Т. III (П–Р). 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1987. 752 с.

Евгеньева А.П. Словарь русского языка. В 4 т. Т. IV (С–Я). 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1988. 800 с.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: «Норинт», 2008. 1536 с.

Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2011. 928 с.

Митрополит Вениамин (Федченков). Дневники 1926–1948 гг. М.: Правило веры, 2008. 592 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2010. 874 с.

A.A. Panova
Post-graduate Student of Russian Language Department
Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication
Southern Federal University

THE LINGUISTIC PRESENTATION OF *ADVISER* IMAGE IN THE DIARIES BY METROPOLITAN VENIAMIN FEDCHENKOV 1926–1948

The article is devoted to the analysis of the language presentation of the image of adviser in the diaries by Metropolitan Veniamin Fedchenkov 1926–1948. This diaries have a character feature, which is the leitmotif repetition of images of adviser и supervisor. The feature provides an authors' idea of life values finding, which were lost after Russian revolution. In the diary context the image of советчика is secondary element for presentations his thoughts about ideal supervisor.

Key words: diary; religious discourse; image of adviser; lexeme; semantics.

УДК 811.111’37

Платыгина Софья Михайловна
студентка
Уральский Федеральный университет
им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина
sofia.platigina@yandex.ru

Запевалова Людмила Александровна
доцент кафедры иностранных языков
Уральский Федеральный университет
им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина
zapevalova.lyudmila@gmail.com

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ЯДРА КОНЦЕПТА «НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ КОЛИЧЕСТВО» НА ЛЕКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье ставится задача обобщить опыт изучения ядра концепта «неопределенное количество» на лексическом уровне на материале английского языка; предлагается описание структуры этого концепта в рамках полевого подхода и описывается его ядро с точки зрения экспликации на лексическом уровне в английском языке.

Ключевые слова: неопределенное количество; концепт; полевый подход; ядро; периферия.

Несмотря на относительную «молодость» когнитивной лингвистики, исследования в рамках данной науки «о системах репрезентации знаний и обработке информации, приходящей к человеку по разным каналам» [Кубрякова 1997: 34] весьма многочисленны и разнообразны.

Важнейшим понятием, связанным с исследованием репрезентации знаний, сегодня, безусловно, можно считать понятие концепта. Е.И. Голованова определяет концепты как содержательные оперативные единицы знания, которыми человек оперирует в процессе мышления и речемыслительной деятельности, – это базовые элементы концептуальной картины мира [Голованова 2011: 1]. Современные исследователи (не только лингвисты) дают различные толкования концепта, описывают его признаки и характеристики. Ю.С. Степанов указывает на противоречивость формы существования и относительность концепта, отмечая, что концепты, во-первых, реальны, и, во-вторых, по-разному реальны для различных людей в различные эпохи и в своих различных модусах или ипостасях [Степанов 2004].

Тесную связь концепта и концептуализации с категорией и категоризацией подчеркивает Е.И. Голованова: «Концепты не существуют изоли-

© Платыгина С.М., Запевалова Л.А., 2014

рованно, они группируются в категории как целостные классы объектов» [Голованова 2010: 87]. Эта идея высказывается и Е.С. Кубряковой: «Образование категории тесно связано с формированием концепта или группы концептов, вокруг которых она строится, т.е. с выделением набора признаков, выражающих идею подобия или сходства объединяемых единиц» [Кубрякова 1997: 46]. Т.В. Печагина сформулировала определение понятия «категориальный концепт» – это «концепт, который лежит в основе группировки концептов и организует структуру ментальной категории» [Печагина 2011: 99].

Целью данного исследования является описание структуры концепта «неопределенное количество».

Существует несколько подходов к описанию структуры концепта. Наиболее известные из них принадлежат Ю.С. Степанову, В.И. Карасику, И.А. Стернину, В.В. Колесову и Г.Г. Слышкину. И.А. Стернин и З.Д. Попова предлагают полевую модель концепта по аналогии с полевой организацией значения слова. Исходя из того, что значение слова имеет полевую структуру (архисема в ядре, дифференциальные семы на ближней периферии, скрытые семы на дальней периферии), авторы предлагают допустить, что и концепт имеет многослойную организацию, которая может быть выявлена через анализ языковых средств его репрезентации [Попова, Стернин 2001]. Иначе говоря, концепт может получить полевое описание – в терминах ядра и периферии. К ядру относятся прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные яркие образы; более абстрактные признаки образуют периферию концепта. Совокупность базового образа, его когнитивных признаков и концептуальных слоев составляет объем концепта. Авторы подчеркивают, что «многочисленных концептуальных слоев в концепте может не быть, но базовый когнитивный слой с чувственно-образным ядром есть у каждого концепта, иначе концепт не может фиксироваться в универсальном предметном коде как дискретная единица мышления (смысловая отдельность), не может функционировать как мыслительная единица» [Попова, Стернин 2002: 34]. Периферия состоит из слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из менталитета разных людей. Этот слой содержания концепта был обозначен термином «интерпретационное поле концепта» [Попова, Стренин 2001].

Концепт «неопределенное количество» неотделим от самой категории количества. Поэтому для описания его структуры обратимся к исследованию категорий неопределенно большого количества и неопределенно малого количества. Их структура также представлена в рамках полевого подхода в работе «Категория количества в современных европейских языках» [Акуленко, Швачко, Букреева 1990].

Опираясь на существующие исследования, сформулируем несколько положений. Во-первых, собственно поле концепта «неопределенное количество» входит в макрополе более широкого категориального концепта – «количество». Таким образом, структура концепта «неопределенное количество» является частью структуры концепта «количество». Во-вторых, являясь категориальным концептом, он объединяет на основе своего категориального значения следующие концепты: «неопределенно большое количество» (НБК) и «неопределенно малое количество» (НМК). Таким образом, описание структуры последних является условием для описания структуры концепта «неопределенное количество».

Концепты НБК и НМК противопоставлены друг другу, доминантные компоненты их структуры антонимичны, в лексической репрезентации английского языка их можно выделить как «many, much, a lot of» и «little» соответственно. Эти доминанты являются «ориентиром» для выделения единиц, принадлежащих ядру: конституенты, которые «обладают наибольшей чувственно-наглядной конкретностью» [Попова, Стернин 2001], они выражают чисто значение полей НБК и НМК, не обладая дополнительными коннотациями. Ядро концепта НБК в английском языке выражено следующими лексическими единицами: *numerous, manifold, multifold, abundant, copious, ample, plenty, plentiful, rich, a multitude of, scores of, large numbers of, untold, incalculable, innumerable, countless, unnumbered.* Ядро концепта НМК в свою очередь выражено лексическими единицами: *little, few, some, only, scant, scanty, insufficient, short, meagre, insignificant, scarce, rare, stingy with, poor, hardly any, least of, lack of, lacking in, inadequate, a bit of.*

Перечисленные конституенты ядра концепта «неопределенное количество» наиболее конкретны, они практически лишены оценочности, коннотаций и не ограничены в употреблении.

Вокруг ядра поля также можно выделить слой, «окружающий ядро». Конституенты этого поля ограничены в употреблении из-за наличия у них стилистических или эмоциональных коннотаций, тем не менее, они также составляют доминантную часть концепта. В структуре концепта НБК в английском языке этот слой выражен следующими лексическими единицами: *beaucoup, a good (great) deal of, lots, quite a few, zillion, gazillion, jillion, umpteen, in galore, aplenty, myriads of, multifarious, a raft of, oodles of, scads of.*

Этот же слой в структуре концепта НМК составляют такие языковые единицы, как: *measly, skimpy, minority (of), a small, a trifle of, paltry amount of, slender, negligible quantity of, thin on the ground, handful, a scattering of, hard to come by, exiguous, crumb, jot, scrap of.*

Данная лексика употребляется в основном в текстах определенных стилей, она передает доминантное значение поля, представляющего структуру концептов НБК и НМК.

Далее в структуре ядра рассматриваемых полей можно выделить слои, представленные лексикой, передающей базовое понятие в структуре

концептов, но ограниченной по семантической сочетаемости. В концепте НБК этот слой составляют такие лексические единицы, как: *(the) majority of, (the) hoi polloi* (обычно употребляются для описания количества людей). В поле концепта НМК этот слой включает следующие лексические единицы: *(money is) tight, moresels of (food), mean (abilities), snippet of (information), narrow (means),half a jiffy (about time).* Этот слой в структуре концепта «неопределенное количество» является последним, относящимся к ядру, так как, обладая ограничениями в плане семантической сочетаемости, конституенты передают смысловую доминанту рассматриваемого концепта.

Таким образом, структуру концепта «неопределенное количество» можно представить, используя полевую модель. В центре поля концепта находится ядро, которое образуют конституенты, выражающие доминанту концепта. Ядро поля, в свою очередь, также неоднородно, в нем выделяются как конституенты, выражающие «чистое» доминантное значение поля, так и слои, «окружающие ядро», а именно: первый слой, представленный на лексическом уровне единицами, отмеченными стилистическими или эмоциональными коннотациями, и второй слой, представленный лексикой, характеризующейся ограниченной семантической сочетаемостью.

Анализ основных лексических единиц, образующих ядро концепта, позволяет сделать вывод о том, что концепт «неопределенное количество» в английском языке связан с категорией субстантивности, а именно с существительным: ядерные элементы концепта сочетаются с существительными и служат для описания (оценки) их количественных характеристик.

Следует отметить, что категория количества не идентична грамматической категории числа. Несмотря на то, что у прилагательных грамматическая категория числа не выделяется, очевидна разница в семантике слов *green* и *greenish*. Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, концепт «количество» в языке, и концепт «неопределенное количество» в частности, являются многоуровневыми построениями. Для их описания необходимо обращаться к исследованию вербализации средствами других языковых уровней. Во-вторых, как видно из последнего примера, категория количества неотделима от категории качества (на этот факт издавна указывают исследователи), а в некоторых случаях трудно установить, на качественные или количественные изменения указывает элемент языка, какой концепт через него выражен.

Эти выводы открывают широкие перспективы для исследований концепта «неопределенное количество», который широко представлен в языке, в то же время средства его репрезентации далеко не всегда очевидны, их выявление требует проведения тщательных исследований на всех языковых уровнях.

Библиографический список

Акуленко В.В., Швачко С.А., Букреева Е.И. Категория количества в современных европейских языках. Киев: Наукова думка, 1990. 182 с.

Голованова Е.И. Базовые когнитивные понятия и развитие терминоведения // Вестн. Удмурт. ун-та. История и филология. 2010. Вып. 2. С. 85–91.

Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение. Уч. пособие. М.: Флинта, 2011. 224 с.

Кубрякова Е.С. [и др.] Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997. 245 с.

Печагина Т.В. ‘Добро’ и ‘зло’ как категориальные концепты // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2011. № 11 (226). Филология. Искусствоведение. Вып. 53. С. 99–101.

Попова З.Д., Стернин И.А. Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения // Культура общения и ее формирование. Вып. 8. Воронеж, 2001. С. 34–56.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж: ВГУ, 2002. 313 с.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. С. 42–67.

S.M. Platygina
Undergraduate Student
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

L.A. Zapevalova
Associate Professor of Foreign Languages Department
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

RESEARCH INTO THE CORE OF THE CONCEPT “INDEFINITE AMOUNT” ON THE LEXICAL LEVEL IN THE ENGLISH LANGUAGE

The article is aimed at generalizing the experience of the research of the concept “indefinite amount” on the lexical level in the English language. One of the possible variants of the concept “indefinite amount” structure is offered, that is by applying the field approach, and the core of the concept under research is described from the point of its lexical representation in the English language.

Key words: indefinite amount; concept; field approach; core; periphery.

УДК 81’42:81’27

Ромашева Ксения Евгеньевна
студентка IV курса филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
ksenyamasya@gmail.com

МОДЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РЕЧИ ЖЕНЩИН-МЕДИКОВ)

Проблемы изучения профессиональной идентичности относятся к числу актуальных вопросов гуманитарного знания. В статье анализируются особенности идентичности, а также специфика построения текстов женщинами-медиками.

Ключевые слова: профессиональная идентичность; модель текста; социолингвистика.

Профессиональную идентичность можно рассматривать как компонент социальной идентичности личности. Понятие социальной идентичности описывает то, как другие люди определяют человека на основе широких социальных категорий или признаков, таких как возраст, профессия или этническая принадлежность. Это те компоненты «Я» человека, которые переживаются им на уровне осознания принадлежности к какой-либо группе.

Нарратив – форма дискурса, через которую реконструируется и репрезентируется прошлый опыт для себя и других; то же касается и будущего опыта. Основой нарратива является повествование о себе, посредством нарратива человек создает собственное описание действительности и себя в этой действительности. Понятна перспективность использования этого метода при изучении того, как личность презентует свою идентичность.

Особенность устного спонтанного монолога заключается в том, что он занимает промежуточное положение между чтением и диалогом с точки зрения непринужденности речи. Специфика монолога заключается в том, что говорящий ориентируется на слушающего, но при этом не получает от него развернутой вербальной реакции. Таким образом, устный спонтанный монолог позволяет выявить особенности текстопостроения, характерные именно для данного информанта.

Для выявления особенностей нарратива были записаны 28 устных спонтанных монологов. Информантами стали работники медицины с высшим и средним специальным образованием в возрасте от 22 до 70 лет (14 женщин с высшим медицинским образованием и 14 женщин со сред-

© Ромашева К.Е., 2014

ним специальным медицинским образованием). Информантам предлагалось рассказать о себе. Устные спонтанные монологи были записаны на диктофон. При сборе материала использовался метод направленного интервью, а также включенного наблюдения. При исследовании текстов использовался метод макропропозиционального анализа, предложенный Т. ван Дейком, позволяющий четко обозначить каждый из структурных компонентов.

Актуальность работы заключается в неразработанности проблемы, поскольку внимание исследователей в основном сфокусировано на фонетических и лексических особенностях записанных текстов. Так, представляет интерес работа Т.И. Ерофеевой и К.М. Глазовой «Нарратив в социолингвистическом исследовании», в которой анализируются именно структурные особенности порождаемого текста и которая была взята за основу нашего исследования.

Предполагалось, что в текстах присутствуют определенные структурные компоненты: блок «Автобиография» (возраст, место рождения, образование, семья), блок «Работа» (представленный глагольными лексемами и существительными), блок «Хобби», блок «Семья», рассказ о каком-либо событии с указанием места, времени и участников события. Важной особенностью устных спонтанных монологов является передача чужой речи (текст в тексте). Также в структуру текста входит оценочный блок.

В текстах представлены два типа оценок: прямая (выраженная вербально) и косвенная (экстралингвистические факторы).

Прямая оценка выражается с помощью лексем с оценочной коннотацией. В текстах встречаются прилагательные: *великолепный*, *интересный, любимый, скучный, замечательный*; глаголы: *прикалываться* (*чисто не работаю, а прикалываюсь), люблю, нравится, достала*; существительные: *шедевр (это не работа, это шедевр!), ужас, варварство, дикость.* Наиболее распространенным способом выражения косвенной оценки является смех информантов.

Рассмотрим структуру нескольких монологов.

Монолог 1 (высшее образование, 70 лет).

1. Блок «Автобиография»: *«Мне 70 лет, образование у меня медицинское, высшее <…> Проработала на скорой помощи <…> Двое деток, четверо внуков».*

2. Оценка, выраженная вербально с помощью фразы *«Трудно очень было».*

3. *«И вот помню…».* Эта глагольная форма является способом введения истории.

4. Указываются участники действия (женщина-соседка, собачка), время (*«Веду Женьку утром…»*).

5. Осложнение: *«И вдруг я слышу крик, повернулась, а за ней мчится собачник <…> Женька в крик, я тоже в крик…».*

6. *«И вот такая гуманность»* – оценка, выраженная вербально.

7. Обращение к блоку «Работа»: *«Я пошла на работу, нужно было идти к больным».*

8. Попытка передачи чужой речи (текст в тексте): *«Он спрашивает: “А вы-то чего плачете?”»*

9. Оценка, выраженная вербально: «*Мне жаль, мне просто жаль, это же такая дикость…».*

10. Развязка: *«Оказывается, там ее уже усыпили».*

11. Оценка всего случившегося, выраженная вербально: *«Вот такое варварство в жизни, такое варварство…»* Обращение к блоку «Работа» при оценке истории: *«Вот в психиатрии стала работать…»*

Монолог 2 (высшее образование, 40 лет)

1. Блок «Автобиография»: *«Меня зовут Екатерина, мне 40 лет <…> у меня есть старший брат <…> я родилась в Перми, родители мои не из Перми <…> училась <…> вышла замуж <…> работаю в областной больнице».*

2. Блок «Семья»: *«Счастлива иметь семью <…> мои родители – самые лучшие родители <…> в 95-ом родилась дочь».*

3. Блок «Хобби»: *«Иногда, когда есть время, вышиваю <…> очень люблю музыку в любом ее проявлении <…> я вернулась к своей любимой земле».*

4. Маркированная развязка: *«Наверное, все».*

Монолог 3 (среднее специальное образование, 39 лет).

1. Блок «Автобиография»: *«Мне 39 лет, родилась и прожила всю жизнь в Перми, закончила медицинское училище, работала в психиатрической больнице, отработав там три года, ушла в поликлинику <…> У меня растет дочь…».*

2. Блок «Работа». Оценка, выраженная вербально с помощью фразы *«Чисто не работаю, а прикалываюсь».*

3. Фраза *«Был у нас в психиатрии интересный случай»* является способом введения новой истории.

4. Указывается участник действия: *«Привезли к нам мальчика…».*

5. Осложнение. Структура «Текст в тексте»: *«Он сказал, что у него нет мыслей».*

6. Косвенная оценка ситуации (истории) выражается смехом.

7. Развязка: *«А такой хороший был мальчик…».*

8. *«А вот еще на работе у меня есть интересный случай»* – введение новой истории, а также обращение к блоку «Работа».

9. Структура «Текст в тексте»: попытка передачи диалогической речи. *«А скажите, как называется моя процедура? А им говоришь: вы ведь все равно не поймете…».*

10. Оценка ситуации, выраженная смехом.

11. Отсылка к блоку «Работа» с помощью прямой оценки: *«Так-то да, у нас интересная работа».*

12. *«А еще у нас ходят бабки старые…»* – введение новой истории.

13. Текст в тексте: *«Я, говорит, уже полгода к вам хожу…».* Попытка передачи чужой речи.

14. Развязка: оценка ситуации с помощью фразы *«Как жить, ка-ак жить?»* и смеха.

Монолог 4 (среднее специальное образование, 31 год).

1. Блок «Автобиография»: *«Я Маркова Екатерина Игоревна, мне тридцать один год, родилась я в Перми, выросла в Перми, выросла в семье медиков <…> у самой уже полноценная семья».*

2. Блок «Работа»: *«Работаю на скорой помощи <…> работа мне нравится».*

3. Блок «Семья»: *«Замужем <…> сын учится».*

4. Блок «Хобби»: *«Свободное время провожу на даче <…> книжки люблю читать я, путешествовать».*

Структуру текста можно представить в виде иерархического дерева (денотатного графа). А.И. Новиков называл денотатом динамическую единицу речи, которая возникает в мышлении и за которой стоит предметная действительность [Новиков 1983]. Структура содержания текста, следовательно, представляет собой совокупность денотатов. В качестве обобщения изученного материала было построено несколько денотатных графов, которые отражают наиболее типичные структуры порождения текста у женщин-медиков.

В ходе работы были выявлены наиболее типичные модели построения текста. Схемы построения текста женщинами-медиками с высшим образованием включают такие структурные блоки, как: «Автобиография», «Работа», «Семья». Такая схема построения текста выявлена у 64 % информантов. У 14 % информантов блок «Работа» реализован в виде ситуации, которая входит в состав блока «Автобиография». У 21 % информантов блок «Работа» отсутствует вообще. Блок «Хобби» реализуют лишь 43 % информантов.

Структура «Текст в тексте» обнаружена лишь у 21 % информантов с высшим медицинским образованием. Эта структура реализована как ситуация припоминания, при этом она обязательно включает в себя участников ситуации и отношения между ними. Наиболее часто оценочный блок появляется в тех местах, где информанты говорят о своей работе, причем оценка может быть как положительной (*люблю, комфортно, устраивает, приношу здоровье, нравится, удобно*), так и отрицательной (*недостаточно оплачиваемая, тупиковая линия, нет удовлетворения, она (работа) меня достала*).

Схема построения текста у женщин медиков со средним специальным образованием включает в себя блоки «Автобиография», «Работа», «Семья», «Хобби». Такая схема построения выявлена у 50 % информантов. У других 50 % – блок «Работа» реализован в виде ситуации, которая входит в состав блока «Автобиография».

Оценочный блок, как и в предыдущем случае, чаще всего соотносится с блоком «Работа», при этом превалирует негативное отношение к собственной профессии (*чисто не работаю, а прикалываюсь, это не работа, это*

шедевр! работаю как папа Карло, работа отнимает большую часть времени, хочется уйти от работы). Говоря об оценочном блоке в целом, отметим, что он может быть обнаружен в любой из представленных выше структур (например, блок «Автобиография» в одном из текстов: *«Мне 70 лет. Браво!»).*

Таким образом, профессиональная идентичность включается в состав личностной идентичности информантов. Образ «Я» информантов как с высшим, так и со средним специальным образованием предполагает сильный профессиональный компонент. Построенные модели в совокупности с оценочными характеристиками каждого блока могут использоваться для представления того, как профессиональная идентичность находит свое отражение в текстах. В дальнейшем планируется проверка моделей на контрольных текстах.

Библиографический список

Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.

Ерофеева Т.И., Глазова К.М. Нарратив в социолингвистическом исследовании // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография. Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. 421с.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983.

Шаховский В.И. Что такое лингвистика эмоций // URL: http://tverlingua.ru/archive/012/shakhovsky_03_12.htm. (Дата обращения: 18.03.2014.)

Шейгал Е.И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. Вып. (2) 22 // URL: http://www.philology.ru/linguistics1/sheygal-07.htm. (Дата обращения: 18.03.2014.)

X.E. Romasheva
Student of Philological Faculty, 4th year
Perm State University

THE CONTENT MODEL OF THE TEXT AS A METHOD OF REFLECTION OF PROFESSIONAL IDENTITY (BY THE EXAMPLE OF FEMALE MEDIC SPEECH)

Problems of studying of professional identity are among the actual issues of the humanities. There are analysis of the characteristics of professional identity as well as analysis of the specifics of the constructions of the texts by female medic in the paper.

Keywords: professional identity; model of the text; sociolinguistics.

УДК 81'1

Alisa A. Ryzhkina
Postgraduate Student
of Ukrainian Philology and General Linguistics Department
Luhansk National Taras Shevchenko University
alisaa739@gmail.com

LINGUISTIC VIEW OF THE WORLD

Considers several approaches of interpretations of the term "linguistic view of the world". Provides some definitions of this notion. Shows the role of the language in the formation and existence of human knowledge about the world. It is specified on the specific consciousness of native speakers.

Key words: language; linguistic view of the world; native speaker; consciousness; thought.

The problem of comparative research of linguistic representations of the same concept in different languages closely related to the question of studying linguistic view of the world in terms of its national identity. However, like so many other concepts of modern linguistic science, this term is still in the stage of clarifying and formation of its content. Therefore, in our study we'll identify how this concept interpreted in modern linguistic science and choose the position, which we will follow in framework of our research "Concept of *family* in Chinese, English and Ukrainian languages".

Language is the most important method of formation and existence of human knowledge about the world. Reflecting on the process of the objective world, people fixing results in the language learning. The combination of these knowledge embodied in language, what is indicated in modern linguistics terms "intermediate language world", "linguistic representation of the world", "language world model", "linguistic view of the world". According to V.A. Maslova the last term has acquired the greatest spreading in the modern linguistic science [Maslova 2004: 65].

View of the world can be global, universal, because it embodies the logic of human thinking. In this sense, all people' pictures of the world have common features as human thinking is carried out by the same laws. However, representatives of different eras, different social and age groups, different areas of scientific knowledge and professions may have different world view. People speaking different languages may have similar picture of the world under certain circumstances, and people who speak common languages – different. It is interacting something universal, national, social and personal in the picture of the world [Goncharova 2012: 398].

© Рыжкина А.А., 2014

Linguistic view of the world is not synonymous to a special view of the world (chemical, physical, etc.), it precedes them and develops them, because person is able to understand the world and himself through the language, wherein establishes the social and historical experience – both universal and national. And the last determines the specific features of the language at all levels. There is some linguistic view of the world, through which a person sees the world, because of the specific language in the consciousness of native speakers.

The notion of linguistic world view includes two related but different ideas: 1) every language a little differently "draws" a picture depicting reality than do it the other languages; 2) proposed by language world view differs from the "scientific" (also used the term "naive world view" in this sense). These issues relate to the role of human factors in the formation of linguistic world view, as well as relationships between conceptual and linguistic world view [Pesina 2005: 359].

Supporters of the objectivist approach believe that language reflects the world objectively. They admit different representation of objective reality in the languages of the world, and do not consider this as an expression of the national spirit. Representatives of this approach are G.V. Kolshansky, G.A. Serebrennikov.

Subjectivists claim that how many languages – so many linguistic world view. They come from anthropocentrism and ethnocentricity of the language.

In general, the term "linguistic world view" came out from V. Humboldt and neogumboldtiants ideas (including Vaysgerber) as for the inner form of language, and according to ideas of the American ethnolinguistics, in particular linguistic relativity hypothesis of Sapir-Wharf. There are many works devoted to this problem at the end of the twentieth century, including works of G.A. Brutyan, S.A. Vasylyev, H.V. Kolshanskiyi, N.I. Sukalenko, M. Blek, D. Hayms and others.

The ability of the human brain to reflect world view does not always mean that this view is reflected correctly. Cognition carried out by people who, due to lack of relevant factors, may make the wrong message, form concepts, link them in an unsatisfactory manner. Thus, knowledge of the world is not free from mistakes and misconceptions [Gvozdeva 2004: 7].

Division of the world, the name of any fragments of the world is individual for each nation. World view of different peoples distinctive the fact that it contains a group, individual, national, verbal and non-verbal experience.

An outstanding scientist L.S. Vygotsky pointed out the existence of two distinctive, but interacting languages – the language of thought and verbal language in the human mind. Developing the ideas of Vygotsky, domestic psychologist N.I. Zhinkin proposed the hypothesis of the existence universally substantive code in the human mind, a kind of special intelligence of the language, consisting of images, logic circuits, tactile, olfactory, etc. prints of reality in the

mind. According to the author of the hypothesis, the formation of personal meaning is taking place in that language, inner speech, and only then transcoding on verbal language. Proponents of this hypothesis are K.F. Sedov, J. Fodor, O.A. Kornilov [Nebolsina 2007: 304–305].

A.S. Zelenko distinguishes the language model of the world based on specific visual thinking, and a linguistic model of the world as the sector share of scientific model of the world based on conceptual thinking. [Zelenko 2010: 157]. In this case, linguistic and everyday domestic world view identified in verbalized variant, and conceptual – with scientific one. In general, there are four models of the world: everyday domestic, religious (and mythological), art, science in the synergistic determinism.

Linguistic model of the world is multi-layered, it combines something common and individual, global and private. It is learned sphere of concepts, linguistic and national view of the world through the language vocabulary. Comparing the position of linguists, we saw that the linguistic world view is not clearly defined. For modern science, this notion is very important and therefore requires more precise definition that will enable scientists to achieve unity in the description of the world.

References

Goncharova N.N. Linguistic view of the world as an object of linguistic description // Proceedings of Tula State University. № 2. 2012. P. 397–405.

Gvozdeva A.A. Linguistic view of the world – linguoculturological and gender characteristics: Avtoref. dis. ... of cand. filol. science. Tambov: TGTU Publishing Center. 2004. 15 p.

Maslova V.A. Linguistic culturology. Moscow: “Academy” Publishing Center, 2004.

Nebolsina P.A. Linguistic view of the world: definition // Proceedings of the XV PSTGU theological conference. M., 2007. P. 302–306.

Pesina S.A. Linguistic view of the world in philosophical and linguistic comprehension // Proceedings of A.I. Herzen Russian State Pedagogical University. № 10. 2005. P. 358–362.

Zelenko A.S. Semasiology problems in the aspect of linguistic paradigms: monograph: in part 2. Part 2. Lugansk: Taras Shevchenko National University Publishing Center, 2010. 201p.

Библиографический список

Гвоздева А.А. Языковая картина мира – лингвокультурологические и гендерные особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов: Изд-во ТГТУ. 2004. 15 с.

Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. № 2. 2012. С. 397–405.

Зеленько А.С. Проблеми семасіології в аспекті лінгвістичних парадигм: монографія: у 2 ч. Ч. 2. Луганськ: Вид-во ДЗ “ЛНУ імені Тараса Шевченка”, 2010. 201с.

Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия», 2004.

Небольсина П.А. Языковая картина мира: определение понятия // Труды XV богословской конференции ПСТГУ. М., 2007. С. 302–306.

Песина С.А. Языковая картина мира в философском и лингвистическом осмыслении // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 10. 2005. С. 358–362.

А.А. Рыжкина
аспирант кафедры украинской филологии и общего языкознания
Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

В статье рассмотрены различные подходы к трактовке термина «языковая картина мира», приведены определения данного понятия. Показана роль языка в формировании и существовании человеческих знаний о мире, подчеркнута специфика сознания носителей языка.

Ключевые слова: язык; картина мира; носитель языка; сознание; мышление.

УДК 811.163.4

Стоянович Андрей
профессор, заведующий кафедрой иностранных языков
Белградский университет (Сербия)
rus@agrif.bg.ac.rs

ИДЕНТИЧНОСТЬ СЕРБСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются некоторые вопросы идентичности сербского языка (критерии идентичности, границы сербского языкового пространства, использование двух алфавитов – кириллического и латинского, двух форм произношения – экавицы и иекавицы, терминологический разнобой при употреблении ключевого лингвонима) на постъюгославском пространстве. Автор выявляет статус неоднозначо толкуемого в сербистике и сербокроатистике термина *сербский язык*, помогая тем самым зарубежному читателю разобраться в лингвистических и политических аспектах затронутой проблемы.

Ключевые слова: идентичность; сербский язык; латиница; иекавица; сербистика.

Изучение идентичности как междисциплинарной категории становится в настоящее время все более и более актуальным. Круг проблем, связанных с языковыми аспектами идентичности, находит свое отражение и в отечественной и в зарубежной лингвистике (Матузкова 2012: 91). Выбрав в качестве объекта исследования родную (сербскую) речь, следует отметить, что точки зрения на идентичность сербского языка в отечественной сербистике и сербокроатистике рубежа XX–XXI вв. не созвучны. Их различие проявляется в первую очередь в том, как (на основании каких критериев) представители этих дисциплин дают определения ключевым понятиям «сербский язык» и «сербскохорватский язык».

В русле отечественной сербокроатистики явное предпочтение отдается понятию «сербскохорватский язык» [ср.: Невекловский 2001] с зауживанием термина «сербский язык» [Закључак 1999] и насаждением политических терминов «бошняцкий / боснийский язык», «хорватский язык», «черногорский язык» [Пипер 2003, 2007; Тошович 2012, Tošović 2012; ср.: Пипер, Клайн 2013: 16–17]. За неимением достаточного количества лингвистических критериев сербокроатисты на постъюгославском пространстве дополнительно ссылаются на восемь *политических* критериев: 1) критерий самооценки носителями языка, т.е. оценочные суждения относительно родного языка носителями языка; 2) критерий права каждого народа называть свой язык национальным именем; 3) критерий присвоения названий языкам; 4) критерий догово-

© Стоянович А., 2014

ренности нелингистических, т.е. политических авторитетов; 5) критерий конституционного определения языка; 6) критерий отождествления национальной и языковой идентичности; 7) критерий культурных различий; 8) критерий наличия независимого государства [Ковачевић, Шћепановић 2011: 53].

Отталкиваясь от термина *сербскохорватский язык* как нонсенса [ибо *сербскохорватский* – это не что иное, как переименованный *сербский* – Ковачевић, Шћепановић 2011: 37] и отвергая придание «хорватскому, бошняцкому / боснийскому, черногорскому» статуса отдельных литературных языков [руководствуясь при этом тремя основополагающими лингвистическими критериями языковой идентичности: генетическим, структурным и коммуникативным – Ковачевић 2008: 113], научная сербистика настаивает на собственной [и вуковской – Караџић 1814] филологической концепции. Исходя из этого наша задача – не только познакомить зарубежного читателя с этой концепцией, но и воспрепятствовать в некоторой степени появлению в российской филологии таких заголовков лингвистических трудов, как «Проблемы перевода фразеологических единиц: на материале русского, **сербского и хорватского языков**» [Цыганова 2004]. Далее речь пойдет об идентичности сербского языка в рамках филологической концепции, представленной в *Слове* [Слово 1998: 25–34; частично сокращенная и измененная версия русского перевода М. Петкович].

Исходные принципы. Сербская культура, литература и язык – неделимы: они распространяются на весь сербский народ. Религиозная принадлежность не совпадает с языковой принадлежностью. На сербском языке говорили и говорят этнические сербы всех трех вероисповеданий – православного, католического и магометанского. В сербском языке существуют два *равноправных* литературных произношения – *экавское* и *иекавское* – в соответствии с различными реализациями праславянского гласного «ять». Употребление экавского и иекавского произношения не является и не может являться дифференциальным признаком относительно католического и мусульманского варианта сербского языка. Иекавский вариант сербского языка обладает такой же «сербскостью», как и экавский. В сербском литературном языке используются два письма – кириллица и латиница, которые не дифференцируют его региональные и конфессиональные варианты.

История [см. материалы трехтомного сборника – Стојановић 2008; см. также: Орбини 2010; Харузин 1901; Первольф 1888; Макушев 1865]. Вплоть до второй половины XIX в. в славяноведении была распространена общая точка зрения, согласно которой язык сербов и язык хорватов различаются. Этой точки зрения, помимо прочих, придерживались Добровский, Копитар, Шафарик, Миклошич, а с наибольшей определенно-

стью ее сформулировал Вук Стефанович Караджич. Он утверждал, *что сербский язык – это язык штокавский,* причем чакавский и кайкавский не являются сербскими. Вук считал, что сербский язык распространяется на штокавское наречие в целом, и в соответствии с языковым критерием доказал, что все штокавцы – сербы и что все сербы – штокавцы.

Факт о том, что сербы, подобно другим народам, принадлежат различным вероисповеданиям и, соответственно, существуют сербы православные, католики и мусульмане (или, как говорил Вук, сербы греческого, римского и турецкого закона), не влияет на этническую и языковую картину этого народа.

Видимость единства сербов и хорватов [см. трехтомный сборник – Стојановић 2008; Маројевић 2011]. Переняв штокавское наречие, отказавшись при этом от кайкавского, лидеры иллирийского движения, писавшие вначале на своем родном кайкавском языке, в 30-е гг. XIX в. приняли в качестве своего литературного языка штокавское наречие, т.е. сербский литературный язык в редакции Вука Караджича. Вначале они называли этот язык иллирийским, что является синонимом сербского языка.

В пользу того, что термин *иллирийский* тесно связан с сербской территорией, с сербским народом и языком, свидетельствует и историческое время, предшествовавшее так называемому иллирийскому движению. В XVIII в. существовали Иллирийская депутация и Иллирийская придворная канцелярия как политические институты исключительно сербов в Австрии. И лишь с формированием Иллирийских провинций под властью Наполеона Бонапарта название «иллирийский» начинает использоваться и применительно к словенцам и хорватам.

После смерти Вука Караджича была навязана идея общности не только литературного языка сербов и хорватов, но и их народного языка. Так возникла точка зрения, согласно которой общий народный язык сербов и хорватов состоит из трех наречий: штокавского, чакавского и кайкавского. Ватрослав Ягич, ступивший на историческую сцену в год смерти Вука Караджича (1864), утверждал, что хорваты и сербы на самом деле один народ с двумя названиями (хорвато-сербы) и что естественно, чтобы у их общего народного и литературного языка было двучленное название: *хорватский или сербский язык.*

В науке второй половины XIX – начала XX вв. считалось, что штокавское наречие является сербским, а чакавское хорватским, в то время как кайкавское – это «хорватское» только по названию (Лескин, Даничич). Ватрослав Ягич, осуществляя *католическую филологическую программу,* в этом «одном народе» подчеркивал иные различия. Они коренятся, по его мнению, не в языке, а в вере: сербы являются православными, а хорваты католиками. Это означает, что к языковой общности с самого начала

стремились с расчетом: сербское и хорватское – до тех пор разъединенные – сначала смешать, а потом разделить, но не по языковому критерию, а по религиозному.

Сербы – это южнославянский народ православного, католического и мусульманского вероисповедания, говорящий на сербском народном языке. С этническими границами сербского народа совпадают языковые границы сербского языка (штокавского наречия). Язык этот назывался не только *сербским языком,* но также и *словинским, славяносербским, иллирийским, далматинским, дубровницким, боснийским, славонским, хорватским, нашим языком* и т. д.

В XIX в. было незначительное число хорватов, которые, живя по соседству с сербами и находясь под их влиянием, говорили и по-сербски (по-штокавски). В этом нет ничего удивительного: всегда есть определенная часть этноса, говорящая на языке другого народа. Вплоть до 70-х гг. XIX в. было больше хорватов, говоривших на немецком или итальянском, чем тех, которые говорили по-штокавски (по-сербски); тем не менее немецкий и итальянский языки там не назывались хорватско-немецким и хорватско-итальянским.

Хорваты не удовлетворились только тем, что переняли сербский литературный язык, но и, сразу после ухода из жизни Вука Караджича, совершили беспрецедентный в истории какого бы то ни было другого языка акт: к сербскому наименованию в названии языка присоединили и хорватское наименование. Так, вместо *сербского языка* в Хорватии он стал *хорватским или сербским,* потом *сербскохорватским* или *хорватскосербским,* а после распада социалистической Югославии хорваты полностью изъяли из названия определение *сербский,* так что сербский язык иекавского произношения, который они переняли в XIX в., попросту переименовали в *«хорватский литературный язык».*

В Социалистической Федеративной Республике Югославии сербам мусульманского вероисповедания был придан статус «народа», и как только Югославия распалась, они переименовали *сербский язык,* до тех пор называвшийся *сербскохорватским,* в «боснийский язык». Таким образом, *сербский язык* посредством переходных терминов *хорватский или сербский* и *сербскохорватский* или *хорватскосербский* в конце XX в. получил три независимых названия: *сербский, хорватский* и *боснийский язык.*

В двух из трех названий утрачена терминологическая связь с сербским языком, и это служит якобы главным доводом в пользу провозглашения этих языков особыми языками. И хорваты, и боснийские мусульмане изощряются в том, чтобы придать «своим языкам» как можно больше дифференциальных по отношению к сербскому языку признаков, чтобы тем самым попытаться доказать, что эти «языки» не только не подпа-

дают под сербский язык, но никогда и не брали свое начало из сербского языка. Подобные попытки не имеют под собой никакого научного обоснования и искажают истину об идентичности, характере и статусе сербского языка.

Обособление «литературных языков» на конфессиональной основе [ср.: Мечковская 1998; Борак 1998; Митровић 1992]. В Королевстве сербов, хорватов и словенцев, созданном в 1918 г., считалось, что на сербскохорватском языке говорят лишь два народа: сербы и хорваты (согласно другой концепции – один двуименный народ «сербо-хорваты»). В новой Югославии (при Б. Тито) отстаивалась точка зрения, согласно которой на сербскохорватском языке говорят три народа: сербы, хорваты и черногорцы (а с 1967 г. и четвертый «народ» – мусульмане). Несмотря на то что религиозная принадлежность не может служить дифференциальным признаком языка, именно она и была использована для того, чтобы раздробить единый (многоконфессиональный) сербский народ на искусственные религиозно-территориальные объединения.

Идея о том, что народы приобретают свою идентичность на основании веры, а не языка, идея, противостоящая идее Вука Караджича, нигде в Европе не принята. Поскольку ее навязывали на протяжении более ста лет (причем в Югославии Б. Тито и посредством государственных инструментов), она дала свои плоды: католическая часть популяции, говорящая на штокавском наречии, *кроатизирована* и идеей государственности связана с этническими хорватами, т.е. чакавцами, и с кайкавцами, тогда как мусульманская часть популяции была провозглашена особым народом. Так случилось, что носители одного языка разделены на три «народа».

Программа обособления «литературных языков» на конфессиональной основе нашла свое отражение и в Дейтонском договоре (1995), имеющем четыре равноправных текста, один из которых написан на английском, а три остальных на сербском языке, причем *сербским языком* в данном документе считается только *экавский кириллический вариант,* в то время как *два* иекавских *варианта* латинской графики *сербского литературного языка* именуются в нем «хорватским» и «боснийским» языками.

Сербский язык и его варианты [Маројевић 1996, 2011; Слово 1998; Ковачевић 2003, 2008; Стојановић 2008; Ковачевић, Шћепановић 2011]. Сербский язык с генетически и структурно принадлежащими ему диалектами – это центральный южнославянский язык, на основании которого Вук Стефанович Караджич кодифицировал (современный) сербский литературный язык.

В семействе славянских языков сербский выделяется способностью обновления йотации как праславянского языкового явления.

Сербский язык имеет единую систему гласных, но ввиду различных реализаций праславянского гласного «ять» в нем различаются *три произ-*

ношения: иекавское, или южное, экавское, или восточное, и икавское, или западное [ср.: Караџић 1814: 105–106].

Ударение в сербском языке является тоническим, или музыкальным, как и в праславянском. Новоштокавская просодическая система, на основе которой создан сербский литературный язык (все его произносительные, графические и конфессиональние варианты), с двумя восходящими и двумя нисходящими ударениями и различением заударной долготы, – это уникальное явление не только в славянских, но и в индоевропейских языках.

Сербский язык и сегодня, как и во времена Вука Караджича, есть язык всех носителей штокавского наречия, ибо штокавское наречие полностью сербское, и оно распространяется на три религиозно-культурные общности сербского народа. На этом языке созданы сербские народные песни, написан «Горный венец» Петра П. Негоша, переведены Ветхий и Новый завет (Библия), на нем создана художественная литература нового времени.

Современный сербский язык употребляют сербы католического и сербы мусульманского вероисповедания как свой литературный язык. Этот язык по своей грамматической и фонетической системе был и остался одним единственным *сербским языком*, как его кодифицировал Вук Караджич.

В современном сербском литературном языке существуют два произношения: *иекавское* и *экавское.* Эта особенность является имманентным признаком сербского литературного языка (и у самих православных сербов); следовательно, она не была да и не может быть дифференциальным признаком относительно «хорватского» (католического) и «бошняцкого» (исламского) варианта сербского литературного языка.

Иекавский вариант произношения в редакции Вука Караджича *принят в середине* XIX *в. в Хорватии;* этим фактом и воспользовались хорваты, чтобы оправдать введение двучленного названия для сербского языка (*так называемый* «хорватский или сербский язык»). В последнее время, однако, пропагандируется екавский вариант произношения [ср.: Пипер, Клајн 2013: 16], получивший свое обоснование в том факте, что в ближайших сербских иекавских говорах (говоры Лики и Кордуна) имеет место односложная *ије-реализация* долгого «ять» (т.е. неслоговое *и* и долгое *је* вместо *ије).* Екавский вариант сербского литературного языка отличается только произношением слов типа *лијепо, млијеко, вријеме* – в нем отдается предпочтение односложному *ије-произношению,* в то время как в написании этот вариант не отличается от иекавского (в обоих случаях пишется *lijepo, mlijeko, vrijeme*).

Сербы *православного* вероисповедания (в Сербии, Черногории и Республике Сербской, так же как и в Славонии, Сербской Крайне и по-

всюду в мире), независимо от того, пользуются они иекавским или экавским вариантом произношения, пишут кириллицей или латиницей, свой литературный язык называют *сербским (литературным) языком.*

Сербский язык совпадает со штокавским наречием. Так же как не существовало хорватов и словенцев штокавцев, никогда не было ни сербов чакавцев, ни сербов кайкавцев. И сегодня нет сербов нештокавцев, а большинство несербов штокавцев составляют сербы, *принявшие другую веру* [ср.: Слово 1998: 71].

Сербы *католического* вероисповедания пользуются иекавским вариантом сербского литературного языка (иекавского и екавского произношения) и, главным образом, латинской графикой, употребляя при этом искусственно созданные новообразования и ряд лексических и ономастических заимствований, присхождение которых обусловлено латинским языковым посредничеством. *Иекавским вариантом* сербского литературного языка *пользуются и этнические хорваты* (чакавцы), и жители исторического Словиня (кайкавцы, также сегодня именуемые хорватами), **но это не их родной язык**. Налицо несоответствие между формальным названием «хорватский литературный язык» и фактической этнической принадлежностью. В плане собственно лингвистическом так называемый хорватский литературный язык – это *загребский вариант сербского литературного языка* [ср.: Слово 1998: 32, 71; Ковачевић, Шћепановић 2011: 57].

И у хорватов есть свой самобытный язык, отличающий их от других народов (чакавское наречие). Однако с XIX в. хорваты создали богатую литературу на сербском литературном языке. То, что сегодня именуется «хорватской языковой разновидностью» и даже «хорватским языком», в научном смысле может быть приемлемо только как один из вариантов сербского литературного языка.

Сербы *исламского* вероисповедания пользуются иекавским вариантом сербского литературного языка, употребляя при этом незначительное количество слов ориентального происхождения, посредством которых они хотят подчеркнуть свою культурную самобытность, однако свой вариант литературного языка (начиная с последнего десятилетия XX в.) этнически неточно называют «боснийским литературным языком». Поскольку здесь налицо несоответствие между формальным названием и фактической принадлежностью, так называемый «боснийский литературный язык» – это (в плане собственно лингвистическом) *сараевский вариант сербского литературного языка.*

Исламизированная часть популяции, говорившая в течение многих веков на сербском языке, в первую очередь в Рашкой, а также в Косово и Метохии, составляя обособленную религиозную общность, отличается определенной языковой спецификой, но никак не особым языком.

Письмо [см.: Маројевић 1991]. В сербском литературном языке ис-

пользуются два равноправных письма: кириллица и латиница. Сербы являются культурными наследниками старославянской письменности и ее *азбук,* а старославянская глаголица и кириллица суть два сербских исторических письма.

На основе тысячелетней сербской и славянской кириллической письменности Вук Стефанович Караджич создал национальное фонетическое письмо – сербскую кириллицу, являющуюся стержнем вертикали сербской духовной, культурной и исторической идентичности.

У сербов есть и еще одно письмо – приспособленная к кириллице Вука сербская латиница [Маројевић 1991, 2011; Симић 2005; Милосављевић 2006; Стојановић 2008]. Употребление письма не является национальным дифференциальным признаком, и, соответственно, латиница представляет собой составную часть сербской культуры.

Итак, в заключение отметим, что в современной научной сербистике [ср.: Ковачевић, Шћепановић 2011: 57] ключевой термин *сербский язык* функционирует в двух ипостасях: как **гипероним и когипоним** по отношению к номинациям *хорватский, бошняцкий / боснийский, черногорский.* Как гипероним только он один (сербский) имеет статус собственно лингвистического языка; остальные же «языки» лишены такого свойства, являясь всего лишь языками политическими (это «языки» только по названию), тогда как в плане лингвистическом они представляют собой не что иное, как **варианты** сербского (полицентрического) языка.

Библиографический список

Борак С. Срби католици. Нови Сад: СД „Др Јован Рашковић“, Београд: СДК Зора, 1998. 175 с.

Живкович Б. Для языка нет границ! /Перевод с сербского Савы Росич // URL http://www.srbija.ru/mat/lang/442-id. (Дата обращения: 09.08.2011.)

Закључак. О српском језику у иностранству. Закључак бр.11. 17.12.1999 // URL http://www.rastko.rs/filologija/odbor/odluka011_c.html. (Дата обращения: 14.03.2014.)

Караџић В. Писменица сербскога їезика, по говору простога народа написана Вуком Стефановићем Сербиіанцем. У Виенни. 1814. 107 с.

Ковачевић М. У одбрану језика српскога. Београд: Требник, 1997. 245 с.

Ковачевић М. Српски језик и српски језици. Београд: БИГЗ, СКЗ,2003. 235 с.

Ковачевић М. Идентитет српскога језика у огледалу лингвистике и политике // Српско питање и србистика. Излагања. Закључци и прилози. Зборник радова 3. Бачка Паланка – Ваљево, 2008. С. 111–123.

Макушев В.В. Матеріялы для истории дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузской Республикой. М.: Университетская типография (Катков и К°), 1865. 196 с.

Маројевић Р. Ћирилица на раскршћу векова: Огледи о српској етничкој и културној самосвести. Горњи Милановац: Дечје новине, Београд: Српски фонд словенске писмености и словенских култура, 1991. 192 с.

Маројевић Р. Српски језик у породици словенских језика // Српски језик: студије српске и словенске. 1996. Бр.1–2. С. 334–342.

Маројевић Р. Српска политика о етносу, језику, књижевном стандарду и писму. Бања Лука: Арт принт, 2011. 102 с.

Маројевић Р. Проф. др Радмило Маројевић о србистици, етногенези, глотогенези и културном идентитету Срба // URL http://www.vaseljenska.com/vesti/prof-dr-radmilo-marojevic-o-srbistici-etnogenezi-glotogenezi-kulturnom-identitetu-srba. (Дата обращения: 17.02.2014.)

Матузкова Е.П. Идентичность как объект изучения лингвистики: проблематика и перспективы // Записки з романо-германської філології. 2012. Вып. 28. С. 90–97.

Мечковская Н.Б. Язык и религия. Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Агентство „ФАИР“, 1998. 352 с.

Милосављевић П. Српска писма. Бања Лука: Бесједа, Београд: Арс Либри, 2006. 525 с.

Митровић Ј. Српство Дубровника. Београд: Српска књижевна задруга: Завод за уџбенике и наставна средства, 1992. 303 с.

Невекловский Г. Языковое состояние на территории распространения бывшего сербохорватского языка // Славяноведение. 2001. № 1, С. 39–50.

Орбини М. Славянское царство (превод с итальянского Юрия Куприкова; название подлинника: Il Regno degli Slavi . Pesaro. 1601). М.: ЗАО Олма Медиа Групп, 2010. 528 с.

Первольф И. Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Том II. Варшава: Типографія Ковалевского, 1888. 616 с.

Пипер П. Српски између великих и малих језика, Београд: Београдска књига, 2003. 296 с.

Пипер П. Српски у кругу словенских језика // Књижевност и језик. 2007. Бр. 1–2. С 1–12.

Пипер П., Клајн И. Нормативна граматика српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2013. 582 с.

Симић Р. И латиница је српско писмо // Нова Зора. 2005. Бр.5. С. 153–160.

Слово. Слово о српском језику / Уредник А.Марковић. Београд: Фонд истине о Србима, 1998. 73 с.

Сотировић В. Критика интерпретације филолошких ставова Вука Стефановића Караџића од стране 'југословенске интегралистичке филологије' // Зборник Матице српске за славистику. 2005. Бр.68. С. 47–61.

Стојановић А. Поново о «једном језику» // Глас Сербоне: Друштво за научно истраживање најстарије историје Срба. 2006. Бр. 20. С. 34–38.

Стојановић А. Српско питање и србистика. Зборник радова 1–3 / Приредили Петар Милисављевић, Момчило Суботић. Бачка Паланка: Логос. Ваљево: Књиготворница Логос. 2007–2008. 530 с. + 277 с. + 337 с. // Стил. 2008. Бр.7. С. 381–392.

Tošović B. Disolucijske godine (1990–2004) srpskih pogleda na odnose između srpskog, hrvatskog i bošnjačkog jezika // Srpski pogledi na odnose između srpskog, hrvatskog i bošnjačkog jezika /ur. B.Tošović, A.Wonisch. I/4. Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz, Beogradska knjiga, 2012. C. 525–608.

Тошович Б. Особенности боснийского/бошняцкого языка по отношению к сербскому и хорватскому // Slavia Islamica: Language, Religion and Identity. Robert D. Greenberg, Motoki Nomachi (ed.). Sapporo: Slavic Research Center. Hokkaido University, 2012. С. 9–64.

Харузин А.Н. Боснія-Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии (съ картою). СПб. 1901. 310 с.

Цыганова К.Л. Проблемы перевода фразеологических единиц (на материале русского, сербского и хорватского языков). Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. Междунар. науч. конф., посвященная 200-летию Казанского ун-та (Казань, 4–6 октября 2004 г.).Труды и материалы. Под общ. ред. К.Р.Галиуллина, Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 94–95.

Чимирис Е. Фактор языковой идентичности в украинской политике // Космополис. 2007. № 2(18). лето. С. 39–54.

A. Stojanovic
Professor, Head of the Department of Foreign Languages
University of Belgrade

IDENTITY OF THE SERBIAN LANGUAGE

This paper explores some of the current issues of identity of the Serbian language on the post-Yugoslav territory (the name of the language, script, status of ijekavian dialect).The author concludes that the problems of determining the identity were solved in Serbia by the agreement of non-linguistic, that is, political authorities.

Key words: identity; Serbian language; Latin alphabet; ijekavian; Serbistics.

УДК 82.394(470.5):004

Шкураток Юлия Анатольевна
старший преподаватель кафедры
русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
shkuratok@mail.ru

Айдаров Юрий Рафаэлевич
старший преподаватель кафедры
процессов управления и информационной безопасности
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
yuriy.aydarov@gmail.com

О СОЗДАНИИ ЭЛЕКТРОННОГО АРХИВА МИФОЛОГИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ [1]

Статья посвящена проблеме формирования электронного архива мифологических рассказов Пермского края. Собранные в течение многих десятилетий экспедиционной работы материалы, не введенные в научный оборот, требуют оцифровки, необходима разработка полнотекстовых баз данных. Созданный электронный архив нуждается в создании системы вспомогательных исследовательских инструментов, прежде всего, системы поиска.

Ключевые слова: мифологические рассказы; Пермский край; электронный архив; система интеллектуального поиска.

В течение многих десятилетий усилия отечественных ученых были направлены на документирование и исследование традиционного фольклора. Появившийся в 50-х гг. XIX в. интерес к быту, культуре, языку крестьян, устному народному творчеству во 2-й половине XIX в. перерос в активную собирательскую работу, в которую были вовлечены многие образованные люди того времени: грамотные крестьяне, священники, учителя, писари. Первые наблюдения, описывающие фольклорную традицию Прикамья, публикуются в «Записках Уральского общества любителей естествознания», «Пермских губернских ведомостях», чуть позже появляются отдельные сборники фольклорных материалов. В конце XIX – начале XX вв. проявляют себя профессиональные ученые, сосредоточившие свое внимание на собирательской и исследовательской работе, в частности, значительный вклад в описание фольклора региона внесли П.С. Богословский и В.Н. Серебренников.

В дальнейшем в связи с серьезными изменениями в стране фольклористика, как и многие другие отрасли научного знания, переживает не

© Шкураток Ю.А., Айдаров Ю.Р., 2014

лучшие времена. Систематическая работа по сбору и исследованию фольклорного наследия возрождается в 1950-х: при многих университетах организовываются фольклорные экспедиции, в программе студентов филологических факультетов закрепляется обязательная фольклорная практика. Уже в 1960-е появляются публикации: увидели свет архивные материалы В.Н. Серебренникова, работавшего перед войной в Пермском педагогическом институте, активно занимается собирательской работой и подготовкой изданий И.В. Зырянов [Подюков 1998]. Материалы экспедиций, проведенных в конце 1950-х гг. сотрудниками и студентами кафедры русской литературы Пермского государственного университета, были собраны в двухтомнике «Народные песни Пермского края» (1966 г., составители М.А. Ганина, Р.В. Комина).

В 1980–1990-е гг. Пермский госуниверситет продолжает собирательскую и исследовательскую деятельность, организуется лаборатория «Фольклор Прикамья» под руководством К.Э. Шумова, был сформирован богатый архив, включающий записи песенного фольклора, быличек, иных фольклорных жанров. В 1991 г. К.Э. Шумовым были опубликованы 329 текстов мифологических рассказов в сборнике «Былички и бывальщины: Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье» [Былички и бывальщины 1991], что из всего корпуса записанных текстов, пополняемого до сих пор, составляет очень небольшую часть.

За годы существования фольклорных экспедиций было собрано огромное количество материалов. Однако на сегодняшний момент стоит можно констатировать, что большинство записей хранятся в личных архивах фольклористов, зачастую недоступных исследователям, в виде экспедиционных тетрадей на кафедрах и в лабораториях пермских университетов, многие аудиозаписи до сих пор не расшифрованы и нуждаются в реставрации и, по возможности, оцифровке.

Размышляя над перспективами развития пермской фольклористики, руководитель лаборатории «Фольклор Прикамья» и инициатор проекта «Свод фольклорно-этнографических материалов» при Пермском областном краеведческом музее К.Э. Шумов особо подчеркивает важность введения в научный оборот фольклорного наследия региона: «Основной проблемой для работающих сегодня является очень небольшая степень использования записанных материалов. <…> Экспертная оценка показывает, что количество введенных в оборот (научный или практический) текстов не превышает 10 процентов, а по отдельным жанрам и вовсе стремится к нулю. Такая ситуация <…> в перспективе должна измениться. Тогда и понадобится сводная коллекция записей фольклорных текстов» [Шумов 1998: 35–36].

В последние годы издательская деятельность активизировалась: архивные материалы публикуют Институт славяноведения, Российский государственный университет, многие региональные центры. Нужно отме-

тить публикаторскую работу Центра этнолингвистики народов Прикамья при Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете. Однако и сейчас доступна широкому кругу исследователей лишь небольшая часть материалов.

Помимо этого, стоит отметить, что существующие бумажные публикации имеют существенный недостаток: используя их, исследователю затруднительно решать задачи, связанные с обработкой больших массивов текстов и извлечением из них нужной информации. Например, выборка лексики определенных тематических групп из сборника «Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX в.» требует пристального прочтения четырех томов объемом около семисот страниц каждый. Таким образом, на сегодняшний момент в современной фольклористике можно говорить не только о доступности собранных в течение десятилетий фольклорных материалов, но и о проблеме применения в указанной области современных технологий, создания электронных архивов и вспомогательных исследовательских инструментов (а подобные проекты уже существуют для многих зарубежных фольклорных коллекций).

Проблемы выработки универсальных принципов создания фольклорных архивов, разработки систем поиска обсуждаются во многих докладах, статьях, монографиях: «Принципы построения полнотекстовой базы данных по фольклорным материалам» [Алпатов, Ковпик 2000], «Проблемы компьютеризации фольклорных архивов» [Мороз 2004], «Конкорданс русской народной песни: Песни Курской губернии» [Бобунова, Хроленко 2007], «О разработке баз данных медиа-архива фольклорных записей» [Адоньева, Веселова 2008], «Принципы создания полимедийных баз данных по фольклору» [Власова 2009], «Русский фольклор в современных записях: мультимедийный архив» [Захаркина 2009], «Русский фольклор в современных записях: задачи нового этапа разработки информационной системы» [Адоньева, Захаркина 2009] и др. Не умаляя достоинств созданных в последнее время архивов (например, одного из крупных проектов – мультимедийного архива «Русский фольклор в современных записях»), в целом не потеряла актуальности характеристика анализируемой сферы, озвученная на Ломоносовских чтениях в 1999 г.: «…мы по сути дела повсеместно встречаем самодеятельные электронные массивы данных, создание которых преследует в каждой организации, как правило, свои весьма конкретные практические цели (электронный каталог, облегчающий поиск нужного материала; мультимедийное представление локальной фольклорной традиции и сведений по этнографии в педагогических и популяризаторских целях; подборка текстов для проведения какого-либо научного исследования и т. д.)» [Алпатов, Ковпик 2000]. В отличие от отечественных архивов, к созданию многих зарубежных фольклорных баз данных (например, Датского фольклорного архива, Голландской фольк-

лорной базы данных и др.), содержащих десятки тысяч текстов, привлекаются команды программистов и/или компьютерных лингвистов. Результатом этого сотрудничества является оснащение огромных баз фольклорных текстов сложным поисковым аппаратом, системами визуального представления и пр. Активность работы по созданию подобных систем и вовлеченность в нее многих лабораторий позволяет Дж. Абелло, П. Бродвеллу и Т. Тангерлини декларировать появление нового направления – «Вычислительной фольклористики» [Abello и др. 2012].

Создание больших фольклорных архивов имеет принципиальную сложность, связанную с природой фольклорного текста – отсутствие автора в привычном понимании этого слова и названия. Тексты рассказов о колдунах в большинстве своем не содержат ни слова «колдун», ни его «синонимов». Это значительно усложняет поиск необходимого исследователю материала, что ставит перед разработчиками серьезную проблему оснащения архива интеллектуальным поиском. Фольклорные тексты, как известно, имеют определенный круг устойчивых мотивов и средств их лексического выражения, и эти свойства текстов можно положить в основу поисковой системы.

В современных западных архивах сложилось несколько подходов к представлению внутреннего содержания текстов. Первый из них связан с представлением текста в виде тезауруса ключевых слов. Аннотирование текстов ключевыми словами, как правило, производится группой ученых вручную. Например, этот подход реализуется в Голландском фольклорном архиве. Ключевые слова – это один из простых путей дать поверхностное представление о тексте, которое в дальнейшем помогает исследователю отбирать нужные для него материалы. Подход имеет как свои преимущества, так и недостатки. Один из недостатков состоит в том, что выбор ключевых слов осуществляется вручную и не лишен субъективности. Было замечено, что в определении ключевых слов ученые, занимающиеся аннотированием, не всегда согласны друг с другом, некоторые стабильно в качестве ключевых слов выбирают либо гипонимы, либо гиперонимы. Вторая трудность заключается в том, что этот процесс производится вручную и требует временных затрат. Перспективным в этом случае видится автоматизация отбора ключевых слов, так как в большинстве случаев ключевые слова, отобранные вручную, уже содержатся в самих текстах [Trieschnigg и др. 2013].

Особое место в исследовании фольклорных текстов занимает инструментарий, ориентированный на решение задач классификации и категоризации. В рамках решения этих задач коллекция фольклорных текстов без ограничения общности может быть рассмотрена как корпус текстов с применением соответствующих методов и алгоритмов. Наиболее эффективными на практике [Abello и др. 2012] считаются следующие пять подходов, которые подробнее будут описаны далее: частотный анализ, иерар-

хическая онтология, использование существующей системы индексирования текстов, топонимический подход, персональный подход.

Частотный анализ предполагает подсчет количества определенных элементов словаря. Также возможно составление статистики по частотам биграмм. Такой подход позволяет получить оценку значимости текста для проведения исследований. В том случае, если в тексте присутствуют заданные словарные единицы или считающиеся характерными биграммы в заданных пропорциях, тексту присваивается набор значений, определяющих степень принадлежности категориям фольклорных текстов. Выполнение частотного анализа предполагает сравнение словаря, построенного на основе изучаемого текста, и набора слов, подготовленных исследователем. Это может быть выполнено с помощью вычислительно эффективного алгоритма на основе поиска заданной строки в тексте. Основным недостатком частотного анализа в контексте изучения фольклорных текстов на русском языке является наличие в текстах различных диалектных вариантов, что может приводить к потере информации о грамматических особенностях текстов и, соответственно, уменьшению научной ценности результатов исследований.

Следующий метод заключается в добавлении структурно-семантического описания текста, выполненного по какой-либо из разработанных в фольклористике схем. Использование иерархических онтологий предполагает наличие многоуровневой системы категорий, например, в качестве категорий первого уровня используются следующие: действия и события; представители животного мира; люди; местность; стилистические черты; сверхъестественные силы; время дня, время года, погодные явления; инструменты, оружие. Общее количество категорий второго уровня в разработанной иерархии может быть более ста. (Например, в Датском фольклорном архиве использовались 9 основных категорий с 125 подкатегориями второго уровня.)

Методология иерархических онтологий основывается на структурном подходе, изложенном В.Проппом в «Морфологии волшебной сказки» (структурные схемы впоследствии дорабатывались А.Дандесом и многими др. фольклористами). Использование описанных в данной книге категорий позволяет проводить качественное сравнение волшебных сказок на разных уровнях, даже при сопоставлении текстов, образующих разные словари. Основным недостатком иерархических онтологий является сложность алгоритмического морфологического анализа. В настоящее время разработка системы категорий выполняется исследователями вручную, что значительно затрудняет развитие метода.

В том случае, если коллекция фольклорных текстов создавалась в рамках определенной научной школы или под руководством конкретного исследователя, сборники текстов могут содержать единообразные описания каждого из элементов. Такие описания, как правило, позволяют опре-

делить содержание текста. Чаще всего элементы коллекций объединены по жанровому принципу, затем внутри коллекции сгруппированы по темам (например, «Ведьмы и колдуны»), темы также могут иметь подразделение на подкатегории, такие как «Превращение ведьмами людей в животных».

Безусловно, на текущий момент все системы индексирования фольклорных текстов выполнены без использования средств автоматизации. Преимуществом данного подхода является возможность предварительного изучения системы индексирования, что облегчает работу с коллекцией, а также сопоставление сходных по составу коллекций. В качестве недостатка метода можно выделить ситуации, когда в подкатегориях оказывается единственный текст, что делает систему индексирования неоднородной, сложной для применения в исследовательских целях.

Топонимический метод является достаточно эффективным и хорошо зарекомендовал себя на практике. В рамках данного подхода учитываются локации, упоминающиеся в тексте, а также та местность, в которой текст был записан. Практически во всех исследованиях фольклора используется взаимосвязь между физическим окружением и традиционными представлениями информантов. Таким образом, этот метод позволяет сопоставлять географическое окружение и атрибуты текста. Большим преимуществом метода является возможность создания геоинформационной системы с отображением текстов на карте и группировкой их по месту сбора. Таким образом, географический контекст становится доступным исследователям в явной форме. В качестве недостатка топонимического метода стоит указать изменение окружения с течением времени (создание водохранилищ, строительство городов и крупных промышленных предприятий, транспортных коммуникаций), а также изменение названий мест (переименование населенных пунктов, появление официальных названий возвышенностей и водоемов).

Персональный подход основывается на использовании собственных имен, упомянутых в текстах, а также имен информантов. Люди, о которых говорится в фольклорных коллекциях, как правило, описываются в части социального статуса, национальной принадлежности, возраста, профессии и т.д., что имеет большую ценность в исследовании культуры соответствующей местности и времени.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

1. Богатый фольклорный материал, собранный на протяжении десятилетий экспедиционной деятельности университетов хранятся в виде аудиозаписей, экспедиционных тетрадей, ожидая публикации и введения в научный оборот. В Пермском университете собраны тысячи текстов мифологических рассказов, представляющий собой чрезвычайно ценный для исследователей материал ввиду хорошей сохранности пермской традиции.

2. На современном этапе развития технологий представляется рациональным создание электронного архива, имеющего ряд преимуществ по сравнению с традиционными бумажными сборниками.

3. Работу над созданием электронного архива мифологических рассказов Пермского края стоит начать с оцифровки текстов и присвоения метатекстовой информации (ФИО собирателя, населенный пункт, район, ФИО информанта, год рождения, пол, тематический раздел издания (для опубликованных текстов), географические названия).

4. Создание электронного архива требует разработки вспомогательных исследовательских инструментов, прежде всего, системы поиска.

5. В существующих наработках по созданию интеллектуальных систем поиска для фольклорных текстов наиболее эффективными считаются следующие пять подходов: частотный анализ, иерархическая онтология, использование существующей системы индексирования текстов, топонимический подход, персональный подход, которые и будут апробированы.

Применение ряда разработанных в компьютерной лингвистике методик к текстам мифологических рассказов позволит создать систему интеллектуального поиска и визуального представления текстов, что будет способствовать как введению в научный оборот большого количества неопубликованных материалов, так и решению исследовательских задач, связанных с выявлением различного рода закономерностей в текстовых массивах.

Примечания

[1]Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-34-01279а2.

Библиографический список

Адоньева С.Б., Веселова И.С. О разработке баз данных медиа-архива фольклорных записей // URL: http://vvz.nw.ru/Projects/Folk/local_db_2008.htm. (Дата обращения: 17.10.2014.)

Адоньева С.Б., Захаркина В.В. Русский фольклор в современных записях: задачи нового этапа разработки информационной системы // URL: http://vvz.nw.ru/Projects/Folk/phil_conf_2009.htm. (Дата обращения: 17.10.2014.)

Алпатов С.В., Ковпик В.А. Принципы построения полнотекстовой базы данных по фольклорным материалам // URL: www.philol.msu.ru/~folk/files/lib/ SAVUSH99.doc. (Дата обращения: 17.10.2014.)

Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни: Песни Курской губернии. Курск, 2007. 257 с.

Былички и бывальщины: Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / сост. К.Э. Шумов. Пермь: Перм. книж. изд-во, 1991. 412 с.

Власова Г.И. Принципы создания полимедийных баз данных по фольклору // URL: repository.enu.kz/bitstream/handle/123456789/4241/principy-sozdaniya-polimediinyh-baz-dannyh.pdf. (Дата обращения: 17.10.2014.)

Захаркина В.В. Русский фольклор в современных записях: мультимедийный архив // URL: http://vvz.nw.ru/Projects/Folk/ims_2009.htm. (Дата обращения: 17.10.2014.)

Мороз А.Б. Проблемы компьютеризации фольклорных архивов // Типология фольклорной традиции: актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2004. С. 86–88.

Подюков И.А. И.В. Зырянов и становление фольклористики Прикамья // И.В. Зырянов и традиции пермской фольклористики. Пермь, 1998. С. 4–15.

Шумов К.Э. Перспективы развития пермской фольклористики // И.В. Зырянов и традиции пермской фольклористики. Пермь, 1998. С. 30–38.

Abello J., Broadwell P., Tangherlini T.R. Computational folkloristics // Communications of the ACM, 2012. 55(7). P. 60–70.

Trieschnigg D., Nguyen D., Theune M. Learning to Extract Folktale Keywords // Workshop on Language Technology for Cultural Heritage, Social Sciences, and Humanities at ACL, 2013. P. 65–73.

Y.A. Shkuratok
Senior lecturer in Russian Languages and Stylistics Department
Perm State University

Y.A. Aydarov
Senior lecturer in Management Processes and Information Security Department
Perm State University

ON CREATION OF MYTHOLOGICAL STORIES' DIGITAL ARCHIVE OF THE PERM KRAI

The e-archive of folklore texts of Perm krai problem is described in the paper. Texts being collected for decades are needed to be digitized and put into a database with fulltext search. The e-archive should be provided with a toolset, especially for search of different types.

Key words: mythological texts; Perm krai; e-archive; intelligent search tool.

СОВРЕМЕННОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

УДК 82-4: 070

Гришина Евгения Николаевна
студентка III курса филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
genya1409@mail.ru

Куличкина Галина Васильевна
доцент кафедры журналистики
и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
kulgv@list.ru

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТЕМЫ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ЧЕЧНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРМСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ 1995 г.)

Одной из центральных в современной теории и практике публицистики является проблема жанров, составляющих текстовое пространство массовой коммуникации XXI в. Ее анализ на малоизученном материале пермской региональной прессы 1995 г., отражающем военные действия в Чечне, дает возможность проследить, как конкретные цели и задачи журналистского творчества диктуют жанровое своеобразие публицистического текста.

Ключевые слова: публицистические жанры; журналистское творчество; массовая коммуникация; военные действия в Чечне; пермская региональная пресса.

Современная отечественная журналистика функционирует в условиях плюралистических подходов к определению многих ведущих понятий журналистской деятельности. В том числе таких, как массовая коммуникация, формирование информационной повестки дня, формы представления фактов, мнений, духовно-нравственных ориентиров. Жанр как устойчивый комплекс формально-содержательных компонентов под влиянием данных обстоятельств трансформируется, меняет функции и обретает новые черты и особенности. Как говорил Ю.Н. Тынянов, размышляя о закономерностях эволюции литературы, «заказ “социального” ряда оказывается не равным “заказу” литературному и виснет в воздухе» [Тынянов 1977: 276]. Именно такой оказалась ситуация с жанрами в региональной прессе 1990-х гг.

Жанровой системе СМИ постсоветского периода посвящены работы А.А. Тертычного, М.Н. Кима, Г.В. Лазутиной, С.С. Распоповой, Л.Е. Кройчика, В.В. Смирнова, А.И. Акопова, Л.В. Шибаевой, Е.Е. Прониной, О.Р. Самарцева

© Гришина Е.Н., Куличкина Г.В., 2014

и др. Все авторы отмечают диффузию жанрово-стилистических свойств газетных текстов, усилившуюся к концу XX в., однако проблема жанровой классификации газетных публикаций постсоветского периода считается до сих пор нерешенной [Ляпун 2011].

Данная статья посвящена исследованию жанрового своеобразия публикаций газет «Звезда» и «Пермские новости», освещающих ход военных действий в Чечне. Цель – анализ жанрово-стилистических особенностей газетного текста в условиях правовой свободы слова и коренных изменений социальной действительности. Среди научных мнений о жанровой структуре публицистики мы опираемся на подход Г.В. Лазутиной и С.С. Распоповой, которые связывают данное понятие не с текстом, а с целостным представлением о творческой деятельности. «Для нас жанр, – считают они, – не тип текста, не группа текстов, обладающих устойчивыми содержательно-формальными признаками, а вид определенного творчества, отмеченный устойчивыми особенностями не только на уровне продукта (текст), но и на уровне способа деятельности» [Лазутина, Распопова 2011: 8].

События в Чечне 1994–1996 гг. для региональных журналистов предстали как факты экстраординарные, «у бездны мрачной на краю». Особенно кровопролитным оказался период с декабря 1994 г. по июнь 1995 г. Российские войска понесли большие потери. В результате штурма Грозного (декабрь 1994 – март 1995 г.) город был фактически уничтожен и превращен в руины. Возник вопрос: почему и во имя чего проливается кровь российских солдат и мирных жителей?

В Пермский край скорбные вести из Чечни начали поступать с января 1995 г. Пермские журналисты сразу откликнулись на происходящее. Наибольшее количество текстов было написано в январе, феврале и марте 1995 г. Материал на эту тему, как правило, появлялся на первых страницах региональной прессы. Но очень скоро тема Чечни стала продолжаться на внутренних или на последней страницах номера под рубриками «В горячих точках» у «Пермских новостей», «Чечня – боль общая» в «Звезде».

Военная тематика поначалу воплощалась в чисто информационных жанрах. Это были хроника или информационно-справочная информация, например, сообщения о событиях в Грозном от ИТАР-ТАСС, адреса для интерактивной связи с представителями Вооруженных Сил РФ под рубрикой «Горячие телефоны». Дальнейшее развитие событий в Чечне привело к нарушению журналистами основного правила информационной заметки – воздержание от личного суждения. В тексты стали вторгаться эмоции матерей и отцов, чьи дети оказались в смертоносном огне, личные мнения офицеров – отказников от службы в армии в Чечне по нравственным мотивам. Таковы заметки «А сыновья уходят в бой» Т. Яковлевой, «Будем честными. Хотя бы на войне» С. Жолобовой – обе от 13 января в «Пермских новостях»; «Возвращайся, сынок» Г. Трясцына от 3 февраля,

«Черный тюльпан – символ печали» В. Пырсикова от 13 января, «Не хочешь воевать – пиши рапорт» А. Бессмертных от 10 февраля, опубликованных в «Звезде».

Это был своего рода публицистический жанровый «конгломерат». Он означал, что журналисты нарушили традицию информационных жанров во имя социальной важности актуальных, но неоднозначных фактов, во имя полноты и достоверности представленности последних в тексте. Они сочли нужным в окончательном варианте текста сохранять даже черты своего расследования, проведенного при сборе скудной информации, что тоже явилось нарушением жанровых правил. Так, «Черный тюльпан...» В. Пырсикова сопровожден снимком Михаила Загуляева, запечатлевшим выгрузку гробов. Журналист отмечает: «Снимок к этому материалу наш фотокорреспондент сделал с трудом. Заместитель командира экипажа военно-транспортного самолета едва не разбил его камеру».

В информационных заметках активно используются экспрессивные стилистические средства, в том числе метафоры («… чтобы наутро лечь под колеса машин, увозящих мальчиков на войну», «материнский десант», «материнская разведка», «пули и осколки не щадят материнских сердец»); риторические вопросы (разговорно-бытовые: «Ну зачем же так издеваться над людьми?!», «Наши мужья в Чечне, что, только им там умирать!?», «Какая, к черту, гарантия?!» и публицистические: «И горький встает вопрос – кто следующий? Только кому его задашь? Военному ведомству <...>? Президенту? Правительству?», «Сколько их, “Черных тюльпанов” сегодня в небе России? И когда один из них приземлится в аэропорту Большое Савино?»); заголовки с лирическо-обощенным планом, рождающим в памяти читателя круг вполне определенных ассоциаций, как, например, «А сыновья уходят в бой», представляющий цитату из известного стихотворения В. Высоцкого на тему Великой Отечественной войны.

Типичным примером сращения репортажа и путевого очерка является публикация в «Пермских новостях» 20 января 1995 г. под названием «Подарки Чечни» Андрея Никитина. Читатель может задаться вопросом: какие от Чечни подарки, когда там льется кровь? Журналист в репортажном стиле рассказывает о том, чем его одарили встреченные во время командировки люди, он видит, что хотя они страдают от потерь и несправедливости, но в них остаются светлые, добрые начала. Подарки похожи на сувениры – мандаринка от кировского милиционера, пишущая авторучка с часами от владельца дома Магомеда, где заночевал журналист, осколок пули с армейского поста. Но важна память о людях, которые сделали жест доброй воли, как зафиксировал в своих заметках А. Никитин, «от чистого сердца». Своеобразным духовным подарком стало неожиданное личное крещение журналиста в православном храме и благословение от батюшки на благополучный исход командировки. Самым ценным подарком для журналиста оказалось письмо погибшего солдата: «С одной жен-

щиной, муж которой похоронил двух наших ребят, свела меня судьба. Она отдала мне их вещи – нательный крестик, блокноты с наивными солдатскими песнями, письма…». Картинки путевого очерка, начавшись с оптимистической ноты (подарок – это нечто хорошее и приятное), к концу пути наполняется иной «музыкой» – взрывами шариковых бомб, пулеметным шквалом, стонами жертв. «Всю ночь просидел я над солдатскими бумагами, размазывая слезы и проклиная последними словами идиотскую эту войну и тех, кто ее затеял» – данная фраза непосредственного лирического высказывания автора подвела итог репортажных картинок. Тема подарков из Чечни преобразовалась в многозначный факт-образ Войны, и это уже был элемент художественно-публицистического повествования. Командировка в «Горячую точку» стала для журналиста мостиком к более глубоким размышлениям. В марте 1995 г. в разгар предвыборной президентской кампании он опубликует на первой полосе «Пермских новостей» свою гражданскую публицистику «Я голосую против», где вспоминает свой репортерский блокнот, который «распух от встреч, боли и слез. Куда выплеснуть это?». Журналист объявляет о своей позиции против кандидатуры Ельцина, потому что не может простить политикам жуткой ошибки, «которая привела к трагедии».

Опубликованная в январе – феврале 1995 г. серия материалов под названием «С войной покончили мы счеты?» опровождается в газете заголовочным комплексом «Чечня: зона боев. Репортаж специального корреспондента “Звезды” Вальдемара Пырсикова». Репортажи даются большими «подвалами» с иллюстрациями фотокорреспондентов ИТАР-ТАСС. Репортажи пишутся, что называется, «с колес», у них одна цель – докопаться самому до истины. Места пребывания журналиста – окопы российских солдат, улицы Моздока с колоннами армейских КРАЗов, КамАзов, БТРов, БМП, Грозненский консервный завод, военный госпиталь, «прогулки» по городу под пристрельным огнем. Встречи и разговоры – с российскими солдатами и офицерами, с боевиками, беженцами, солдатскими матерями, чиновниками. Поэтому в текстах, помимо репортажных, есть элементы социологического опроса, представлены сцены из военной повседневности, например: «Хлесть, и в лоб мне нацелен “Макаров”. Жестко, холодно смотрит на меня майор. Трезвый, главное. Все. Точка. Но рука его вдруг падает на стол, выпущен пистолет. И что страшно – из только что ледяных глаз сплошным потоком текут слезы. “Прости, брат”», – тихо говорит Виктор.

Второй репортаж более похож на эссе о том, что такое Российская армия, идет личный журналистский анализ российской официальной прессы о войне в Чечне, непосредственные лирические высказывания, разбросанные то тут, то там и создающие общую атмосферу («Да, Россия... Плакать тебе еще, плакать...»). В третьей публикации (которая по жанру похожа на колонку обозревателя и соцопрос одновременно) из этой

серии автор рассуждает о том, что такое война, что принесла война людям. Ответ журналист ищет настойчиво и целеустремленно. Представлены двенадцать мини-интервью и авторские размышления. Общий итог – «погибшим и раненым ныне несть числа», «Чеченцы? Были и хорошие. Как без этого. Но внучку мою кто до смерти изнасиловал? Они же…»; «А мне здесь нравится... Стреляй да стреляй... И патронов сколько хочешь», в финале – авторское заключение: «Война – это люди. Они ожесточены, окопная грязь, кровь, трупы, гарь от сожженного железа, взаимная ненависть могут превратиться в вековую непримиримость».

Публицистические жанры у Пырсикова дополнены средствами документальной драмы: цитата из постановления администрации Моздока, предупреждающая об установлении времени продажи винно-водочной продукции в связи с участившимися случаями распития спиртных напитков и неосторожного обращения с огнестрельным оружием; Официальное заявление министра обороны Грачева об окончании в Чечне боевых действий; сцена разговора сына с матерью, свидетелем которой стал журналист: «Прости мама, я не могу ни бросить своих друзей, ни нарушить присягу»; стиль verbatium, например, агрессивность речей из окопов: «Гады вы все, и газетчики, и телевизионщики… да я тебя сейчас грохну, и ничего мне не будет...»; «Бля, под собственные бомбы пришлось попасть», «представляешь, е-мае, грязь, дым, и мы с ним лицом к лицу сталкиваемся»; контрастирующие с натуралистическим окопным стилем цитаты из стихотворной классики поэтов-фронтовиков: «Я знаю – никакой моей вины / В том, что другие не пришли с войны…» А. Твардовского и «Бой был коротким, /А потом / Глушил я водку ледяную...» С. Гудзенко, строфы старой любительской военной песни «И понесутся телеграммы родных, знакомых известить», пропетой хмельным старшим лейтенантом в моздокской гостинице. Наконец, личная публицистика с выходом к религиозным ценностям: «Господи, не ожесточиться бы...», «Господи, да все же религии провозглашают, что все люди – братья. Может, прислушаемся к Божьему голосу?». Так в процессе расследовательской журналисткой деятельности, направленной на выяснение правды, на основе осмысления военных событий участниками, очевидцами, жертвами, военными начальниками и лично журналистом с помощью синтеза жанров (когда органичного, когда – нет) возникает в тексте образ страшной войны, противоречивой, неоднозначной, разрушающей человека физически, опустошающей духовно.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Жанровое своеобразие текстов пермской региональной прессы при освещении военных действий в Чечне проявилось в том, что при начальной разработке темы журналисты опирались на группу информационных жанров. В дальнейшем по мере накопления фактов и мнений, собственных наблюдений и т.д. журналисты создавали тексты-конгломераты, в которых заметки и ре-

портажи дополнялись эмоциями, документами, опросами официальных лиц и общественности, собственными аналитическими и художественно-публицистическими размышлениями, нарративным повествованием. Все делалось во имя оперативного и достоверного знания о том, как «дышит почва и судьба» России, ее граждан в одном из южных регионов страны.

Библиографический список

Лазутина Г.В., Распопова С.С. Жанры журналистского творчества. М.: Аспект Пресс, 2011. 320 с.

Ляпун С.В. Смена приоритетов в жанровой системе периодической печати постсоветского периода // Вестник Адыгейского ун-та, сер 2. Филология и искусствоведение 2011, № 4 // URL: http://vestnik.adygnet.ru//files/2011.4/1415/lyapun 2011_4.pdf. (Дата обращения: 30.03.2014.)

Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.

E.N. Grishina
Student of Philological Faculty, 3rd year
Perm State University

G.V. Kulichkina
Associate Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

GENRE ORIGINALITY OF THE THEME MILITARY OPERATIONS IN CHECHNYA (ON PERM REGIONAL PRESS MATERIAL in 1995)

One of central in the modern theory and practice of journalism is the problem of the genres making text space of mass communication of the XXI century. Its analysis on the low-studied material of the Perm regional press 1995 reflecting military operations in Chechnya, gives the chance to track as specific goals and problems of journalistic creativity dictate a genre originality of the publicistic text.

Key words: publicistic genres; journalistic creativity; mass communication; military operations in Chechnya; the Perm regional press.

УДК 81’42

Землянухина Екатерина Дмитриевна
студентка филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
eka-terina@bk.ru

ИДЕОЛОГИИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА НА МАТЕРИАЛЕ ДИСКУРСИВНОГО ПОЛЯ ТЕМЫ «ОБОРОНА ЛЕНИНГРАДА»

В статье проанализировано создание нового дискурсивного поля темы «Оборона Ленинграда» в передаче В. Дымарского «Цена Победы». Выделен набор микротем, характерных для данного дискурсивного поля.

Ключевые слова: дискурс; политический дискурс; дискурсивное поле; микротема; тематическое структурирование; идеологема.

Одним из трендов исследований в лингвистике является анализ дискурса, дискурсивных полей, представляющих различную идеологию, ведь средства массовой информации играют важную роль в жизни современного человека. Под дискурсивным полем мы понимаем идейно-тематическое структурирование определенной объектной области некоторым типом дискурса, реализующим тот или иной вид идеологии. Как отмечают В.В. Васильева и В.А. Салимовский, дискурсивное поле есть «определенная сеть уже оцененных социумом предметных тем, причем оцененных по-разному разными группами людей» [Васильева, Салимовский 2011: 46]. Дискурсивное поле можно рассматривать как набор ценностей, характерный для той или иной идеологической группы. Причиной формирования дискурсивного поля служит существование идеологической борьбы, столкновения интересов.

Выбранная нами тема «Оборона Ленинграда», представленная в передаче В. Дымарского «Цена победы» и изданиях, реализующих институциональный государственный дискурс, является актуальной в современном российском обществе. Два указанных дискурсивных поля резко противопоставлены друг другу по набору микротем, раскрываемых классом однотипных высказываний, и степени «освещенности» данных микротем в дискурсивном поле.

Анализируя выпуски программы «Цена победы», посвященные блокаде Ленинграда, мы заметили, что авторы программы стараются изменить дискурсивное поле, сложившееся в обществе на основе печатных изданий, монографий, учебных пособий, созданных под контролем государства.

© Землянухина Е.Д., 2014

Мы выделили следующие микротемы: снабжение продовольствием жителей блокадного Ленинграда; жизнь партийного актива; взаимоотношения СССР и Финляндии; роль Ленинградского фронта в защите Ленинграда; доступность архивных документов; настроение людей в Ленинграде; защита Ленинграда ополчением; степень изолированности от неоккупированной территории.

Рассмотрим микротему «Снабжение продовольствием жителей блокадного Ленинграда» в дискурсивном поле передачи «Цена победы». Микротема реализуется посредством следующих высказываний: *Достаточно много есть свидетельств, как и опровержений вот того факта, что якобы во время войны, во время блокады Жданову и другому, надо сказать, партийному руководству чуть ли не самолетом завозили не только пирожные, но и икру, и так далее, и так далее; Есть… вот это миф или нет? Это я тоже хотел вас спросить. По поводу того, что там икру возили Жданову и так далее; А вот Даниил Александрович Гранин, даже он прокомментировал вот эту фотографию, которую он нашел, это «Ромовые бабы» называется, знаете, цеха… или не цеха, конечно, цех, который производил, и там есть фотография, прямо целый… такое, почти конвейерное производство ромовых баб там в огромном количестве для Смольного; Это вот этот больной вопрос продовольствия и о том, как кормился Смольный, да?*

Микротемы реализуются стереотипными высказываниями (вопросами, утверждениями), отличающимися лишь эмоциональными оценками. Данная микротема будет реализована иначе в дискурсивном поле, представляющем другую идеологию.

Таким образом, мы видим, что гиперболизируя, усиливая некоторые микротемы, автор внедряет их в массовое сознание людей, создавая тем самым новое дискурсивное поле.

Библиографический список

Салимовский В.А., Васильева В.В. О механизме продуцирования массмедийного политического текста // Мысль. Текст. Стиль / под ред. Л.Р. Дускаевой и В.И. Конькова. Санкт-Петербургский гос. ун-т, СПб.: 2011. С. 43–51.

E.D. Zemlyanuchina
Student of Philological Faculty
Perm State University

IDEOLOGY OF GOVERNMENT AND SOCIETY ON THE MATERIAL OF TEXTS ABOUT THE DEFENSE OF LENINGRAD

The article is devoted to discoursive analysis of a particular structuring of discourse. All texts taken as a material of our research are about the defense of Leningrad. The article gives a detailed analysis of special topics, brought up in the texts.

Key words: discourse; political discourse; discoursive field; topic; pattern.

УДК 81’24:372

Карпова Татьяна Борисовна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
tatyana_2000@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ РЕЧЕВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

В публикации представлен разработанный автором (в соавторстве с учителями Пермского края) вариант школьного курса речеведения, в основе которого лежит тематический принцип компоновки дидактического материала, характерный, как известно, для методики изучения иностранного языка. Применение данного принципа в методике изучения родного языка носит новаторский характер и привносит в его изучение дополнительные стимулы для интеллектуального и духовно-нравственного развития личности, ее социологизации.

Ключевые слова: речеведение, коммуникативный и лингвокультурологический аспект преподавания родного языка, тематический принцип организации курса речеведения.

Несмотря на усилия многих сделать курс русского языка как родного в современной российской школе в значительной степени *речеведческим*, он по-прежнему остается преимущественно *системно-языковым.* По-прежнему бóльшая часть учебной программы направлена на выработку у учащихся лингвистических и языковых компетенций, а не коммуникативных и лингвокультурологических. А между тем именно они определяют сегодня качество лингвистического образования, поскольку позволяют обучаемым точно воспринимать чужие тексты разной жанрово-стилевой принадлежности, а также создавать собственные высказывания, причем в соответствии с доминантными характеристиками языковой национальной картины мира. Когнитивная, культуроносная и коммуникативная функции самого языка делают возможным изучать его как особый объект, обеспечивающий интеллектуальное и духовно-нравственное развитие личности, ее социологизацию.

Исходя из идеи значимости языка для процесса познания мира, считаем целесообразным построение курса речеведения в средней школе на основе *тематического* принципа подбора дидактического материала, что позволит, на наш взгляд, существенно повысить мотивационную базу курса родного языка, сформировать практически коммуникативно-речевую деятельность школьников, их лингвокультурологическое видение окружающего мира.

© Карпова Т.Б., 2014

Отметим, что сама идея тематического подхода к изучению родного языка не является новой. За его осуществление ратовали в свое время М.А. Рыбникова, А.М. Пешковский, К.Б. Бархин, В.А. Добромыслов и др., которые полагали, что тематический принцип дает возможность реализации мировоззренческого воспитания личности [Белехова, Самотик 1994].

Поддержанная нами еще в 90-е гг. XX в. идея школьного курса речеведения на основе тематического принципа подбора дидактического материала [Иванова (Карпова) 1997], долгое время не была, к сожалению, реализована практически. И только в 2014 г. удалось выпустить учебное пособие по речеведению на основе данного принципа [Карпова и др. 2014]. И хотя в него не вошли пока все разработанные нами темы, представляется, что пособие послужит хорошим началом для будущей работы в этом направлении.

Разработанный курс (мы назвали его «Я в окружающем меня мире») включает в себя существенные для восприятия учеником тематические блоки, секторы окружающего мира (семья, малая родина, родная страна, путешествия, хобби, праздники и под.). В соответствии с тематической зоной выбраны классические тексты для многоаспектного анализа, продуманы дотекстовые и послетекстовые задания (фонетические, лексические, морфологические, синтаксические и др.). Работа строится на основе речеведческих понятий (тема и идея, устная и письменная речь, монолог и диалог, стиль, тип речи, жанр и др.). При этом рассматриваются типичные речевые ситуации, сопровождающие данную тематическую область, а также языковые и речевые средства и способы их репрезентации. Сквозными рубриками являются, например, такие: *Узнай или уточни значение слов (словарь темы)*; *Пиши правильно*; *Произноси правильно*; *Из истории слов и выражений* и под.

Подчеркнем, что такой (тематический) способ компоновки дидактического материала действительно сопоставим с практикой изучения иностранных языков, однако применительно к родному языку отличается тем, что дает возможность во главу угла поставить задачи другого уровня: не просто дать представление о какой-либо стороне окружающего мира, а углубить это представление, выработать к ней отношение, позицию.

Покажем реализацию такого подхода к речеведению на некоторых примерах. Так, тематический блок *ДОМ* мы условно разделили на три модуля: *Семья*; *Малая родина*; *Русский менталитет*; блок *ДОРОГА* – тоже на три модуля: *Транспорт*; *Путешествие*; *Вера, надежда, любовь* (в последнем случае имеется в виду нравственный багаж человека на дороге жизни). Кроме этих двух блоков, в пособие вошел также тематический блок ДОСУГ. Каждый модуль включает, в свою очередь, ряд микротем. Например, в теме *Семья* выделяются такие микротемы, как *Русские термины родства*; *Родословная*; *Отцы и дети*; *Отношение к матери*; *Воспи-*

тание детей и др. Каждая микротема представлена типичными для данной тематической зоны текстами разных стилей и жанров, включая фольклорные; предполагает продуцирование школьниками собственных текстов, выполнение творческих заданий разной степени сложности, включая задания исследовательского характера.

См., напр., некоторые задания по теме *Путешествие*:

Познакомься со словарём по теме «Путешествие». Какими словами ты можешь дополнить этот словарь? Объясни их значение. Приведи примеры употребления этих слов;

Прочитай отрывок из книги «Хождение Игумена Даниила». Какова цель его путешествия? Что составляет содержание этого отрывка? Почему автор подробно описывает увиденное?

С какой целью ещё могут совершаться путешествия? Расскажи о своём путешествии. Воспользуйся словарём темы;

Прочитай пословицы на тему «Путешествие». Раздели их на тематические группы и дай название каждой группе. См. некоторые пословицы разных народов на данную тему: *Хочешь узнать человека – соверши с ним путешествие* (перс.); *Человека познают в игре и в дороге* (итал.); *Кто путешествует, тот познает* (араб.); *Не тот больше знает, кто дольше жил, а тот, кто дальше ходил* (арм.); *Настойчивый дорогу осилит* (монг.); *В путь выйдешь – спутники найдутся* (турк.); *Едешь в страну – исполняй ее обычаи* (япон.); *Если любишь своего сына, отправь его путешествовать* (япон.).

Приведем примеры заданий по теме *«Вера, надежда, любовь…»*:

С какими словами, обозначающими важные моменты жизни человека (встреча, разлука, дом, возвращение, мытарства, подъем, восхождение, падение, испытание, поиск, искания, одиночество, трудности, преодоление, жизнь, смерть)*, связаны слова «путь», «дорога»*? *Составь предложения, чтобы доказать эту связь. Найди лингвокультуремы (пословицы, поговорки, афоризмы, стихи, цитаты из литературных произведений, прецедентные тексты), подтверждающие эту связь;*

На просторах Интернета с завидным постоянством появляются советы, как стать успешным, как жить правильно. Прочитай тексты (авторы большинства из них не названы в интернет-публикациях) и выполни одно из заданий: 1. *Выбери несколько «правил» и расставь по мере убывания их значимости для тебя. Прокомментируй (письменно) свои приоритеты;* 2. *Найди в Интернете или печатных изданиях другой вариант «правил жизни (успеха)», выскажи свое к ним отношение;* 3. *Составь свои «10 правил успешного человека», «10 правил жизни» (можно пять, или двадцать, или пятьдесят – на твое усмотрение);*

Выбери текст, с которым ты безоговорочно согласен (или категорически не согласен); прокомментируй свое согласие (несогласие).

Тематические блоки, представленные в пособии, принципиально не разделены по классам, поскольку авторы таким образом предоставляют возможность учителю разрабатывать индивидуальные траектории в использовании материалов: темы можно изучать последовательно; самому определять порядок их изучения; к одной и той же теме возвращаться неоднократно (в том числе с учетом возрастных особенностей обучаемых). Вариативность использования материалов пособия видится и в соотношении его с такими составляющими курса родного языка, как *Система языка* и *Развитие речи*. Возможны, например, такие варианты: материалы пособия дополняют базовый курс развития речи, не меняя принципиально его содержание и структуру; заменяют его частично (либо только на уроках развития речи, либо одновременно и на уроках по системе языка); берутся за основу речеведческого школьного образования. При этом теория речеведения, представленная в пособии в виде глоссария, а также обобщающих таблиц в приложении, может служить как дополнением (часто корректирующего характера) к традиционной школьной методике речеведения (от изучения понятий к практике речи), так и базой современного речеведения в школе, в основе которого должен лежать, по нашему убеждению, путь от практики речи к изучению необходимых для этого речеведческих понятий.

Общую цель курса речеведения на основе тематического принципа подбора дидактического материала мы видим в создании на уроке родного языка речевых ситуаций обучающего и воспитывающего характера, вызывающих у учащихся потребность в развернутом высказывании и в то же время дающих им опыт эффективного речевого общения в соответствии с нормами литературного языка на материалах, объединенных общей темой. Для нас важно помочь учащимся соотнести главные общечеловеческие ценности жизни с собственным опытом, осознать ценностные ориентиры; стимулировать интерес учащихся к традиционным семейным ценностям, истории своего рода, родного языка.

Показательно, что представленная в пособии концепция речеведения для школьников напрямую соотносится с такими направлениями современной лингвистики, как когнитивная лингвистика, лингвокультурология, межкультурная коммуникация, и позволяет связать школьную методику с такими научными понятиями, как менталитет, языковая картина мира, языковая личность, концепт, лингкокультурема и др., т.е. методику как науку прикладную развивать параллельно с науками фундаментальными, не отставая от них.

Библиографический список

Белехова Е.В., Самотик Л.Г. О новом подходе к проблеме развития речи школьников // Новые подходы к преподаванию гуманитарных дисциплин в средних образовательных и специальных учебных заведениях. Ачинск, 1994.

Иванова (Карпова) Т.Б. Новые подходы к курсу развития речи школьников // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Красноярск – Ачинск 1997. С. 9–10.

Карпова Т.Б., Вергунова Н.Н., Голайденко А.Г., Лепихина И.Н, Юшкова Т.Ф. и др. Я в окружающем меня мире: Учебное пособие по речеведению для учащихся 5–11 классов. Пермь, 2014. 188 с.

Лепихина И.Н. О роли речевой деятельности в развитии коммуникационных компетенций выпускников лицея // Практика реализации компетентностного подхода в современной школе. Пермь, 2009. С. 315–326.

T.B.Karpova
Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

CONCEPT OF SPEECHOLOGY IN MODERN SCHOOL

The publication presents the variant of school course of speechology developped by the author, which is based on the thematic principle of compounding the didactic material specific, as it is known, for the methodology of teaching foreign language. Application of this principle in the methodology of teaching native language has an innovative character and gives additional incentives in its teaching for intellectual and spiritual-moral development of personality, its sociologization.

Key words: speechology; cultorological aspect of teaching native language; thematic principle of organization of speechology course.

УДК 81’38

Кошкарова Наталья Николаевна
доцент кафедры «Международные коммуникации»
Южно-Уральский государственный университет
nkoshka@rambler.ru

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ С.М. МИРОНОВА (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОРСКИХ СТАТЕЙ)

Статья посвящена анализу языковой личности С.М. Миронова на материале авторских статей. Изучение проводится по следующим параметрам: тональность выступления; грамматические особенности текста; оценочность через употребление метафоры.

Ключевые слова: языковая личность; авторские статьи; тональность выступления; грамматические особенности текста; оценочность; метафорические модели.

Целью данного исследования является анализ языковой личности С.М. Миронова через призму стилистики и риторики авторских статей руководителя фракции партии «Справедливая Россия» в Государственной думе. В предыдущих работах [Кошкарова 2011, 2012] мы уже обращались к проблеме изучения языковой личности руководителей нашего государства – В.В. Путина и Д.А. Медведева. Мы полагаем, что третий (прагматический) уровень в структуре языковой личности, предложенной Ю.Н. Карауловым [Караулов 2006], на материале текстов политического дискурса реализуется по следующим направлениям: 1) тональность выступления; 2) грамматические особенности текста; 3) оценочность через употребление метафоры.

Политический плюрализм, характерный для современного государственного устройства в России, сделал возможным изъявление своего мнения как членами правящей партии, так и теми, кто находится в оппозиции к ней. Так, в 2006 г. было создано политическое объединение «Справедливая Россия», призванное стать конкурентом «Единой России» (правящая российская политическая партия. – *Н.К.*). Возглавил его С.М. Миронов.

Одной их эффективных форм взаимодействия политических лидеров с электоратом являются авторские статьи, которые в российской действительности появились сравнительно недавно. В силу новизны этого жанра в российской политической коммуникации считаем необходимым обратиться к английскому эквиваленту этого типа текста, где он носит название *op-ed*, аббревиатура от *opposite the editorial page* – «противоположный

© Кошкарова Н.Н., 2014

странице редактора». В свободной энциклопедии *Wikipedia* читаем следующее определение авторской статьи: *a newspaper article that expresses the opinions of a named writer who is usually unaffiliated with the newspaper's editorial board* – «газетная статья, которая выражает мнение известного человека, не имеющего отношения к редакционной коллегии». Считается, что родоначальником авторских статей был Герберт Байярд Своп, который возглавил газету *The New York Evening World* в 1920 г. и стал предоставлять возможность сотрудникам газеты высказывать свое мнение на странице, противоположной редакторской статье. Однако в современном понимании авторские статьи возникли в 1970 г. благодаря Джону Бертраму Оксу, который был редактором газеты *The New York Times*.

На официальном интернет-сайте председателя политической партии «Справедливая Россия» С.М. Миронова опубликовано около двухсот авторских статей, написанных в период с апреля 1998 г. по март 2014 г. Материалом для анализа в настоящем исследовании послужили статьи, вошедшие в книгу «Избранные статьи, выступления, интервью Председателя Совета Федерации, Председателя Политической партии "Справедливая Россия: Родина / Пенсионеры / Жизнь"» С.М. Миронова и датированные 2005–2006 гг. Поясним причины такого выбора. На наш взгляд, именно это время в истории рождения «эсеров» является наиболее важным и судьбоносным, так как это период становления и формирования идеологии, транслируемой новым политическим объединением народу и обществу.

В отличие от авторских статей руководителей нашего государства, тематика, освещаемая С.М. Мироновым, более разнообразна – это проблемы и избирательного законодательства, и городского транспорта Санкт-Петербурга, и демографический кризис. Как следствие широкого круга обсуждаемых проблем – эмоциональные заголовки публикуемых материалов, например: *Чтобы семеро по лавкам не были в тягость* («Аргументы и факты», 25 января 2006 г.), *Объявим войну наркодьяволу* («Перемены», № 1, 2006 г.), *Нужен ли Петербургу трамвайный ренессанс?* («Город», 19 июня 2006 г.).

Как видно из приведенных заголовков, в них используются «афоризмы фольклорного происхождения» [Алефиренко, Семененко 2010: 91], или паремии. Как указывает А.А. Константинова [Константинова 2010: 7], «паремии взывают к элементарным представлениям, чувствам, желаниям людей, из которых вырастают более сложные мировоззрения, отношения (социальные установки) и планы». В данном случае пословица *семеро по лавкам* имеет цель привлечь внимание целевой аудитории к проблемам бедных и престарелых людей, инвалидов.

Как видно из приведенных заголовков, в текстах статей широко используются различные метафорические модели, которые являются важной

частью «национальной языковой картины мира, национальной ментальности», тесно связаны «с историей соответствующего народа и современной социально-политической ситуацией» [Чудинов 2006: 131]. Приведем другие примеры использования метафоры: *Если разобраться, то* ***законодательный аванс****, выданный политическим партиям и движениям 15 лет назад с целью стимулирования развития многопартийности, себя не оправдал* (О политической конкуренции: в защиту российской многопартийности // Политический класс. № 12. 2005); <…> *За разговорами о том, что неплохо было бы упорядочить свою партийно-политическую систему в духе западных стандартов, нетрудно было увидеть слабость* ***левых и правых флангов*** … (О политической конкуренции: в защиту российской многопартийности // Политический класс. № 12. 2005); <…> *Вернуть таких детей к нормальной жизни – весьма непростая задача, которую не решит* ***«косметическими» методами****. Поэтому нужны* ***«хирургические»*** (Страна без детей – страна без будущего // Российская газета. 18 июня 2006). В целом необходимо отметить, что идиостиль С.М. Миронова весьма беден в плане использования изобразительных средств языка, объяснение чему, на наш взгляд, лежит в самом характере анализируемого материала. Авторские статьи как разновидность соответствующего жанра журналистики должны отвечать определенным требованиям, среди которых «умелое сочетание логических и эмоциональных доводов» [Ким 2011: 354].

К первым, по нашему глубокому убеждению, относятся вопросительные конструкции, которые представляют собой эффективный механизм воздействия на целевую аудиторию. Среди функций вопросов в анализируемых текстах наиболее важными являются следующие.

1. Стремление сделать читателя сопричастным к обсуждению и решению затронутых в статье проблем: *Если не вы, то кто им поможет?* (Объявим войну наркодьяволу // Перемены. № 1. 2006).

2. Приглашение целевой аудитории к размышлению: *А как будут общаться наши дети? Что их объединит? По каким информационным каналам будет осваиваться наша культура?* (Библиотеки в национальных проектах России // Библиотековедение. № 2. 2006).

Таким образом, каждое из выделенных направлений анализа языковой личности способствует реализации прагматического потенциала автора статей. К возможным перспективам исследования мы относим изучение идиостиля С.М. Миронова в динамике на протяжении определенного временного отрезка и на материале других жанров. Не вызывает сомнения тот факт, что тексты выступлений и интервью, функционирующие в рамках политического дискурса, обладают своими конститутивными признаками с целью выполнения задачи эффективного канала связи с народом, единомышленниками и оппонентами.

Библиографический список

Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Значение и смысл русских паремий в свете когнитивной прагматики // Известия Уральского гос. ун-та. Проблемы образования, науки и культуры. Филология. № 6 (85). 2010. С. 168–190.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: КомКнига, 2006. 264 с.

Ким М.Н. Основы творческой деятельности журналиста: Учебное пособие для вузов. СПб.: Питер, 2011. 400 с.

Константинова А.А. Современный американский политический дискурс: паремии в риторике Барака Обамы / А.А. Константинова // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2010. № 331. С. 7–13.

Кошкарова Н.Н. Языковая личность Д.А. Медведева (на материале Посланий Президента 2008, 2009, 2010 гг.) // Вестник Брянского гос. ун-та. № 2 (2011): История. Литературоведение. Право. Языкознание. Брянск: РИО БГУ, 2011. С. 331–335.

Кошкарова Н.Н. Языковая личность В.В. Путина (на материале авторских статей) // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности: Сборник научных статей. Вып. 7. Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2012. С. 133–139.

Миронов С.М. Избранные статьи, выступления, интервью Председателя Совета Федерации, Председателя Политической партии «Справедливая Россия: Родина / Пенсионеры / Жизнь». М.: Ключ-С, 2007. 376 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие / М.: Изд-во «Флинта», «Наука». 2006. 254 с.

N.N. Koshkarova
Associate Professor of International Communication Department
Southern Ural State University

S.M. MIRONOV'S LANGUAGE PERSONALITY (ON THE BASIS OF OP-EDS)

The paper is devoted to the analysis of S.M. Mironov's language personality on the basis of his op-eds. The following criteria are taken into account: general tone; grammatical peculiarities; assessment through metaphor usage.

Key words: language personality; op-eds; general tone; grammatical peculiarities; assessment; metaphorical models.

УДК 81’38/42: 070: 004

Крижановская Елена Мечиславовна
доцент кафедры журналистики
и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
krizh@psu.ru

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ ПРЕДВЫБОРНЫХ САЙТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ САЙТОВ В.В. ПУТИНА И Г.А. ЗЮГАНОВА)

В статье характеризуются жанровые особенности текстов, размещенных на предвыборных сайтах В.В. Путина и Г.А. Зюганова – кандидатов на должность Президента РФ. Рассматриваются особенности текстов предвыборных программ, биографий кандидатов, наказа избирателей, информационной заметки, политического буклета и брошюры, аналитической статьи, стенограммы выступления кандидата и др. Формулируется вывод о том, что контент предвыборных сайтов известных российских политиков создается преимущественно при помощи текстов жанровых разновидностей, типичных для реальной политической коммуникации. Тексты жанров онлайновой коммуникации малочисленны и не являются определяющими для привлечения внимания интернет-пользователей как потенциальных избирателей.

Ключевые слова: политический дискурс; интернет-коммуникация; официальный сайт политика, жанры интернет-текстов.

Развитие интернет-технологий и интернет-коммуникаций за последние десятилетия существенно изменили современные политические процессы во всем мире, поскольку «в современных условиях Интернет становится, возможно, самым активным механизмом, транслирующим влияние внешней социально-экономической среды на политику» [Политические коммуникации 2004: 267]. В связи с этим субъекты политических процессов вынуждены использовать современные интернет-ресурсы и технологии в качестве наиболее действенных средств политической агитации и пропаганды. Наряду с другими средствами, используемыми в ходе предвыборной агитации и пропаганды, достижению целей политической борьбы за власть способствует функционирование персональных интернет-сайтов кандидатов, в частности кандидатов на должность Президента РФ.

Данное исследование было проведено на материале интернет-текстов, размещенных на официальных сайтах кандидатов на пост Президента Российской Федерации Председателя Правительства РФ в 2008–2012 гг. В.В. Путина (**putin2012.ru**) и лидера КПРФ Г.А. Зюганова (**www.zyuganov.kprf.ru**). В процессе изучения названных интернет-

© Крижановская Е.М., 2014

ресурсов было отмечено, что кандидаты и их команды активно используют тексты одних и тех же жанров. При этом отдельные разделы главных меню сайтов кандидатов содержат тексты преимущественно только одной жанровой разновидности, что находит отражение в названиях самих разделов основного меню. В то же время тексты сопоставляемых жанровых разновидностей имеют отличия в содержательно-смысловом, прагматическом и композиционном отношениях. Поскольку большая часть сопоставляемых интернет-текстов – это, по сути, креолизованные тексты, т.е. «тексты, фактура которых состоит из двух и более негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)) [Сорокин, Тарасов, цит. по: Ворошилова 2013: 16], анализируемые интернет-тексты различаются как дизайнерскими решениями, так и их юзабилити, т.е. степенью удобства работы с этими материалами для посетителей сайта. Далее будут рассмотрены особенности интернет-текстов основных жанровых разновидностей, представленных на предвыборных сайтах названных кандидатов на должность Президента РФ.

Главная страница предвыборного сайта В.В. Путина открывается цитатой кандидата, которая может квалифицироваться как рекламный слоган ее автора: *«Если я за что-то берусь, я стараюсь довести дело либо до логического завершения, либо как минимум привести это дело к максимальному эффекту»*. В разделе *Программа* сайта В.В. Путина содержится полнотекстовая версия его предвыборной программы, раздел *Биография* позволяет интернет-пользователю познакомиться с некоторыми фактами из жизни кандидата, т.е. представляет, по сути, фрагменты текста соответствующего жанра, а в разделе *Опыт* размещены материалы, которые можно отнести к информационному жанру заметки. В жанре информационной заметки созданы также тексты раздела *События*, эти тексты информируют посетителя сайта о различных мероприятиях (встречах с избирателями, доверенными лицами, разрешением отдельных проблемных ситуаций в российских регионах в так называемом «ручном режиме», т.е. с личным участием в них премьер-министра), проведенных В.В. Путиным за период с 27 ноября 2011 г. по 5 марта 2012 г.

Тексты раздела *Интересы* сайта В.В. Путина могут быть отнесены, на наш взгляд, к некоторому гибридному жанру, который формируется в результате взаимодействия текстов биографии и характеристики кандидата. Не менее интересны в жанровом отношении интернет-тексты, размещенные в разделе *Центр информации → Изменим Россию вместе*. Гиперссылка на этот раздел находится на главной странице персонального сайта кандидата. На странице сайта кандидата, посвященной разделу *Изменим Россию вместе*, представлены краткие обращения-пожелания граждан России к В.В. Путину.

Тексты названного раздела легко актуализируют в памяти интернет-пользователей старших поколений, с одной стороны, жанровые особенности текстов широко распространенной в советское время в сфере бытового обслуживания «Книги жалоб и предложений», а с другой стороны, имеют основные признаки текстов жанра наказа избирателей депутату. Раздел *Изменим Россию вместе – Предложения В. Путину* является наиболее посещаемой страницей предвыборного сайта, поскольку содержит самое большое количество текстов (2753) и, по-видимому, заменяет собой интернет-форум или интернет-страницы, предназначенные для общения кандидата с его потенциальными избирателями.

Для удобства интернет-пользователей предложения данного раздела объединены в следующие подрубрики: *внешняя политика; ЖКХ; здравоохранение; использование природных ресурсов; оборона; образование и наука; политическое устройство; правоохранительные органы; развитие бизнеса; сельское хозяйство; социальное обеспечение; средства массовой информации; судебная система; другие темы для предложений*. Посетителям сайта предоставлена возможность проголосовать за определенное предложение или против него, для удобства пользователей организована вертикальная полоса прокрутки предложений по темам, а также возможность их сортировки по датам и популярности. В то же время нам представляется, что тексты данного раздела в силу их многочисленности, однотипности поднимаемых гражданами вопросов, а также в силу других возможных причин являются лишь имитацией свободного общения, непринужденного диалога граждан с кандидатом в президенты, но не являются таковыми по сути.

На главной странице интернет-ресурса В.В. Путина находится также раздел *Авторские статьи Путина*, который содержит гиперссылки на 7 публицистических статей аналитического характера, созданных и опубликованных самим кандидатом в период с 16 января 2012 г. по 27 февраля 2012 г. в центральной российской печати. Активизация и удержание внимания посетителя сайта на этом разделе главной страницы осуществляются по правилам современной интернет-журналистики, в соответствии с которыми «заголовки или заголовки с лидом (первым абзацем) выносятся на главную страницу, т.е. на первый уровень чтения, а менее важная информация, детали и подробности – на второй и последующие уровни» [Интернет-СМИ 2010: 253].

Кроме того, на главной странице предвыборного сайта В.В. Путина действует гиперссылка, активизирующая текст стенограммы выступления кандидата под названием «Владимир Путин поблагодарил свой штаб за совместную работу в ходе избирательной кампании». Интересно, что на главной странице сайта представлена и неактивная гиперссылка мультискрипта «Встреча Владимира Путина с представителями ОНФ, СМИ, до-

веренными лицами и политологами». Как отмечается в уже цитированном пособии по интернет-журналистике, мультискрипт – это «формат подачи информации, который упрощает навигацию по видеоматериалам большого объема. Позволяет оперативно и с высокой точностью выбрать интересующий фрагмент видеозаписи, включает три блока – плеер, стенограмму и перечень фрагментов (содержание)» [там же: 343]. К сожалению, тексты и видеоматериалы, объединяемые в рамках этого относительно нового интернет-жанра, остаются по непонятным для посетителей предвыборного сайта В.В. Путина причинам так же недоступны, как и содержимое рубрики главного меню *Народное мнение*.

Необходимо отметить, что специфика текстов, размещенных на официальном интернет-ресурсе лидера российских коммунистов Г.А. Зюганова во многом определяется тем, что анализируемый сайт не является электронным ресурсом, который был создан только лишь для достижения целей предвыборной кампании. Этот сайт – постоянно функционирующий интернет-ресурс, основное назначение которого заключается, очевидно, в пропаганде идеологии КПРФ как одной из ведущих политических партий современной России. В связи с этим сайт Г.А. Зюганова содержит большое количество информационных материалов, не имеющих непосредственного отношения к состоявшейся в 2012 г. кампании по выборам Президента РФ.

Как и на официальном сайте В.В. Путина, центральную полосу сайта Г.А. Зюганова занимает текст краткого обращения кандидата к гражданам России: *«Товарищи! Граждане! Соотечественники! Я убеждён: народное большинство обязано победить и установить свою справедливую власть. Мы с вами можем и должны жить в стране, которая гордится достигнутым и уверенно смотрит в будущее!»* Очевидно, что этот текст можно рассматривать как своеобразный рекламный слоган кандидата, который активизирует внимание пользователей.

Вместе с тем не вызывает сомнения то, что ядром жанровой системы официального сайта Г.А. Зюганова выступает текст предвыборной программы кандидата, гиперссылка на полную версию которой активизируется на главной странице этого интернет-ресурса. На наш взгляд, текст предвыборной программы кандидата характеризуется высокой степенью юзабилити, т.е. удобства для просмотра, так как этот текст оформлен как политическая брошюра, страницы которой посвящены отдельным разделам программы кандидата, пронумерованы, снабжены фотографиями и иллюстрациями. При этом весь текст программы можно просмотреть, «перелистывая» брошюру на одной интернет-странице, а не активизируя другие гиперссылки.

Аналогично организован текст под названием «Правительство народного доверия», который также доступен пользователю после активиза-

ции соответствующей гиперссылки на главной странице сайта. По-видимому, названный текст можно квалифицировать как рекламную политическую брошюру, уже на первой странице которой заявлено, что *«после победы на выборах, Президент Зюганов сформирует Правительство народного доверия, которое будет проводить новый социально-экономический и политический курс в интересах большинства граждан России»*. В онлайновом маркетинговом словаре отмечается, что «брошюра – это вид печатной рекламы, непериодическое печатное издание небольшого объема, обычно 1–5 листов, по российским стандартам она должна быть объемом свыше 4, но не более 48 страниц» [Брошюра: эл. ресурс]. Политическая брошюра, представленная на сайте Г.А. Зюганова, насчитывает 52 виртуальные страницы, приблизительно соответствующие бумажному формату А5. Текст анализируемой политической брошюры содержит следующую информацию о составе будущего Правительства народного доверия: имена и фамилии, фотографии членов правительства, наименование тех сфер экономической, политической и культурной жизни российского общества, развитие которых, вероятно, будут курировать названные лица, краткую характеристику состояния названной сферы жизни общества на сегодняшний день и описание будущих преобразований в данной области.

Примечательно, что создание интернет-текстов по правилам организации виртуальной политической брошюры и буклета является отличительной чертой авторов предвыборного сайта Г.А. Зюганова, так как эти же принципы реализованы ими в процессе создания текстов биографии кандидата и рекламного буклета под названием «7 причин голосовать за Зюганова».

В заключение отметим, что анализ предвыборных сайтов кандидатов на должность президента РФ позволил выявить интернет-тексты жанровых разновидностей, типичных как для реальной, так для и онлайновой политической коммуникации. Тексты жанров биографии, предвыборной политической программы кандидата, политического буклета и брошюры, информационной заметки, аналитической статьи, стенограммы и наказа избирателя кандидату свойственны реальному политическому дискурсу, но они же формируют и основной контент предвыборного сайта политика. Произведения жанров онлайновой коммуникации (например, мультискрипт, мультимедийная статья), на наш взгляд, малочисленны и не являются определяющими для привлечения внимания интернет-пользователей как потенциальных избирателей.

Библиографический список

Брошюра // URL: http://www.marketch.ru/ marketing_dictionary/ marketing_t erms _b / brochure/index.php. (Дата обращения: 26.03.2014.)

Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: моногр. / М.Б. Ворошилова; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. 194 с.

Интернет-СМИ: Теория и практика: Учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М.М. Лукиной. М.: Аспект Пресс, 2010. 348 с.

Политические коммуникации: Учеб. пособие для студентов вузов / [Петрунин Ю. Ю. и др.]; под ред. А.И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2004. 332 с.

E.M. Krizhanovskaja
Associate Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

GENRE PECULIARITIES OF PRE-ELECTION SITES' TEXTS (BASED ON V.V. PUTIN'S AND G.A. ZYUGANOV'S OFFICIAL WEBSITES)

The article describes the genre peculiarities of the texts placed on the pre-election sites of V.V. Putin and G.A. Zyuganov as the candidates on a post of the Russian Federation's President. The article analyzes the texts' features of the election programmes, of the candidates' biographies, of the electoral mandates, of the information note, of the political booklet and the brochure, of the analytical article, of the candidate's speeches transcripts, etc. The author comes to the conclusion that the content of the pre-election sites of the known Russian politicians is created mainly by means of the texts of such genre varieties which are typical of real political communication. The texts of the genres of the on-line communications are scanty and are not determinative for the attention and attraction of the Internet users as potential voters.

Key words: political discourse; Internet communication; politician's official website; genres of the Internet texts.

УДК 81'42

Мехонина Евгения Николаевна
ассистент кафедры журналистики и
массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
eugene.meh@gmail.com

ФОРМЫ И СРЕДСТВА ДИАЛОГИЧНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ СЕКТОРЕ РУНЕТА

Статья посвящена анализу форм и средств диалогичности в текстах, объективирующих коммуникативно-речевую категорию враждебности.

Ключевые слова: коммуникативно-речевая категория; диалогичность; лингвема, речема.

Объектом нашего исследования является коммуникативно-речевая категория враждебности, которую описывается на материале комментариев пользователей в политическом секторе Рунета. Понимая коммуникативно-речевую категорию как совокупность разнохарактерных средств и приемов реализации типового социального взаимодействия в тексте (ср. [Карзенкова, Салимовский 2005; Карзенкова 2011]), мы рассматриваем ее специфическое воплощение в типологических признаках текста – диалогичности, информативности и модальности [Мехонина 2013].

Что касается диалогичности, то она отражает взаимодействие собеседников и получает как философскую, так и лингвистическую интерпретацию. Так, еще в 10–20-е гг. XX в. в рамках диалогизма утверждаются новые формы философского мышления, основанные на диалоге, отношении, взаимности, открытости, ориентированные на воплощение в активном «поступке», а не на пассивное созерцание (М.М. Бахтин, Н.А. Бердяев, М. Бубер, А.А. Ухтомский, С.Л. Франк, К. Ясперс). М.М. Бахтин, осмысляя диалог с философских и лингвистических позиций, определил диалогичность как универсальное сущностное свойство языка и речи [Бахтин 1979: 1994].

С переходом к изучению закономерностей употребления языка в 60–80-е гг. в лингвистике обратились к исследованию диалогичности как категории, непосредственно и наиболее явно отражающей взаимодействие коммуникантов. Некоторыми учеными, например, Л.В. Славгородской, диалогизация рассматривается как стилистический прием, который состоит в использовании языковых черт устного диалога в письменной речи для повышения эффективности коммуникации [Славгородская 1986].

© Мехонина Е.М., 2014

В функциональной стилистике указанная категория, напротив, понимается как фундаментальное свойство речи. Как отмечает М.Н. Кожина, диалогичность реализует в текстах коммуникативную функцию языка и основывается на социальной природе мышления. В рамках указанного подхода диалогичность определяется как «выраженное в тексте средствами языка взаимодействие общающихся, понимаемое как соотношение двух смысловых позиций, как учет адресата (в широком смысле, в том числе и второго Я), отраженный в речи, а также эксплицированные в тексте признаки собственно диалога» [Кожина 1986: 36]. При этом важно, что понятия диалога и диалогичности разграничиваются: диалог понимается как непосредственное речевое взаимодействие двух или нескольких коммуникантов, рассматриваемое в противопоставлении монологу, а признаки диалогичности наблюдаются в обеих этих формах речи. Работы ряда исследователей показали, что закономерности актуализации форм диалогичности в текстах определяются спецификой соответствующих речевых разновидностей [Кожина 1986; Очерки 1998; Борисова 2001; Дускаева 2004; Мишланов, Салимовский 2010].

Цель нашей работы состоит в исследовании форм и средств диалогичности в интернет-комментариях, выражающих враждебность. Для изучения мы выбрали политический сектор Рунета, предполагающий острую борьбу мнений и, как следствие, проявление враждебности. Анализ осуществлялся на материале комментариев к новостным сообщениям на сайте www.rambler.ru, постам в социальной сети «ВКонтакте» и видео на сайте youtube.ru, посвященных различным политическим событиям в период предвыборных кампаний 2012 г. В общей сложности проанализировано 20 тыс. словоупотреблений.

Проиллюстрируем методику анализа на форме диалогичности Я (МЫ) – ТЫ (ВЫ). Важно отметить, что данная форма является базовой в речевой коммуникации: общение между людьми предполагает субъекта речи (говорящего или пишущего, на него указывает местоимение *я*) и адресата (на него указывают личные местоимения *ты, вы*). Даже в тех случаях, когда указанные компоненты диалогической формы не выражены эксплицитно, они присутствуют в ситуативной пресуппозуции.

Остановимся на средствах выражения рассматриваемой диалогической формы, которые мы будем структурировать в виде поля лингвем («актуализированных языковых средств, готовых к употреблению в речи») и речем (комбинаций лингвем) [Купина, Матвеева 2013: 46].

Нужно оговорить, что отдельные компоненты формы Я (МЫ) – ТЫ (ВЫ) чаще всего выражаются лингвемами – лексическими и морфологическими средствами (относительно редкие речемы представляют собой окказиональные и узуальные единицы), в то время как форма в целом выражается языковыми (синтаксическими) и речевыми средствами.

Что касается компонента Я (МЫ), то в русских текстах он лишь в единичных случаях выражен эксплицитно – личным местоимением 1 л. или личной формой глагола в определенно-личном предложении:

Я *то как раз вылечился, а вы похоже все болеете;*

Когда бюллетени уже падают в урну, трогать их ***не советую****...*

Гораздо чаще он представлен лишь в ситуативной пресуппозиции: [Я утверждаю…], [Я предлагаю…], [Я советую…] и др. Ср.: [Я предлагаю:] *Писать научись, деятель;* [Я советую] *Зайдите на сайт правительства и почитайте о налогах;* [Я утверждаю] *Это дураком надо быть, чтобы не понять!*

Другой компонент рассматриваемой диалогической формы – ТЫ (ВЫ) – чаще всего представлен соответствующими личными местоимениями:

Ах ***ты*** *клоняра!;*

Вы *всерьез верите, что они в Думу идут служить интересам народа?;*

Реже рассматриваемый компонент выражается притяжательными местоимениями:

Александра Корженкова, ***Ваш*** *ответ не корректен...;*

Чего будут исследовать ***твои*** *юные туристы следопыты через пару десятков лет?*

Компонент диалогической формы ТЫ (ВЫ), как и компонент Я (МЫ), регулярно выражается личной формой глагола – формой 2-го л. ед. или мн. ч. Отметим, что в анализируемых текстах глагол чаще всего используется в повелительном наклонении. Объясняется это тем, что в высказывании регулярно актуализируется интенция приказа, призыва, настоятельного совета:

Дайте *Медведеву ещё лет 5 и он развалит страну...;*

Люди ***смотрите****, это всё на что вы способны.*

При этом, как видно из примеров, нередко проявляется недоброжелательное отношение к адресату.

Менее характерны формы изъявительного наклонения глагола (обычно в сочетании с местоимениями *ты, вы* или в неполном предложении):

Вы же ***приводите*** *только статистику с пропутинских каналов;*

сравниваете *с не сравнимым...*

Отметим, что компонент «собеседник» ТЫ (ВЫ) выражается и синтаксически – формой обращения. Чаще всего в обращении употребляются имена собственные (имена или никнеймы собеседников, героев исходного сообщения, именами или прозвищами политиков и общественных деятелей):

Причем ***chernik21*** *заметь…;*

Евгений*, это обращение к народу, а не к власти.*

Весьма активно используются и слова с пейоративной окраской:

Дебилы, сквернословы*. Кокданибуть у вас язык онемеет.*

В составе обращения обычно, кроме того, обозначения профессии, рода деятельности, политической позиции, а также собирательные существительные и слова *товарищ, господа, люди, ребята, мужики*, чаще всего с ироничной коннотацией:

АУ, ***народ****, или* ***бандерлоги****, просыпайтесь!;*

держитесь ***мужики****.*

Как указывалось выше, компоненты рассматриваемой диалогической формы содержатся в ситуативной пресуппозиции, в связи с чем они далеко не всегда выражены в речи эксплицитно. Реплики диалога, воплощающие указанную диалогическую форму, чаще всего являются двусоставными предложениями, в которых в функции подлежащего используется личное местоимение 2-го лица ед. или мн. ч., а в роли сказуемого – глагол в личной форме. Оба главных члена выражают при этом компонент ТЫ (ВЫ), тогда как компонент Я (МЫ) содержится в пресуппозиции:

Кому ***вы служите****?;*

Вы *даже* ***не понимаете****, что…*

Широко используемым средством выражения данной диалогической формы являются односоставные определенно-личные предложения, где личная форма глагола выражает компонент ТЫ (ВЫ) (*Писать* ***научись****;* ***Ищите*** *себе спонсоров сами*), либо значительно реже компонент Я (МЫ) (*Трогать их* ***не советую***).

Весьма характерны также безличные предложения, главный член которых выражен предикативами *надо, нужно* в сочетании с неопределенной формой глагола:

Не надо *всех их* ***садить*** *мне на шею.*

надо запретить *партию ЕР!!!*

В число наиболее частотных речем, воплощающих форму Я (МЫ) – ТЫ (ВЫ), попадают риторические вопросы (*Может вам Иисус велел?*), повторы (*А я хочу чтоб путен сдох – А кто не хочет? Только хотеть мало*) и цитаты (*Владимир, "Дотрагиваться до них все равно не имеет право". Это Ваше личное мнение?*).

Реже форма Я (МЫ) – ТЫ (ВЫ) находит свое выражение в вопросно-ответных единствах:

да тут одни дикари! почти что звери – ага! пешки какие то;

Как видим, каждый из компонентов рассмотренной нами диалогической формы Я (МЫ) – ТЫ (ВЫ) имеет особые средства выражения на разных уровнях системы языка: личные и притяжательные местоимения, личные формы глагола, определенные лексические единицы в составе обращения – при выражении компонента ТЫ (ВЫ). Выражение указанной формы в целом осуществляется с помощью простых синтаксических конструкций и ряда речем – повторов, цитат и риторических вопросов.

Таким образом, мы проанализировали лингвемы и речемы, конституирующие форму диалогичности Я (МЫ) – ТЫ (ВЫ) в интернет-комментариях с враждебной тональностью.

Библиографический список

Бахтин М.М. К философии поступка // Он же. Работы 1920-х годов. Киев, 1994.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.

Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: проблема интегративности. Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2001.

Карзенкова Е.П. Коммуникативно-речевая категория «дружба» // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 2(14). С. 89–94.

Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Автореф. дис… доктора филол. наук. СПб., 2004.

Карзенкова Е.П., Салимовский В.А. К экспликации понятия коммуникативной категории // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. М.П. Котюрова. Вып. 9. Пермь: Перм. ун-т, 2005. С. 99–104.

Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 1986.

Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров. Углубленный курс. М.: Изд-во Юрайт, 2013. 415 с.

Мехонина Е.Н. О понятии коммуникативно-речевой категории и методике ее описания // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы Всерос. науч. конф., Пермь, 8 апреля 2013 г. / отв. ред. Н.В. Соловьева; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2013. С. 231–237.

Мишланов В.А., Салимовский В.А. Диалогичность церковно-религиозных текстов // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 6 (12). С. 24–28.

Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Под ред. М.Н. Кожиной: В 3 т. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. 396 с. (в соавт.).

Славгородская Л.В. Научный диалог. Л.: изд-во «Наука», 1986. 168 с.

E.N. Mekhonina
Assistant of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

THE DIALOGUENESS FORMS AND MEANS IN THE RUNET POLITICAL SEGMENT

The article describes the dialogueness forms and means on the material of texts in which communicative speech category of hostility is expressed.

Key words: communicative speech category; dialogueness; language units; speech units.

УДК 81’42

Пономарев Николай Филиппович
доцент кафедры журналистики
и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
aprioripr@gmail.com

СТОРИТЕЛЛИНГ И РИТОРИКА В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ

В статье обосновывается социальная целесообразность и когнитивная адекватность сторителлинга и риторики как дискурсивных стратегий, которые используется акторами для управления восприятием и интерпретацией гражданами социальных феноменов.

Ключевые слова: сторителлинг; риторика; публичный дискурс; убеждение.

Интерпретация социальных феноменов все в большей степени зависит от эмоций и образов, чем от фактов или слов: «Подсевший на потребление поверхностных образов, приученный к состоянию рассеянности, глухой к сложностям и тонкостям, потребитель смотрит, слышит или читает новостные истории так, что в памяти сохраняются и даже усиливаются их иконические [а не когнитивные] качества» [Szasz 1994: 63]. Яркие объекты или символы как минимум служат имплицитными подсказками и/или составляют аффективно-когнитивное ядро телевизионной истории, которая побуждает зрителя к конкретному пониманию освещаемого события, действия или ситуации: «Особенно когда на кону спорные и эмоциональные вопросы, акторы выбирают инновационные способы коммуникации своих интересов, а образы функционируют как мощное риторическое орудие» [Fischer, Gottweis 2012: 14].

Конкурирующие акторы формируют адвокатские истории и стремятся преобразовать их в доминирующие публичные истории, чтобы обеспечить нарративный контроль над конкретным фрагментом социальной реальности.

В самом общем смысле нарратив – это семиотическая *интерпретация* расставленных в причинно-временной последовательности реальных или выдуманных происшествий с участием разумных и чувствующих субъектов, смысл действий которых определяется его целостной конфигурацией и единым значением. Истории порождают более яркие и устойчивые представления в памяти, чем абстрактные отчеты вроде риторических или объяснительных текстов, поскольку соответствуют человеческой склонности организовывать информацию в нарративной форме.

Проекция нарратива на событие или ситуацию рассматривается как

форма осмысления социальной реальности. Более того, **сторителлинг** как публичное предъявление нарратива с той или иной целью – это распространенная социальная практика.

Нарративы *информируют*, причем «“хорошая история” может и не быть истинной, чтобы стать повторяемой и вспоминаемой при необходимости», поскольку «даже когда люди точно осознают статус неверной информации, они могут использовать ее, когда необходимо объяснить события при отсутствии альтернативного отчета» [Seifert 2002: 277].

Нарративы *разъясняют*: «[Они] выхватывают причинно-следственные последовательности из совокупности событий (отбор), разграничивают эти последовательности (сегментация) и соединяют во вразумительные отношения друг с другом (структурирование)» [Hogan et al. 2008: 49].

Нарративы *объясняют* события без прямой ссылки на внешние по отношению к “миру истории” критерии и без необходимости заручиться согласием адресата с явно заданными критериями.

Нарративы используются акторами (авторами) для *манипулирования*: «Конечно, любая история может рассказываться для развлечения, но истории могут рассказываться с намерением морализаторства, предупреждения, убеждения, запугивания, производства впечатления, привлечения симпатии, вселения надежды и т.п.» [Paley 2009: 24].

Нарративы *убеждают*: «Хотя нарративы могут не содержать явных аргументов, они предназначены для убеждения. Когда ритор решает вставить идею в нарратив, эта идея становится убедительной по самой природе историй и естественной к ним человеческой любви» [Renegar, Malkowski 2009].

Нарративное убеждение, в отличие от рациональной аргументации, не содержит эксплицитных доводов, которые можно опровергнуть: «Истории получают свою убеждающую силу не от верифицирумости, но от правдоподобности: они будут истинными, если звучат как истинные» [Amsterdam, Bruner 2000: 30]. Однако история как интерпретация социальной реальности *может* включать в себя аргументацию. В отличие от опровергающих друг друга аргументов *другая* история может содержать более убедительное объяснение, не оспаривая истинность или ложность конкурирующей истории.

Сила воздействия любой конкретной истории определяется такими качествами, как «рассказываемость», «нарративность», «эмоциональность», «связность» и «увлекательность». Согласно *«модели образной транспортации»* [Green, Brock 2000], чем слабее проблема как тема истории связана с интересами индивида и чем больше индивид эмоционально погружен в историю, тем вероятнее, что он неосознанно последует эвристическим подсказкам, а не приступит к анализу аргументации.

Другими словами, можно говорить о *драматизации* публичной сферы: «Создавая драму, акторы, которые представляют социальные проблемы, используют некоторые классические театральные тропы... Особенно занимаясь хорошо знакомыми социальными проблемами, акторы и группы интересов постоянно ищут новые образы и новые способы воспользоваться текущими событиями, чтобы представить их как экстренные» [Hilgartner, Bosk 1988: 62].

Сторителлинг может использоваться в публичном дискурсе одновременно с риторикой, которая тоже является техникой стратегической коммуникации, поскольку нацелена на достижение результата – убеждение адресата – с помощью символов и эмоций, а не на взаимопонимание за счет рациональной аргументации. Ричард Ватц утверждает, что «смысл не открывается в ситуации, но творится *риторами*» [Vatz 1973: 157]. Еще более категоричен Ллойд Битцер: «Риторика – это способ изменения реальности, но не прямым приложением энергии к объектам, а созданием дискурса, который изменяет реальность, опосредуя мысли и действия» [Bitzer 1968: 4].

Риторика действия претендента [Gamson, Meyer 1996] акцентирует внимание на пагубности игнорирования вопроса и побуждает аудиторию к его немедленному решению как социальной проблемы. *Контрриторика* контрпретендента [Ibarra, Kitsuse 1993], наоборот, удерживает аудиторию от каких-либо действий и включает в себя как минимум следующие приемы:

- *рассказывание анекдота*: конкретный инцидент, который пережил контрпретендент, противоречит заявлению претендента; это демонстрация опровергающих существование проблемы примеров;
- *натурализация* – представление проблемы как неизбежной, беспрецедентной и неразрешимой;
- *гиперболизация* – преувеличение разрыва между наличными и необходимыми для решения проблемы ресурсами, а также декларация бессилия перед проблемой; это преуменьшение наличных ресурсов для решения проблемы (недостаток власти, энергии или времени);
- *антитипизация* – трактовка проблемы как единичного случая (претензия – это не полномасштабная проблема, а всего лишь изолированные события);
- *детематизация* – переключение внимания аудитории на предвзятость, корыстность, некомпетентность, социальную безответственность претендента и на неэффективность предлагаемых мер;
- *недопустимые издержки*: выгоды не компенсируют расходы;
- *неискренность*: социальная проблема – это на самом деле «скрытая повестка» претендента;

- *истерия*: претендент действует неразумно под влиянием эмоций;
- *перспективизация*: контрпретендент имеет право на свое мнение;
- *тактическая критика*: контрпретендент отвергает те средства, которые претендент намерен использовать для решения проблемы.

Публичная риторика – это не дискуссия, ориентированная на поиск истины с помощью корректных приемов ведения спора, а, скорее, софистика, которая нацелена на победу посредством корректных и некорректных приемов («эклектическая полемика»).

В частности, *«корпоративная апология»* [Bülow-Moller 2009] конструирует объяснения, которые актор предлагает аудитории в кризисной ситуации. В отличие от *извинения* как отрицания актором ответственности за свое неправильное или неуместное действий, *оправдание* – это отстаивание актором правильности и уместности своих действий, по крайней мере, в конкретной ситуации [Scott, Lyman 1968]. Обобщение многочисленных исследований позволяет произвести инвентаризацию такого рода риторических стратегий и тактик:

- *опровержение*: молчание; отрицание события; отрицание негативных последствий;
- *каузальная атрибуция*: действия или бездействия конкретных или неопределенных субъектов, включая потусторонние силы; поиск «козла отпущения»; распыление ответственности; приписывание вины обвинителю, конкурентам или медиа; дискредитация аналитиков; неизбежность события как следствия предыдущих событий;
- *рефрейминг*: отрицание значимости события; акцент на позитивных последствиях и минимизация негативных последствий; отрицание уместности и правомерности стандартов оценки события как негативного; смена системы координат для оценки события (политическая, экономическая, культурная, нравственная и т.п.); новое определение события для минимизации воспринимаемого ущерба;
- *смена перспективы*: использование выигрышных критериев для успеха или неудачи; общественный выигрыш больше индивидуальных потерь; оправдание высшей целью; напоминание о ранее содеянном благе; акцент на нетипичности события; сравнение с другими негативными событиями; адаптация к общественным настроениям; нетипичность для актора; неизбежная реакция на действия других акторов;
- *оправдание*: минимизация участия актора; неполная информированность или дезинформированность; недостаточность или отсутствие полномочий; подчинение решению свыше; отрицание умысла; благие намерения; выбор из двух зол; отрицание ущерба; виктимизация жертвы как «чужого»; «меньшее зло» по сравнению с другими акторами; лояльность актора своим приверженцам; исправление негативных последствий действий дру-

гих акторов; действие как самореализация актора);

- *извинение и заискивание*: принятие ответственности, выражение сожаления и просьба о прощении, декларация о компенсациях жертвам, декларация о проведении собственного расследования; декларация коррекции для предотвращения подобных событий.

Доминирование в публичном дискурсе сторителлинга и риторики объясняется тем, что граждане, вопреки идеалам делиберативной демократии, предпочитают эти стратегии рациональной аргументации.

Библиографический список

Amsterdam A.G., Bruner J.S. Minding the law. Cambridge: Harvard University Press, 2000.

Bülow-Møller A.V. Corporate apologia and the attribution of guilt // Rhetorical Aspects of Discourses in present-day society / ed. L. Dam, L.-L. Holmgreen, J. Strunck. Newcastle: Cambridge Scholars Press, 2009. P. 340–358.

Burr V. An introduction to social constructionism. N.Y.: Routledge, 1995.

Fischer F., Gottweis H. Introduction // The argumentative turn revisited. Public policy as communicative practice / eds. F.Fischer, H. Gottweis. Durham: Duke University Press, 2012. P. 1–27.

Gamson W.A., Meyer D.S. Framing political opportunity // Comparative perspectives on social movements / eds. D. McAdam, J.D. McCarthy, M.N. Zald. N.Y.: Cambridge University Press, 1996. P. 275–290.

Green M.C., Brock T.C. The role of transportation in the persuasiveness of public narratives // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 79 (5). P. 701–721.

Hilgartner S., Bosk C. The rise and fall of social problems: a public arenas model // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94 (1). P. 53–78.

Hogan J.M., Andrews P.H., Andrews J.R., Williams G. Public speaking and civic engagement. Boston: Pearson, Allyn and Bacon, 2008.

Ibarra P.R., Kitsuse J.I. Vernacular constituents of moral discourse: An Interactionist proposal for the study of social problems // Constructionist Controversies: Issues in Social Problems Theory (Social Problems and Social Issues) / eds. D.R. Loseke, J. Best. Hawthorne: Aldine de Gruyter, 1993. P. 21–54.

Paley J. Narrative machinery // Narrative and Stories in Health Care: Illness, dying and bereavement / eds. Y. Gunaratnam, D. Oliviere. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 17–32.

Renegar V.R., Malkowski J.A. Rhetorical and textual approaches to communication // 21st Century communication: A Reference handbook / ed. W.F. Eadie. Los Angeles: Sage Publications, 2009.

Scott M.B., Lyman S.M. Accounts // American Sociological Review. 1968. Vol. 33 (1). P. 46–62.

Seifert C.M. The continued influence of misinformation in memory: What makes a correction effective? // Psychology of Learning and Motivation: Advances in Research and Theory. 2002. № 41. P. 265–292.

Szasz A. EcoPopulism: Toxic waste and the movement for environmental justice. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994.

Vatz R. The myth of the rhetorical situation // Philosophy and Rhetoric. 1973. Vol. 6 (3). P. 154–161.

N.Ph. Ponomarev
Associate Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

STORYTELLING AND RHETORIC IN PUBLIC DISCOURSE

The article gives proof of social expediency and cognitive adequacy of storytelling and rhetoric as discursive strategies used by actors in order to control citizens' perception and interpretation of social phenomena.

Key words: storytelling; rhetoric; public discourse; persuasion.

УДК 070:004(470,53)

Пустовалов Алексей Васильевич
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
theyareeverywhere@gmail.com

Яруллин Денис Владимирович
студент II курса филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
d.v.yarullin@gmail.com

ПЕРМСКИЕ СМИ В «ЯНДЕКС.НОВОСТЯХ»: ПОДСЧИТЫВАЕМ УСПЕХ

Публикация обращается к проблеме подсчета времени пребывания новостных сообщений пермских интернет-СМИ в новостном коллекторе *Яндекс.Новости*. Попадание в *Яндекс.Новости* является одним из важнейших критериев успеха для пермских СМИ: именно с *Яндекса*, с крупнейшего отечественного поисковика, они могут получить значительный трафик, а также привлекать внимание к своему бренду. Анализируется структура *Яндекс.Новостей*, динамика пребывания там новостных сообщений. Констатируется, что точная фиксация длительности присутствия там может стать важным соревновательным показателем для интернет-СМИ. Показывается путь решения этой проблемы для пермских СМИ с помощью авторского изобретения – программы «Счетчик *Яндекс.Новостей*».

Ключевые слова: критерии успеха в Интернете; новости; интернет-СМИ; пермские СМИ; региональные СМИ; *Яндекс.Новости*; *Яндекс*; поисковик; новостной коллектор.

Актуальность. Не секрет, что сегодняшние отечественные СМИ имеют массу проблем: они не только «недомодернизированы» и «недоквалифицированы», но и «недоисследованы» – именно такие оценки звучали на прошедшей в феврале 2014 г. в МГУ международной конференции. В связи с серьезными изменениями в медийном пространстве страны еще даже нет определенности, в каких единицах, по каким параметрам должны производиться статистические подсчеты как по отдельным СМИ, так и по группам. Эта проблема сейчас тем более важна, например, потому, что такая надежная категория измерения читательского успеха для издания, как тираж, уже значительно потеряла свою актуальность: газеты «переселяются» в веб, отказываясь от печатной формы.

Однако, как отмечают исследователи, интернет-СМИ имеют такое

© Пустовалов А.В., Яруллин Д.В., 2014

свойство, которое отличает их от печатных СМИ, – *измеримость*: может быть подсчитана в специфических единицах популярность как отдельной публикации, так и ресурса в целом. В то же время новые критерии оценки успеха издания в Интернете только формируются. К таковым можно отнести индексы цитируемости (*тИЦ*, *PR*, *Google PageRank*), место в общепризнанных рейтингах типа *Liveinternet*, *Rambler Top100*, *Рейтинг@Mail.ru*, количество просмотренных страниц, количество уникальных посетителей за определенный период, и пр. (см. [Пустовалов 2014])

Ясна также, однако, и относительность таких подсчетов: количество уникальных посетителей и просмотренных страниц по версии разных счетчиков могут отличаться; разные рейтинги, основываясь на собственных критериях, выстраивают разную иерархию СМИ регионов; индексы цитируемости также основаны на разных принципах и их оценки могут отличаться как количественно, так и качественно.

Попадание в *Яндекс.Новости* как критерий для пермской медиасферы. К важнейшим показателям успешности СМИ, принимаемым большинством журналистов, относится попадание новостного сообщения в крупнейший российский коллектор *Яндекс.Новости*. Это вполне понятно: самый популярный российский поисковик может дать новостному ресурсу существенный трафик, и чем дольше новость пробудет в этом коллекторе, тем больше кликов она наберет, тем больше увеличится трафик ресурса.

На данный момент есть счетчики, которые показывают тому или иному изданию, какой трафик оно получает с *Яндекса*. Но достаточно трудно определить, какой трафик получают с *Яндекса* ресурсы конкурентов: информация такого рода является коммерческой тайной.

Можно отсматривать измерения в «Яндекс.Новостях» визуально и делать определенные прикидки (чем и занимаются пермские и другие редакторы и журналисты). Однако подобные наблюдения могут дать лишь приблизительный результат: постоянно отслеживать изменения, фиксировать их, а потом сравнивать результаты – сизифов труд.

Важность исследования *Яндекс.Новостей*. Итак, налицо идущая из практики нужда в систематических исследованиях новостного коллектора *Яндекса*: их результаты представят не абстрактный научный интерес. Сразу же, как мы отмечали выше, обнаруживается и техническая сложность в их выполнении.

Так, в нашем исследовании [Пустовалов, Старкова 2013] мы постарались отразить результаты пребывания пермских СМИ в «Яндекс.Новостях» за август 2013 г., фиксируя их день за днем и подсчитывая потом все вхождения. Безусловно, полученные результаты заслуживали внимания. Но статистика фиксировалась единомоментно – лишь один раз

в вечернее время, когда новости переставали перемещаться в топе, без учета дневной динамики; последнюю же отслеживать на глаз и постоянно фиксировать весьма трудоемко.

Решением данной насущной проблемы стало создание программы «Счетчик *Яндекс.Новостей*». Она была задумана именно для этой цели – для определения **точного** времени нахождения новостей в коллекторе *Яндекс.Новости* пермских СМИ (для которых прежде всего и предназначается). Программа не только фиксирует время нахождения новостей избранного (избранных) СМИ за заданный период в пермской зоне Интернета, но и позволяет выстроить за этот период рейтинг, в который включены практически все главные онлайн-медиа Перми. На данный момент программа работает с сорока интернет-СМИ (этой цифрой исчерпывается количество сколько-нибудь значимых игроков рынка), большее количество наименований, как показала практика, замедляет ее работу. Однако предусмотрена возможность отсмотра статистики по отдельным СМИ, не включенным в общий список. Таким образом, наша разработка позволяет точно определить, новости каких СМИ дольше всего находились в «Яндекс.Новостях». Чтобы лучше понять работу программы, рассмотрим, что представляют собой *Яндекс.Новости*.

Структура *Яндекс.Новостей*. Здесь мы можем выделить три основных составляющих: **главную страницу *Яндекса***, **страницы сюжетов** и **главную страницу новостей (сюжетов)**.

Важнейшие национальные новости мы видим сразу же, как только входим на **главную страницу** *Яндекса* – крупнейшего отечественного интернет-поисковика (http://www.yandex.ru/). Они расположены под кнопкой *Новости* в верхнем правом углу, откуда по закрепленной в нашей культуре привычке начинается чтение любого текста. Для перехода к пермским новостям (браузер местного пользователя обычно локализован именно под Пермь) нужно кликнуть по ссылке *В Перми*, расположенной слева от кнопки *Новости*. При клике на нее общероссийский новостной блок сменится на пермский. В обоих случаях новостной блок состоит из пяти пунктов, которые на языке онлайн-журналистов называются ***сюжетами*** или ***ветками***: это не одна новость, а совокупность новостей разных СМИ по одной теме.

Можно отсмотреть как все новостные сюжеты, актуальные на данный день, так и отдельные сообщения внутри каждого сюжета.

Во втором случае, находясь на главной странице *Яндекса*, мы кликнаем по любому из пяти пунктов сюжетов (они работают как гиперссылки) и открываем их на отдельной страничке. Таким образом мы можем открыть пять отдельных страничек: на каждый сюжет – своя страница.

Каждая **страница сюжета** состоит максимум из тринадцати новостных сообщений – тринадцати формулировок произошедшего события по

версии разных СМИ. Их может быть меньше, если по имеющемуся поводу появились новости, например, только у трех или пяти СМИ, но обычно их больше, и, чтобы посмотреть все, нужно кликнуть по ссылке в конце новостного блока: *Всего ... новостей*. Цифра в этой гиперссылке и говорит нам о том, сколько всего было новостных сообщений на данную тему. Наиболее важно для СМИ нахождение его новостного сообщения в первой тройке новостного блока. Они дают максимальный трафик, ведь ценящий свое время интернет-пользователь просматривает в основном лишь начало страницы.

Тройка лидеров на странице каждого сюжета отбивается от нижней десятки лентой мультимедийных материалов, имеющихся по данной теме: видеоролков, карт, фотографий. Обычно новостное сообщение, побыв в тройке лидеров топа, спускается вниз, в десятку более ранних новостей на эту тему. Новостные сообщения активно мигрируют по сюжету, перемещаясь с места на место, уходя из сюжета, а иногда – возвращаясь. Вряд ли возможно с точностью предсказать движение «своего» новостного сообщения, потому что принципы функционирования «Яндекс.Новостей» известны тем, кто не причастен к его программингу, лишь приблизительно.

Яндекс ставит своей целью показать «развитие события», предоставив при этом «разные точки зрения» и отразить «основные актуальные факты» [Гершензон, Исаева 2009: 16]. Поэтому даже оригинальному новостному сообщению трудно удержаться в топе, его вытеснят свежие новостные сообщения, попавшие в сюжет. (Впрочем, *Яндекс* хранит в тайне точные критерии попадания в свой топ, правила игры постоянно меняются, к ним непросто приспособиться, что и вызывает частые нарекания редакторов и журналистов).

Заканчивая обзор страниц отдельных сюжетов, добавим, что всего их за день создается пятнадцать (пять топовых и десять вышедших из топа). С ними можно ознакомиться, вернувшись на главную страницу *Яндекса* (http://www.yandex.ru/) и кликнув по кнопке *В Перми* (или другого города, под который локализован поисковик) два раза. При первом клике, как уже отмечалось, общероссийские новости меняются на пермские, при втором мы переходим на отдельную страницу, где собраны актуальные на данный день сюжеты пермских новостей (http://news.yandex.ru/Perm). Это **главная страница новостей (сюжетов)**.

Всего этих сюжетов – пятнадцать: пять топовых, особенно важных (именно они отображаются на главной странице *Яндекса*), и десять вышедших из топа, обычно доступных при прокручивании страницы вниз. Вполне очевидно, что важнее всего для новостного сообщения находиться в пяти топовых сюжетах и получать максимальное количество кликов (однако, даже находясь в нижних сюжетах, новостное сообщение получает от *Яндекса* некоторый трафик: все же *Яндекс* – наш крупнейший поис-

ковик, который привлекает огромную массу пользователей, в том числе довольно «дотошных»). Внутри блока сюжетов также постоянное движение. Сюжеты перемещаются вниз (хотя порой и вверх), новые сюжеты выбивают из пятерки или вовсе с главной страницы сюжетов. Как и в случае с движением новостных сообщений внутри сюжета, мы вряд ли сможем предугадать путь каждого из них. Кликнув по любому из сюжетов, мы окажемся в известном месте – опять на **страничке сюжета**.

Здесь мы вернемся к тому, с чего начали, что нам важно в исследовательских и практических целях отследить. Отметим, что в каждом сюжете выделяется главное новостное сообщение, которое на языке *Яндекса* называется ***мастер***. Оно автоматически выбирается из сообщений, входящих в сюжет, как наиболее цитируемое, свежее и оригинальное (см. об этом [Гершензон, Исаева 2009: 11]). Чаще всего именно оно (хотя бывают исключения) дает заголовок всему сюжету и, что самое важное, гиперссылку, которая встраивается в гиперссылку сюжета на обоих важнейших новостных продуктах – на **главной странице *Яндекса*** и на **главной странице новостей (сюжетов)**. Очевидно, что именно новость-мастер перетягивает на себя в сюжете большее количество трафика. Новости из отдельных сюжетов могут проходить через стадию *мастер*, но далеко не все.

Возвращаясь к программе «Счетчик *Яндекс.Новостей*», отметим, что она обращается именно к *мастерам*. Счетчик работает с пятнадцатью новостными сюжетами (соответственно, с пятнадцатью *мастерами*), открывающихся на **главной странице новостей**, причем именно пермских новостей (http://news.yandex.ru/Perm). Если быть предельно точным, программа основана на парсинге RSS-ленты этой страницы.

Безусловно, из всех пятнадцати новостей-мастеров важнейшими являются **первые пять**, выводимых на **главную страницу *Яндекса*** и встраиваемых в ее код. Они выведены в счетчике в отдельную группу, в другую группу выводится статистика по всем пятнадцати позициям главной страницы новостей.

Мы полагаем, что даже учет новостей-мастеров является большим вкладом в создании объективной статистики по пермским СМИ. Учет же ВСЕХ новостных сообщений, проходящих через *Яндекс.Новости*, – это задача, требующая иных программистских и технических усилий. Она несколько менее актуальна, потому что борьба именно за позицию *мастер* является самой важной и плодоносной для интернет-СМИ.

Итак, подытожим: подсчет времени, проводимого в коллекторе мастер-новостями разных пермских СМИ, позволяет создать независимый и объективный рейтинг успешности веб-ресурса. Безусловно, с течением времени «Счетчик *Яндекс.Новостей*» будет совершенствоваться; одновременно должны появиться и иные объективные инструменты подсчета и оценки успешности пребывания СМИ онлайн.

Библиографический список

Гершензон Л., Исаева Т. Как работают Яндекс.Новости. М., 2009. 45 с.

Пустовалов А.В., Старкова Ю.А. Механизм формирования *Яндекс.Новостей* (на примере пермских СМИ) // Университетские исследования. Пермь, ПГУ, 2013. Электронная публикация № 687_31928. 12 с. URL: http://www.uresearch.psu.ru/files/articles/687_31928.doc. (Дата обращения: 02.04.2013.)

Пустовалов А.В. Информационные порталы и газеты: структуризация пермского новостного интернет-рынка // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. Пермь: изд-во Перм. ун-та, 2014. № 1. URL: http://rfp.psu.ru/archive/1.2014/pustovalov.pdf.

A.V. Pustovalov
Associate Professor of Journalism and Mass Communication Department
Perm State University

D.V. Yarullin
Student of Philological Faculty, 2-nd year
Perm State University

GETTING INTO "YANDEX.NEWS" AS SUCCESS CRITERION FOR PERM NEWS MEDIA: THE PROBLEM OF COUNTING

The article addresses the problem of counting the time which Perm internet media news spend in the news collector "Yandex.News". Getting into "Yandex.News" is one of the most important criteria for success Perm news media. *Yandex*, the largest domestic search engine, gives them significant traffic and draws attention to their brand. It analyzes the structure of "Yandex.News" and dynamics of staying of news reports there. It states that the exact fixation of duration there can be an important competitive parameter for online media. It shows the way to solve this problem for the Perm news media with using copyright invention – the program «"Yandex.News" Counter».

Key words: criteria for success in Internet; news; online media; internet media; Perm news media; regional media; Yandex.News; Yandex; search engine; news collector.

УДК 070

Смирнова Евгения Александровна
доцент кафедры литературы и журналистики
Волгоградский государственный университет
eugeni-sm@mail.ru

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЖУРНАЛА «РУССКОЕ БОГАТСТВО»

В статье проанализирован публицистический контекст народнического журнала «Русское богатство» периода первой русской революции (1905–1907 гг.). Выявлены основные темы, проблемы, идеи, отраженные в публикациях авторов журнала того периода.

Ключевые слова: журнальный контекст; Ф.Д. Крюков; «Русское богатство»; казачество; публицистика.

Революция 1905–1907 гг. принесла в Россию существенные перемены, которые «Русское богатство» (далее – РБ) внимательно отслеживало, публикуя хронику русской революции и художественные иллюстрации общественных настроений.

Популярным лозунгом на страницах журнала становится требование народного представительства, понимаемое как участие всего народа в управлении государством с помощью всеобщих, равных и прямых выборов. Эта программа «Русского богатства» – обоснование необходимости передачи законодательной и исполнительной власти Учредительному собранию – была изложена Пешехоновым в «Хронике внутренней жизни» (1905. № 10. Паг. II. С. 141–145). Задача революции, считает он, в том, чтобы «вырвать власть» у «приверженцев старого режима». Среди них – масса обездоленных и угнетенных граждан, оказавшихся в этом лагере лишь по своему невежеству, но по праву принадлежащих революции. Привлечь их на свою сторону можно исключительно пропагандой идеи, близкой и понятной этим массам, – требованием земли и воли. Русская же интеллигенция должна поддержать революцию, поскольку «стихийное движение началось, остановить его нельзя, и вся задача интеллигенции должна заключаться в том, чтобы внести в него сознательную мысль и организующую силу».

Попытка разобраться в настроениях общества, дать панораму российского народного мировоззрения отражена в журнальных публикациях. В разделе «Хроника внутренней жизни» печатаются заметки о подготовке к всеобщим выборам, об аграрных реформах и роли крестьянского движения в них. Та же проблематика характерна и для беллетристики «Русского

© Смирнова Е.А., 2014

богатства». Например, в октябрьской же книжке, где была опубликована пешехоновская статья, отражающая политические журнальные воззрения, напечатан очерк Н. Тана «Из крестьянских настроений» – хроника московского крестьянского съезда.

В августе 1906 г. «Русское богатство» опубликовало Указ Николая II об учреждении Государственной Думы. В том же номере была напечатана статья В. Мякотина «О государственной Думе и “новой эре”». «Месяцы ожидания кончились, – пишет он. – <...> Перейден рубикон» (с. 80–81). Ожидается ли новая эра? Этот вопрос волновал весь редакционный коллектив. «Думская» тематика, наравне с аграрным и крестьянским вопросами, стала сквозной на протяжении нескольких лет, отражаясь как в публицистике, так и в беллетристике.

В январе 1906 г. журнал «Русское богатство» за «прегрешения», вызвавшие крайнее неудовольствие цензурного комитета (в декабре 1905 г. был опубликован Манифест, затем последовали статьи, в которых цензурой был определен призыв к финансово-экономической борьбе с правительством), был арестован, а Короленко предан суду. В обход цензурных ограничений редакционный коллектив выпустил первый номер 1906 г. под названием «Современные записки» (редактор – Н.Ф. Анненский).

В январском номере за 1906 г. были опубликованы путевые заметки Е. Ганейзера «В Тамбовской манчжурии» – публицистический взгляд на происходящее, попытка осветить крестьянские «бунты» – порождение столыпинских реформ и революции 1905–1907 гг. – со всех сторон. Автор рассказывает о погромах помещичьих имений, о карательных экспедициях, беседует с участниками и очевидцами событий. «Интеллигенция очутилась как бы между двух огней: страшные слухи и толки, идущие со стороны крестьян, и явно враждебное отношение со стороны местной администрации», духовенство «сохраняет осторожный нейтралитет» при ничтожном влиянии на население. Помещики не понимали, во имя чего и для чего сжигались и разорялись их усадьбы. «Бегство помещиков, паника среди интеллигенции, науськивания против “врагов царя и народа”, против каких-то “крамольников”, которые в глазах крестьян являлись прежде все землевладельцы; неопределенные, загадочные, но глубоко захватывающие толки о каких-то новых свободах, новых нравах, – все это на почве нервного возбуждения, вызванного страшными бедствиями военного времени, глубоко потрясшими душу народа, соединилось в одно лихорадочное стремление выбиться, наконец, из тяжелого положения беспросветной крестьянской жизни», – пишет Ганейзер.

Об аграрных беспорядках в том же номере размышляют А. Петрищев («Применительно к аграрным погромам») и С. Елпатьевский («Прошлое и настоящее»). Там же напечатаны «Станичники» Ф.Д. Крюкова – опосредованное изображение аграрных волнений, уже со

стороны «исполнителей наказаний». Сам являясь казаком, писатель акцентирует внимание на том, что карательные экспедиции создаются по приказу вышестоящего начальства, а не по волеизъявлению самих казаков. Предназначение казачества, пишет Крюков, в другом: казаки – не наемные каратели, они прежде всего защитники. В душе казаков уже вызрели сомнения, «что жертва, приносимая казачеством, идет не туда, куда следует, служить какому-то нечистому, ненужному, не оправданному никакими соображениями делу, а они идут на него, как бараны, и, глухо недовольные, не смеют вслух заявить о своей обиде, о своем стыде...». Очерк «Станичники» был первым из крюковских произведений, опубликованных в «Русском богатстве», в которых писатель заявлял о своем протесте против использования казачества в полицейских целях. Эту программу писатель претворял в жизнь и с трибуны Государственной Думы. В страстном и пылком воззвании на одном из думских заседаний депутат Крюков стремился обратить внимание молодого парламента на тяжкую участь казаков – «святую скотину», запрограммированную быть «страшным орудием порабощения и угнетения народа».

С февраля 1906 г. «Русское богатство», после того как в глазах цензуры «не справился» с редакторскими обязанностями и был от них отстранен Анненский (курс журнала остался прежним), выходит под названием «Современность» под редакцией В. Мякотина. В мае, после оправдания в суде Короленко, к журналу вернулось прежнее имя.

В марте в рубрике «Мимоходом» опубликована заметка «Карательные экспедиции», подписанная псевдонимом «Военный». Автор констатировал, что дело казаков – «усмирять неповинующихся, а не драть усмиренных». Все надежды публициста, впрочем, как и редакции журнала, и всего русского народа, были связаны с предстоящей Думой – демократическим, как ожидалось, органом управления государством, где будет изложена «гражданская точка зрения ... на обязанности армии в мирное время». Заметка заканчивается риторическим вопросом: «Почему гг. казачьи офицеры так легко поступаются теперь “собственным достоинством”, а также достоинством и честью казачества, принимая участие в экзекуциях?».

Карательные экспедиции еще не раз упоминались в беллетристике и публицистике «Русского богатства». В декабрьском номере журнала за 1906 г. был опубликован очерк С.Я. Аникина «Донские казаки». Автор попытался осветить «казачий вопрос», поскольку проблема казачества (воинская повинность, снаряжение, землеустройство, взаимоотношения казаков и власти и т.д.) стала общероссийской. Стародавние устои, основывавшиеся на «духе истории» и «заветах доблестных предков», пошатнулись. Российское общество после карательных экспедиций, в которых казачьи войска принимали самое непосредственное участие, восприним-

ло жителей Донской области враждебно. Кроме того, казачество переживало и кризис правления – атаманы в станицах, вопреки традиции, назначались вышестоящим начальством и зачастую не были казаками по происхождению, а «национальная» принадлежность для казачества имела немаловажное значение. Материальное положение казачьего сословия также оставляло желать лучшего. В итоге, как констатирует автор очерка, казачество «стоит перед дилеммой: самостоятельно ли добиваться “полегчения” и “правов” у своего бывшего союзника», т.е. государственной власти, которой оно служило верой, правдой и присягой с незапамятных времен, «или же примкнуть к общенародному движению и слить свои требования с требованиями всего народа» (РБ. 1906. № 12. С. 146). Опубликованная в этом же номере заметка А. Петрищева «На разных языках» подтверждала выводы С. Аникина о противостоянии казаков и российского общества.

Надежды на обновление России возлагались на Думу, поскольку, как писал Петрищев в статье «Генеральное сражение», итогом Манифеста 17 октября было то, что «страна разорена, но и возбуждена сверху донизу» (РБ. 1907. № 5. С. 96). Однако чаяния оказались напрасны: демократическое правление также оказалось несостоятельным. Об этом пишет В.Г. Короленко в статье «Вместо хроники»: «Правительство успело обессилить русский парламент, который само и созвало. И он, вместо творческой работы, стал гигантской трибуной, с которой, как тревожный набат, раздается всенародное обличение того же правительства» (РБ. 1906. № 5. С. 152).

«Русское богатство» объявило первой Думе активный бойкот. Отмечалось нарушение правил при выборах в Думу, критиковались ее бесправие и бесполезность в попытке перестроить государственное правление, парламент назывался ловушкой для освободительного движения. Роль первого российского парламента была ограничена «предварительной разработкой и обсуждением росписей государственных доходов и расходов». Дума не имела решающего голоса в законодательном творчестве, она даже не обладала правом законодательной инициативы. Однако в выборах во II Думу «Русское богатство» участие приняло. В предвыборной кампании журнал пропагандировал идеи кадетского блока, одержавшего убедительную победу на выборах в I Думу, призывал к альянсу с ним. Публицисты упреждали читателей не становиться обывателями, «запечными людьми», а быть активными гражданами, поскольку, как писал А. Петрищев в статье «О запечных людях», «безразличный обыватель может обрасти вокруг скелета, но может оказаться и бесформенной массой; страна может получить от него все то положение, что он принес с собою; и стране может быть нанесен весь тот вред, какой способно причинить “запечное человечество”» (РБ. 1907. № 1. Паг. II. С. 89). Спустя месяц думских заседаний надежды сменяются разочарованием. И уже против кадетской фракции

направлен весь огонь критики – демагогическая тактика кадетов считается «отступлением». Следующая, III Дума был оценена журналом как реакционная из-за ее «отдаления от широких народных масс», а аграрная политика думы этого созыва – как крепостническая. «Надо прямо говорить: в 1905–1906 гг. было жутко, концом пахло. Меры, принятые тогда, помогли продержаться до сих пор. Но теперь снова пахнет концом, а прежние меры не внушают надежды, не дают уверенности», – писал Петрищев в «Хронике внутренней жизни» (РБ. 1908. № 9. Паг. 2. С. 74).

Разоблачая деятельность Думы, раскрывая истинную расстановку сил и положение дел, развенчивая политическую систему России с ее устаревшими традициями, публицисты «Русского богатства» помогали читателям освобождаться от иллюзий. В первой пагинации журнала (где печатались художественные произведения) публиковались воспоминания депутатов об их парламентской деятельности, которая, к слову, не могла не наложить соответствующий отпечаток на их мировосприятие. В творчестве Крюкова «думская» тематика также нашла свое отражение. Вслед за очерками о работе Государственной Думы С. Елпатьевского («В Государственной Думе: заметки, очерки, наблюдения». 1906. № 7), С. Аникина («По родным местам: из наблюдений бывшего депутата». 1906. № 11), Крюков дает свой взгляд на последствия этой «попытки демократии» – в ноябрьском номере «Русского богатства» за 1906 г. был опубликован автобиографический очерк Ф.Д. Крюкова «Встреча». В образе горе-депутата Крюков воплотил судьбы многих «народных парламентеров», которые попали в первую Думу отнюдь не по политическому призванию. Этот аспект предыдущих выборов осмысливается А. Петрищевым в статье «Порочный круг (в ожидании новых выборов»), опубликованной номером раньше. Однако, по наблюдениям публицистов журнала, народное самосознание (и политическое в том числе) меняется. В том же, октябрьском, номере в статье «По поводу земских и городских выборов» С. Елпатьевский отмечает «резкое изменение населения к земскому и городскому самоуправлению» (Паг. 2. С. 63.).

Революция 1905–1907 гг. заставила обратить внимание на психологию крестьянина. Положение нравов деревни стало предметом обсуждения и изображения в журнале. «Симптоматичны попытки разгадать, – писал по этому поводу Пешехонов в «Хронике внутренней жизни», – а что, в самом деле, мужик думает, какие у него на ближайшее время зреют намерения. А мужик-то как раз теперь голодный, стоит перед озимыми полями, частью засеянными с осени, частью погибшими: но, быть может, перед грозою нового неурожая он наиболее загадочен. <...> Мужик ... эта мощная фигура до некоторой степени играет роль символа, вмещая в себя и заслоняя собою крайне пестрые и разнообразные социальные элементы. <...> Сейчас не только внизу, но и вверху создаются обстоятельства, чрез-

вычайно неожиданные, назревают комбинации, реально не определяющиеся, но полные грозного смысла» (РБ. 1908. № 4. С. 59–60).

Панорама жизни российской глубинки, характеры ее обитателей, обстоятельства, в которых находится российский народ – все это представлено в контексте «Русского богатства». Герои журнальных публикаций мечтают о земле, достатке и воле, но эти мечты пока так и остаются мечтами, а по сути – молитвами, истекающими из чистого сердца, молитвами счастью, заслуженному и незаслуженному. Огромный творческий потенциал российского народа не находит реализации, поэтому процветает пьянство и нищета. Поэтому «можно ли рассчитывать на справедливое устройство жизни здесь, на земле, – писал Ф.Д. Крюков в очерке «Будни» (РБ. 1911. № 9. С. 155), – где вокруг богатства и довольства, как мелкая зыбь морская, копошится полуголодная и совсем голодная нищета, а в самой нищете раздор и свары, да темная злоба и непонимание: кто посильнее, норовит столкнуть рядом бредущего, вырвать кусок, подслужиться сытому, продать брата родного», – проблема неразрешимая.

E.A. Smirnova
Associate Professor of Literature and Journalism Department
Volgograd State University

THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION IN THE CONTEXT OF THE “RUSSIAN WEALTH” MAGAZINE

This article analyses publicistic context of the populist magazine “Russian wealth” during the Russian revolution (1905–1907). The article defines the main themes, problems and ideas in works of authors of the magazine at this period of time.

Key words: magazine context; F.D. Kryukov; “Russian wealth”; Cossacks; publicism.

УДК 81'38; 81'42

Соловьева Наталья Васильевна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
biserova@bk.ru

МЕТАТЕКСТОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ В НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ[1]

В статье рассмотрены метатекстовые элементы, которые используют авторы научных дискуссий для интерпретации основных компонентов текста. Описаны функции употребления метатекстовых средств по отношению к адресату: обеспечение понимания, прояснение авторской позиции, активизация внимания и др.

Ключевые слова: метатекстовые компоненты; научный текст; научная дискуссия; адресат.

Порождение текста может осуществляться только с установкой на понимание: «Новое научное знание способно войти в дисциплинарную картину мира, только если оно будет **понято** и принято адресатом (Выделено нами. – Н.С.)» [Рябцева 2005: 497]. Иными словами, именно понимание научного текста обеспечивает развитие научного знания. Автор, прогнозируя реакцию читателя, выстраивает содержание с учетом его ожиданий. Идеальной в коммуникативно-прагматическом плане является ситуация, когда содержание, передаваемое автором, совпадает со смыслом, извлекаемым адресатом.

Причинами, которые могут вызвать непонимание со стороны адресата, могут быть, например, неполное или непоследовательное изложение, неточность или немотивированность употребляемых терминов, их определений, искажение смысла высказываний и т.д. В связи с этим повышенную значимость приобретает рефлектирующая деятельность говорящего по поводу употребляемых речевых средств.

Проблема языковой рефлексии в лингвистике не нова, однако до сих пор нет общепринятого определения для комментариев, в которых выражается рефлексия субъекта речи, – ср.: «оценка речи» [Шварцкопф 1970], «контекст-мнение» [Лукьянова 1986], «словесное самомоделирование» [Ляпон 1989], «языковая рефлексия» [Шмелева 1999], «метаязыковые высказывания» [Булыгина, Шмелев 2000], «метатекст» [Ростова 2000], «рефлексивы» [Вепрева 2002].

Объектом нашего исследования стали метатекстовые компоненты, с помощью которых автор пытается обеспечить понимание реципиентом содержания основного текста (как отдельных понятий, так и целых суждений).

При этом мы не претендуем на полный охват всех метакомпонентов научного текста, а обратимся только к тем, которые характерны для научных дискуссий.

Мы используем выражение «метатекстовые компоненты» как общее наименование для метатекстовых средств, не дифференцируя их на «метаязыковые средства», которые служат для толкования отдельных понятий, и «метафразовые средства», которые употребляются для толкования целых суждений. Отдавая предпочтение определению *метатекстовые* перед определением *метаязыковые*, мы тем самым хотим подчеркнуть аспект функционирования, переход из языковой системы в текст.

Обратимся к метатекстовым средствам, которые используют авторы научных дискуссий, чтобы обеспечить адекватное понимание содержания текста читателем, а также убедить его в истинности определенной точки зрения, что коррелирует с целями исследуемого жанра. В эту группу входят: метафразовое противопоставление (антонимические выражения с отрицанием), перефразирование, сравнение (аналогия), метатекстовые комментарии и др. Остановимся на некоторых из них.

К частотным средствам толкования понятий и суждений относится **метафразовое противопоставление**, которое обычно строится по схеме «ДА / НЕТ… ОДНАКО (НО)…». Такие противопоставления используются авторами дискуссий с целью опровержения какого-либо мнения (обычно это происходит при рассмотрении научных концепций других исследователей) и приведения иной точки зрения (собственно авторской концепции). Например*: <…>Против всех этих положений нельзя выдвинуть никаких возражений. Они правильны и убедительны,* ***но*** *логический скачок от них к утверждению, что «благодаря этому» (т.е. передаче буквою не произносимого звука, а «фонемы». – Б.Г.), «фонологический принцип (орфографии. – Б.Г.) обычно называют морфологическим» (авторы оговариваются, что «такое название не вполне точно»), – такой скачок уже ничем не оправдан. Приведенное определение не «неточно», а просто неверно* [Горнунг 1967: 74].

В случае, если автору необходимо закрепить в сознании читателя наиболее важные смысловые и концептуальные моменты содержания текста, он прибегает к **перефразированию**. Схожую функцию выполняют развернутые вариативные повторы, обеспечивающие «механизм текстообразования и развертывания авторской концепции в целостное произведение» [Данилевская 2003: 319].

К метатекстовым компонентам, способствующим пояснению, обоснованию высказанных положений, а также лучшему пониманию обсуждаемых вопросов читателем, относится **аналогия**. Сравнения используются в дискуссиях, чтобы пояснить способ доказательства на хорошо знакомом материале или чтобы показать оппоненту, что он допускает известную по другим случаям логическую ошибку. Аналогия улучшает доступ-

ность рассуждения. Для сравнения всегда избираются те факты, которые получили в истории научной мысли свое обоснование или, наоборот, опровержение. Например: *Чтобы нагляднее представить себе характер этой ошибки,* ***приведем для сравнения*** *два примера из классификации совсем других явлений* <…> [Будагов 1954: 56].

Излагая научную информацию, автор текста может давать и собственные комментарии, также имеющие метатекстовый характер. Как правило, это фрагменты метатекста, дополняющие содержание основного текста. Чаще всего авторы прибегают к пояснению отдельных понятий (слов или словосочетаний), чем целых суждений.

Например, **комментарий-разъяснение** – это метатекстовый комментарий, содержащий рассуждения автора о многозначности употребляемого слова (выражения), его омонимии или синонимии и в связи с этим возникшей терминологической неясности, путанице. Речевой комментарий направлен на то, чтобы привести возможные толкования употребляемой языковой единицы и / или акцентировать актуальное для исследователя значение. Например: *Следует оговориться, что общепринятого и однозначного термина «резонанс» нет. В данной статье мы будем пользоваться этим термином в понимании Паулинга – Уэланда – «резонанс структур». Химики-органики часто терминами «резонанс», «резонансное состояние» обозначают явление мезомерии. В этих случаях мы будем пользоваться только термином мезомерия* [Соколов 1949: 698].

Комментарии-разъяснения очень важны в переводческой практике, а именно при переводе научного текста. Недостаточность метатекста для формирования какого-либо понятия приводит к концептуальным ошибкам при переводе, что «может послужить в дальнейшем источником неадекватного знания» [Алексеева 2001: 70].

Специфичными для научной дискуссии являются оценочные комментарии, например, **комментарий-критика**, выражающийся в виде негативной оценки какого-либо «чужого» термина, понятия. Как правило, оценочной рефлексией сопровождаются термины, комментируемые в плане точности / неточности употребления, мотивированности / немотивированности значения, уместности / неуместности речевого выбора и т.д. Приведем пример: *В первую очередь это говорит о том, что в этих делах вообще очень мало кто хотя бы ориентируется, следовательно, из-за отсутствия должной критики существует опасность неуместной и декларативной экстраполяции куда ни попадя модной и престижной «синергетической парадигмы» – уже придумали такой всеобъемлющий и всесокрушающий термин* [Губин 2003: 122].

Если понимать метатекст широко, то к метатекстовым компонентам относятся и средства оценки степени достоверности излагаемой информации, средства подчеркнутой логичности (включая связность), а также средства акцентуации.

Метатекстовые средства оценки степени достоверности излагаемой информации помогают читателю определить авторскую позицию в научном тексте. Это могут быть средства, подчеркивающие уверенность автора в достоверности сообщаемого (средства выражения **категоричности** высказывания), или средства, позволяющие снизить категоричность выражаемого мнения (средства выражения **некатегоричности** высказывания) за счет указания на его субъективность, введения различных показателей неуверенности в достоверности оценки и т.д. Приведем перечень метатекстовых средств, в которых через снижение категоричности выражено несогласие с оппонентом (см. [Словарь… 2013: 36, 37]:

В ряде случаев можно было бы избежать терминологической нечеткости…

К сожалению, в тексте встречаются некоторые неточности и недостаточно обоснованные утверждения.

К сожалению, этот важный … тезис раскрыт недостаточно полно.

Нам кажется, что …

… недостаточно четко разграничиваются …

Не совсем логичным представляется…

… не совсем удачным показался нам термин …

… отставание от … в некоторых случаях, как кажется, все же можно было преодолеть.

По-видимому, тут необходимо было проявить большую гибкость…

Правда, создается впечатление, что автор … иногда несколько отходит от …

Представляется нам несколько неудачной…

Надо сказать, что в текстах научных дискуссий отмечается активное употребление средств снижения категоричности, что, на наш взгляд, обусловлено особенностями научного стиля речи и индивидуальным стилем речи автора. Некатегоричная манера изложения является нормой научной речи, что объясняется самой природой научного знания (его относительностью), сложившейся традицией, научным этикетом, а также психологией читательского восприятия.

Среди метатекстовых компонентов, обеспечивающих активизацию внимания адресата, в научных дискуссиях значимое место также занимают **средства акцентуации**, такие как графика (размер шрифта, выделение курсивом, жирным шрифтом, разрядкой, подчеркивание, знаки препинания и т.п.) и экспрессивный синтаксис.

Графические акцентуаторы нередко выделяют важную мысль в речевой ткани произведения, маркируют выводы исследования, вводят новые понятия, термины, определения, подчеркивают сопоставляемые факты и явления. Проведенный анализ показал, что использование тех или иных метаграфематических способов выделения текста также может соотноситься с индивидуальными особенностями личности автора.

Единицы экспрессивного синтаксиса – вопросительные и восклицательные предложения – нечасто употребляются в научных текстах, но для дискуссий они типичны. Вопросы позволяют имитировать диалог между автором и читателем, прогнозировать реакцию адресата, управлять его вниманием, ср.: *Воздействует ли правописание на развитие орфоэпических норм**?** В общей форме ответ на этот вопрос может быть только утвердительным* [Григорьев 1965: 72].

Привлекают внимание читателя и восклицательные предложения, благодаря которым автор добивается повышенного внимания адресата к определенному высказыванию, причем частотны случаи употребления восклицательного знака в скобках. Например: *Д.Б. Эльконин связывал исторический генезис игровой деятельности с развитием у человека способности к практическому абстрагированию ориентировочной основы и смысловой квинтэссенции утилитарного действия от самого этого действия (поистине эпохальное событие в истории человеческого духа**!**)* [Кудрявцев 2001: 32]. Заметим, что метатекстовые средства акцентуации обладают воздействующей функцией.

В заключение следует сказать, что перечень рассмотренных метатекстовых компонентов является открытым. Он может быть дополнен в процессе изучения нового материала (например, других жанров научной речи). При этом несомненный интерес представляет не только качественное описание метатекстовых компонентов, но и количественные результаты употребления тех или иных метатекстовых средств, причем в соотношении с индивидуальными предпочтениями автора.

Примечания

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект 14-34-01026а1.

Библиографический список

Алексеева Л.М. О специфике перевода научного текста // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. М.П. Котюрова. Вып. 4. Пермь: Перм. ун-т, 2001. С. 63–73.

Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 272 с.

Будагов Р.А. К вопросу о языковых стилях // Вопросы языкознания. № 3. 1954. С. 54–67.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. «Стихийная лингвистика» (folk linguistics) // Русский язык сегодня: сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; отв. ред. Л.П. Крысин. Вып. 1. Москва: «Азбуковник», 2000. С. 9–19.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 379 с.

Горнунг Б.В. Об основном принципе русского правописания // Вопросы языкознания. № 2. 1967. С. 73–81.

Григорьев В.П. Обсуждение «Предложений по усовершенствованию русской орфографии» // Вопросы языкознания. № 1. 1965. С. 69–75.

Губин В.Б. Синергетика как новый пирог для «постнеклассических ученых» или отзыв на автореферат докторской диссертации // Философские науки. № 2. 2003. С. 121–155.

Данилевская Н.В. Развернутые вариативные повторы // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. Москва: Флинта: Наука, 2003. С. 316–319.

Зиндер Л.Р. К итогам дискуссии о русской орфографии // Вопросы языкознания. № 6. 1969. С. 56–63.

Кудрявцев В. Т., Уразалиева Г.К. Развитие деятельности и ее самодетерминация // Вопросы философии. № 3. 2001. С. 27–32.

Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск: Наука, 1986. 230 с.

Ляпон М.В. Оценочная ситуация и словесное моделирование // Язык и личность. Москва: Наука, 1989. С. 24–34.

Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 194 с.

Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. Москва: Academia, 2005. 640 с.

Словарь стереотипных единиц в научных текстах / составители: М.П. Котюрова, Н.В. Соловьева, Л.С. Тихомирова. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2013. 76 с.

Соколов Н.Д. О физических основах теории химической связи // Успехи химии. Т. XVIII. Вып. 6. 1949. С. 697–723.

Шварцкопф Б.С. Проблема индивидуальных и общественных групповых оценок речи // Актуальность проблемы культуры речи. Москва: Наука, 1970. С. 89–99.

Шмелева Т.В. Языковая рефлексия // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 1 (8). Красноярск; Ачинск: Изд-во КГУ, 1999. С. 108–110.

N.V. Solovyova
Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

METATEXTUAL COMPONENTS IN SCIENTIFIC DISCUSSION

The article is devoted to the analysis of metatextual elements which are used by authors of scientific discussions for the interpretation of the main text components. The functions of the metatextual means' usage in relation to the addressee are described: assurance of understanding, clearing of the author's position, activization of attention, conviction, etc.

Key words: metatext components; scientific text; scientific discussion; addressee.

УДК 81.24

Сунь Сунся
доцент института иностранных языков
Шаньдуньский педагогический
университет (Китай, г. Цзинань)

Ли Липин
старший преподаватель института иностранных языков
Шаньдунский педагогический
университет (Китай, г. Цзинань)

Карпова Татьяна Борисовна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
tatyana_2000@mail.ru

СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В КИТАЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИИ ШАНЬДУН)

В статье оценивается преподавание русского языка в провинции Шаньдун Китая. Анализируются достижения в преподавания русского языка в провинции, а также существующие проблемы и способы их разрешения.

Ключевые слова: преподавание русского языка; провинция Шаньдун; достижения; проблемы.

Провинция Шаньдун (Shandong) – одна из приморских провинций КНР на востоке страны, родина Конфуция. Сегодня Шаньдун – одна из самых населенных и богатых провинций в КНР. Она занимает второе место среди провинций по численности населения и ВВП после провинции Гуандун (в провинции Шаньдун постоянно проживает более 96 млн. человек; в 2013 г. ВВП на душу населения достиг здесь 54,68 тыс. юаней).

Наряду с ростом экономической мощи, динамично развивается в провинции Шаньдун и народное образование. Образовательная система этой провинции считается одной из наиболее развитых в Китае. В Шаньдуне имеется 128 вузов, где обучается более полутора миллионов студентов и 57 тысяч аспирантов по разным специальностям, в том числе и по специальности «Русский язык». Русский язык здесь преподают в 13 вузах и более чем в 40 школах.

В статье мы охарактеризуем преподавание русского языка только в высших учебных заведениях провинции Шаньдун. Сначала остановимся на достижениях.

© Сунь Сунся, Ли Липин, Карпова Т.Б., 2014

С конца XX в., благодаря государственной политике Китая о расширении приема учащихся в вуз, быстро растет не только количество студентов, но и количество специальностей. Если десять лет тому назад в провинции Шаньдун было всего два вуза, имеющих специальность «Русский язык», то сегодня таких университетов уже тринадцать (ср. данные на 2013 г.: русский язык изучают в Китае в 138 вузах[1]). Это Шаньдунский университет, Китайский нефтяной университет, Шаньдунский педагогический университет, Шаньдунский аграрный университет, Цюйфуский педагогический университет, Циндаоский научно-технический университет, Шаньдунский транспортный институт, Линьиский университет, Тайаньский медицинский институт, Шаньдунский женский институт, Циндаоский приморский институт, Шаньдунский профессиональный институт иностранных языков и Шаньдунский профессиональный институт по иностранным делам и переводу. В этих 13 вузах обучение русскому языку ведется на разных уровнях: трехлетнее неполное высшее образование (в 3 институтах), четырехлетнее полное высшее образование – бакалавриат – (в 10 вузах) и магистратура. Магистратура по специальности «Русский язык и русская литература» открыта только в Шаньдунском университете и Шаньдунском педагогическом университете.

Во все вузы провинции Шаньдун на специальность «Русский язык» ежегодно принимается более 300 студентов. По окончании университета треть из выпускников продолжает учебу в магистратуре, небольшое количество выпускников устраивается в школах или государственных учреждениях, а большинство – в частных предприятиях и фирмах.

С увеличением количества студентов данной специальности повышается и качество преподавания русского языка.

Во-первых, происходит углубление интернационализации обучения русскому языку. Шаньдунские вузы теперь активно сотрудничают с учебными заведениями России, Белоруссии и Украины. Например, Шаньдунский университет – с Российским университетом дружбы народов (Москва), Пермским государственным национальным исследовательским университетом, Шаньдунский педагогический университет и Шаньдунский женский институт – с Новосибирским государственным педагогическим университетом и Пермским государственным национальным исследовательским университетом, Китайский нефтяной университет – с Белградским государственным университетом, Шаньдунский транспортный институт – с Дальневосточным государственным университетом путей сообщения. Между этими вузами регулярно проводятся обмены студентами и преподавателями. Типичным примером служит Шаньдунский универси-

[1] См. назначенный Министерством образования КНР официальный информационный сайт: http://www.chsi.com.cn/

тет, где студенты третьего курса по специальности «Русский язык» всей группой обучаются в течение года в РУДН (Россия, г. Москва).

Во-вторых, это проявляется в повышении уровня профессионализма преподавателей-русистов. Почти все преподаватели русского языка моложе 45 лет в этих вузах имеют ученую степень магистра. В последние годы число преподавателей русского языка, имеющих ученую степень кандидата наук России или доктора наук Китая, быстро растет. Возьмем для примера Шаньдунский университет, где все 7 преподавателей русского языка являются либо кандидатами наук России, либо докторами наук Китая. А в Шаньдунском педагогическом университете из 8 преподавателей русского языка 2 имеют ученую степень кандидата наук России, 3 – доктора наук Китая. Больше 65% преподавателей в этих вузах учились или не раз проходили стажировку в России. Большинство преподавателей русского языка – это люди в возрасте до 45 лет, то есть уже достаточно опытные, профессиональные, но еще и вполне мобильные, способные к самосовершенствованию. Повышение профессионального уровня преподавателей эффективно улучшает весь учебный процесс, когда преподается не только русский язык, но и русская литература, русская история, страноведение и т.д. Все это помогает студентам лучше узнать Россию и изучаемый иностранный язык. В повышении уровня преподавания важную роль играют и иностранные специалисты. Во всех без исключения вузах провинции работают иностранные преподаватели, которые ведут занятия по аудированию, устной речи, страноведению и т.д.

Кроме того, повышению качества преподавания русского языка способствует также использование современных технических средств. В процессе обучения широко используются мультимедийные технологии и Интернет. Почти все аудитории оборудованы мультимедийными средствами обучения. В некоторых университетах оборудованы аудитории для просмотра прямых трансляций программ многих телеканалов России. С помощью этих современных технических средств студенты получают информацию о политической, социально-экономической и культурной жизни современной России, совершенствуют свои навыки аудирования и др.

Наряду с достигнутыми успехами, в преподавании русского языка в провинции Шаньдун существуют и проблемы.

Первая и самая серьезная проблема – это отсутствие дифференциации в подготовке специалистов по русскому языку. Студенты учатся по одной специальности, по одинаковым учебным программам, изучают одни и те же предметы (скоростное чтение, экстенсивное чтение, грамматика, аудирование, страноведение, русская классическая и современная литература, чтение газеты, сочинение и т.д). Это приводит к недостаточной специализации и к снижению конкурентоспособности выпускников при трудоустройстве. С одной стороны, не хватает способных переводчиков по русскому языку, а с другой – подготовленные выпускники не могут

найти подходящую работу. Практика показывает, что обучение одному лишь языку уже не может удовлетворить требованиям общества и работодателей. Для решения этого вопроса необходимо расширять компетенции преподавателей. Преподаватели русского языка, кроме русской лингвистики и литературы, должны знать и русскую историю, и географию, и политику, и экономику, чтобы иметь возможность качественно готовить студентов для будущей работы в конкретной профессиональной сфере.

Пока этому не всегда способствуют и действующие учебники русского языка, которые нечасто обновляются (примерно раз в десять лет). Это относится и к учебным материалам, не отражающим в полной мере развитие языка в связи с развитием всех сторон жизни современной России.

Далее приведем результаты опроса, который был проведен нами среди 510 студентов из восьми вузов провинции Шаньдун с целью изучения состояния преподавания у них русского языка. На вопрос «Чему вуз должен уделять больше внимания для улучшения преподавания русского языка» 52% опрошенных назвали учебные программы, 17% – обновление учебников. На вопрос «Работали ли Вы по Вашей специальности в свободное от занятий время?» лишь 18% опрошенных дали положительный ответ. 49% опрошенных считают, что существующая в вузе база для практики не удовлетворяет потребностям студентов. Так, число студентов, побывавших на стажировке за рубежом, составляет всего 14%. При этом лишь 12% стажировались за счет государства, 44% – за свой счет и 44% – на условиях межвузовского обмена. Отсутствие практики и возможности побывать в стране изучаемого языка, бесспорно, снижают качество обучения, его эффективность.

Необходимо, на наш взгляд, ввести в действие более целесообразные и эффектные факультативные учебные программы. Например, русский язык для гидов, коммерческий русский язык, русский язык для юристов, русский язык в нефтяной промышленности и т.п. Большой выбор факультативных занятий поможет студентам расширить их кругозор и осознанно выбрать будущую специализацию.

Необходимо также дополнить учебники новыми учебными материалами. Обновление учебников – дело не одного человека и даже не одного университета. Целесообразно использовать Интернет, где на русских сайтах можно найти ценные для учебного процесса материалы. Эти свежие материалы могут в определенной мере восполнить «отставание» учебников.

Еще одна проблема – это недооценка важности русского языка как иностранного языка. Средние школы, где преподают русский язык, в основном расположены в глухих или отсталых в экономическом отношении районах. Сравнительно немногие вузы открывают специальность «Рус-

ский язык», поскольку до сих пор в Китае предпочтение отдается английскому языку.

Но, несмотря на существующие проблемы, русский язык все же имеет перспективы развития в Китае, в частности в провинции Шаньдун. По результатам проведенного нами опроса, 57% опрошенных разделяют мнение о том, что русский язык имеет большие перспективы развития, и лишь 8% опрошенных видят проблемы в будущем трудоустройстве. Оптимизм в оценке перспектив в изучении русского языка в Китае в целом и в провинции Шаньдун в частности основывается на том, что знание языка страны-соседа и дружественного партнера позволяет не только больше узнавать друг о друге, но и создает благоприятные условия для дальнейшего сближения. XXI в. – время сближения России и Китая. Представляется, что с развитием дружественных отношений между двумя странами специалистам, знающим русский язык, откроются большие возможности для профессиональной самореализации.

Sun Sunxia
Professor of Foreign Languages Institite
Shandong Pedagogical University (China, Tsinan city)

Li Lipin
Senior lecturer of Institute of Foreign Languages
Shandong Pedagogical University (China, Tsinan city)

T.B.Karpova
Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

STATE FO STUDYING RUSSIAN LANGUAGE IN CHINA (ON THE EXEMPLE OF SHANDONG PROVINCE)

This article talks about Russian education research in China's Shandong Province, analyzes the Shandong Russian teaching achievements and existing problems, and discusses the solution of the problem.

Key words: Russian teaching, Shandong Province, achievements, problems.

УДК 811.161.1:378

Тихомирова Лариса Сергеевна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
tikhomirova.lar@yandex.ru

Ширинкина Мария Андреевна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
m555a@yandex.ru

ТЕМА «СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ» В КУРСЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ» В ВУЗЕ

В статье описаны результаты анкетирования студентов с целью выяснения их отношения к семейным ценностям и браку. На основе этих результатов разработана система коммуникативно-ориентированных заданий в рамках курса «Русский язык и культура речи».

Ключевые слова: русский язык и культура речи; коммуникативные компетенции; культурологические компетенции; семейные ценности.

Семья – исконно русское слово, означавшее буквально муж, жена, домочадцы, челядь (в разных источниках). С семьей у большинства людей связаны самые теплые чувства, незабываемые воспоминания. Именно в семье закладываются те гражданские качества и морально-нравственные ценности человека, с которыми он пройдет свой жизненный путь.

К сожалению, в последнее время в Российском обществе резко меняется отношение молодого поколения к семье и браку: «Российское общество переживает сейчас кризис ценностей семейного образа жизни» [Бокуть, Губина 2010: 64]. Эта тема активно обсуждается в средствах массовой информации и на высшем государственном уровне. Пропаганда семейных ценностей, укрепление института семьи, повышение уровня рождаемости и снижение смертности являются приоритетными направлениями развития России.

Учитывая эти факты, очень важно, на наш взгляд, в процессе обучения в вузе готовить молодое поколение к семейной жизни, обсуждать с молодыми людьми и девушками семейные ценности. Сначала мы предложили студентам ответить на вопросы анкеты, которая, с одной стороны, заставила их задуматься о значимости семьи в жизни человека, с другой –

© Тихомирова Л.С., Ширинкина М.А., 2014

помогла нам в разработке некоторых заданий по культуре речи. Анкета включала 9 вопросов. К первым семи вопросам предлагались по 3–4 варианта ответа, из которых нужно было выбрать один подходящий, при ответе на 8-ой вопрос студенты могли выбрать несколько ответов из представленных или предложить свои, ответ на 9-ый вопрос респонденты должны были сформулировать самостоятельно. В анкетировании участвовали студенты 1–2 курсов юридического и биологического факультетов ПГНИУ. Всего 78 человек (46 девушек и 26 молодых людей; в том числе 46 – студенты юридического факультета, 26 – биологического). Возраст студентов от 18 до 20 лет.

На первый вопрос *Как вы относитесь к браку?* подавляющее большинство (69 человек; 88,5 %) ответило *положительно*, 4 (5 %) выбрали ответ *б) отрицательно*, трое студентов (3,8 %) пока не думали об этом, двое (2,7 %) затруднились ответить на данный вопрос. Это означает, что молодежь (за редким исключением) планирует оформить (закрепить законодательно) свои отношения с любимым человеком, причем, судя по ответам на 2-ой вопрос, это должно произойти в возрасте от 20 до 30 лет (74 человека).

Несколько удивляют ответы на следующий вопрос анкеты *Как вы относитесь к браку в раннем возрасте (до 18 лет)?* Ответы *а) нормально* и *б) это нормально, но не надолго* выбрали соответственно 9 и 63 опрошенных. Создается впечатление, что применительно к себе студенты устанавливают возраст для вступления в брак после 20 лет, то есть на последних курсах университета, но при этом «нормально» относятся к тем, кто сразу после школы создал семью.

Если на предыдущие вопросы ответы будущих юристов и биологов практически не отличались, то анализ ответов на 4 вопрос *Будете ли вы планировать пышное торжество или скромную регистрацию?* позволил выявить любопытные различия в представлениях тех и других о свадебном торжестве. Ответ *а) пышная свадьба* выбрали 28 студентов, причем все – с юридического факультета; ответ *в) по возможности* – 46 студентов, в том числе 27 – с биологического факультета, 18 – с юридического; ответ *б) скромная* посчитали для себя приемлемым 2 юриста и столько же биологов.

Различия в ответах студентов юридического и биологического факультетов на 5 вопрос *Имеет ли для вас значение социальное положение вашей половины?* также обращают на себя внимание. Вариант *а) да* выбрали 27 студентов и все они – будущие блюстители закона; вариант *б) нет* – 18 юристов и 15 биологов; остальные признали для себя приемлемым вариант *г) может быть* – по 9 студентов с каждого факультета. При последующем обсуждении этого вопроса выяснилось, что юристы более широко понимают выражение *социальное положение.* Если биологи объ-

ясняют его лишь как материальный достаток семьи, в которой воспитывался избранник, то юристы рассуждают об образовании родителей, их месте работы и занимаемых должностях, а также отношениях между членами семьи. Однако при этом стоит отметить несомненный практический характер мышления студентов-юристов и некоторую непрактичность в сочетании с гуманизмом – биологов.

Среди ответов на 6 вопрос *Кто, по-вашему, должен быть главой семьи?* первое место по частоте упоминания занял вариант *а) муж* (41 человек – 52,6 %); далее следует вариант *в) вместе* (35 – 44,9 %). В Большом толковом словаре русского языка *глава* – тот, кто возглавляет что-л., руководит чем-л. или имеет наибольшее влияние, признание в какой-л. сфере деятельности [БТС]. Иными словами, практически все студенты сходятся во мнении, что возглавлять семью, принимать ответственные решения должен мужчина, либо муж с женой вместе.

Ответы на 7 вопрос *Кто в семье должен зарабатывать деньги?* распределяются следующим образом: вариант *в) оба* указали 49 студентов (62,9 %); вариант *а) муж* – 25 студентов (32,1 %); вариант *г) по обстоятельствам* – 4 человека (5 %). По-видимому, все студенты понимают, что женщине в семье отводится особая роль – роль матери.

Среди причин распада семьи (вопрос 8) указывают такие: *измена* (62 раза), *не сошлись характерами* (29 раз), *другие причины* (32 раза), *скука* (18 раз), *отсутствие денег* (16 раз). Напомним, что в этом вопросе можно было выбирать несколько вариантов ответа.

На основе анализа ответов студентов на 9 вопрос *Что нужно человеку для счастливой семейной жизни?* можно составить шкалу основных семейных ценностей: *Любовь – взаимопонимание – дети – взаимоуважение – доверие.* Эти категории названы 5 и более раз. Далее среди менее частотных ответов хочется отметить такие: *умение уступить в конфликте/ идти на компромисс/ слышать партнера/ прощать, искренность, преданность, поддержка, взаимоотдача.*

Выявленные особенности представлений студентов о семье и браке дают ориентиры для будущей работы в области семейного образования и воспитания в условиях обучения в вузе. Несомненно, более детальная работа по формированию семейных ценностей должна осуществляться на занятиях по психологии, однако в курсе «Русский язык и культура речи» этой теме также можно уделить некоторое внимание. Язык является основной частью культуры определенного народа. С помощью него и в нем отражаются культурные ценности и морально-нравственные нормы. Курс «Русский язык и культура речи», ориентированный на формирование культурно-речевой компетенции у студентов, призван, на наш взгляд, реализовывать и более широкие цели, к примеру, формировать особое – трепетное – отношение к семье.

Одним из творческих заданий, заставляющих студентов задуматься о внутрисемейных отношениях, становится эссе. Студентам предлагается несколько высказываний известных людей, например: *1. Лучшая семейная дипломатия – это дипломатия полного взаимного доверия и безграничной искренности (Шамякин И.); 2. В семейной жизни самый важный винт – это любовь (Чехов А.П.); 3. Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастна по-своему (Толстой Л.Н.); 4. Залог семейного счастья в доброте, откровенности, отзывчивости (Золя Э.); 5. В семейной жизни главное – терпение. Любовь продолжаться долго не может (Чернышевский Н. Г.).*

Перед студентами ставится задача: выбрать понравившееся высказывание и выразить свое мнение. При этом важно предложить студентам свободную формулировку задания, чтобы не ограничивать их мнение по этой проблеме: *Согласны ли вы с данным высказыванием? Приведите аргументы, подтверждающие или опровергающие предложенное утверждение.*

Подавляющее большинство студентов соглашаются с высказываниями известных людей о семейной жизни. Вот какие аргументы в подтверждение этих слов они приводят.

К высказыванию И. Шамякина: *Согласен с высказыванием И. Шамякина, так как доверие – это основа всего. Ложь всегда давит на человека, является для него стрессом, а это всегда приводит к проблемам еще большим в будущем. Искренность, напротив, дает ощущение легкости, что очень укрепляет отношения.*

К высказыванию А.П. Чехова: *Я согласна с мнением А.П. Чехова, так как именно любовь держит двух людей вместе. До сих пор мы не можем дать точное определение любви, но мы точно знаем, что это то самое ощущение, когда ты просто не можешь находиться вдали от этого человека. Это доброта, нежность, взаимопонимание и тебе не важны никакие внешние факторы.*

Следующее эссе представляет собой скорее не контррассуждение, а развитие темы, обозначенной Н.Г. Чернышевским: *Не согласен. После любви обычно должно приходить не терпение, а привязанность и теплые чувства со «вспышками» любви.*

Среди многих процессов, происходящих в русском языке последнего десятилетия, исследователи отмечают десемантизацию отдельных языковых единиц (обесценивание их значения) и «функциональное обеднение» словарного запаса. Это выражается в том, что носители языка – в особенности молодое поколение – не знают, в частности, семантики многих слов – терминов родства, а следовательно, не используют их или употребляют неправильно, допуская лексические ошибки. Об этом свидетельствуют, к примеру, результаты выполнения задания, которое было предло-

жено сначала школьникам в рамках олимпиады по русскому языку, затем студентам – на занятиях по культуре речи при изучении лексических норм: *Однажды в телеинтервью Андрей Сергеевич Михалков-Кончаловский назвал Никиту Сергеевича «единоутробным братом». Правильно ли он сделал или допустил лексическую ошибку? Поясните значение слов* ***единоутробный, единокровный, сводный.***

В толковом словаре С.И. Ожегова находим: *единоутробный* – рожденный той же матерью, но от другого отца; *единокровный* – происходящий от одного отца, но разных матерей; *сводный* – приходящийся кому-нибудь братом или сестрой по отчиму или мачехе.

На олимпиаде по русскому языку с этим заданием справилось менее 20 % школьников. Но и результаты студентов ненамного лучше: только 18 человек (23 %) справились с этим заданием полностью, то есть смогли объяснить значение всех предложенных слов и указали на лексическую ошибку в словах А.С. Михалкова-Кончаловского.

Без сомнения, бедный словарный запас является признаком низкой речевой культуры и показателем умственного развития личности. Незнание значения прочитанного или услышанного слова ведет к непониманию смысла речи.

С целью расширения словарного запаса можно предложить студентам ознакомиться с мини-словариком терминов родства на сайте «Культура письменной речи», а затем разгадать фольклорные загадки, напечатанные В.И. Далем в сборнике «Пословицы русского народа»: *1) Шуринов племянник как зятю родня? 2) Шли по дороге две матери, две дочери да бабушка с внучкой – а сколько их всего человек? 3)Шли муж с женою, брат с сестрою да кум с кумою; нашли полтора хлеба. Сколько каждому досталось? 4) Шли теща с зятем, муж с женой, бабка с внучкой, мать с дочкой да дочь с отцом. Сколько их всего было? 5)Сын моего отца, а мне не брат – кто это?* [Кем приходится…].

При изучении выразительности как одного из основных качеств хорошей, эффективной речи на занятиях по культуре речи мы говорим о роли пословиц в общении. Далее студентам дается задание объяснить смысл следующих пословиц: *В дружной семье и в холод тепло. В семью, где лад, счастье дорогу не забывает. Дом согревает не печь, а любовь и согласие. Земля без воды мертва, человек без семьи — пустоцвет. Согласье в семье – достаток в дому, раздоры в семье – пропадать всему.* Интерпретируя значение каждой пословицы, студенты рассуждают о том, в какой ситуации уместно употребить эти высказывания.

Таким образом, ценность коммуникативно-ориентированных заданий на занятиях по культуре речи значительно возрастает в том случае, если они имеют дополнительную – воспитательную – направленность и с их помощью формируются не только коммуникативные компетенции

(языковедческая, культурно-речевая, коммуникативно-стратегическая, конфликтологическая и т.д.), но и культурологические (связанные с формированием целостной картины мира молодого поколения, единого образа культуры, в том числе и в сфере семейных отношений).

Библиографический список

Бокуть Е.Л., Губина Е.В. Исследование семейных ценностей у студентов педагогического университета [Электронный ресурс] // URL: http://psyjournals.ru/ vestnik_psyobr/2010/n2/ 34632.shtml. (Дата обращения: 10.05.2013.)

Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. Первое издание. СПб, 1998.

Кем приходится нашему тыну двоюродный плетень. Термины родства [Электронный ресурс] // URL: http://www.gramma.ru/RUS/?id=13.22. (Дата обращения: 15.05.2013.)

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1988.

L.S. Tikhomirova
Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

M.A. Shirinkina
Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

THE TOPIC «FAMILY VALUES» IN THE COURSE «RUSSIAN LANGUAGE AND SPEECH CULTURE»

The article is devoted to analysis of students questioning about their attitude to family values and marriage. On the basis of these results the system of the communicatively-focused tasks in the course «Russian language and speech culture» is developed.

Key words: Russian language and speech culture; communicative competence; cultural competence; family values.

УДК 81'38+81'42

Ширинкина Мария Андреевна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
m555a@yandex.ru

ИНФОРМАТИВНОСТЬ И ЭКСПРЕССИВНОСТЬ В ОБРАЩЕНИЯХ ГРАЖДАН К ВЛАСТИ

В статье описана коммуникативная ситуация обращения гражданина в органы власти. Рассмотрены средства выражения информативности и экспрессивности в письмах-обращениях граждан к должностным лицам. Представлено количественное соотношение средств выражения информативности и экспрессивности.

Ключевые слова: официально-деловой стиль; деловое письмо; информативность; экспрессивность; эмоциональность; оценочность; интенсифицированность; образность.

Сфера официальных отношений предполагает соблюдение участниками общения определенных правил. К примеру, обращаясь к представителям власти с письменным заявлением, гражданин должен учитывать такие признаки делового текста, как точность, нейтральность, безэмоциональность, стандартизованность и неличность. В действительности в обращениях граждан обычно проявляются черты не только официально-делового, но и разговорного стилей: экспрессивность, оценочность, эмоциональность, которые формируются в тексте письма-обращения языковыми единицами со значением субъективной оценки, неполными синтаксическими конструкциями, вопросительными и побудительными предложениями, нежесткой структурой текста, отсутствием самого важного структурного элемента – просьбы или предложения.

В то же время согласно статье 7 Федерального закона Российской Федерации от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» «гражданин в своем письменном обращении в обязательном порядке … излагает **суть** предложения, заявления или жалобы (Выделено нами. – М.Ш.)» [ст. 7 ФЗ от 02.05.2006 № 59]. А *суть*, как известно, – *‘самое главное и существенное в чем-нибудь’* [Ожегов 1988: 637]. Иными словами, в письме-обращении должна содержаться информация о какой-либо сложившейся (чаще неблагополучной) ситуации.

С другой стороны, проявление повышенной экспрессивности в обращениях граждан и обусловлено этой самой ситуацией: ведь гражданин,

© Ширинкина М.А., 2014

направляя письмо к власти (в особенности не в первый раз!), просит о помощи в решении какой-либо важной для него проблемы.

В «Энциклопедическом словаре-справочнике «Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты» **экспрессивность** понимается как «такая совокупность признаков языковой / речевой единицы, а также целого текста или его фрагмента, благодаря которым говорящий (пишущий) выражает свое субъективное отношение к содержанию или адресату речи» [Энциклопедический словарь-справочник… 2005: 363]. Составляющими компонентами экспрессивности при этом называют: 1) эмоциональность, 2) оценочность, 3) интенсифицированность, 4) образность [Там же: 363].

По нашему мнению, соотношение экспрессивных и информативных языковых средств целесообразно рассматривать в **целом** тексте. Возьмем для примера следующее письмо-обращение гражданина в органы власти:

Здравствуйте! Я, .., писала свое первое обращение к Вам ... на тему движения транспортных средств во дворе жилого дома по ул. ... Все это время шли некие совещания в администрации. И вот сейчас якобы "решили проблему". С одной стороны поставили знак "Запрет большегрузным только", а с другой уже вторую неделю стоит голый столб. То есть получается, что официально признали эту дорожку автомобильной? Люди, выходя из подъезда, попадают на машинную дорогу. Почему я не могу спокойно ходить во дворе своего дома, почему должна бояться и дрожать, чтобы не дай Бог не сбили? Если я спокойно иду, то автомобилисты (и не только большегрузные, а Все) сигналят, Матерят на всю улицу, посылают, кричат, чтобы ушла с дороги. Это двор дома, где проезд должен быть разрешен скорой, пожарной службам и жильцам. А задавить могут не только большегрузные, но и легковые автомобили, которые ездят здесь без остановки. Я возмущена и очень прошу решить эту проблему.

1. **Эмоциональность**, понимаемая как эмоциональная окраска речи, проявляется с помощью языковых средств, выражающих эмоции, и языковых средств, описывающих их [Энциклопедический словарь-справочник… 2005: 368].

Эмоции описываются прежде всего посредством слов, которые называют какие-либо чувства. Грамматически они могут быть выражены разными частями речи: *бояться, дрожать, возмущена.* Как видим, перечисленные эмоции имеют отрицательный характер.

К средствам выражения эмоций относятся риторические вопросы: *То есть получается, что официально признали эту дорожку автомобильной?* Очевидно, что автор использует в этом случае вопросительное предложение не в его прямом назначении. С его помощью автор привлекает внимание к такому важному для него решению государственных струк-

тур: *маленькую дорожку* (обратите внимание на суффикс *-К-* в этом слове!) около его дома объявили автомобильной! Приведем другой пример: ***Почему*** *я не могу спокойно ходить во дворе своего дома,* ***почему*** *должна бояться и дрожать, чтобы* ***не дай Бог*** *не сбили?* Этот риторический вопрос включает междометное сочетание *не дай Бог,* а также повтор (*почему, почему*), которые используются автором для того, чтобы придать мысли бóльшую убедительность, а также повысить эмоциональное воздействие на адресата.

2. **Оценочность –** это «совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [Стилистический энциклопедический словарь… 2003: 139]. В рассматриваемом нами тексте неопределенное местоимение *некие* в предложении *Все это время шли* ***некие*** *совещания в администрации* эксплицирует отношение автора текста к этим совещаниям. Автор оценивает совещания в администрации как какие-то непонятные, о которых никому ничего не известно.

Кроме того, находим в тексте глаголы *сбить* и *задавить.* Как известно, для называния того же самого действия есть стилистически окрашенное выражение, которое употребляется в официально-деловых тестах (Правилах дорожного движения, Уголовном кодексе Российской Федерации, протоколах об административных или уголовных правонарушениях) – *совершить наезд.* Однако автор текста намеренно использует вместо него общеупотребительные (а в данном контексте стилистически сниженные) глаголы, обозначающие *‘сбивая с ног калечить, убивать’, ‘заставить упасть, сшибить’.*

В этой же функции употребляется глагол *попасть*: *Люди, выходя из подъезда,* ***попадают*** *на машинную дорогу.* Уже в лексическом значении этого слова содержится оценочный компонент: *‘оказаться, очутиться, в каком-нибудь месте, положении, обстоятельствах (обычно случайно, неожиданно)’.*

Примечательно еще одно высказывание в тексте, в котором все лексические единицы употреблены в своих прямых значениях, не содержащих даже оценочного компонента: *Это двор дома, где проезд должен быть разрешен скорой, пожарной службам и жильцам.* Представляется, что и это высказывание реализует оценочность, так как содержит модальное словосочетание *должен быть*, с помощью которого автор письма-обращения передает сложившийся социальный стереотип относительно придомовой дороги, а не реально существующий факт.

3. **Интенсифицированность** – свойство языковой / речевой единицы, состоящее в ее особой выделенности, подчеркнутости, актуализованности [Энциклопедический словарь-справочник… 2005: 141]. Так, в рас-

сматриваемом обращении интенсифицированностью характеризуются такие языковые явления, как: а) слова-интенсивы: *очень (прошу), только (большегрузным), уже*; б) повторы – *почему…почему..*; б) определенные фразеологизированные структуры (например, содержащие местоимение *весь* в разных грамматических формах): *на всю улицу, все это время*; г) двойной союз *не только, но и…* (и его авторская интерпретация: *и не только…, а Все*). Представляется, что к средствам интенсифицированности можно отнести прилагательное *голый* в предложении: *С одной стороны поставили знак «Запрет большегрузным только», а с другой уже вторую неделю стоит* ***голый*** *столб*. В приведенном контексте это прилагательное, по нашему мнению, выражает высшую степень бездействия определенных должностных лиц (уже целых две недели они не могут решить, какой же дорожный знак повесить на этот столб!).

Рассмотрим другое предложение из этого текста: *А задавить могут не только большегрузные, но и легковые автомобили, которые ездят здесь* ***без остановки.*** Любопытно использование в этом предложении предложно-падежного сочетания *без остановки.* Слово *остановка* употребляется в предложении в значении *'перерыв (в речи, в действиях)'*, с помощью него автор характеризует интенсивность движения автотранспорта по данной дороге.

4. **Образность** связывается авторами названного выше словаря-справочника прежде всего с литературно-художественным отражением действительности [Энциклопедический словарь-справочник… 2005: 190–192].

Хотя в идеале тексты обращений должны соответствовать деловому стилю, их авторы стремятся более образно описать сложившуюся ситуацию. К примеру, используемые автором слова и выражения в переносных значениях (о чем сигнализируют кавычки), по нашему мнению, реализуют именно этот – образный – компонент экспрессивности: *И вот сейчас якобы «решили проблему».* Частица *якобы,* употребленная перед глаголом *решили* выражает сомнительность, мнимость действия, называемого этим глаголом.

Интересно с точки зрения реализации образности следующее высказывание: *Если я спокойно иду, то автомобилисты (и не только большегрузные, а Все)* ***сигналят****,* ***Матерят*** *на всю улицу,* ***посылают****,* ***кричат****, чтобы ушла с дороги.* В нем мы наблюдаем прямо-таки «глагольное речеведение», о котором писала М.Н.Кожина применительно к художественному стилю речи [Кожина 1972]. С помощью цепочки глаголов в форме настоящего времени выражается динамика явлений, происходящих в реальной действительности, создается целостный образ ситуации вокруг *спокойно идущего* при этом человека.

Таким образом, с помощью всех перечисленных языковых средств в тексте обращения гражданина формируется категория экспрессивности.

Другая категория, которая по природе должна быть присуща любому тексту, – **информативность**. В «Стилистическом энциклопедическом словаре» информативность определяется как, с одной стороны, «1) психолингвистическое свойство текста, соотносимое с его способностью участвовать в коммуникации в зависимости от социальных, психологических, научно-теоретических, общекультурных, возрастных и других особенностей коммуникантов» и с другой – как «2) основная категория текста, включающая различную по своему прагматическому назначению информацию: а) содержательно-фактуальную (СФИ), б) содержательно-концептуальную (СКИ), в) содержательно-подтекстовую (СПИ)» [Стилистический энциклопедический словарь… 2003: 108]. Для выражения СФИ языковые единицы обычно употребляются в своих прямых, предметно-логических значениях. СКИ служит для передачи понимания автором отношений между явлениями реальной действительности. СПИ обусловлена тем, что к непосредственно воспринимаемой информации, заключенной в «поверхностной структуре» объекта, добавляется иная, скрытая информация, идущая из подтекста.

Мы попытались схематично представить информацию, которую можно извлечь из этого текста: *я писала обращение – на тему движения транспорта во дворе дома… – в администрации провели совещания – поставили дорожный знак – ситуация не изменилась – прошу решить проблему.*

При этом общее количество информации, содержащейся в тексте называют информационной насыщенностью однако, по справедливому замечанию Н.С.Валгиной, «ценностью обладает прежде всего **новая** информация, полезная, т.е. прагматическая, именно она является показателем информативности текста. Информационная насыщенность текста – абсолютный показатель качества текста, а информативность – относительный, поскольку степень информативности сообщения зависит от потенциального читателя» [Валгина 1998]. Это означает, что информативность текста – это степень его содержательной новизны для читателя. Адресатом обращения гражданина является должностное лицо органов государственной власти, новым для него оказывается лишь то, что *ситуация на дороге во дворе дома… не изменилась.*

Анализ текстов 30 повторных обращений граждан с точки зрения информативности и экспрессивности показал, что около 80% языковых средств выражают собой различные компоненты экспрессивности и только около 20% – призваны передать информацию.

Таким образом, оказывается, что гражданин в письме-обращении к власти имеет целью выразить просьбу (в данном случае повторно или многократно), а подавляющее большинство использованных им языковых средств направлено на то, чтобы эта просьба прозвучала убедительно.

Библиографический список

Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. М., 1998. 210 с. [Электронный ресурс] // URL: http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/part-024.htm#i1274. (Дата обращения: 21.03.2014.)

Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972. 395 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1988. 750 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н.Кожиной. М., 2003. 696 с.

Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П.Сковородникова. М., 2005. 480 с.

M.A. Shirinkina
Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

INFORMATIONAL CONTENT AND EXPRESSIVITY IN CITIZENS' APPEALS TO THE AUTHORITIES

The article is devoted to description of the communicative situation of the citizens' appeals' to the authorities. The means of informational content's stating and expressivity in the letters of the citizens' appeals to the officials are considered. The quantitative ratio of informational content and expressivity stating means is presented.

Keywords: official style; official letter; informational content; expressivity; emotionality; estimation; intensification; figurativeness.

УДК 398(47)070

Чжипэн Цзоу
магистрант института иностранных языков
Шаньдунский педагогический
университет (Китай, г. Цзинань)
zouzhipeng@mail.ru

Русинова Ирина Ивановна
доцент кафедры теоретического
и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
irusinova@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ

В статье рассмотрены функции пословиц и поговорок в современной российской прессе. Делается вывод о том, что они, активно используясь, решают разнообразные задачи в зависимости от авторского замысла и тематики издания. Использование пословиц и поговорок делает текст более живым, выразительным и привлекательным для читателя, ориентирует его в системе ценностных координат социума.

Ключевые слова: пословица; поговорка; язык современной российской прессы; функции пословиц и поговорок.

Применение тех или иных пословиц и поговорок в современном российской прессе не случайно. Правильное и уместное использование пословиц и поговорок придает речи неповторимое своеобразие и особую выразительность, делает речь точной, меткой, эмоционально окрашенной и экспрессивно насыщенной. Употребление пословиц и поговорок, их функционирование в языке современной российской прессы характеризуется высокой частотностью, что вызывает особый интерес у исследователей. Пословицы и поговорки выступают в качества средства отражения жизненной позиции, норм этики и принципов поведения автора или героя статьи. Они помогают найти путь к сердцу читателя, завоевать их уважение и расположение, поэтому их использование является эффективным средством обогащения своей речи.

По нашим данным, в современной российской прессе пословицы и поговорки употребляются активно, и часто в языке прессы наблюдается трансформация пословиц и поговорок. Эти трансформы выполняют ряд различных функций – убеждения, экспрессивно-выразительную, оценоч-

© Чжипэн Цзоу, Русинова И.И., 2014

ную, экономии языковых средств, композиционную и др. Приведем примеры.

1. Функция убеждения. В этом случае пословицы и поговорки выступают как средство аргументации автором или героем статьи своей точки зрения, средство воздействия на адресата с целью убеждения. Принято считать, что мысли, обретающие форму пословиц и поговорок, убедительны сами по себе и не требуют дополнительной аргументации.

*Ссылаясь на нарушение банком 8 условий договора, потребовал выплаты компенсации в 24 млн рублей – опираясь на российское законодательство и пословицу «**Написано пером – не вырубишь топором**»* (Труд, 09.08.2013). Выполняя функцию убеждения, пословица поясняет нам, что если написанное вошло в силу, его уже не изменить, не исправить.

*Правда, и противодействие административного ресурса, которым пользуется партия власти, очень сильное. Но в любом случае **под лежачий камень вода не течет** – надо стараться и бороться* (Известия, 22.04.2011). Пословица убеждает читателя в том, что дело не сдвинется с места, если ничего не предпринимать.

В этих текстах авторы излагают смысл высказывания через пословицы и поговорки, сами пословицы и поговорки привлекают внимание читателей. Их правдивость доказана временем, поэтому они значимы для публицистов, вместе с тем пословицы и поговорки активизируют потенциальную информацию. Таким образом, пословицы и поговорки делают язык прессы более обоснованым и убедительным.

2. Эмоционально-экспрессивная функция. Пословицы и поговорки нередко бывают образными, выразительными и эмоциональными. Поэтому эмоционально-экспрессивная функция является другой важной функцией пословиц и поговорок. «Они, как и люди, их создавшие, гневаются, печалятся, смеются, трунят, веселятся, плачут, стонут, охают, кричат, озорничают, балагурят, пугают, предостерегают, учат, негодуют [...] Поговорка в еще большей степени, чем пословица, передает эмоционально-экспрессивную оценку разных жизненных явлений. Поговорка и существует в речи ради того, чтобы выражать именно и прежде всего чувства говорящего» [Жуков 1966: 4], в них столько же чувств, сколько в их творце – в народе, какой бы национальности он ни был.

Пословицы и поговорки ясно, лаконично, экспрессивно выражают мысли и чувства, образно описывают предмет, дают ему яркую характеристику. Рассмотрим некоторые примеры применения пословиц и поговорок, которые ярко характеризуют предмет или изобразительно объясняют какое-то явление.

*Но это опять же самообман. До этого самого шоссе Америке сейчас, как по русской пословице – **семь верст до небес и все лесом**. Безработица, долги, налоги, социальное и медицинское обеспечение – куда ни*

кинь, всюду клин (РГ, 11.10.2012). Здесь автор насмешливо пишет об обмане.

Вера Шатрова просила коллег и друзей сделать так, чтобы прощание со сценой и со зрителями прошло без помпы ненужного славословия. Наверное, она права: ***долгие проводы – лишние слезы.*** *Но мы все равно будем надеяться на встречу, потому что деревья живут долго...* (РГ, 23.10.2007). Использование пословицы *долгие проводы – лишние слезы* дает нам представление о том, что Вера глубоко любила свою актерскую карьеру.

Кстати, если бы у меня не было неотложных дел утром 8 августа в нашем посольстве в Тбилиси, я бы остался на ночь в Цхинвале. Интересно, это могло бы удержать грузин он нападения на город? Сильно сомневаюсь, но все равно ***на душе кошки скребут*** (АиФ, 01.09.2008). Эта пословица образно описывает плохое настроение автора, ему грустно, печально.

*Этому градоначальнику повезло больше: его фамилия навсегда осталась в памяти народной, правда по принципу: «****Добрая слава лежит, а худая – бежит****». Речь о Николае Архарове и о его знаменитом полицейском нововведении* (АиФ, 13.10.2010). Пословица олицетворением объясняет нам, что дурная слава быстро распространяется, а доброе о человеке может остаться неизвестным. Но заслуги этого градоначальника тоже известны.

В приведенных примерах пословицы и поговорки оживляют повествование, придают тексту иногда шутливую и ироничную окраску, способствуют углублению выразительности языка прессы. В группе контекстов, в которых эта функция пословиц и поговорок является доминирующей, пословицы и поговорки указывают на образную характеристику ситуации субъекта или объекта.

3. Оценочная функция. Следующая не менее важная функция – **оценочная.** Главное назначение пословиц и поговорок – давать народную оценку объективных явлений действительности. И с этой задачей пословицы и поговорки в современной российской прессе справляются весьма успешно. Они впитали в себя все тонкости оценочного отношения к действительности, ее восприятия и отражения.

Авторы «Коммуникативной грамматики русского языка» также отмечают, что «пословица по природе своей обладает двойственной структурой. Если задаваться вопросом, – пишут они, – для чего, в каких ситуациях, в каких контекстах она используется, становится очевиднее, что, кроме прямого номинативного содержания повествовательного предложения, в ней заключены не только иносказательный смысл и экспрессивный подтекст, но и адресация слушателю наставления, поучения, назидания, предостережения, поощрения к действию» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 438]. В таком случае пословицы и поговорки в газетах ис-

пользуются как средство воздействия. Воздействие, оказываемое пословицами на адресата, зависит от их оценочной коннотации. Ясная оценка служит идейным оружием пословиц в борьбе за народные идеалы, делает их средством социальной борьбы. С точки зрения оценочности пословицы и поговорки можно разделить на две группы: пословицы с позитивной оценкой и негативной.

В первую группу войдут пословицы и поговорки с эмоциональным одобрением, они служат воспитанию положительных идеалов – смелости, честности, чувства дружбы, ставят в пример высоконравственное поведение, оперируют понятиями добра и зла, чести и бесчестия. Пословиц и поговорок с ярко выраженной моралью весьма много, приведем некоторые примеры из современных российских газет.

*А кто объяснит детям, что это не есть хорошо, и кто напишет большими буквами на весь телеэкран: «**Береги честь смолоду**!»* (КП, 21.05.2008).

Во вторую группу войдут пословицы и поговорки, которые могут выразить отрицательное отношение к объекту оценки и дать сатирическую или пренебрежительную оценку объекту. Посмотрим следующие примеры.

*Я обращался с жалобой в отдел доставки Управления почтовой связи Курской области, но безрезультатно. «**Иван кивает на Петра, а Петр кивает на Ивана**»* (Труд, 18.03.2008). Это поговорка о тех, кто перекладывает вину, ответственность друг на друга.

4. Функция экономии языковых средств. Применение пословиц и поговорок в текстах газет содействует экономии языковых средств, помогает формировать лаконичность изложения при информационной насыщенности. Экономия языковых средств создает ощущение недосказанности, повышает степень абстрактности выражения. За пословицами и поговорками стоит глубокий смысл, весь потенциал как бы концентрируется в скрытой части.

Мы остановимся на некоторых примерах пословиц и поговорок, которые используются в указанной функции.

*Всего ресурс на следующий год получается около 900 тыс. кв. метров. **Цыплят по осени считают.** Сколько реально получится – посмотрим к концу года, – резюмировал чиновник* (АиФ, 13.02.2012). Значение этой пословицы такое: судят о результате дела после того, как оно сделано. С помощью указанной единицы автор выразил длинную и сложную мысль.

***Делу время – потехе час**, да хоть24 часа в неделю, только и дела рабочие и семейные не забывайте* (АиФ, 07.27.2011). Пословица учит нас ценить жизнь, ее быстротечность использовать с умом.

*Судя по всему, Виктор Калюжный рискует вообще **остаться у разбитого корыта**: выбирая партию «получше» он не только попал в центр*

скандала, но и нарушил избирательное законодательство (Правда, 2014.07.05). Поговорка *остаться у разбитого корыта* означает возвращение к первоначальному несчастному, бедственному состоянию после временного благополучия, счастья. Эта поговорка лаконично описает и оценивает ситуацию, в которую попал герой статьи.

Таким образом, рассмотрев основные функции пословиц и поговорок в тексте газет, мы пришли к выводу, что они активно используется в современной российской прессе, решают разнообразные задачи в зависимости от авторского замысла и тематики издания. Использование пословиц и поговорок раскрывает глубинные пласты журналистской мысли, делает текст более живым, выразительным и привлекательным для читателя, подспудно ориентирует его в системе ценностных координат социума.

Библиографический список

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1966.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Zou Zhipeng
Master Student of Foreign Languages Institite
Shandong Pedagogical University (China, Tsinan city)

I.I. Rusinova
Associate Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

THE MAIN FUNCTIONS OF PROVERBS AND SAYINGS IN MODERN RUSSIAN PRESS

The article is about the functions of proverbs in contemporary Russian press. The conclusion is that its are actively using, solve various problems, depending on the author's intent and a theme of the edition. Using proverbs makes text more alive, expressive and attractive to the reader, orients it in system of values in society.

Key words: proverb; saying; contemporary Russian press; functions of proverbs and sayings.

УДК [930.27:008](470.5)

Антипина Зоя Сергеевна
зав. лабораторией политики культурного наследия
кафедры журналистки и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
afaneor@yandex.ru

МАТЕРИАЛЫ ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ В КАТАЛОГАХ И ПОЛНОТЕКСТОВЫХ АРХИВАХ ЛАБОРАТОРИИ ПОЛИТИКИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА[1]

Описание материалов архива лаборатории политики культурного наследия сообщает о тематике и объеме архивных материалов, форме хранения, указывает на возможности их использования в исследовательской деятельности и при планировании и реализации региональных культурных программ.

Ключевые слова: периодическая печать; региональная идентичность; устная история; локальный текст; культурное наследие; культурные практики.

Лаборатория по изучению региональной литературы и культуры возникла на филологическом факультете в 1992 г.[2] Основными задачами научного коллектива стало изучение пермской культурной жизни XIX–XX вв., проектирование и реализация культурных программ по актуализации регионального культурного наследия. На начальном этапе сотрудники лаборатории сосредоточились на сборе литературных и публицистических материалов местной периодической печати XIX–XX вв. В 2011–2014 гг. архив был пополнен публикациями об Урале и Пермской губернии из центральной периодической печати. На сегодняшний день в лаборатории сформировано три самостоятельных архива, материалы которых используются как в исследовательской, так и в научно-популярной и культурно-просветительской деятельности.

Предыстория современных региональных исследований на филологическом факультете Пермского университета связана с деятельностью проф. Павла Степановича Богословского – одного из ведущих участников российского краеведческого движения 1920-х гг. Первым шагом лаборатории на пути сбора архива по регионалистике была передача из Пушкинского Дома РАН в Пермский университет рукописной картотеки П.С. Богословского. Картотека поступила в лабораторию в россыпи, была систематизирована и описана под руководством к. филол. н. В.А. Кустова.

© Антипина З.С., 2014

В научном паспорте картотеки указано: «неоднозначна по составу, разнообразна по содержанию и различна по целевому назначению» и имеет «потенциальную актуальность». В частности, она содержит ценные сведения о фольклорных изысканиях XIX в. и дополняет существующие на сегодня частные библиографические указатели по устному народному творчеству этого периода. Личные комментарии ученого к картотеке отсутствуют, однако в пермских и других региональных краеведческих сборниках 1920-х гг. («Пермский краеведческий сборник», «Экономика», «Север») Богословским было опубликовано много статей, которые проясняют его взгляды на организацию и методологию краеведческих исследований. Комплексный анализ наследия П.С. Богословского с привлечением оставшихся в Пушкинском Доме РАН документов позволит ввести в научный оборот новый историко-литературный и историко-культурный материал и уточнить наши представления о развитии локального метода в гуманитарной науке XX в.

В течение 1990-х гг. в лаборатории по материалам пермской периодики были созданы архив и каталог «Культурная жизнь Перми конца XIX – начала XX вв.». Каталог состоит из приблизительно 20 тысяч библиографических карточек (к сожалению, точного подсчета единиц хранения никогда не проводилось, кроме того, картотека и архив постоянно пополняются), которым соответствуют не менее 7000 копий литературных и публицистических текстов из пермских газет и журналов 1890–1917 гг. Значительную часть архива составляет раздел «Литературная жизнь Перми конца XIX – начала XX вв.», который был окончательно оформлен, систематизирован и описан в 2008–2009 гг. при поддержке гранта РГНФ (№ 08-04-82409а/У, руководитель Е.Г. Власова). Раздел насчитывает более 4500 литературных и литературно-публицистических текстов, опубликованных в газетах «Пермские губернские ведомости» (1890–1917), «Пермская земская неделя» (1907–1917), «Пермские епархиальные ведомости» (1890–1917), «Пермский край» (1900–1906, 1910–1912), «Камский край» (1906–1907), «Пермский вестник» (1906–1907), «Пермская жизнь» (1915–1917). Публикации хранятся в архиве в виде электронных копий и расшифровок. Раздел состоит из нескольких частей: «Малая проза», «Городской фельетон», «Поэзия», «Литературная критика».

Эта часть архива на сегодня описана наиболее полно и последовательно. Ее материалы легли в основу двух кандидатских диссертаций [Власова 2001; Масальцева 2006] и пяти художественных изданий [Какорин 1996; Пермяки 1996; Прогулки… 1998; Осоргин 2003; Литературная жизнь… 2007], публиковались в пермских городских журналах «Бонжур» (2002–2003) и «Шпиль» (2005–2010), использовались при создании радиопередач и литературных экскурсий по городу. По материалам этого раздела Е.Г. Власовой и З.С. Антипиной была подготовлена хрестоматия, которая хранится в архиве лаборатории в рукописи. Стилистическим, проблемно-тематическим, жанро-

вым и прагматическим особенностям газетной провинциальной литературы рубежа XIX–XX вв. посвящены также статьи В.В. Абашева и З.С. Антипиной. Материалы архива и научные работы на его основе могут быть актуальны для подготовки и реализации гуманитарных проектов, связанных с историей и культурой региона: экскурсий, образовательных программ, медиапроектов, культурных общественных акций и т.п.

Проект «Устная история Перми» был реализован в 1999–2002 гг. и опирался на методику устной истории (oral history). Собранный преподавателями и студентами университета, а также волонтерами архив текстовых и аудиозаписей включает более 2000 интервью, в т. ч. с представителями городской литературно-художественной среды, технической интеллигенции, журналистами, общественными деятелями.

В ходе проекта были подготовлены и изданы методические рекомендации для интервьюирования и анкетирования горожан [Культурно-экологический проект… 2001], проведен научно-практический семинар «Город: места и лица нашей памяти», состоялось несколько культурных мероприятий (выставка «Страна пирамид», открытие мемориальной доски участнику неофициальной городской киножизни 1970–1980-х гг. Владимиру Самойловичу). Запись развернутых интервью и анкетирование были посвящены отдельным городским локусам, неофициальной топонимике, культурной жизни города второй половины XX в. Архив расшифрованных интервью систематизирован по городским административным районам и отдельным локусам и хранится в электронном виде. Материалы проекта вошли в монографии В.В. Абашева «Пермь как текст» (2000) и А.А. Сидякиной «Маргиналы. (Уральский андеграунд: живые лица погибшей литературы)» (2004), легли в основу телевизионного фильма «Город на ладони», были использованы при написании цикла литературных историй по городу [В поисках Юрятина 2005]. Материалы архива «Устная история Перми» сегодня могут быть востребованы для изучения повседневной и культурной жизни города второй половины XX вв. Разработанные алгоритмы методологического и организационного сопровождения остаются актуальными для проведения аналогичного исследования в нынешнее время или на другой территории.

Новейшую часть архива лаборатории составляют каталог и полнотекстовая база данных «Урал в периодической печати конца XVIII – начала XX вв.», созданные при поддержке грантов РГНФ №№ 11-14-59001а и 13-14-59010а (руководитель Е.Г. Власова). Материалы этого раздела посвящены решению актуальной и многогранной научной проблемы – изучению пермского и уральского текстов русской культуры: их формированию и эволюции, структуре и статусу в поле национальной культуры, влиянию локального текста на региональные дискурсивные практики и эволюцию территориальной идентичности. Условно архив можно разделить на две части: «Отражение процесса формирования региональной идентичности в периодической печати

Пермской губернии (1840–1890-е гг.)» и «Формирование уральского дискурса в российской печати XIX – начала XX вв.». В первую включены публикации 1838–1890-х гг. из «Пермских губернских ведомостей», «Пермских епархиальных ведомостей», «Екатеринбургской недели», продолжающихся изданий «Пермский сборник», «Сборник Пермского земства», «Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии», «Адрес-календарь Пермской губернии». Второй раздел состоит из публикаций об Урале в российских периодических изданиях конца XVIII–XIX вв. (общественно-политических и специализированных).

Общий размер архива составляет более 800 текстов объемом 8300 стр. Электронный архив расшифрованных материалов составляет 60 публикаций общим объемом почти 900 ст. Часть этих материалов опубликована в рубрике «Пермский архив» на сайте музейного комплекса «Дом Пастернака» (www.dompasternaka.ru) и на сайте проекта «Пермская библиотека» Министерства культуры Пермского края (www.kulturaperm.ru). Помимо включения в научную работу и учебный процесс [История 2013], в 2014 г. материалы архива используются при создании интерактивной литературной карты «Реки и горы Урала»[3].

В ходе исследования материалов этого раздела были описаны особенности процесса территориальной и этнической самоидентификации местного сообщества, функциональные аспекты процесса формирования идентификации подняты в ходе изучения мифологизации как одного из механизмов конструирования идентичностей.

Архивная, исследовательская и популяризаторская работа по-прежнему остаются актуальными задачами для лаборатории. Оцифровка полнотекстовых массивов, завершение перевода первичных копий в текстовый формат и приведение публикаций к нормам современной орфографии, перевод каталогов к формату индексированных электронных баз данных позволят оптимизировать исследовательскую работу с материалами лаборатории, сделают их максимально открытыми для использования. Тематика полнотекстовых архивов позволяет проводить исследования в области истории журналистики XIX в., культурной жизни региона, а также изучение городской культуры и городской среды второй половины XX – начала XXI вв.

Примечания

[1]Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 13-14-59010 «Формирование уральского дискурса в российской печати XIX – начала XX вв.».

[2]Научный коллектив лаборатории составили В.В. Абашев (руководитель), В.А. Кустов, молодые исследователи Е.Г. Власова, Т.Н. Масальцева, Н.И. Муратова, А.А. Сидякина, О.В. Соболева, А.В. Фирсова. Непосредственными участниками многолетних трудоемких архивных исследований были студенты филологического факультета. В 2001 г. лаборатория вошла в состав кафедры журналистики.

[3]Грант Русского географического общества «Реки и горы Урала: опыт создания образно-географической карты региона» (руководитель В.В. Абашев).

Библиографический список

В поисках Юрятина: литературные прогулки по Перми. Пермь, 2005. 256 с.

Власова Е. Г. Уральская стихотворная фельетонистика конца XIX – начала XX века : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01. Екатеринбург, 2001. 220 с.

История отечественной журналистики: проблемы региональной идентичности и периодическая печать XIX – начала XX века: учеб. пособие / сост. Е. Г. Власова, З. С. Антипина. Электрон. дан. Пермь, 2013. 340 с.

Культурно-экологический проект «Город: места и лица нашей памяти» Инструкция по проведению опроса. Пермь, 2001. 22 с.

Какорин А. Священная седмерица святых просветителей Пермской страны. Пермь, 1996. 132 с.

Литературная жизнь России конца XIX – начала XX веков на страницах пермской периодической печати (1890–1917 гг.): аннотированный библиографический указатель. Сост. Абашев В.В., Кустов В.А., Масальцева Т.Н. Пермь, 2007. 440 с.

Масальцева Т. Н. Литературная критика газеты «Пермские губернские ведомости» : 1890–1917 годы : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01. Пермь, 2006. 190 с.

Осоргин М.А. Московские письма. Пермь, 2003. 208 с.

Пермяки: Антология пермской фельетонистики конца XIX – начала XX вв. Пермь, 1996. 224 с.

Прогулки по старой Перми: страницы городского фельетона конца XIX – начала XX века. Пермь, 1998. 296 с.

Z.S. Antipina
Head of Cultural Heritage Policy Laboratory
Department of Journalism
Perm State University

MATERIALS ABOUT REGIONAL CULTURE IN CATALOGS AND FULL TEXT ARCHIVE CULTURAL HERITAGE POLICY LABORATORY OF PERM STATE UNIVERSITY

The description of the records of the cultural heritage politics laboratory archive includes the archive data subject and amount, the state of storage, indicates to the possibilities of the records usage as far as the research activity and the local cultural programs planning and implementation is concerned.

Key words: archives; periodicals; regional identity; oral history; local text; cultural heritage; cultural practices.

УДК 81’373.2(470.53)

Боброва Мария Владимировна
доцент кафедры теоретического
и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
bomaripgu@yandex.ru

ОЙКОНИМИЯ С. ТРОЕЛЬГА КУНГУРСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОГО КРАЯ: МОТИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ [1]

Статья продолжает ряд публикаций, посвященных анализу ономастики, функционирующей в речи жителей одного уральского села. Настоящее исследование проведено на основе ойконимов в мотивационном аспекте. Автором сделан вывод о проявлении общерусских принципов номинации населенных пунктов: это антропоцентрический, пространственный, а также квалитативный принципы.

Ключевые слова: Пермский край; ономастика; ойконим; мотивационный анализ.

В статье продолжается изучение топонимии, функционирующей в речи жителей одного уральского села – с. Троельга Кунгурского района Пермского края. Всего выявлено[2] 101 наименование 99 объектов, из них 51 агрооним, 32 ойконима, 12 гидронимов, 5 оронимов, 1 дримоним. Ранее материалы были проанализированы с точки зрения структуры производящих основ [Боброва 2012], лексико-семантических особенностей (происхождения и семантики) [Боброва 2013]. В продолжение начатых изысканий сосредоточим внимание на мотивационных моделях и признаках номинаций, реализованных в указанных географических названиях. Ограниченные объемами статьи, обратимся к именам собственным одного класса – ойконимам, т.е. названиям населенных пунктов. При этом используем специальные понятия, разработанные О.И. Блиновой в рамках мотивологии (см., например [Блинова 1971, 2009]), и ономастическую терминологию, обобщенную Е.Н. Варниковой, Е.Н. Ивановой, Н.В. Комлевой, С.Н. Смольниковым в коллективном издании [Варникова и др. 2012].

В настоящем случае в качестве мотивем выступают существительные, а также прилагательные. Отсюда основные понятийные мотивационные типы ойконимов: ‘предмет’ > ‘гриб’, ‘признак’ > ‘гриб’. По признаку актуализированности внутренней формы выявляемые модели можно разделить на ясные и затемненные (неясные).

© Боброва М.В., 2014

Исследованные нами топонимы отвечают ряду семантических моделей и способствуют актуализации нескольких признаков обозначаемой реалии. Расположим модели в порядке убывания частотности их реализации.

I. Ясные мотивационные модели.

1. ‘Прозвище’ (обычно первопоселенца) > ‘ойконим’: д. *Банниково*, *Барбаутово*, *Блины*, *Вачегино*, *Ерши*, *Заборское*, *Калашниково*, *Кужлево*, *Лагуново*, *Мясниково*, *Нивино*, *Синицино*, *Сухорослово*, *Шавкуново*. ЛМ – прозвища *Банник* (< *банник* ‘мифическое существо, обитающее в бане’ [СРГСПК I: 57; СПФ: 37]), *Барбаут* (< *барбаут* ‘человек, который постоянно что-то бормочет, разговаривает сам с собой’), *Блин*, *Вачега* (‘неуклюжий, неповоротливый человек’ < *вачега* ‘грибной нарост на стволе березы, чага’ либо ‘неопрятная женщина’ < *вачега* ‘суконная шитая рукавица’ [СПФ: 75]), *Ёрш, Заборские* (родовое прозвание *Заборских*, жителей д. Юмыш), *Калашник* (< *калачник* / *калашник* ‘человек, который печет и продает калачи’ [СПФ: 154]), *Кужель* (‘человек с похожими на лен волосами’ < *кужель* ‘кудель’), *Лагун* (‘полный человек’ < *лагун* ‘бочонок с плотно входящей крышкой’ [СПФ: 209]), *Мясник* (‘жестокий человек’ (?) < *мясник* ‘тот, кто занимается убоем скота’ [СПФ: 253]), *Нива*, *Синица*, *Сухорослый*, *Шавкун* (< *шавкун* ‘человек, который говорит как беззубые, с пришипом’ [СПФ: 428–429]). Мотивационный признак (далее – МП) – ‘отношение к человеку (первопоселенцу)’. Принцип номинации (далее – ПН) – по связи с человеком. Вид номинации (далее – ВН) – посессивный (владельческий).

2. ‘Гидроним’ > ‘ойконим’: д. *Евангелька*, *Песчанка*, *Полыгорец*, *Юмыш*. Лексические мотиваторы (далее – ЛМ) – р. *Евангелька, Песчанка, Полыгорец, Юмыш*. МП – ‘особенности расположения в пространстве’. ПН – по связи (по смежности) с другим объектом. ВН – локативный.

3. ‘Родовое именование (фамилия, название рода)’ (обычно первопоселенцев) > ‘ойконим’: с. *Троельга*. д. *Романовка*, *Сереткино*. ЛМ – татарское *Тор елга*, где *Тор* – название башкирской родовой группы, *йылга* – башкирское ‘река’, *Романов*, *Серёткин* (деревня была основана Иваном Сереткиным). МП – ‘отношение к человеку (первопоселенцу)’. ПН – по связи с человеком. ВН – посессивный (владельческий).

4. ‘Личное имя’ (обычно первопоселенца) > ‘ойконим’: д. *Юшковка*, *Баймура*. ЛМ – неполное имя Юшко к календарному неполному Юша [СПФ: 455]; татарское *бай Мура* (*Мурат*?), где *бай* – ‘богатый землевладелец, скотовод’, *Мура(т)* – личное имя (в соответствии с легендой). МП – ‘отношение к человеку (первопоселенцу)’. ПН – по связи с человеком. ВН – посессивный (владельческий).

5. Смешанный тип: ‘признак объекта’ + ‘гидроним’ > ‘ойконим’: *Верхний Шавляш*, *Нижний Шавляш*. ЛМ – *верхний* ‘расположенный выше относительно течения реки’, *нижний* ‘расположенный ниже относительно

течения реки’, р. *Шавляш*. МП – ‘особенности расположения в пространстве’. ПН – по связи (по смежности) с другим объектом, по признакам объекта. ВН – квалитативно-локативный.

6. ‘Экклезионим’ > ‘ойконим’: д. *Богородск*. ЛМ – *церковь Пресвятой Богородицы*. МП – ‘особенности расположения в пространстве’. ПН – по связи (по смежности) с другим объектом. ВН – локативный.

7. ‘Некалендарное имя’ (обычно первопоселенца) > ‘ойконим’: д. *Шумиловка*. ЛМ – некалендарное имя *Шумило* (< *Шум*). МП – ‘отношение к человеку (первопоселенцу)’. ПН – по связи с человеком (первопоселенцем). ВН – посессивный (владельческий).

8. ‘Коллективное прозвище’ > ‘ойконим’: д. *Грамотеево*. ЛМ – *грамотеи* (здесь была открыта первая школа). МП – ‘отношение к человеку (жителям)’. ПН – по связи с человеком. ВН – посессивный (владельческий).

9. ‘Этноним’ > ‘ойконим’: д. *Пермяковка*. ЛМ – прозвище *Пермяк* (< *пермяк* ‘представитель коми-пермяцкой или коми-зырянской народности’ [СПФ: 290]). МП – ‘отношение к человеку (первопоселенцу)’. ПН – по связи с человеком (первопоселенцем). ВН – посессивный (владельческий).

10. ‘Растение’ > ‘ойконим’: д. *Осиновка*. ЛМ – *осина*. МП – ‘особенности расположения в пространстве’ (рядом с деревней растет много осин). ПН – по связи (по смежности) с другим объектом. ВН – локативный.

11. ‘Признак предмета по цвету’ > ‘ойконим’: д. *Зеленовка*. ЛМ – *зеленый* ‘поросший растительностью’ (деревня расположена в лесу). МП – ‘признак близлежащего объекта’. ПН – по связи (по смежности) с другим объектом. ВН – квалитативный.

II. Неясные мотивационные модели.

12. ‘Иноязычная лексема’ > ‘ойоконим’: с. *Бым*. ЛМ – (возможно) татарское *би* (< *бик* < *бек* ‘князь, повелитель, начальник, руководитель, глава, хозяин, господин’, «антрополексемы, активно используемые при образовании составных тюркских имен» [Татарские…: эл. ресурс]) в сочетании с *-им* (формант тюркской гидронимии) (?) < р. *Бым* < р. *Бим*. МП – ‘отношение к человеку (первопоселенцу)’. ПН – по связи с человеком. ВН – посессивный (владельческий).

Итак, в ойконимах, функционирующих в с. Троельга Пермского края, реализуется 12 мотивационных моделей, 11 из которых относятся к ясным (31 ойконим), 1 модель отражает затемненную мотивацию (1 ойконим). Большая часть названий связана с номинациями людей, обычно первопоселенцев, – прозвищами (14 единиц), родовыми именованиями (фамилиями, названиями рода) (3 единицы), личными именами (2 единицы), некалендарными именами, коллективными прозвищами, этнонимами, иноязычными лексемами (по 1 единице); всего выявлено 7 моде-

лей, обслуживающих 23 таких названия (72 % от общего числа ойконимов). Помимо этого в ойконимии отражены названия близлежащих объектов – рек (4 гидронима), храмов (1 экклезионим), растений (1 фитоним), а также признаки близлежащих объектов (1 атрибутив); всего выявлено 5 моделей, обслуживающих 7 таких названий (22 % от общего числа ойконимов). Одна модель смешанного типа обслуживает названия, которые отражают наименование близлежащего объекта (гидроним) и характеристику самого населенного пункта (2 ойконима, 6 %). Это отвечает общерусским тенденциям в русской ойконимической системе.

Логичным следствием такого положения вещей видится то, что основным мотивационным признаком оказывается ‘отношение к человеку, людям (первопоселенцу или жителям)’; данный признак выявлен в названиях, отвечающих 7 моделям. Второй по частотности признак – ‘особенности расположения в пространстве’ (4 модели). Одно название мотивировано ‘признаком близлежащего объекта’.

Так же логично, что в той же наибольшей части названий реализован принцип номинации поселений по связи с человеком, людьми (первопоселенцем, жителями) (7 моделей); реализуемый вид номинации при этом – посессивный (владельческий). Кроме того, обнаруживаются принципы наименования по связи (по смежности) с другим объектом (5 моделей), по признакам объекта (1 модель), в которых могут реализовываться такие виды номинации, как локативный, квалитативный и квалитативно-локативный.

Можно сделать вывод об антропоцентричности мотивации и принципов номинации исследованных ойконимов. В меньшей степени значимы пространственные, в наименьшей – характеризующие особенности номинируемого объекта.

В свете сделанных выводов намечается перспектива настоящего исследования – рассмотреть с аналогичных позиций наименования других географических объектов (агроонимы, гидронимы, оронимы, дримонимы), провести сопоставительный анализ по различным основаниям.

Примечания

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 12-34-01043а1, 14-04-00437а).

[2] Материалы собраны Ю.Ю. Посохиной, выпускницей филологического факультета Пермского педуниверситета, в 2007–2009 гг.

Библиографический список
(с использованными сокращениями)

Блинова О.И. Концепция мотивационного словаря сибирского говора // Вестн. Томского гос. ун-та. Томск, 2009. № 1(5). («Филология»). С. 5–12; URL: http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/fil/05/image/05-005.pdf. (Дата обращения: 12.12.2013.)

Блинова О.И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л.: Наука, 1971. С. 92–105.

Боброва М.В. Топонимия с. Троельга Кунгурского района Пермского края: структурный аспект // Актуальные вопросы филологических исследований: материалы Всерос. науч. конф., Пермь, 6 апреля 2012 года. Пермь, 2012. С. 143–148.

Боброва М.В. Топонимия с. Троельга Кунгурского района Пермского края: лексико-семантический аспект // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: сб. науч. тр., мат-лы Всерос. науч. конф., Пермь, 8 апреля 2013 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2013. С. 126–134.

Ономастика Русского Севера: учеб. пособие к спецкурсу / Е.Н. Варникова, Е.Н. Иванова, Н.В. Комлева, С.Н. Смольников (отв. ред.); Мин-во образования и науки РФ; Вологодский гос. пед. ун-т. Вологда: Легия, 2012. 72 с.

СПФ – Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. Пермь: Книжный мир, 2005.

Татарские мужские имена // URL: http://tatarisem.narod.ru/tatarskie-mujskie-imena.html. (Дата обращения 23.05.2013.)

Татарско-русский большой словарь // URL: tatar.com.ru/dict/ii.php. (Дата обращения: 23.05.2013.)

Шумилов Е.Н. Тимошка Пермитин из деревни Пермяки: Географические названия и фамилии Пермского края. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1991.

M.V. Bobrova
Associate Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

OIKONYMS OF THE VILLAGE TROYEL'GA OF KUNGUR DISTRICT OF PERM KRAI: MOTIVATIONAL ASPECT

The article is included in the series of works which are about onomastics which function at speech of the country people of the one of Ural villages. The real study was performed on the base of oikonyms (proper names of the geographical places) in the motivational aspect. The author drew a conclusion about the all-Russian principles of nomination of the examined settlements. It is the anthropocentric and spatial as well as qualitative principles.

Key words: Perm Krai; onomastics; oikonym; motivational analysis.

УДК 821.161.1-992'17/19"(470.5)

Власова Елена Георгиевна
доцент кафедры журналистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
elena_vlasova@list.ru

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ПУТЕШЕСТВИЯ И ОБРАЗ ПРОСТРАНСТВА: НА МАТЕРИАЛЕ УРАЛЬСКОГО ТРАВЕЛОГА XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА[1]

Статья посвящена проблеме влияния физико-географических параметров путешествия (направление движения и погодные условия) на представленный в травелоге образ пространства. Данная проблематика рассматривается в русле дискурсивного анализа, актуализирующего роль экстратекстуальных факторов в процессе создания текста. Материалом послужили разнообразные по жанру отчеты об уральских путешествиях конца XVIII – начала XX в. Как показало исследование, направление путешествия задает координаты оценки, выстраивая онтологию центра и конца пути. Погодные условия предопределяют выбор времени путешествия, что в конечном итоге сказывается на характере хронотопа. Под влиянием определенных социокультурных условий формируется преимущественная модель пространства путешествия, которая начинает воздействовать на формирование дискурсивной традиции в целом.

Ключевые слова: травелог; путешествие; образ уральского пространства; физико-географические параметры путешествия; дискурсивный анализ.

Интерес современной гуманитарной науки к травелогам, безусловно, связан с общими тенденциями развития этого типа коммуникации в современной культуре. Активное развитие массового туризма сформировало устойчивый социальный запрос на сопутствующие ему информационные продукты, в том числе и на травелоги. Кроме того, в последнее время феномен путешествий все чаще начинают связывать с компенсаторной реакцией человека на ускорение жизненного ритма и перегрузку информационной среды. Предлагается интерпретировать путешествие как средство измерения и структурирования культурного пространства [Черепанова 2006].

На наш взгляд, в последнее время появляется еще одна важная тенденция, которая способствует развитию путешествий – это визуализация культуры, в том числе визуализация интернет-пространства. Многочисленные трэвел-проекты Интернета – прямое этому подтверждение. Фотография человека с головой медведя в Гималях[2] – это не только «фэн», но и открытие мира посредством выхода интернет-персонажа в реальность. Пространство становится измерением собственной телесности.

Это общекультурное обоснование нашей темы.

© Власова Е.Г., 2014

Исследовательская перспектива изучения травелогов связана с пониманием его как специфического дискурса, что заставляет учитывать не только внутренние, но и экстратекстуальные условия его бытования. В частности, актуальными становятся классификации травелогов, связанные со статусом путешественника, его целеполаганием и бэкграундом. Отмечается также влияние попутчиков, событий, эмоционального состояния путешествия на формирование образа пространства.

Известный исследователь путешествий, культуролог Владимир Каганский в одном из последних интервью так прокомментировал особую связь восприятия и эмоционального состояния путешественника: «Если вы, скажем, не выспались ночью или получили из дома тяжелое известие – ваш взгляд не может не измениться. <...> Или, скажем, у вас возник какой-то походный, дорожный, но очень яркий роман – и ваш взгляд на ландшафт опять-таки не может не измениться» [Балла 2013, http].

Американский писатель и путешественник Йен Фрейзер, рассказывая о своем путешествии по Сибири, фиксирует еще один важный элемент современного путешествия, а именно, наличие средств связи, которые меняют самоощущение путешественника в пространстве, а значит, образ самого пространства: «Однажды ночью я смотрел на небо и увидел, как летит спутник, направил в его сторону телефон, отправил домой сообщение и подумал, что вот этот сигнал сейчас туда — вжик! — и попадет. И тут же перезванивает моя жена и говорит: «Слушай, Йен, нам нужно поправить крыльцо»… Понимаете? Я нахожусь сейчас в месте, которое было для декабристов равносильно океанскому дну, но какой-то частью своего сознания, своей персональной реальности занимаюсь проблемами в Нью-Джерси. И это как раз элементы, которые сейчас нужно включать в текст» [Груздева 2013, http].

Своего рода дайджестом современных подходов к изучению травелога может служить монография Е.Г.Милюгиной и М.В.Строганова «Русская культура в зеркале путешествий», вышедшая в 2013 г.: «Вторая задача (монографии) состоит в разработке методологии исследования травелогов с разных точек зрения: исторических, ландшафтных, социокультурных, телеологических, текстуальных. Решение второй задачи предполагает внимание к следующим аспектам проблемы: осмысление путешествия как социокультурного и географического феномена; описание путешествия как формы репрезентации и интерпретации реального культурно-пространственного материала; выявление мотивации и телеологии путешествий в диахроническом аспекте, поскольку очевидно, что мотивы для путешествий в разные периоды жизни общества различны; описание статуса путешественника и его спутников разного рода: попутчика, проводника, автохтона; мотивировка выбора маршрута, средства передвижения и, как следствие этого, хронотопа дороги; создание типологии травелогов как жанра словесного творчества, минуя традиционные литературоведче-

ские категории; включение в описание таких культурологических категорий, как свое/чужое, особое/всеобщее, столица/провинция, центр/периферия, мейнстрим/маргинальность» [Милюгина, Строганов 2013: 8].

Общее направление возможной классификации экстратекстуальных факторов формирования образа пространства можно обнаружить в формулировке В.Каганского, который утверждает, что «…маршрут путешествия мотивирован внутренними <…> особенностями ландшафта и личности» [Балла 2013, http].

Среди намеченного многообразия нас будет интересовать группа подходов, направленных на изучение телесных условий путешествия, понимая под определением "телесные" все факторы, которые влияют на физическое состояние путешественника. К ним мы относим особенности способа передвижения (скорость, контакт с пространством, ракурс наблюдения) и географические параметры пространства путешествия (рельеф, направление, погодные условия).

Ранее мы рассматривали особенности взаимодействия способа путешествия и образа пространства. Нами было показано формирование дорожных дискурсов уральского травелога конца XVIII – начала XX в., связанными с разными видами транспорта: гужевым, пароходным, железнодорожным [Власова 2010]. Каждый из этих дискурсов представил свой образ уральского пространства, сложившийся под влиянием разной скорости восприятия и ракурса наблюдения. В этом отношение образ Урала формировался как взаимодействие семантических и визуальных констант, определившихся в процессе становления дискурса.

Сегодня можно говорить о признании проблемы взаимодействия способа путешествия и образа пространства как одного из перспективных направлений в изучении литературы путешествий. В программе конференций, посвященных изучению травелогов, уже традиционным становится направление, связанное с понятием «дорожный дискурс» и проблемой взаимодействия способа путешествия и восприятия пространства. (III Междунар. конференция «Россия – Италия – Германия: литература путешествий», 26 сентября – 2 октября 2012 г., Томский государственный университет и Институт филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета; сборник материалов конференции «Литература путешествий: культурно-семиотические и дискурсивные аспекты», Новосибирск, 2013; конференция «Русский травелог XVIII–XX веков», 11–12 ноября 2014 г., Институт филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета»).

И все же проблематика телесности путешествий и ее роли в пространственном дискурсе является далеко не исчерпанной. В данной статье мы хотели бы акцентировать внимание на зависимости между географи-

ческими параметрами путешествия и характером воссозданного в путевом отчете образа пространства. В частности, изучение уральского травелога как дискурсивного единства, сложившегося в процессе накопления и наслоения множества разнообразных текстов, позволяет проследить динамику трансформации образа уральского пространства под влиянием физико-географических условий путешествия. К таким условиям уральского травелога, помимо горного характера местности, можно отнести географическое направление и погодные условия поездки.

Без сомнения, одной из самых устойчивых формул восприятия и описания уральского пространства является представление об Урале как воротах Сибири и рубеже Европы и Азии. Это представление было сформулировано в трудах В.Н.Татищева, который впервые обосновал необходимость проведения границы между Европой и Азией по Уральскому хребту. Уральский травелог конца XVIII – начала XX в. благодаря многочисленным повторениям закрепил эту формулу в массовом сознании. Подавляющее большинство уральских травелогов – это отчеты о путешествиях, маршрут которых бы связан с движением из центральной России на Восток. Очень важно при этом, что для большей части путешественников Урал был лишь транзитным пунктом на пути к цели, лежащей за пределами Урала. Дорожная карта таких путешествий закрепляла за уральским ландшафтом семантику ворот, преддверия. Не случайно одним из самых частотных образов путешествий через Урал становится географический знак «Европа – Азия», открытый на горе Березовой в 1837 г. Описания этого места нередко фиксировали перемену в восприятии пространства: сзади оставался дом, впереди была неизведанная, девственная земля:

«Тут, на высшей точке главной цепи, в нескольких шагах от дороги, стоит окруженный чугунной решеткой сероватый мраморный столб. На одной стороне его вырезано «Европа», на другом «Азия». Я оглянулся в последний раз: сзади виднелись крупные холмы, спутники главной цепи, белые колокольни на горизонте; впереди пологие спуски восточного склона, кругом невообразимые леса…» (с.106) – так свое состояние отразил в путевом дневнике 1862 г. двадцатилетний Петр Кропоткин [Кропоткин 2011: 106].

Немногочисленные путешествия из Сибири через Урал в центральную Россию (И.Белов, Д.Н.Пешков), как правило, не акцентировали внимание на переезде через Урал. Одно беглое замечание И.Белова о Перми как «оттенке Сибири» [Белов 2011: 94] позволяет предположить, что активность западного направления путешествия, при котором Пермь сравнивали бы не с европейской Россией, а Сибирью, существенно изменила бы семантические доминанты ее восприятия.

Смыслообразующая функция направленности путешествия при формировании образа пространства с особой наглядностью проявилась в путевой очеркистике Д.Н.Мамина-Сибиряка. Задача создания самодоста-

точного образа уральского пространства заставила писателя поменять привычный (т.е. от московского центра на восточную периферию) вектор движения. Самые знаменитые путевые очерки писателя «От Урала до Москвы» переворачивают оптику восприятия уральского и в целом российского ландшафта. Путешествие начинается из Екатеринбурга, что по законам жанра делает его онтологическим центром путешествия. Писатель намеренно подчеркивает «уралоцентристский» характер своего восприятия российского пространства, создавая выразительный образ спуска с горы. На подъезде к Москве путешественник уносится «мыслью назад»: «…и кажется, что вот уже скоро неделя, как все едешь куда-то под гору, в яму» [Мамин-Сибиряк 1955: 400]. Этот географический спуск становится аксеологическим движением от центра на периферию.

Впоследствии предложенный Маминым-Сибиряком вектор движения закрепится в местной периодике, которая сформирует собственную «дорожную литературу». Этот термин предложит пермский журналист, литературный критик, писавший под разными псевдонимами, самыми известными из которых были Чубин и Черномор. «Дорожной литературой» им было обозначено явление массовой популярности путевых очерков, заметок, дневников на страницах региональной печати [Черномор 1914: 2]. В этой сфере уральской публицистики сформировалось еще несколько сюжетно-семантических полей уральского ландшафта, связанных с разными географическими направлениями путешествий. В частности, северные путешествия акцентировали внимание на древности и таинственного Урала. На первый план выходили образы уральской пармы и затерянных в ней раскольников и коренных жителей Урала – вогулов, коми-пермяков, зырян. Южные путешествия, которые, как правило, были связаны с плаванием по Каме, разрабатывали сюжеты торгового значения Урала, пути на каторгу и древности истории. Западное путешествие, особенно железнодорожное, акцентировало семантику горнозаводского Урала, центром которого выступал Екатеринбург.

Таким образом, топографический анализ уральского травелога конца XVIII – начала XX в. проявил устойчивую связь между направлением путешествия и образом пространства, воссозданного в травелоге. В основе этого влияния – механизм сопоставления с исходной точкой путешествия, которая выполняет роль онтологического центра.

Другим географическим фактором, оказывающим влияние на создаваемый в травелоге образ пространства, являются погодные условия путешествия. К этому выводу нас подтолкнули наблюдения над колористикой уральского травелога конца XVIII – начала XX в. Внимательное изучение цветообозначений уральского пространства в путевых отчетах этого времени показало, что репрезентативный спектр уральской колористики – а это цвет красно-коричневой земли, разноцветных, чаще изумрудных, камней, черного леса и темной воды – сформировался в путешествиях, ко-

торые проходили в весенне-летне-осенний, т.е. бесснежный период. Безусловно, это было связано с климатическими особенностями Урала, путешествовать по которому зимой в силу суровости погодных условий, было чрезвычайно трудно. Подавляющее большинство путешествий было предпринято в летний период, что предопределило активность летнего колорита.

Конечно, воздействие географических факторов на образ пространства имеет опосредованное влияние. Направление путешествия задает координаты оценки, выстраивая онтологию центра и конца пути. Погодные условия предопределяют выбор времени путешествия, что в конечном итоге сказывается на характере хронотопа. Это значит, что его формирование имеет избирательный характер – одни темы получают акцентированное изображение, другие уходят на второй план. Собирается некая преимущественная модель описываемого разными текстами пространства.

Со временем доминирующая модель может трансформироваться или вытесняться более актуальными вариантами. Динамику этих изменений можно проследить на примере «сплавного» дискурса уральского травелога, который оформился в очерковом творчестве Мамина-Сибиряка. Первые заметные очерки автора были посвящены сплаву по Чусовой. В 1882 г. публикуется очерк «В камнях: Из путешествия по реке Чусовой», в конце 1883 г. – «Бойцы: Очерки весеннего сплава по реке Чусовой», представившие полный и тщательно продуманный образ.

«Образ реки Чусовой в ранних очерках Мамина играет важную роль: это и место действия, и объект авторского восхищения, и способ самовыражения и самораскрытия персонажей из народа», – размышляет об этнокультурном значении образа знаменитой уральской реки Н.А.Кунгурцева [Кунгурцева 2009: 143]. В уральской геопоэтике Мамина-Сибиряка сплав предстает не просто способом сообщения, но способом жизни аутентичным уральскому пространству и сложившемуся здесь миропорядку. Как представляется, эти очерки заложили основу для той программы реинтерпретации сформировавшегося в русской культуре образа Урала, которую писатель реализовал сначала в своем публицистическом, а потом и художественном творчестве.

Акцентированное описание сплава по Чусовой в путевых очерках Мамина-Сибиряка завершило формирование складывающегося в уральских травелогах «сплавного» дискурса (И.И.Лепехин, П.-С.Паллас, В.И.Немирович-Данченко и т.д.) [Власова 2013]. В дальнейшем это ставшее собственно уральским (не транзитным) направление путешествия по Уралу было проработано региональной публицистикой. Актуализация темы сплава, произошедшая сегодня в прозе А. Иванова, проявляет и продолжает формирование пространственно-дискурсивной традиции, восходящей к «уралоцентристской» модели Мамина-Сибиряка. Понравившаяся зрителям экранизация повести Алексея Иванова «Географ глобус пропил»

закрепила в массовом представлении об Урале образ сплава по горной реке. Так произошло закрепление альтернативного «транзитной» модели представления уральского пространства.

Подводя итог, заметим, что телесный опыт путешествия может не только направить восприятие пространства, но и задать основные смыслы его воплощения в тексте. Размышляя о телесности путешествия, Д.Н.Замятин заостряет это положение до неразделимости онтологии тела и онтологии пространства: «Телесный опыт путешествия означивает и означает онтологические процессы сакрализации пространства. Телесность путешествия описывается и показывается многообразием мест, чье движение фиксирует, закрепляет и одновременно раздвигает скрепы переживаемой и переживающейся пространственности» [Замятин 2014: 27]. Представленный анализ физико-географических параметров путешествия в их влиянии на созданный в травелоге образ пространства позволяет конкретизировать значение телесного опыта путешественника в процессе восприятия ландшафта.

Примечания

[1]Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 13-14-59010 «Формирование уральского дискурса в российской печати XIX – начала XX вв.».

[2]Блог Ильнара Мансурова «Тот самый парень с головой медведя» – https://vk.com/59mishka.

Библиографический список

Балла Ольга. Наука странствий: корни и перспективы // Частный корреспондент. 2013. 23 апреля. ГКДЖ реезЖ.. www.chaskor.ru/article/nauka_stranstvij_korni_i_зукызулешмн _31878. (Дата обращения: 15.09.2014.)

Белов И. Путевые заметки и впечатления по Восточной европейской России// По Каме и Уралу: путевые записки XIX – начала XX вв. / сост. и примеч. Д.А. Краснопёрова; вступит. статья Е.Г. Власовой; ред. Т.И. Быстрых; Центр. городская б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева). Пермь, 2011. С. 94-96.

Власова Е.Г. "Дорожные дискурсы" уральского травелога XVIII – начала XX в. // Вестник Пермского государственного университета. Русская и зарубежная филология. 2010. № 6. С. 115–122.

Власова Е.Г. Сплав по реке в структуре дорожных дискурсов уральского травелога конца XVIII – начала XX // Труды Русской антропологической школы. – 2013. – Т. 13. – С. 101–111.

Груздева Анна. Йен Фрейзер: «Травелог работает в масштабе человека»// Siburbia. 2013. 13 ноября. URL: http://siburbia.ru/geo/yen-freyzer-travelog-rabotaet-v-masshtabe-cheloveka. (Дата обращения: 15.09.2014.)

Кропоткин П.А. Дневники // По Каме и Уралу: путевые записки XIX – начала XX вв. / сост. и примеч. Д.А. Краснопёрова; вступит. статья Е.Г. Власовой; ред. Т.И. Быстрых; Центр. городская б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева). Пермь, 2011. С. 97- 109.

Замятин Д.Н. Пространство и движение // Социологические исследования. 2014. №4. С.20-29.

Кунгурцева Н.А. Этнокультурный образ реки Чусовой в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка//Известия Уральского государственного университета. №3 (65): Гуманитарные науки. Сер. 5. С.137-143.

Литература путешествий: культурно-семиотические и дискурсивные аспекты / под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск: СИЦ НГПу «Гаудеамус». 592 с.

Мамин-Сибиряк Д. Н. От Урала до Москвы: Путевые заметки// Собрание сочинений в восьми томах. Т.8. М.: Гос. изд-во Худ. лит., 1955. С.249-402.

Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Русская культура в зеркале путешествий: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. 176 с.

Черепанова Н.В. Путешествие как феномен культуры. Автореферат на соискание уч. ст. к. философ. наук. Томск, 2006. 20 с.

Черномор. «Дорожная» литература // ПГВ. 2014. 4 июля. С. 2

E.G. Vlasova
Associate Professor of Journalism Department
Perm State University

GEOGRAPHIC PARAMETRES OF THE TRAVEL AND THE IMAGE OF SPACE: A CASE STUDY OF THE URAL TRAVELOGUE OF THE XVIIIth – THE EARLY XXth CENTURIES

In the article the aspect of the travel physiographic parametres (the direction of movement and the weather conditions) influence on the image of space that is introduced in the travelogue. The subject in question is described by the terms of the discourse analysis that foregrounds the contribution of the extra literary factors to the process of the text creation. The data were by the nature the various genres reports of the Ural trips of the XVIIIth – the early XXth centuries. As it was revealed in the research the direction of the travel sets the evaluation reference by structuring the ontology of the route centre and the end. The weather conditions predetermine the choice of the travel time that affects the chronotope nature ultimately. Under the influence of specific sociocultural conditions the predominant model of the space of the travel is formed that begins to affect the development of the discourse practice on the whole.

Key words*:* travelogue; travel; image of Ural space; travel physiographic parameters; discourse analysis.

УДК 81’282.2(470.53)

Зверева Юлия Владимировна
доцент кафедры гуманитарного
образования в начальной школе
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
zv.ul@mail.ru

ЛЕКСИКА ПИТАНИЯ В ПЕРМСКИХ ГОВОРАХ: ПРОДУКТЫ РАСТИТЕЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ [1]

Статья посвящена изучению названий тематической группы «Питание» в русских говорах Пермского края. Рассматриваются наименования продуктов растительного происхождения, а также блюд из них. В питании жителей Пермского края большую роль играли зерновые культуры и овощи.

Ключевые слова: пермские говоры; тематическая группа; питание; зерновые; овощи; грибы.

Пища была и остается важным элементом материальной культуры народа, она отражает социальные отношения людей, особенности быта и хозяйствования, природно-климатические условия проживания носителей языка. Лексике питания в русских говорах посвящены работы К.И. Демидовой, С.В. Дмитриевой, Т.В. Карасевой, И.С. Лутовиновой и др. Е.Н. Полякова исследовала лексику питания на материале пермской ономастики, а также памятников письменности [Полякова 2009а, 2009б, 2010]. Предметом анализа в данной статье стали языковые единицы, называющие блюда из продуктов растительного происхождения.

Одним из распространенных блюд жителей Пермского края была каша, в пищу употребляли различные виды круп: пшеничную, ячменную, ржаную, овсяную, пшенную, гречневую. Готовили густую кашу из крупы, она называлась ***крупинник***, ***крупянка*** (*Крупинник – крутая каша, кутья – рис с изюмом* (Черд.). *Крупянка – каша из овса пользительная* (Ныроб Черд.) [КСРГСПК]), или же делали из крупы муку и заваривали. Такая каша в пермских говорах получила названия ***заболтуха***, ***заваруха*** (***завариха***), ***затируха***, ***мусная*** (***мучная***) ***каша***, ***повалиха*** (***повалюха***), ***саламата***, ***сулой*** ‘каша из пшеничной или ячменной муки, заваренной кипятком’ (*Заболтуха из овсяной муки* (Карпичово Чердынь). *Кашу из ясной муки заварим, заваруху. Из ясной муки заваруха лучше, чем из белой* (Говорливое Краснов.) [КСРГСПК]). *Из муки завариху заваривали, кипятком заваришь* (Калинино Кунг.) [СРГЮП 1: 286]. *Затируху ели – только ложки свистят* (Чернушка) [СРГЮП 1: 320]. *Из белой муки заваривали, дак заваруху ешо*

© Зверева Ю.В., 2014

звали кашей повалихой (Илаб Сол.). *Из ячменной крупы называли мусной кашой* (Покча Черд.) [КСРГСПК]. *Есть нечо, дак повалюху сделам. Муку заваришь горячей водой, молоком забелишь, и хлебай* (Пожва Юсьв.) [СРГКПО: 187]. *Пойду-ка саламату заварю* (Бельских Сол.) [СПГ]. *Ясная мука была. Сварят её и забилят. Сулой. Всё и кормили* (Рожнево Черд.) [КСРГСПК]). Лексемы ***размазня*** ‘*блюдо из ржаной муки и постного масла*’ и ***щелкунья*** ‘каша из ячменной муки, заваренной кипящим молоком’ также обозначают кашу из муки: *Еще, я помню, размазню ели. Засыпается ржаная мука и заваривается кипятком, и туда надо ложить постного масла* (Ножовка Част.) [СРГЮП 3: 14]; ***щелкунья*** *Шшолкунью делали из ясной муки, из ячменю. Молоко скипятят круто и заварят* (Попово-Останино) [КСРГСПК]).

Иногда в кашу добавляли сусло ‘сладковатый безалкогольный напиток, настоенный на солоде и муке’ и ягоды, что отразилось в таких наименованиях: ***жаровиха*** **‘**кушанье из ячменной муки или толокна с клюквой или другими ягодами’ (*Каша из муки с ягодами – жаровиха* (Черд.) [КСРГСПК]); ***кулага*** ‘тестообразное кушанье из ржаной муки и солода (иногда с ягодами) (*Я раньше кулагу любила; кулага – это замешают просеяной солод, не шибко густо, разотрут; когда клюкву бросят* (Тюлькино Сол.) [СПГ 1: 448]); ***солодянка*** ‘молотая, моченая и пророщенная рожь’ (*Солодянку-то на пиво готовишь. Не то песком посыпашь, ешь так – ой, как вкусно* (Мостовая Окт.) [СРГЮП 3:151]; ***шомша*** ‘каша из пшеницы или ржи, заправленная суслом’ (*Напарят рожь в печке. Не сварят, а только чуть водички нальют, и в печке она разопреет. И это хлебали с суслом, и вместе с суслом шомша называлась* (Ныроб Черд.) [КСРГСПК].

Из разных видов муки делали кисели: ***гороховый кисель*** (*Горохвенный кисель варили; горох толкли в муку, а потом на трахмале заваривали* (Григорьевская Нытв.) [СПГ]); ***овсяный кисель*** (*О, овсяный кисель – это была любимая наша еда, из муки варили, мелом наквасят* (Чернушка) [СРГЮП 1: 385]); ***оржаной*** (***сулойный***) ***кисель*** ‘кисель из ржаной муки’ (*Оржаной кисель раньше ладили. Муку просеют, отруби зальют водой, положат гушшы, заквасят. Подымется – ситом просидят, варят в печи с водой. С молоком пресным прихлёбывают, жаровихи положат* (Половодово Сол.) [КСРГСПК]. *Есть-то чё-то надо было – вот мы и варили сулойный кисель; кислой беда, нонче бы и есть не зачали* (Григорьевская Нытв.) [СПГ 1: 389]). По консистенции это были не напитки, а студнеобразные блюда.

Данные пермских говоров свидетельствуют о преобладании в рационе жителей Пермского края в прошлом двух видов круп: ячменной и овсяной. Ячменная крупа была двух видов: из целых или из раздробленных зерен. В пермских говорах для названия перловой крупы (из целых зерен ячменя) использовались лексемы ***тусь*** (***тюс***, ***тюсь***) и ***толстая***

крупа (*Перловка у нас называли тусь* (Ветлан Черд.). *Раньше-то тюс толкли. Толстая-то крупа тюсом зовётся* (Марушево Черд.) [КСРГСПК]. *Из толстой крупы шти сварим и сбуживам, хлебам, едим в Велико-то говеньё. Толстая крупа – это ячмённая крупа* (В. Мошево Сол.) [СПГ 2: 440]). Крупу из дробленого ячменя называли ***заспой***, ***крупянкой*** (*Заспа – ячменная сечка. Тус – это целиком зерна* (Бондюг Черд.). *Крупянка – крупяны шти, жиденька каша. Толста крупа – тус, штями зовём, мелка крупа – то крупянка* (Тиуново Гайн.) [КСРГСПК]). Материалы картотеки СРГСПК показывают, что *сечка* обозначает не любую дробленую крупу, как в литературном языке [Ожегов: 715], а мелкую крупу из ячменя: *Сечка – из ячменя, ну дак она рубленая, как вот и сечка и есть* (Пянтег Черд.) [КСРГСПК].

Большое место в питании населения Пермского края занимали различные овощи: брюква (в говорах *бухва* и *калига*), капуста, репа, редька, картофель. О важной роли овощных культур в питании жителей Пермского края свидетельствует поговорки: *Из редьки семь перемен. Ретецька-де тёрта, да ретецька-де соком, ретецька соцьнями, ретецька топками, да ретецьку так поедим, ретецька парёна* (Купчик Черд.) [КСРГСПК]; *Раньше в шутку говаривали: «Губнича, морковнича – репнича, картовнича – основная еда»* (Чернушка) [СРГЮП 3: 37].

Словом *каша* в говорах обозначались не только кушанья из крупы, как в литературном языке, но блюда из сваренных овощей: ***калежница***, ***калижная каша***, ***бухвенная каша*** ‘пюре из брюквы’ (калига, бухва ‘брюква’), ***репная каша***, ***репница*** ‘пюре из репы’, ***картовная каша*** ‘картофельное пюре’, ***свекольник*** ‘пюре из свеклы’, ***турнечная каша*** ‘пюре из турнепса’. Из картофеля и моркови готовили также запеканки, которые в пермских говорах назывались ***селянками***: *Селянки наделашь – картовну, морковну – морковь сваришь, истолкёшь, яичко, в печку поставишь запекать*. (Пермь-Серьга Кунг.) [СРГЮП 3: 98]; *Картовну селянку делают, делают из яичек, делают морковную* (Еранина Черд.) [КСРГСПК].

Капусту часто добавляли в супы, такое блюдо называлось ***капустница*** (*Суп из капусты варят, без мяса – капустница* (Илаб Сол.) [КСРГСПК]) и ***капустяная похлёбка*** (*Капустяну похлёбку варим, картошки жарим* (Тиуново Гайн.) [КСРГСПК]). Капусту использовали не только свежей, но и квасили на зиму, в пермских говорах отмечено несколько языковых единиц со значением ‘соленая капуста’: ***сдавленка*** (*Заварённая-то капуста не твёрдая, а сдавленка скусная и твёрдая* (Осокино Сол.) [СПГ 2: 325]; ***сеченка*** (*Подле кочень беловато – ситенка. Изрубим мелконько, заварим, заквасим, в кадце ночует, затиснет – вытаскивам на мост, там выстынет. Ситенку наливают в крупу, кипятишь, сваришь, крошками ешь* (Ужиткарс Гайн.) [КСРГСПК]); ***толчёнка*** (*Толчёная капуста. Котора к весне толчёнка. Изрежем пласточками, подсолим, не-*

множко потолчём, слоёчек навалим, опять потолчём (Шипицыно Гайн.) [КСРГСПК]); ***пластовая капуста*** ‘капуста, засоленная пластами’ (*У соседки была пластовая капуста, дак она мне целую пластину принесла – я всю умяла* (Андроново Чернуш.) [СРГЮП 1: 371]); ***полированная капуста*** ‘шинкованная капуста с добавлением сахара и яблок’ (*Попробуйте капусту-ту, она у меня, правда, не полированная, ни сахару, ни яблочка не положено, дак так-ту ядреная* (Касиб Сол.) [СПГ 1: 377]); ***сеченая капуста*** ‘рубленная сечкой капуста’ (*Капуста бывает сечёная, пластовая, колды её давят* (Пянтег Черд.) [КСРГСПК]); ***шинковая капуста*** ‘шинкованная капуста в засоле’ (*Шинковую капусту делали – вдоль кочана ее всего шинкуют; я счас токо такую и делаю – зубы-те нету дак* (Дуброва Сол.) [СПГ 1: 377]). Квашеную капусту добавляли в супы (***кислыми штями*** назывались щи с квашеной капустой), тушили (***гретая капуста*** – кушанье из тушеной квашеной капусты), клали в пельмени (***кисленые пельяны*** – пельмени из квашеной капусты).

Солили (квасили) не только капусту, но и ботву брюквы, репы, редьки. Такая ботва называлась ***кислы*** и употреблялась в качестве начинки для пирогов: *Раньше рубят верёху – рубят, режут – солят ретешны, калежны кислы. Сёдня я из кисел пироги напекла, вкусно поели* (Акчим Краснов.) [АС 2: 43].

Различные корнеплоды (репу, брюкву, свеклу) также парили в печи. Это блюдо называлось ***парёнки*** **и** ***печёнки***: *Парёнки-те тожно бучкали зиму-то (много раньше саживали репу-ту), скусные очень* [паренки], *не хуже груши* (Ныроб Черд.) [СРГСПК 1: 173]. *Калигу, если печь вытопится, ставим в печь, так называм печёнки* (Покча Черд.). *Из свёклы тоже печёнки делают* (Покча Черд.) [КСРГСПК].

Парёнки могли заготавливаться впрок на зиму, тогда после выпаривания в печи их сушили, такое блюдо называлось ***сухие*** (***сушёные***, ***чёрные***) ***парёнки*** (*Парёнки. Репу, калегу, свёклу, можно морковь, их чистят, режут, а потом сушат. Выпарят в печке, они выпреют, потом на лист их накладёшь, они высохнут, будут сухие парёнки* (Черд.). *Сушёные парёнки. Да из калеги, да из репы* (Камгорт Черд.). *Бывают чёрные парёнки. В печь их без жижи поставишь, закроешь, потом выташшыть на лист и опять в печь. На другой день уберёшь их* (Пянтег Черд.) [КСРГСПК]) или ***сушёнки*** (*Сушёнки. В начале выпарят брюкву или репу, а потом сушат* (Покча Черд.) [КСРГСПК]). Часто приготовленные таким образом овощи заливали суслом или квасом и ели как самостоятельное блюдо: *Ретюшки, брюкву ли, калегу, в русской печке как испекешь, потом режешь кусочками. В сусло потом, и на стол хлебать* (Сёйва Гайн.) [СРГКПО: 178]; *Чёрные парёнки вытаскивают в чашку и заливают квасом* (Пянтег Черд.) [КСРГСПК]. Иногда такое кушанье называли ***киселем***: Парёнки заливают

суслом, оно постоит, и сладкое блюдо будет – кисель (Половодово Сол.) [КСРГСПК]

Использовались овощи также в качестве начинки пирогов, в пермских говорах фиксируются такие названия пирогов: ***калежный пирог***, ***капу'стник***, ***карто'вник*** (***карто'вошник***), ***лу'ковик*** (***лу'кович***) и ***луковышный пирог***, ***морко'вник***, ***ре'пник*** и ***ре'пный пирог***, ***ре'тешник*** и ***ре'тешный пирог***, ***свеко'льник***, ***си'тченый пирог*** (пирог из *си'ченки* ‘квашеной капусты, приготовленной из мелко нарубленных зеленых листьев’).

Жители Пермского края выращивали лук и чеснок, добавляли их в различные блюда. Кроме того, лук являлся основным ингредиентом блюда, которое было заимствовано русскими у коми-пермяков, – ***лукасола*** (***лук солёный, луковая соль***): *Это пермяцкое кушанье лукасол, мы тоже едим. Это вот как делается: зеленый лук помнут, посолят, водой разведут. А щас туда яички да что да ложат. Летом ели.* (Крохалево Юсьв.) [СРГКПО: 141]; *В пост ели лук солёной: нарежешь перо луково, истолкёшь, посолишь, воды плеснёшь – вот и всё кушанье* (Володино Сол.). *Шибко я люблю лукову соль. Она нисколь не горька* (Соколово Вер.) [СПГ 1: 493].

В Пермском крае в питании существенную роль в питании играли грибы и ягоды, которые заготавливались отдельно, а также входили в состав разных блюд. Так, грибами начиняли пироги и пельмени, варили из них суп. В пермских говорах для обозначения супа с грибами используются слова ***грибница***, ***грибовница***, ***груздянка***, ***губенка***, ***губница*** (*Из грибов варят грибницей зовут* (Камгорт Черд.) *Грибовница, из лесу грибы принесут и картошку нарежут* (Покча Черд.). *Груздянку варили из белых груздей, как суп; лук покрошишь, сметану кладешь* (Редикор Черд.). *Из сырых-то грибов губенки варили* (Пянтег Черд.). *Свари губы, дак и губница будет* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]. Блюдо из жареных грибов называется ***жарёхой*** и ***жарницей***: *Маслята лутше жарить. Вымоёшь грибы, на сковорду масла наллёшь, изжаришь. Сметаны положим. Ох, бравая жарёха!* (Половодово Солик.) [КСРГСПК]. *Насобираем грибов, жáрницу нажарим, вот и живём-поживаем* (Бедряж Чернуш.) [СРГЮП 1: 274].

Грибы заготавливали на зиму: их сушили и солили. Грибы, предназначенные для засолки, сначала замачивали, поэтому в пермских говорах они называются ***мочёными*** (*Мочёные* [грибы]: *волменица, путники, рыжики, пихтовики* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]) или ***мочёнками*** (*А грибы у нас всякие есь: красной гриб, белой гриб, мочёнки есь. Ето волвенки, путники* (Ныроб Черд.) [КСРГСПК]). Грибы, которые можно сушить, – ***сушёные*** и ***чёрные*** (*Сушёные грибы сушили. Печи были у нас ведь, печи. Принесёшь, посадишь к ноце. Оно уж к утру сухие они* (Макарова Черд.). *Цёрные грибы – сушёные, корешоцьки, обабоцьки* (Кикус Черд.) [КСРГСПК]) и ***сушёнки*** (*Какой попадёт: мочёнка ли сушёнка* (Покча Черд.) [КСРГСПК]). Делали из грибов икру, которая называлась ***чёрной икрой***

(*Черны грибы заваривам, попарим, жир отольем, это вода-то от грибов, а потом рубим сечкой, разводим жиром, чеснок кладем, горькое, и готово черная икра* (Осокино Сол.) [СПГ 1: 357]) и ***соля'нкой*** (*Например, грибная икра называется солянка. А из грибов с капустой делают. Каки там грибы-то? Красноголовики* (Редикор Черд.) [КСРГСПК]). Наименование черная икра связано с тем, что грибную икру обычно готовили из сушеных грибов, которые имеют темный цвет.

Жители Пермского края использовали в пищу различные дикоросы: побеги хвоща полевого (*пестики*), стебли борщевика (*борш*, *пикан*), дикую редьку (*гоныш*, *пустосёл*, *ретюга*, *серьгабуз*) и другие растения. В словарях пермских говоров фиксируются названия блюд, в которых употребляются побеги хвоща полевого: ***пи´щница***, ***пи'стичная яичница***, ***крупи'шница***, ***пи'стиковая каша***, ***пи'стешница***, ***пистишна*** ‘запеканка из полевого хвоща с яйцами и молоком’ (*Ой, пистики каки были. Мы злые на эти пистики… Им не хватало питания или что. Мелконьки, крупны, таки толстые. Их нарвёшь делали пищницу, яищницу. Тожо изрубишь в корыте, мясорубки раньше не было, молоко линёшь, яичко – и поставишь в печь* (Пухирёво Сол.) [КСРГСПК]; *Пестики очистят, порубят, зальют ичком, и пестична яичница будёт* (В. Мошево Сол.) [СПГ 2: 96]; *Весной как пистики на полях выйдут, собирали их да крупишницу пекли – запекали с яичками да с молоком* (Филатово Ильинск.) [СПГ 1: 442]; *Пистики* [ели]. *Кашу с маслом. Пистикова каша* (Тиуново Гайн.) [КСРГСПК]. *Пистики измельчат и с ичками да с молоком приготовят, вот и пистешница* (Казанцево Чернуш.) [СРГЮП 2: 331]. *Пистишну ели, с яйцом и молоком пекли, пироги стряпали из пистиков* (Пирожково Бер.) [СРГЮП 2: 333]). Употребляли в пищу ***пиканы*** (стебли борщевника): *Борс. Борс такжо сварят в чугунке (каструль не было). В чугунке и тожо такжо в соль умочили – и в рот. А некоторые их изрубят под вид кисел, и стряпали пироги. Или заквасят. Вот там молочко ле чё линули – закисло* (Гашкова Черд.) [СРГСПК 1: 130]. В пермских говорах зафиксированы лексемы, называющие блюда с *пиканами*: ***пика'нница*** ‘блюдо типа окрошки с пиканами (борщевником)’ (*Делаем часто пиканницу с пиканами – как окрошка, с квасом* (Моховляны Лысьв.) [СРГЮП 2: 325]); ***шо'миша*** ‘*блюдо из вареных пиканов с квасом*’ (*Шомшу я и сейчас ем, и робята у меня тоже любят, пиканы с квасом сделашь и вот* (Пож Юрл.) [СРГКПО: 267].

Таким образом, блюда растительного происхождения играли большую роль в питании жителей Пермского края. Рацион включал в себя различные крупы, овощи, а также продукты собирательства (грибы и ягоды). Преобладание зерновых и овощей в питании – примета русской традиционной кухни вообще, это связано с тем, что большое значение в питании имели посты. Отличительной особенностью местного рациона является употребление в пищу дикоросов (*пестиков и пиканов*).

Примечания

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов РГНФ № 12-34-01043, № 14-04-00437.

Библиографический список
(с использованными сокращениями)

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, 1984–2011. Вып. 1–6.

Дмитриева С.В. Общие названия пищи в псковских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1997. СПб., 2000. С. 89–91.

Карасева Т.В. Названия молочных напитков в воронежских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. СПб., С. 118–123.

КСРГСПК – Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края», хранящаяся на кафедре теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета.

Лутовинова И.С. Слово о пище русской // URL: http://profismart.org/web /bookreader-139383.php. (дата обращения: 30.03.2014.)

Полякова Е.Н. Культура питания в Прикамье XVI–XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности). Статья первая // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2009а. Вып. 1. С. 3–17.

Полякова Е.Н. Культура питания в Прикамье XVI–XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности). Статья вторая // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2009б. Вып. 5. С. 5–15.

СПГ – Словарь пермских говоров. Вып.1–2 / под ред. А.Н. Борисовой и К.Н. Прокошевой. Пермь, 2000–2002.

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края. Пермь, 2011. Вып. 1. А–В. 364 с.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып.1–3 / И.А. Подюков (науч. ред.), С.М. Поздеева, Е.Н. Свалова, С.В. Хоробрых, А.В. Черных; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2010–2012.

Судаков Г.В. Застолье по-русски: Из истории слов: монография. Вологда, 2012.

Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка. М.:Флинта; Наука, 2010. Т. 1–2.

Сокращенные названия районов Пермского края

Гайн. – Гайнский; Ильинск. – Ильинский; Краснов. – Красновишерский; Кунг. – Кунгурский; Лысьв. – Лысьвенский; Нытв. – Нытвенский; Окт. – Октябрьский; Сол. – Соликамский; Част. – Частинский; Черд. – Чердынский; Чернуш. – Чернушинский; Юрл. – Юрлинский.

Y.V. Zvereva
Associate Professor of Primary Humanitarian Education
in Primary School Department
Perm State Humanitarian Pedagogical University

THEMATIC GROUP "NAMES OF FOOD" IN PERM DIALECTS: PHYTOGENIC FOODSTUFFS

The article deals with the names of food in the Perm dialects. The author examines names of phytogenic foodstuffs and dishes. The diet of the inhabitants of Perm Krai played a large role crops and vegetables.

Key words: Perm dialects; theme group; nutrition; grains; vegetables; mushrooms.

УДК 398.5:82–97

Клюйкова Екатерина Александровна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
nesef91@gmail.com

«СОН БОГОРОДИЦЫ»: БЫТОВАНИЕ В МИКРОЛОКАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ [1]

Статья посвящена современному бытованию популярного апокрифа «Сон Богородицы» на примере одной микролокальной традиции Юрлинского района Пермского края. Рассмотрение трех вариантов, записанных в пределах одного села, показывает неожиданно высокую степень разнообразия жанровых форм и их функционирования (в качестве молитвы, заговора и духовного стиха, исполняемого на поминках). В записях встречается вопросно-ответный и повествовательный зачин; фигурируют различные христианские святые, в том числе две разные Саломеи: мать апостолов и апокрифическая повитуха.

Ключевые слова: Пермский край; русская традиционная культура; микролокальная традиция; жанровая форма; духовный стих; заговор; неканоническая молитва.

В ходе полевых исследований Лаборатории культурной и визуальной антропологии ПГНИУ (рук. Е.М. Четина) в Юрлинском районе Пермского края в 2013 г. было зафиксировано три фольклорных текста, содержащих известный апокрифический сюжет «Сон Богородицы». Записи сделаны автором статьи совместно с С.Ю. Королёвой; все они значительно отличаются друг от друга, несмотря на то что варианты бытуют на территории одного поселенческого куста (с. Усть-Зула и примыкающие к нему деревни – Пестерёва, Демидова, Букреева). Стоит отметить, что Юрлинский район расположен на территории Коми-Пермяцкого округа, но является районом компактного проживания русского населения и показывает высокую сохранность народной (особенно поминальной) традиции.

«Сон Богородицы» считается одним из наиболее распространенных в России сюжетов, функционирующих как в устной, так и в письменной форме, и реализуется в разных жанровых вариантах: «прозаической статьи, духовного стиха, песнопения, заговора» [Русские заговоры 2010: 416]. Предположительно, данный сюжет проник в Россию к XVIII в. из Польши [Райан 2006: 425].

Два текста на сюжет «Сна Богородицы» (молитва и духовный стих) были записаны от одного информанта – Анны Павловны Ефимовой (Гуриновой), 1932 г.р., жительницы д. Пестерёва (ныне эта деревня фактиче-

© Клюйкова Е.А., 2014

ски соединилась с с. Усть-Зула). Анна Павловна является «главой» местных женщин, которых приглашают «читать» на поминки. В с. Усть-Зула она пользуется авторитетом в проведении различных поминальных ритуалов и считается лучшим знатоком необходимых молитв и духовных стихов.

Как удалось установить в ходе расспросов, традиция проведения поминального обряда, скорее всего, была перенята этим информантом от жительниц д. Пож Юрлинского р-на. Пож является сегодня одним из своеобразных центров бытования поминальной ритуалистики в данном районе (в свою очередь, входящие в состав обряда духовные стихи и причитания, по-видимому, были ранее заимствованы пожинцами из соседней д. Сергеева, от семьи со старообрядческими корнями). В интервью с жительницами Пожа, которых регулярно приглашают на поминки, они подтвердили, что А.П. Ефимова действительно переняла часть их духовных стихов, однако отметили, что она «неправильно» (слишком громко) их исполняет.

Духовный стих на сюжет «Сна Богородицы», который был записан от А.П. Ефимовой (Гуриновой), входит в репертуар традиционных произведений, исполняемых сегодня в основном на поминках. Предположительно этот текст в числе прочих был перенят ею от женщин из Пожа. В сборнике «Русские в Коми-Пермяцком округе», где представлены юрлинские материалы, присутствует подобный текст, записанный именно от жительниц этой деревни. Текст начинается традиционной для данного сюжета вопросно-ответной формой: *«Пресвятая матерь Богородица / Да где ты спала-ночевала? / Да я спала жо, спала-ночевала / Да в Божьём доме, доме на престоле»*. Интересно, что среди «крёстных» Христа далее упоминаются Егорий Храбрый и Параскевья «Девята Пятница». Появление Параскевы Пятницы в тексте, связанном с Богородицей и страданиями Христа, является традиционным для народных религиозных текстов. А.Н. Веселовский находил мотив сближения Богородицы и Параскевы в том, что в повести о смерти Христа «образ сетующей Богоматери сливается в народном воображении с олицетворенным днем страдания Христова» [Веселовский 1877: 210]. В записанном нами тексте опущена история распятия Христа. В стихе говорится только о том, как *«увидали её неприятные. И стали бросать песком в глаза, Иисусу-то Христу»*, после чего младенец сразу вознесся на небо: *«Да воссияла жо на небе звёздочка / Да вознесся-то да моё-то дитятко / Моё дитятко о на небеса те»*.

Второй текст, записанный от А.П. Ефимовой (Гуриновой), определяется ею как «молитва»: по сообщению Анны Павловны, она читает ее в качестве ежедневного утреннего правила. Происхождение текста выяснить не удалось, информант отвечает, что узнала «от добрых людей». Примечательно, что сходный вариант текста, записанный ранее от нее же,

есть в сборнике «Русские в Коми-Пермяцком округе» (2008). Однако опубликованный и записанный нами варианты произведения совпадают не полностью. В более позднем тексте произошли изменения, появились новые формулы, отсутствовавшие в ранее зафиксированном варианте. Так, в сборнике данный текст заканчивается следующими словами: *«Надевает Христос шёлковую ризу и поезжает Христос по синему морю. Прилетят ангелы, вымут эту душеньку тихо и смирно, и понесут эту душеньку Господу Богу на поклонение, аминь»* [Бахматов 2008: 380]. В варианте, который был записан нами, текст расширился, добавились новые формулы: *«Надевает Христос шёлковую ризу, и поезжает Христос по синему морю, суд его не судит, да хранит его Господь от огня и пламя. Кто от эту молитву знает, перед смертью три слова запомнят, прилетят ангелы, выймут эту душеньку тихо и смирно на золотое блюдце и понесут эту душеньку на али на абраламово Господу Богу на поклонение, аминь»*.

Кроме того, в сборнике данный текст определен как духовный стих, тогда как в интервью с нами информант говорила о нем исключительно как о молитве. При чтении ему предшествует зачин, характерный для заговоров: *«Хрест духовный, Хрест церковный, Хрест Спаситель, Хрест Хранитель, Хресту мя ограждающа на сёдняшний день. Хрест по праву руку, Хрест по леву руку, Хрест на мне, Хрест передо мной, Хрест за мной, Хрест небесна высота, Хрест земная широта, Хрест морская глубина, Хрест Исус Христос, Хрест Пресвятая Богородица»*. Подобное включение заговорного зачина в текст, который используется как молитва, в целом свойственно народным магико-религиозным текстам. Так, А.Л. Топорков отмечает: «Многие тексты сочетали в себе черты заговора и молитвы: неканонические молитвы трансформировались в заговоры, включая в себя фольклорные мотивы и названия нехристианских персонажей, или, наоборот, заговоры маскировались под молитвы, включая имена библейских персонажей или фрагменты молитвенного содержания» [Русские заговоры 2010: 13].

Третий текст был записан от другого информанта – Марии Николаевны Ивановой, 1932 г.р., жительницы с. Усть-Зула. Мария Николаевна не ходит на поминки. Она объясняет это отчасти неприятием авторитета А.П. Ефимовой (ряд информантов в Усть-Зуле с неодобрением относятся к ее «главенству» в исполнении поминального ритуала, поскольку в молодости она была известной плясуньей и вела, по их мнению, достаточно свободный образ жизни), а отчасти тем, что не знает духовных стихов. М.Н. Иванова – специалист в другой области традиционных практик: она «лечит» (в основном детей) с помощью народных магических приемов, поэтому большинство записанных от нее текстов были связаны с демонологией, «знающими» и защитой от порчи.

«Сон Богородицы» в ее личной обрядовой практике также функционирует как молитва, включенная в утреннее и вечернее правило, а также как «молитва на путешествие». В отличие от предыдущих вариантов, которые начинались вопросно-ответной формой, данная запись начинается с повествовательного зачина: *«Встаре матерь Мария из города из Ерусалима шла-приустала, легла-приуснула…»*. Информант знает этот текст с детства и указывает на его первоначальное письменное бытование – текст нужно было переписать определенное количество раз, чтобы он «охранял». Такое функционирование в целом характерно для «Сна Богородицы» (так, например, один из вариантов в сборнике А.Н. Пыпина содержит прямое указание на необходимость именно переписывания). В тексте, записанном от М.Н. Ивановой, имеются поздние вставки, связанные с современными социальными реалиями: *«спаси и храни от милиции и полиции»*. В целом форма данной молитвы такова, что она может быть продолжена, исходя из потребностей читающего человека, поскольку завершает ее перечисление потенциальных опасностей, от которых нужно быть охраненным.

В двух из записанных нами молитв упоминается имя Саломеи, однако в контекстах, указывающих на разных персонажей библейской истории. Так, в тексте, записанном от А.П. Ефимовой (Гуриновой), говорится, как *«Мария Магдалина, Мария Яковлева, Соломея Мироносица жены ко Христову гробу подходили»*. Очевидно, что здесь упоминается Саломея, которая являлась одной из жен-мироносиц, матерью Иакова и Иоанна [по Евангелию от Марка (16:1)]. Эта святая довольно редко упоминается в заговорах, неканонических молитвах и других текстах, несущих отпечаток фольклорного бытования; так, в «Ономастиконе русских заговоров» А.В. Юдин говорит лишь об одном ее упоминании в источниках.

В тексте, записанном от М.Н. Ивановой, также присутствует Саломея: *«бабушка Саломея Христа Бога принимала, шёлкову ризу надевала, шёлков пояс вязала, на престол сажала»*. В данном тексте имеется в виду уже другая Саломея – апокрифическая повивальная бабка, принимавшая роды у Богородицы. Этот персонаж нередко встречается в текстах на сюжет «Сна Богородицы», а также в заговорах. В обоих жанрах прослеживается своего рода изофункциональность «бабушки Саломеи» и Богородицы; в прикамских заговорно-заклинательных текстах она также достаточно часто фигурирует в качестве целительницы детей, хозяйки бани и защитницы от опасных банных духов [Королёва, Туманова 2013: 270–272].

Несомненно, можно говорить о заговорной природе записанных нами «молитв», поскольку они основаны на апокрифическом сюжете, а также содержат в себе заговорные формулы. Это соответствует универсальным для русской культуры способам возникновения заговоров: «тексты заговоров, по-видимому, достаточно свободно конструировались из фраг-

ментов апокрифических молитв, к которым прибавлялись формулы местной заговорно-заклинательной традиции» [Русские заговоры 2010: 16].

Отдельного внимания заслуживает и сам вопрос о соотношении заговоров и неканонических молитв в народной культуре. А.Л. Топорков отмечает, что «совокупность заговорно-магических текстов можно представить как некий континуум. На одном из его полюсов находятся канонические и неканонические молитвы, а на другом – фольклорно-языческие и “чёрные” заговоры» [Топорков 2005: 9], тогда как то, что находится между полюсами, последовательно переходит от молитвенных форм к заговорным, основанным на «представлениях о природных духах и способах взаимодействия с ними» [там же]. О принадлежности текстов к заговорам или молитвам говорило их функционирование: «фольклорные заговоры читались либо самим человеком, нуждающимся в помощи, либо другим человеком, в частности, вероятно, и знахарем. А вот обширную апокрифическую молитву от трясовиц читал священник, который по прочтении молитвы давал больному пить воду с креста» [там же: 295].

Однако на сегодняшний день церковные служители не используют неканонические молитвы, а носители традиции при произнесении текстов не различают формулы, пришедшие из канонического богослужения, и народные магические формулы. Вопрос об отнесении текстов к «словам» (т.е. заговорам, как их называют информанты) или к «молитвам» зачастую решается носителями традиции в соответствии с функционированием данного текста. Так, даже канонические молитвы («Отче наш», «Богородица Дево, радуйся» и др.) могут использоваться в магических целях, тогда как апокрифические молитвы с элементами заговоров включаются в молитвенное правило и, соответственно, воспринимаются в народной культуре как молитвы.

Рассмотрение трех «Снов Богородицы», записанных в пределах одного села Юрлинского района, показало неожиданно высокую степень разнообразия вариантов и их функционирования (в качестве молитвы, заговора и духовного стиха, исполняемого на поминках). Возможно, изучение бытования этого сюжета в различных локальных традициях позволит несколько расширить представление об этом популярном и хорошо изученном апокрифическом сюжете.

Примечания

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 14-14-59602 («”Места памяти” в фольклоре Северного Прикамья»).

Библиографический список

Бахматов А.А. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор / А.А. Бахматов, Т.Г. Голева, И.А. Подюков, А.В. Черных. Пермь: «От и До», 2008.

Веселовский А.Н. Опыты по истории развития христианской легенды // Журнал Министерства народного просвещения, часть CLXXXIX. СПб, 1877. С. 186–252.

Королёва С.Ю., Туманова О.С. Образ Саломеи-повитухи: апокриф и фольклорная традиция // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы Всерос. науч. конф., Пермь, 8 апреля 2013 г. / отв. ред. Н.В. Соловьева; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2013. С. 266–275.

Пыпин А.Н. Ложные и отречённые книги русской старины. СПб., 1862.

Райан В.Ф. Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России. М.: НЛО, 2006.

Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / Составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А.Л. Топоркова. М.: Индрик, 2010.

Топорков А.Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XVII вв. История, символика, поэтика. М.: Индрик, 2005.

Юдин А.В. Ономастикон русских заговоров // URL: http://www.ruthenia.ru /folklore/judin1.htm. (дата обращения: 30.03.2014.)

E.A. Klujkova
Master Student of Philological Faculty
Perm State University

The article is devoted to a modern existing of the popular apocryphal story “Dream of the Virgin”. It is considered on the example of micro-local tradition of the Yurlinsky area of the Perm region. Three variants written down within one village show noticeable variety of genre forms (prayer, plot, spiritual verse). The texts contain question-answer and narrative beginnings. The various Christian Saint persons are mentioned including two Salome: mother of Apostles and apocryphal midwife.

Key words: Perm region; Russian traditional culture; micro-local tradition; genre form; plo; spiritual verses.

УДК 82-1/-9

Князева Евгения Александровна
доцент кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
evg-knyazeva@mail.ru

«НАИВНОЕ» ПИСЬМО ВЛАДИМИРА ВОРОБЬЕВА[1]

В последнее время «наивное» письмо привлекает внимание различных гуманитарных наук. Шаблонная вторичность, неосознанное употребление штампов и клише, с одной стороны, парадоксальным образом способствуют самоидентификации пишущего, с другой – демонстрируют то, что наиболее живуче в культуре и «массовом» сознании. Обращаясь к образцам «высокой» словесности, «наивный» автор не чувствует разницы между «своим» и «чужим», оригинальным и подражательным. Культура для него «большая деревня», где с Пушкиным можно быть «на короткой ноге», любимцем женщин и «пророком в своем отечестве». Признание «наивного» сочинителя писателем после публикации ряда книг и многочисленных выступлений перед читателями в доме культуры или библиотеке переводит его в статус «культурного героя», рыцаря без страха и упрека, что убеждает в верности и неизбежности выбранного пути, «избранничестве».

Ключевые слова: «наивное» письмо; дискурс; штамп; клише; самоидентификация; нормативный культурный образец; «массовое» сознание; подражательность.

Относительно недавно в российской гуманитарной науке началось изучение «наивной» письменности, или «наивного» письма – пласта народной словесности, который не принадлежит ни собственно литературе, ни современному «письменному фольклору». Также появилось понятие «наивный» дискурс, под которым понимается «любое высказывание, устное или письменное, ориентирующееся на кодифицированный литературный язык, но не соответствующее конвенциональным нормам» [Неклюдов 2001: 13]. Причем речь идет не только о форме, но и выражаемом ею содержании, авторском видении действительности и человека в ней. Не случайно И.И. Сандомирская отмечает, что «его (язык. – *Е.К.*) нельзя подправить, не отредактировав при этом его реальности» [Сандомирская 2012]). В тексте находит отражение социально значимое поведение, «идеологически и исторически обусловленная ментальность» говорящего [Русинова 2007: 223–224]. Н.Н. Козлова и И.И. Сандомирская выделили три типа «наивного» письма. Первый создается на основе «нелитературного языка». Второй – текст-маска, «царство клише и заезженных фраз», усвоенных из средств массовой информации и массовой литературы. Третий – когда «обе разновидности письма как будто смешаны: в поток неграмот-

© Князева Е.А., 2014

ной речи вкраплены клише речи казенной» [Козлова, Сандомирская 1996: 17–18].

Яркий пример последнего – творчество добрянского поэта Владимира Воробьева. Выразив себя преимущественно в лирике, наиболее подходящей для этого форме, он попробовал себя и в прозе (у него есть ряд рассказов, таких как «Властный портрет», «Четыре цвета любви», «Индус», очерков – «Заместитель главного врача района», «Директор школы»), и в драматургии. В сборнике «Угости меня ласковым словом», посвященном юбилею родного города, можно найти его пьесу «Фрагмент из судьбы Добрянки», действующими лицами которой стали бывший гендиректор Пермской ГРЭС в г. Добрянка Вадим Ладугин и нынешний ее директор Павел Фаустов, «почетный строитель» Сергей Ложкин и другие.

В данной статье мы ограничимся изучением поэзии Воробьева, т.к., во-первых, она лучше представлена в его творчестве, в подавляющем количестве текстов, во-вторых, – она дает больше возможностей для самоидентификации, выражения авторской субъективности. Любопытно, что, выпуская почти каждый год по сборнику стихов, Воробьев неизменно включает в новую книгу тексты прошлых лет, чтобы читатель мог проследить, как развивается в нем Воробьев-поэт и как уживается с Воробьевым-человеком, у которого позади трудовые будни инженера-строителя. Прошедший сквозь огонь и воду, лирический герой осознает себя принадлежащим России и юности навсегда: «Что мне пляжи Египта и Турций, / Я на Родине преображусь» [Воробьев 2014: 7].

Ровесник поколения 60-х, Воробьев чувствует себя «капиллярным сосудиком» своей страны, которому больно, когда больно России: «Не могу быть к стране безразличным, / Напишу ей и гимн, и сонет» [Воробьев 2008: 10]. И, действительно, пишет свой вариант гимна России, в котором нет ни новых идей, ни новых образов – слова государственного гимна просто переставлены местами. Например, о свободе Отечества в оригинальном тексте поется в первой строке припева, у Воробьева говорится в самом начале стихотворения: «Россия свободна…» [там же: 121] Вместо «Братских народов союз вековой» «Народностей, наций надежный союз». Советский лозунг (Отечество – «Дружбы народов надежный оплот») обновлен: «Мы, россияне, твой верный оплот». В «Сонете России» прославляется необъятность державы («Размах по территориям в границах / Из часовых за десять поясов» [там же: 56]), ее «миролюбие» и богоизбранность.

Воробьев вступает в диалог с Некрасовым, считая святой обязанностью высказать свое отношение к императиву: «Но гражданином быть обязан!». Если жил лишь ради семьи и материального достатка – значит, прожил «вполовину». Смысл пребывания на земле – «В служеньи городу иль малому селу, / Оставив след весомый и галантный» [Воробьев 2008:

40]. История, впрочем, тоже оставляет свои следы. Не случайно в 1989-м Воробьев пишет про то, как Генсек Горбачев «Русь продавал за пятак» [Воробьев 2014: 13], в 1995-м – что «Пенсионер страною позабыт» [там же: 86], в 2002-м – о теракте на Дубровке, где шел мюзикл «Норд-ост», и «Усан Бен Ладене», «новом Гитлере» [там же: 114], в 2013-м – о наводнении на Дальнем Востоке. Воробьев будто бы хронометрирует движение собственной жизни событиями большой истории, обязательно давая им оценку и даже вынося ее персонажам приговор. Такая реакция на происходящее напоминает отклик на телевизионные новости, услышанные во время ужина на кухне. Спектр эмоций широк: от невнятного выражения неудовольствия до «праведного» гнева, демонстрирующего готовность идти в бой за принципы. Это риторика современного Дон Кихота, усвоившего еще в юности расхожие штампы советского дискурса и транслирующего их без осознания его власти над собой. Самый частотный штамп – «Россия – это сила» [там же: 114], «могущая одна постоять за себя» [там же: 95], но «ворье, кто с нее откусили, / Пусть за бугром, слово в грязи свинья» [там же: 95].

Поэт мыслит себя как неравнодушного свидетеля истории, летописца своего времени. Для него важно «Жить оптимизмом из собственной правды» [Воробьев 2014: 94] и быть верным своему предназначению:

И я пытаюсь милым стихотворством
По мере сил внушать Христа девиз:
Быть милосердным, с каплем благородства,
Общаясь совестью с Отцом, глядящим вниз [там же: 158].

Обращаясь к высшей власти, поэт своим раздумьям задает планетарный масштаб:

Спаситель! Скорее же нас вразуми:
Другой Земли нет во Вселенной.
Облагородить людские мозги –
Наиглавнейшее и непременно [там же: 172].

Так же, как «шестидесятники», Воробьев устанавливает в стихах интимный, домашний контакт с эпохой, историей, человечеством, но не забывает и «высокое» найти в «низком», «далекое» в «близком». Поэтому, по-видимому, большой корпус текстов составляют стихи о любви, часах свиданий: «Хозяйничать умеет дерзко плоть / Без лишних выспренних полемик» [Воробьев 2014: 14]. Часто поэзия Воробьева – ответ на письма возлюбленной: «Драматичностью скованный в грамотных слитках / Мне открылся души твоей вынутый керн» [там же: 15]. Такова романтика добычи горной породы как раскрепощения духа. Не случайно в поэзии Воробьева возникает целая галерея «прелестниц». Это и «милая Танюша» (явный отсыл к есенинскому тексту «Хороша была Танюша, краше не было в селе»), способная «снять грусть»

[там же: 27], и терапевт Виктория, с которой «задушевности звучал рефрен» [там же: 38], и Марина – «губы малина» [Воробьев 2010: 176], и девица в автобусе с «ресницами в иней» [там же: 98], и другие, безымянные, но не менее привлекательные.

Особого внимания заслуживают тексты, содержащие стихотворный комментарий Воробьева к произведениям литературы из школьной программы. Интересно прочтение некоторых эпизодов романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Под «прицелом», в первую очередь, Онегин – «спичка ссоры», чья вина для автора очевидна. На что только не пойдешь, «томясь в безделии и доходя до свинства»?! [Воробьев 2014: 55]. Поэт осуждает его поведение и советует подобным ему: «Не нравится компания – покинь ее». Встречаются элементы «вольного» пересказа, например: «Хотела Ларина стать пассией убийцы. / Могла ль в нем обрести учтивый идеал?» [там же: 55] – а также «онегинские» строфы. В этом можно было бы найти желание Воробьева встать с Пушкиным наравне, вести с ним непринужденную беседу, однако мы встречаем «выпады» и в адрес гения – как поэта и как человека:

Виновен ли гость Ленский с романтичной верой?
В нем Кюхельбекера стихов дух заклеймен.
Онегин скептиков под тридцать лет прозревшим,
(У Пушкина почти аналогичный сдвиг)
В исканье чистого, уйдя от жизни внешней,
Желал идиллии спокойной не на миг.
Что было бы, венчавшись с ерником бывалым?
Он стал другим? Ужели нрав свой зачеркнул?
Поэт «Онегина» почти не изменился,
С сестрой супруги откровенно в доме жил.
О чем роман? Не убедительные лица,
Их действия без вразумительных пружин [там же: 56].

Иллюзия собственной непогрешимости и уверенность в праве судить – признаки незрелого, «наивного» сознания, сознания человека, который если и грешит, то не по-крупному («Себя я тешу адюльтером» [Воробьев 2014: 98]), как говорится у Гоголя, «грешки грешкам рознь». Пушкин же виноват в том, что презирает народ: «Никто так часто слово «чернь» / Не исторгал из лексикона» [там же: 31]. Даже царь не мог себе такого позволить, «А камер-юнкер мог за сброд / Ровесников считать секуще» [там же: 31]. Поэтому не поют Пушкина, как Есенина, не вспоминают «тепло» о нем, не проливают «горькую слезу». Рядом с Есениным Рубцов. «И Решетов близок Рубцову, / Рубцов тоже близок к нему, /Сумели ж к простым людям слово / В лиричности лук натянуть» [там же: 33]. А Решетов уже свой, близкий, от него недалеко и до себя.

В изобилии в стихах Воробьева обнаруживаются языковые ошибки, которые считаются одним из самых очевидных маркеров наивного текста. Например, тавтология («Стряслись в России потрясенья» [Воробьев 2014: 5]), лексическая несочетаемость («Спектр в выкрутасах перемен» [там же: 5]), нарушение структуры фразеологического оборота («семья валилась под откос» [там же: 20], «пройти по кромке острия» [Воробьев 2010: 163]), употребление слова в несвойственном ему значении («приятен мне “этикет” набросков “из минувших лет”» [Воробьев 2014: 5]).

Встречается так называемая «свободная» пунктуация: «О фронтовом поется братстве, / А полк пошел в атаку и, / Из пары тысяч только двадцать / За всех поужинать смогли» [Воробьев 2014: 5]. Много метрических и рифменных сбоев: «В оснастке сведенья клюют планету. / Всегда они чей-то наймит. / Наймит власть имущих под культ назиданий, / Напор упреждений с охапкой угроз» [там же: 13].

Иногда с трудом удается пробраться сквозь нагромождение переносных значений, смысл фразы не поддается здравому рассудку: «Покинутые мною строфы / Дают мне встретиться с собой, / Тем из житейского раскопа, / Кого не сбил причин наслой» [Воробьев 2014: 6]; «Для пыли в процессах Земли досье в пятнах – / Перебулгачить всерьез и слегка» [там же: 31].

Итак, мы наблюдаем, с одной стороны, нормативность содержания поэтического высказывания Воробьева (избитые темы и проблемы, расхожие образы и мотивы), с другой – систематическое нарушение норм литературного языка. Первая указанная нами особенность свидетельствует о репрессивной власти духовной культуры над пишущим, вторая особенность – о свободе от культуры речи. «Косноязычие» автора напоминает речевые неправильности ребенка и так называемые «детские инновации»: «Уж лучше предпочту удары дробью / Импровизацией, где блажь и благодать» [Воробьев 2010: 161].

«Наивный» автор «предъявляет» себя миру как образ и подобие условной фигуры Поэта, творящего мир культуры и регулирующего жизнь в нем. Причастность к «высокой» культуре дает «наивному» сочинителю уверенность в том, что его жизнь, эстетически оформленная, действительно состоялась.

Примечания

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 14-14-59009 («Наивная литература в современной региональной культуре Прикамья»).

Библиографический список

Воробьёв В.И. Прошёлся ураган. Пермь: Печатный салон «Гармония», 2008.

Воробьёв В.И. Четыре цвета любви. Пермь: Печатный салон «Гармония», 2010.

Воробьёв В.И. Покинутые мною строфы. Пермь: Печатный салон «Гармония», 2014.

Абашева М.П. «Наивный текст» как культурный алфавит // До и после литературы: тексты «наивной словесности» / Сост. А.П. Минаева. М.: РГГУ, 2009. С. 176–198.

Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М.: «Гнозис», «Русское феноменологическое общество», 1996. С. 17–18.

Лурье М.Л. О феномене «наивного» сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты / Сост. С.Ю. Неклюдов. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 15–28.

Неклюдов С.Ю. От составителя // «Наивная литература»: исследования и тексты. М., 2001. С. 4–14.

Русинова И.И. Наивный дискурс (на материале личного дневника диалектоносителя) // Дневник М.П. Сусловой (1981–1985). Публикация и исследование текста. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2007. С. 219–234.

Сандомирская И.И. «Наивное письмо» пятнадцать лет спустя, или На смерть соавтора // Неприкосновенный запас. 2012. №2 (82). URL: http://www.nlobooks.ru/node/2075. (Дата обращения: 10.11.2014.)

E.A. Knyazeva
Associate Professor of Russian Literature Department
Perm State University

«NAIVE»WRITING OF VLADIMIR VOROBIEV

In the last time «naive» letter attracts the attention of various humanities. Template secondary unconsciously use stamps and clichés, on the one hand, paradoxically contribute to the identity of the writer, on the other demonstrate that the most tenacious in culture and mass consciousness. Referring to the examples of "high" literature, "naive", the author does not feel the difference between "its" and "alien", the original and imitative. Culture for him "big village", where Pushkin can be "short leg", a favorite of women and "a prophet in his own country". The recognition of the "naive" writer after the publication of several books and numerous appearances before the readers in the House of culture or the library acquire the status of "cultural hero", the knight without fear and reproach, which proves the faithfulness and the inevitability of the chosen path, "chosenness".

Key words: naive writing; discourse; stamp; cliches; identity; normative cultural sample; "mass" consciousness; imitation.

УДК 908:82-94:398.5

Королёва Светлана Юрьевна
доцент кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
petel@yandex.ru

«НАИВНЫЙ» ДИСКУРС В КРАЕВЕДЧЕСКИХ РАБОТАХ К.П. ГУСЕВОЙ [1]

Традиционная коллективная память в настоящее время передается не только в устной, но и в письменной форме. В Юрлинском районе Пермского края одной из таких форм стали любительские краеведческие издания, подготовленные местными жителями. Анализ книги К.П. Гусевой «Поклонись родному дому» позволяет говорить о присутствии «наивного» дискурса, сопутствующего дискурсу профессиональному, кодифицированному, выражающему норму «большой» культуры. История деревни складывается как сумма судеб отдельных людей и представляет собой индивидуальные воспоминания, бытовые автобиографии, семейные истории. Речевое оформление книги балансирует между литературной нормой и просторечием.

Ключевые слова: русская традиционная культура; коллективная память; краеведение; «наивная» письменность; дискурс; семейный фольклор; просторечие.

Почти три десятилетия назад в отечественной гуманитарной науке произошло «открытие» особого слоя народной словесности, который нельзя отнести ни к собственно литературе, ни к современному «письменному фольклору»; эта словесность, связанная с константами народной культуры, получила название «наивная» письменность / «наивное» письмо. Обобщая ее характерные черты, М.Л. Лурье отмечает направленность на передачу памяти: «Мотивы неизбежного забвения человека после смерти, переживания прошлого через воспоминание, требование к потомкам, чтобы помнили героизм и мученичество предков, чтобы поминали родителей, – все эти и прочие связанные с идеей памяти мотивы буквально пронизывают простонародную “наивную” литературу» [Лурье 2001: 26]. Хотя исследователь говорит о пласте «наивной» письменности, ориентированной на художественность, наблюдение это справедливо и по отношению к так называемым «документам жизни»: письмам, мемуарам, автобиографиям, дневникам, завещаниям и т.п.

Различные способы передачи памяти (в широком смысле слова) сохраняют особую актуальность в сельской местности. В 2013 г. сотрудниками Лаборатории культурной и визуальной антропологии (далее ЛКиВА, рук. Е.М. Четина) было обследовано Усть-Зулинское сельское поселение

© Королёва С.Ю., 2014

Юрлинского района, населенного русскими и расположенного в иноэтничном окружении, на территории Коми-Пермяцкого округа. «Изолированное» положение существенно влияет на культуру этого «русского острова» и самосознание его жителей. В ходе исследований была подтверждена отмечавшаяся ранее другими специалистами уникальная степень сохранности, характеризующая поминальную обрядность юрлинцев, в том числе включенные в нее причитания и духовные стихи (см.: [Бахматов 2008]). Эти тексты бытуют не только устно, но и письменно: они хранятся и передаются в виде рукописных тетрадей. Кроме традиционных фольклорных жанров, в подобных тетрадях обнаруживаются «наивные» автобиографии, родословные, семейные синодики-помянники, что, на мой взгляд, позволяет говорить о наличии актуальной рукописной традиции, имеющей отношение к семейному знанию, к истории рода и составляющей важный пласт бытовой, неофициальной культуры [Разумова 2001].

Традиционная память поддерживается сегодня и другими институциональными формами, в том числе публичными, официально признанными. Особым способом ее хранения и передачи в Юрлинском р-не является краеведческая работа и создание любительских краеведческих изданий усилиями местных жителей. Подобная тенденция прослеживается и на других территориях края, однако у юрлинцев она отличается повышенной интенсивностью. Это связано не только с «островным» положением района, но, по-видимому, и с «человеческим фактором» – деятельностью профессионального краеведа, директора районного музея, выпустившего несколько научно-популярных книг и часто выступающего в местной прессе, А.А. Бахматова. Его энтузиазм, моральная и профессиональная поддержка помогли включиться в краеведческую работу другим заинтересованным жителям района. В 2008 г. вышла книга К.П. Гусевой «Поклонись родному дому», в 2011 г. – ее «Место отчее» (в соавторстве), а также «Родимая сторонка» Г.В. Чащиной и С.В. Шитовой; еще несколько книг готовятся к изданию. Может показаться, что такого рода публикации далеко стоят от неофициальных форм трансляции «коллективного знания», однако, по крайней мере, некоторые из них тесно связаны с семейными историями и бытовыми «документами жизни».

Мое внимание привлекла работа К.П. Гусевой «Поклонись родному дому», вышедшая в Перми небольшим тиражом (200 экз.). Книга состоит из трех разделов, написанных в разное время: первый посвящен родной для автора дереве Сергеево, второй – нескольким заброшенным деревням Усть-Зулинского с/п, третий – д. Пож. Материалом для настоящего исследования послужил первый раздел «С любовью к деревне» (2003). Книга содержит ощутимые вкрапления так называемого «наивного» дикурса, под которым фольклорист С.Ю. Неклюдов предлагает понимать «любое высказывание, устное или письменное, ориентирующееся на кодифициро-

ванный литературный язык, но не соответствующее конвенциональным нормам» [Неклюдов 2001: 13]. Эта особенность затрагивает не только форму, но и содержание: в таких текстах присутствуют «стили мышления и образы, не характерные для нормированной культуры» [там же: 14] (ср. утверждение И.И. Сандомирской о том, что «язык не является нейтральным средством для описания объективной действительности и его нельзя подправить, не отредактировав при этом его реальности» [Сандомирская 2012]).

В книге К.П. Гусевой «наивный» дискурс сопутствует другому – вполне профессиональному, кодифицированному, выражающему норму «большой» культуры. В этом заключается специфика книги, этим обусловлены и некоторые трудности ее исследовательского описания. По-видимому, не случайно «наивная» письменность в чистом виде представлена в исследованиях гораздо шире, чем различные «промежуточные» формы, совмещающие признаки «наивных» произведений и текстов, относящихся к близлежащим областям.

«Наивная» письменность – вполне устоявшееся в фольклористике выражение (к примеру, см.: [До и после литературы 2009]). Но мне показалось, что в случае с анализируемой книгой точнее говорить именно о дискурсе; лингвистическое понимание этого термина подчеркивает активную сторону речеупотребления: дискурс – не только результат (текст), но и процесс речевой деятельности, «языковой коррелят определенной общественной практики», проявление социально значимого поведения; за ним стоит особая «идеологически и исторически обусловленная ментальность» [Русинова 2007: 223–224]. Выбранный ракурс позволяет увидеть в краеведческой работе К.П. Гусевой определенную социальную практику, учесть ее коммуникативную направленность, отрефлексировать проявившиеся в книге ценности. Решению этих задач способствовало личное знакомство с К.П. Гусевой (продолжительное интервью, записанное Е.М. Четиной и автором статьи, хранится в архиве ЛКиВА).

Клавдия Петровна Гусева родилась в 1937 г.; 34 года она проработала в библиотеке д. Пож, рядом с родной д. Сергеево. Библиотекари традиционно выступают профессиональными посредниками между краеведческими знаниями и местной аудиторией. Однако на поле исторического краеведения К.П. Гусева пришла в статусе «любителя». По ее рассказам, она начинала с записи интересных историй от пожилых читателей: *«…старичок Николай Иванович рассказывал про Першу, что он наш, пожинский, Пикулев – я записала. Потом того, другого, третьего, что интересное узнаю, – это я для работы. Потом, думаю, ребятам в классе в каком-то расскажу. Или там [на] мероприятии где-то пригодится всё. Я ведь не про книгу думала!»*

Однако местные жители восприняли ее записи «для себя» и «для мероприятий» как обязательство воплотить их коллективную память, придать ей более высокий, официально признанный статус; для носителей традиционной культуры такой желанной формой кодификации выступает печатная книга: *«А когда уже вышла на пенсию, мне и стали говорить: “Чё ты, ходила по домам, записывала – куда девала? Делай книгу!”»* Вероятно, принадлежность Клавдии Петровны к сельской интеллигенции, ее образование, близость к «книжной культуре» стали для однодеревенцев факторами, узаконившими ее новый статус Автора. Этим ситуация К.П. Гусевой принципиально отличается от обстоятельств, в которых иногда оказываются собственно «наивные» авторы «из простого народа». Последние сталкиваются с «непониманием <…> людей из своей среды, их безразличным и даже подозрительным и враждебным отношением» (ср. воспоминания автора «народного романа» Д.Е. Жунтовой-Черняевой: «Писала воровски, прятала, меня ругали, осуждали, не в свои, говорят, сани села!») [Лурье 2001: 25].

Исследователи отмечают, что для «наивной» литературы характерна отрефлексированность аудитории, на которую рассчитано произведение. Встречаем мы это четкое понимание и в работе К.П. Гусевой. Хотя в аннотации заявлено, что «книга для краеведов, студентов и школьников», ее реальная читательская аудитория оказывается **у**же, и автор это предполагает в той же аннотации: «Кто-то здесь найдет материал о себе и о своих близких родственниках». Примечательна судьба тиража, о которой рассказал автор: «*Приедут наши, где живут не здесь, приедут, спрашивают книгу-ту. А её нет. Не хватает. По пять штук брали некоторые. <…> А ещё наши, дак ему интересно и любо, что он попал сам в книгу! Интересно эту книгу иметь!*» Теплая реакция читателей (в основном переселенцев из деревни) свидетельствует о том, что книга соответствует их насущным потребностям: *«А отзывов-то, открыток-то, писем-то сколько мне пришло со всех краёв <нрзб>. “Читаем, да перечитываем, да слезы на глазах, да спасибо вам за книгу, да вот, мол…” Я не думала!..»*

Раздел «С любовью к деревне» по форме – самостоятельная книга; его структура в целом ориентирована на нормативные формы, традиционные для советского краеведения. Она включает сведения о жителях деревни, локально приуроченные истории времен Первой мировой и гражданской войн, описание жизни в довоенной советской России, главу о Великой Отечественной войне, характеристику послевоенного и постсоветского периода. Завершают ее «неофициальные» главы, посвященные наиболее необычным историям сергеевских семей и местному фольклору. В основу книги легли записи бесед с однодеревенцами и их письма к автору разных лет – т.е. достаточно разнородные документы с присутствием или доминированием просторечных форм речи и «наивного» мышления.

Исторические события показаны автором через судьбы отдельных людей или семей; по сути, это бытовые воспоминания и автобиографии, семейные истории. Обязательные для «нормативных» краеведческих сборников выходы в «большую» историю, которые достигается привлечением более широкой статистики и исторических справок, практически отсутствуют. Для К.П. Гусевой достаточно зафиксировать субъективное восприятие событий участниками-однодеревенцами, отразить их индивидуальный опыт, взгляд «изнутри», почти не скорректированный взглядом «извне». Отбор случаев, сохранившихся в памяти деревни, во многом определяется предпочтениями, типичными для традиционного сознания. Так, известно особое отношение крестьянства к людям, чудесным образом избежавшим смерти. Самым ярким эпизодом Гражданской войны в книге К.П. Гусевой становится история «дважды убитого» деревенского парня Василия Иванова, который остался жив после расстрела белыми, но был казнен ими повторно [Гусева 2008: 47–48].

Главы, посвященные Гражданской и особенно Великой Отечественной войнам, написаны особым стилем, нормативным для освещения военной темы в советской публицистике, содержащим официальные клише. Автор собирал свидетельства бывших солдат и солдатских вдов в 1970 – 80-х гг. для оформления юбилейных альбомов; на этом этапе К.П. Гусева выступала строгим «редактором» своих собеседников, приводя их рассказы в соответствие с официальным дискурсом.

Военные главы контрастируют с прочими, где ощутимо проявляется просторечный стиль и стоящее за ним мышление, которое можно определить как традиционное (для советской деревни 1920 –80-х гг.). Так, интересна таблица, призванная дать лаконичную объективную информацию о жителях деревни с 1927 по 2003 гг. (К.П. Гусева кропотливо собрала все сохранившиеся сведения о семьях из 110 домов!). Автор указывает членов семьи, их имена, даты рождения и смерти; фиксирует переезды на другие территории; оговаривает причастность к белогвардейцам, если она была. (Именно принадлежность к красным и поддержка советской власти воспринимается сельчанами как нормативное для того времени поведение.) Вот пример типичной записи: 1927 г. – «Леханов Кирилл Павлович. Дочери Евдокия, Екатерина (жила в д. Тимино), Анастасия <…>; сын Федор погиб в ВОВ»; 1976 г. – «построен магазин» [на месте дома]; 2003 г. – «здание магазина продано» [Гусева 2008: 11]. Информация разворачивается и включает подробности в случае отступлений от нормативности, обычности; это может касаться внешности человека, характера, поведения и других черт, отличающих его от прочих («Жена Васиха Оброскова (о ней вспоминают, что она всё ходила в кокошнике)»). Фиксируются повторные браки: «Жена I – ? Жена II – Александра. Жена III – Лукерья

(1893–1967). Жена IV – Анастасия (1907–1971). <…> В Гражданскую войну здесь был штаб белых» [там же: 13].

С особой тщательностью в таблице указываются и отступления от естественной смерти, а именно смерть в раннем возрасте, несчастные случаи, убийства, самоубийства: «Леханов Яков Павлович. <…> Яков долго жил один, был мастеровитый, делал кадушки. Задавился в избе на лапотном пояске» [там же: 13]. В отдельных случаях подробности гибели перерастают в развернутый рассказ, нарушая лаконичность и фактографичность таблицы. Особое отношение крестьян к умершим «до срока» хорошо известно. Не случайно неестественная смерть членов семьи становится типичным сюжетом фольклорных нарративов (здесь она может связываться с родительским проклятием, порчей, «плохим» домом, посадкой дерева, которое «нельзя сажать на усадьбе» и т.п.).

Еще одна черта, сближающая работу К.П. Гусевой с творчеством собственно «наивных» писателей, – «специфическая социально ориентированная позиция», которая располагается «в моральной сфере»: автор «представляет себя в качестве посредника… между той социальной группой, чье сознание и опыт он верифицирует, и адресатом» [Неклюдов 2001: 12]. По-видимому, именно моральная позиция диктует К.П. Гусевой отбор значимых фактов, особенно по отношению к современности. Так, описывая наши дни, автор считает нужным привести следующую информацию: 1) кто из сергеевцев побывал в местах заключения (80–90-е гг.) и за что; 2) кто получил высшее образование, какое именно и где теперь живет; 3) кто служил в горячих точках; 4) кто «получал грамоты и подарки за свой труд». Моральная оценка может быть проявлена и более прямо: «Да, в последние годы духовно бедные, физически слабые растут мои сергеевцы. Человеческая жестокость становится нормой жизни. Украсть мешок, сломать мостик или забор, разбить лампочку, окно, “расквасить морду” – вот что стало нормой для молодого человека» [Гусева 2008: 74]. Эта же обязанность «посредника» и отчасти морального наставника проявляется в том, что Клавдия Петровна включает в главу «Информация о некоторых семьях» два стихотворения собственного сочинения, в которых ситуативно выступает как подлинно «наивный» сочинитель. Оба стихотворения посвящены местным семьям, одна из которых выступает, по оценке автора, как образец для подражания, другая вызывает осуждение и сочувствие («Он в совхозе был рабочий, / Она бухгалтером была, / Помогал он по хозяйству, / Стирала, стряпала она» [там же: 71]; «Им до лампочки ребята. / Выпивка – вот важно. / Материнства их лишили – / Это вот ужасно» [там же: 73]).

Таким образом, К.П. Гусева нередко отступает от канонов «профессионального» краеведения. История деревни предстает в ее книге как сумма судеб всех ее семей. Самостоятельное значение придается тем фак-

там, которые в «нормативных» работах были бы квалифицированы как исключение или крайность, а возможно, вообще не вошли бы в текст. Книга, ориентированная на кодифицированную структуру, отражает стихию просторечия, «наивное» мышление, традиционные ценности. Я вижу тому три возможные причины. Во-первых, таков язык и нарративы ее собеседников-информаторов (по-видимому, в текст включены незакавыченные фрагменты бытовой словесности). Во-вторых, таков язык и ожидания основного адресата – переселенцев, покинувших родную деревню. Наконец, это привычный язык самой Клавдии Петровны. Владея при необходимости нормированной речью, автор совершает переходы (возможно, не всегда сознательные) от одного типа речи к другому. Она словно бы не чувствует себя в праве выступать «цензором» по отношению к своим рассказчикам и оставляет им право на собственный голос.

Примечания

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 14-14-59009 («Наивная литература в современной региональной культуре Прикамья»).

Библиографический список

Бахматов А.А. Русские в Коми-пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования / А.А. Бахматов, Т.Г. Голева, И.А. Подюков, А.В. Черных. Пермь: От и До, 2008.

Гусева К.П. Поклонись родному дому. Пермь: От и До, 2008.

До и после литературы. Тексты «наивной» словесности / сост. А.П. Минаева. М: РГГУ, 2009.

Лурье М.Л. О феномене «наивного» сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты / Сост. С.Ю. Неклюдов. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 15–28.

Неклюдов С.Ю. От составителя // «Наивная литература»: исследования и тексты. М., 2001. С. 4–14.

Разумова И.А. Письменные традиции современной семьи: проблемы собирания и изучения // «Наивная литература»: исследования и тексты. М., 2001. С. 93–115.

Русинова И.И. Наивный дискурс (на материале личного дневника диалектоносителя) // Дневник М.П. Сусловой (1981–1985). Публикация и исследование текста. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2007. С. 219–234.

Сандомирская И.И. «Наивное письмо» пятнадцать лет спустя, или На смерть соавтора // Неприкосновенный запас. 2012. № 2 (82). URL: http://www.nlobooks.ru/node/2075. (Дата обращения: 13.04.2014.)

S.U. Korolyova
Associate Professor of Russian Literature Department
Perm State University

"THE NAIVE DISCOURSE" IN K.P. GUSEVA'S BOOKS ABOUT LOCAL HISTORY

The traditional collective memory is transferred in oral and written forms today. One of such forms which takes place is Yrlinsky area of Perm Region is nonprofessional books about local history written by the locals. K.P. Guseva's book "Bow to a home" includes two discourses: so called "the naive" (connected with traditional peasant's mind) and professional (connected with the norms of contemporary official culture). The local history of other's native village consists of life-stories of all inhabitants and their families. The book includes elements of oral memories, autobiographies, family legends, letters and etc. It's stile balanced between literary norm and forms of common, popular language.

Key words: Russian traditional culture; collective memory; local history; "naive" writing; discourse; family folklore; common language.

УДК 82-1+141.33

Курочкина Мария Валерьевна
инженер кафедры русской литературы
Пермский государственный
научный исследовательский университет
kumvus957@gmail.com

«НАИВНАЯ» ЭЗОТЕРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ: СЛУЧАЙ ВАСИЛИЯ БАРТОВА [1]

Статья посвящена феномену «наивной» литературы; предмет исследования – «наивные» стихи пермского тренера-эзотерика В. Бартова, в которых воплощается его мировоззрение. Язык описания духовных процессов характеризуется упрощенностью, наличием просторечий и своего рода «эзотерического жаргона», типичного для популярной практической эзотерики. Специфическую трактовку приобретает образ Бога, большой и малой родины; позицию автора отличает выраженный дидактизм.

Ключевые слова: наивная литература; эзотеризм; массовая культура; просторечие.

В настоящее время «наивная» литература привлекает все большее внимание исследователей. Одной из основных проблем в этой области является расплывчатость самого понятия «наивная литература»: исследователи расходятся в трактовках «наивности» как основного признака такого рода текстов. Однако, как отмечает фольклорист С.Ю. Неклюдов, «чисто практическое взаимопонимание среди специалистов все же есть» [Неклюдов, 2001: электр. ресурс]. Как правило, «наивность» оказывается «следствием невладения навыками того литературного мастерства, которое принято за образец» [там же]; это «литературное творчество “литературно неквалифицированных” авторов» [Лурье, 2001: электр. ресурс].

В научный оборот введено уже немалое количество текстов, дающих представление о гетерогенности «наивной» литературы, ее жанрово-тематическом репертуаре, а также о социокультурных статусах авторов и их мировоззренческих ориентациях («наивное» творчество подростков, заключенных, сельских интеллигентов, инженерно-технических работников, представителей конфессиональных групп и проч.). В данной статье мы обратимся к стихотворениям пермского непрофессионального поэта В.И. Бартова, которые представляют собой эзотерический вариант «наивной» литературы (об эзотеризме подробнее см.: [Грицанов 2001:1243–1244]).

На одном из интернет-сайтов Василий Ильич Бартов позиционирует себя в качестве тренера и создателя авторской эзотерической методики. Он проводит тренинги и семинары на темы «Как стать успешным в своей

© Курочкина М.В., 2014

жизни», «Семейные взаимоотношения», «Продвижение товаров и услуг по восходящему тренду», «Как научиться воздействовать на разных уровнях на процессы в организации», «Развитие осознания для созидания, здоровья и долголетия», занимается индивидуальным консультированием в области карьеры и бизнеса, самопознания, межличностного общения. В предисловии к сборнику стихотворений «Русь великая», изданном за свой счет в Перми, Василий Бартов излагает свою жизненную позицию и, вероятно, повторяет основные положения своих семинаров: *«Расширяя свои познания, расширяя сознание, приобретаешь большие возможности использования своих способностей для создания нового, здорового человека, во имя сохранения мира на Земле <…> Мы все, жители планеты Земля, находимся здесь с миссией исправления ситуации на Земле, сохранения разных форм жизни и человека – высшего уровня сознания, сознания в природе, не как хозяина, а как сотворца в эволюции»* [Самопознание.ру: электр. ресурс]. Основополагающим для Бартова является «космогуманистическое понимание жизни»: он опирается на представление о человеке как о микрокосме и о Вселенной как о макрокосме и, как и другие приверженцы эзотеризма, постулирует их взаимосвязь и взаимодействие.

Поскольку поэзия В.И. Бартова является отражением мировоззрения и мышления определенной религиозно ориентированной группы (эзотерической), ее отчасти можно сравнить с конфессиональной поэзией. А.В. Тарабукина, исследовавшая «наивную» поэзию в монастырской среде, отмечает, что ее представители «относятся ко всему, сказанному ими в процессе “надбытового” общения, как к имеющему значение для спасения души и слушателя, и говорящего» [Тарабукина, 1999: электр. ресурс]. При этом литература, особенно поэзия, становится «высшим выражением проповеднического мастерства, проявлением Божественного вдохновения» [там же]. Поэтому стихотворение, которое «искушенному» читателю показалось бы неграмотным, претендует в монастырской культуре на роль откровения. Зачастую для «наивного» поэта, являющегося представителем определенной конфессиональной среды, литературное творчество становится особой формой духовного служения [Абашев, 2009: 391]. Важно отметить, что для наивного литератора вообще характерна «специфическая социально ориентированная позиция» [Адоньева, цит. по Неклюдов, 2001: электр. ресурс], благодаря которой он «представляет себя в качестве посредника между той социальной группой, чье сознание он верифицирует, и адресатом, отношения к которому имеют для автора обязывающий характер» [там же].

Рассмотрим, каким образом В.И. Бартов транслирует эзотерические мировоззренческие установки в своей «наивной» поэтической практике. В стихотворениях, связанных с темой Бога, автор воплощает представление о человеке, который за счет интенсивной духовной работы может сам стать подобным Богу:

Помоли, сынок, я буду
Все желания исполнять,
Только должен ты понять,
Что-то должен я отнять.
Дорогого ты же просишь,
А взамен чего ты дашь?
Все ты просишь, просишь, просишь,
А в ответ, ты спросишь: «Дашь?»
Ничего «Я» не даю,
Я вселенные творю,
Ничего Я не прошу, Никому Я не прощу,
Боги все Вы, но забыли,
Кто, куда, зачем приплыли <...>
Осознание раскрою,
И сознание помою,
Вы вернитеся ко мне,
И проснитеся во сне.
И глаза свои раскройте,
И сердцами все запойте,
Все прощу, пойму, сниму,
Ничего не отниму.

Субъект лирического высказывания в этом стихотворении говорит от лица Бога, который требует от человека самосовершенствования, а не молитвы, Бога, который готов «простить» только того, кто проделал над собой большую работу. Духовное саморазвитие помогает человеку очиститься («*помыть сознание*») и преодолеть обыденную посюстороннюю реальность; автор описывает этот процесс, вводя метафору «жизни как сна» и используя мотив слепоты. Примечателен упрощенный язык стихотворного монолога, вообще характерный для популярной, массовой эзотерики. «Наивность» этому тексту придают не только очевидные стилистические огрехи, но и бытовой характер описания духовных процессов, которые должны мыслиться как сложные, «высокие».

Возникает у В.И. Бартова и образ природы. Если экологические проблемы поднимаются автором в ряду проблем современной жизни, – хаотичной и неразумной, направленной на удовлетворение сиюминутных потребностей, – то образ чистой, неиспорченной природы связан с представлением о жизни просветленного человека:

Счастье с природою слиться,
Счастье с природою быть,
Счастье в реке окунуться,
Счастье собою мне быть!..
Нас окружают деревни,
Нас окружают леса,
Речка ветвисто струится,

С нами всегда небеса.
Земля-мать богата природой,
Благословенна она,
И помните дети Родные,
На счастье она вам дана,
Заботьтесь о ней и любите.
Пусть чистою будет душа,
Дорогою правды идите,
И полюбите себя!

Любопытно обращение «дети Родные»: автор занимает дидактическую позицию, которая близка конфессиональной поэзии как «высшее проявление проповеднического мастерства» [Тарабукина, 1999: электронный ресурс]. Однако, как нам представляется, позиция тренера-эзотерика принципиально отличается от позиции проповедника: тренер является не посредником, передающим идеи (как проповедник, передающий пастве слово Божье), а источником этих идей. Как отмечает А.А. Грицанов, «если формулировки религии являются собственностью конфессии, то тезисы эзотеризма – в принципе удел одного человека – того, кто их высказал» [Всемирная энциклопедия, 2001: 1243-1244]. Сказанное не отменяет того, что в «популярной эзотерике для масс» подобные тезисы теряют авторство, унифицируются и упрощаются. Именно такие идеи в значительной мере и питают творчество пермского поэта.

Образ Родины, часто возникающий в «наивной» поэзии и вообще характерный для нее, у Василия Бартова также приобретает эзотерическую трактовку:

Как Россию не любить?
Как её благодарить?
Чем могу я ей помочь?
В ступе воду не толочь.
Как её боготворить?
Как её нам возродить?
Чем могу и как понять
И себя мне впредь занять?
Полюбить себя, народ,
Он больной, но не урод.
Рассказать им про себя,
Слухом полнится Земля.
Оживить его сознанье,
Наделить здоровым знанием,
И почаще говорить,
Как за здраво нужно жить.
И направить прямо к Богу,
Он придёт к Вам на подмогу,
Обратитесь Вы к нему,
Ну а я Вам помогу!

Процветание страны для автора напрямую связано с деятельностью «прозревшего» человека, который должен «оживить сознание» народа. В целом образ родины, который складывается в его стихах, достаточно абстрактен: у В.Л. Бартова, уроженца Коми-Пермяцкого округа, редко возникает образ родной деревни (при этом он нигде не указывает ее название), и лишь однажды он говорит про «Коми край родной». Обычно его образ родины – это вся Россия, и более того – Земля и даже Вселенная:

Уж вся Вселенная хлопочет,
Продолжить жизнь она нам хочет.
Проснуться нам она велит,
Сполна и счастьем одарит <...>.

Земля проснется в переходе,
И не застрять бы нам в проходе!
Сменит Земля нам полюса,
Проснется человек тогда.

Как человечество очнётся,
Земля любовью отзовётся,
И благость ляжет на поля,
Не произойдет уже война.

Любите Мать свою – Планету,
Пока что счастья здесь и нету,
Молите, чтоб пришел Отец,
И с Матушкою под венец!

В этом стихотворении автор предвещает наступление новой эры – «рая на земле», новой эзотерической реальности.

Известно, что «наивная» литература часто заимствует и видоизменяет известные тексты. Василий Бартов переделывает популярную песню, написанную Эльдаром Рязановым, в стихотворение «У природы нет плохой погоды», копирующее ритм оригинала (любопытно, что это одно из наиболее ритмически «грамотных» его стихотворений) и повторяющее некоторые его рифмы:

У природы нет плохой погоды,
Нам природу надо понимать.
Всякую проявленность погоды
С радостью, весельем принимать.

Глубже мы погрузимся в природу,
Чтобы лучше нас самих понять,
Пожелаем счастья всему роду
И Любовь к Земле у нас не отнять…

Источником заимствования здесь выступает массовая (эстрадная и кинематографическая) культура. В другом случае автор переделывает хрестоматийное стихотворение Сергея Есенина «Белая береза»: он сохраняет ритм оригинала и воспроизводит центральный образ.

Итак, в стихотворениях «наивного» поэта, консультанта и тренера-эзотерика Василия Бартова можно проследить положения, на которых базируется его методика. Язык описания духовных процессов характеризуется упрощенностью, наличием своего рода «эзотерического жаргона», типичного для популярной практической эзотерики. Специфическую трактовку приобретает образ Бога, большой и малой родины; позицию автора отличает выраженный дидактизм.

Примечания

[1]Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 14-14-59009а(р) («Наивная литература в современной региональной культуре Прикамья»).

Библиографический список

Абашев В.В. Кришна в интерьере деревенской лирики // До и после литературы: тексты «наивной словесности». М.: РГГУ, 2009. С. 374–399.

Бартов В. Русь великая. Пермь, без указания года. 154 с.

Грицанов А.А. Эзотеризм // Всемирная энциклопедия: Философия / Гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ, 2001. 1312 с. С. 1243–1244.

Лурье М.Л. О феномене «наивного» сочинительства // URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/luriem4.htm. (Дата обращения: 13.11.14.)

Неклюдов С.Ю. От составителя сборника «Наивная литература: исследования и тексты» // URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/bookenter.htm. (Дата обращения: 13.11.14.)

Самопознание.ру: Путеводитель по тренингам [интернет-сайт]. URL: http://samopoznanie.ru/trainers/vasiliy_ilich_bartov/. (Дата обращения: 13.11.2014.)

Тарабукина А.В. Индивидуальное поэтическое творчество в современной монастырской культуре // URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/tarabukina1.htm. (Дата обращения: 13.11.14.)

M.V. Kurochkina
Engineer of Russian Literature Department
Perm State University

«NAIVE» ESOTERIC POETRY VASILY BARTOV CASE

The article deals with phenomenon of “naïve” literature; the object of research is “naive” poetry of Perm citizen Vasiliy Bartov, who are an esoteric coach. His verses reflect specific outlook of the author. The poetic description of spiritual processes is characterized by simplification. There is a set of colloquial words and expressions, and also some kind of “an esoteric slang” in this texts that is typical for popular practical esoterics. Poetic images of God, country and homeland are treated in the specific way; the position of the author is characterized by direct didacticism.

Key words: “naïve” literature; esotericism; mass culture; popular speech (common language).

УДК 821.161.1.18:930.27

Логунова Наталия Васильевна
доцент кафедры русской и зарубежной филологии
Соликамский государственный педагогический институт
(филиал) Пермского государственного национального
исследовательского университета
logunovaN@yandex.ru

Мазитова Лариса Львовна
доцент кафедры русской и зарубежной филологии
Соликамский государственный педагогический институт
(филиал) Пермского государственного национального
исследовательского университета
mazitova-larisa@rambler.ru

ПОРТРЕТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ НА ОСНОВЕ РУКОПИСНЫХ ИСТОЧНИКОВ XIX ВЕКА [1]

На основе разножанровых рукописных документов XIX в. предпринимается попытка реконструкции исторической личности – Левкия, иеромонаха Соликамского Святотроицкого мужского монастыря.

Ключевые слова: лингвокультурология; лингвистическое источниковедение; рукописные документы; духовное сословие; нравственные ориентиры духовенства.

Многолетняя разноаспектная работа с региональными рукописными источниками XVIII–XX вв. сформировала представление о том, что они обладают как фактологической, так и лингвистической информативностью [Логунова, Мазитова 2012б]. При изучении материалов Соликамского Святотроицкого мужского монастыря наше внимание до сих пор было сосредоточено прежде всего на информации лингвистического характера [Логунова, Мазитова 2010; Логунова, Мазитова 2011]. (Это, в числе прочих подходов, позволило предпринять опыт реконструкции портрета языковой исторической личности с учетом того, как она видится с позиции адресата и адресанта [Логунова, Мазитова 2012а]). В том случае, если лицо, само не участвуя в коммуникации, является объектом внимания, то в отношении его значима лишь фактологическая информация, которая представляет ценность для воссоздания фрагмента регионального социокультурного пространства.

Так, в частности, в названных монастырских документах XIX в. (с 1837 по 1870 гг.) привлекает внимание личность иеромонаха Левкия, информация о котором, достаточно содержательная и противоречивая, представлена в текстах разных жанров. К ним относятся:

© Логунова Н.В., Мазитова Л.Л., 2014

1) ведомости о иеромонахе Левкии за 1841–1842 гг. и послужные списки братствующих за 1861 г. с указанием возраста, уровня образования, этапов продвижения по службе [Архив; МБ 2011: 16–17];

2) выписка из указа Пермской духовной консистории за 1837 г. о направлении иеромонаха Левкия под строгий надзор для исправления в Соликамский монастырь и рапорт о его прибытии [Архив];

3) «репорты» из Соликамского Святотроицкого монастыря в Духовную консисторию за 1837–1838 гг. о поведении Левкия, высланного из Верхотурского Николаевского монастыря для исправления [Архив];

4) «вид» от 14 июня 1838 г., удостоверяющий достойное поведение иеромонаха Левкия в период его пребывания в Соликамском Святотроицком монастыре [Архив];

5) рапорты старшей братии настоятелю монастыря за 1851–1853 гг., в которых приводятся факты о поведении монаха [ПДП 2006: 169–186];

6) письма делового характера за 1861 г., где содержатся упоминания о Левкии и в некоторых случаях даются ему характеристики [МБ 2011: 100, 115, 117];

7) приходо-расходные книги за 1861 г. с информацией о выдаче жалования [МБ 2011: 72];

8) «Реэстръ книгамъ не находящимся на лицо» за 1861 г., из которого можно узнать о книгах, взятых Левкием для чтения [МБ 2011: 75];

9) ведомости за 1861 г. о хождении монахов (в том числе и Левкия) к исповедям [МБ 2011: 28];

10) описи имущества умерших монахов, разделяемого между братствующими (с собственноручными подписями Левкия о получении им вещей) за 1861 и 1870 гг. [МБ 2011: 30, 112, 114];

11) указ из Пермской духовной консистории от 21 апреля 1870 г. о наказании иеромонаха Левкия [МБ 2011: 44–45].

Таким образом, в архиве обнаружено около 30 документов, так или иначе касающихся иеромонаха Левкия, однако его рукою выполнены лишь короткие фразы и подписи под документами (самые пространные из них: *Въ слышании и исполнении сего Указа подписуюсь Иеромонахъ Левкий* [МБ 2011: 45]; *рясу и два рубля пять десятъ пять копеекъ получилъ Иеромонахъ Левкий* [МБ 2011: 30]). Это обстоятельство не позволяет реконструировать языковую личность интересующей нас фигуры, однако и без этого совокупность фактов дает возможность представить (хоть и в виде эскиза) облик иеромонаха Левкия (Уварова), «[и]зъ духовнаго звания», священнического сына.

Все сведения, извлеченные из перечисленных источников, условно могут быть разделены на две группы: представляющие событийно-фактологический ряд и оценочный ряд.

Сведения фактологического ряда, отразившиеся в документах, неодинаковы по степени значимости в биографии священнослужителя: одни

из них сообщают о более масштабных событиях, поскольку отражают этапы жизненного пути, другие можно отнести к числу частных. Причем и среди масштабных, и среди частных выделяются события вполне ординарные, как правило, обусловленные сословной принадлежностью человека. Другие факты биографии, независимо от степени их масштабности, можно рассматривать как неординарные – значимые для индивидуальной характеристики личности.

Так, с одной стороны, среди частных большинство фактов, в силу своей ординарности, не выводит на личностные характеристики: получение причитающегося жалования или доли при разделе имущества умерших монахов; хождение к исповедям и ведение церковных служб. С другой стороны, ряд столь же частных событий все-таки высвечивает отдельные черты личности иеромонаха Левкия. Например, обращает на себя внимание, что из монастырского собрания книг, в основном литургического или вероучительно-проповеднического характера, на руках у Левкия находятся «Увещания на раскольников» и «Известия о старообрядцах». Причина его интереса к теме раскола нам неизвестна, однако сам факт наводит на размышления.

В противоположность этому недвусмысленно характеризуют Левкия периодически повторяющиеся в разных источниках (послужных списках, рапортах настоятеля и старшей братии [Архив; МБ 2011: 16–17; ПДП 2006: 169–186]), начиная с 1836 г., сведения о запрещении его в священнослужении, отстранении от общей трапезы, низведении на послушническую вакансию с употреблением в низшее послушание. Иногда в документах описывается характер налагаемых эпитимий – «въ Церкви за каждою службою велено ставать у западной стены и полагать въ приличное время земные поклоны, впредь до исправления» [Архив]. Особенно детально все негативные черты поведения Левкия, демонстрирующие его физическое и моральное состояние в 1870 г., описываются в указе Пермской духовной консистории об очередном наказании «впредь до искренняго раскаяния, исправления и очищения совести предъ духовникомъ» [МБ 2011: 44–45]. Указ, в частности, приводит такие подробности из рапортов настоятеля и старшей братии: «Иеромонахъ Левкий, часто предаваясь пьянству, къ Богослужениямъ ходитъ редко, а когда и приходитъ, то въ продолжении службъ более сидитъ или, безъ всякой надобности ходитъ по церкви взадъ и впередъ, а пениемъ и чтениемъ на клиросе почти не занимается, отзываясь болезнию ногъ, а между темъ самовольно изъ монастыря уходитъ часто и какъ имъ известно, въ городе бродитъ въ рясе и камилавке по кабакамъ. Так и въ настоящее время т.е. съ 12 го числа Апреля занимается пьянствомъ, а къ Богослужениямъ хотя по временамъ и приходитъ, но, не стоя и пяти минутъ, уходитъ въ келлию, а более въ городъ. Неоднократно въ церковь приходилъ въ пьяномъ виде, а въ нетрезвомъ часто, – также и въ братскую трапезу» [МБ 2011: 44].

Лишь в двух документах 1838 г. содержатся упоминания о «благопристойном поведении» Левкия, в частности такое: «есть надежда ко исправлению въ поведении въ церковь къ богослужениямъ ходилъ трезвъ иникакихъ неблагопристойных поступковъ замечено небыло» [Архив].

В отличие от частных событий, нередко высвечивающих индивидуальные черты личности, многие масштабные вполне ординарны, так как характерны для представителя духовенства того времени. К подобным событиям можно отнести такие факты биографии Левкия, как обучение в Оренбургской Духовной Семинарии «по нисшее отделение», пострижение в 1828 г. «въ Крестовой Церкви Оренбургскаго Архиерейскаго Дома» в монашество, перемещения по службе до пострига и после него, изменения духовного сана – рукоположение в диакона, а затем в иеромонаха. Сами по себе эти сведения не позволяют ничего сказать об индивидуальных чертах личности Левкия. Масштабных событий, дающих основания для тех или иных характеристик личности, относительно немного – их можно отнести к числу неординарных. Так, представляется значимым перечень должностей, которые занимал иеромонах Левкий в разных местах своей службы: казначея – в Оренбургском и Пермском Архиерейских Домах, эконома – при Оренбургской духовной семинарии, помощника казначея и письмоводителя – в Верхотурском Николаевском монастыре. Очевидно, что исполнение перечисленных должностей требует от человека целого ряда качеств: рачительности, ответственности, аккуратности, внимательности, достаточных навыков письма и счета, а назначение на них свидетельствует о доверии со стороны начальства. Еще более яркими контрастными штрихами к портрету иеромонаха Левкия можно считать упоминания о награждении его в 1833 г. набедренником и периодические, начиная с 1836 г., сообщения о запрещении священнослужения, а также ношения рясы и камилавки.

Сведения оценочного ряда менее частотны и в большинстве случаев сопровождают изложения фактов. К числу положительных оценок относятся следующие: награжден «За ***ревностную службу*** и ***доброхвальное поведение***»; явился в Соликамский монастырь «***вблаговидномъ виде***»; «въ церковь къ богослужениямъ ходилъ ***безъ упущения всегда трезвъ***»; «***нивчемъ неблагопристойномъ*** поступке ***замеченъ небылъ***» [Архив]; «въ продолжении истекшей седмицы ***велъ себя благопристойно***» [ПДП 2006: 182]. Отрицательные оценки даются в сообщениях «о ***пьянстве*** и другихъ ***неприличныхъ поступкахъ***», а также о наказаниях за таковые, например: запрещен «за ***своевольство*** и ***безчиние***», «за ***нетрезвость*** и ***своевольныя отлучки***», «за ***слабое поведение***» [МБ 2011: 16–17, 44].

Прямая оценка иеромонаха Левкия содержится только в одном из писем настоятеля монастыря архимандрита Алексия казначею: «Речисто, говоритъ Левкий, а не видитъ того, что и на речистость у насъ не станетъ денегъ» [МБ 2011: 100]. Это высказывание обнаруживает особую позицию

иеромонаха Левкия по поводу ремонтных работ в монастыре, которая свидетельствует, с одной стороны, о его компетентности в хозяйственных делах (он неоднократно был в должности казначея или эконома в разных духовных заведениях), а с другой – о независимости характера, активности и даже напористости натуры и умении убеждать окружающих. По всей вероятности, Левкий один из той части монастырской братии, о ком настоятель говорит как о «лицахъ неугомонныхъ» [МБ 2011: 105].

Вся совокупность этих разнородных сведений (как фактов, так и оценок) позволяет реконструировать портрет исторической личности иермонаха Левкия, одного из представителей российского монашества XIX в. Его судьба, с одной стороны, вполне типична для того сословия, к которому он принадлежал, о чем свидетельствуют основные вехи его жизненного пути, а с другой стороны, его личность не соответствует каноническому облику монаха, которому присущи смирение, послушание и усердное служение. Судя по всему, Левкий от природы был наделен целым рядом неординарных задатков – интеллектуальных, организаторских, ораторских, которые так и остались нереализованными: он не стал ни смиренным монахом, ни церковным иерархом. Успешно начав движение по административно-церковной стезе, он в 1836 г., будучи помощником казначея и письмоводителем в Верхотурском Николаевском монастыре, по всей вероятности, пережил некий кризис, от которого так и не смог оправиться до конца жизни. Результатом этого стала его постепенная моральная и физическая деградация, отдельные этапы которой прослеживаются по документам.

Представляется, что облик иеромонаха Левкия был бы более рельефным, если бы мы располагали созданными им текстами, на основе которых можно было реконструировать еще одну его ипостась – языковую личность.

Примечания

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-14-59003.

Библиографический список

А про то барону Строганову ведомо было… Памятники деловой переписки XVIII–XIX вв. Усолье, Усольский историко-архитектурный музей «Палаты Строгановых», 2006. 200 с. (ПДП)

Архив Соликамского Святотроицкого мужского монастыря XVIII–XX вв. Рукопись. Соликамский краеведческий музей. Отдел «Фонды». Ф. 17, д. 109. (Архив)

Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Естественная письменная речь как отражение свойств языковой личности (на материале текстов эпистолярного жанра XIX века) // Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования / ред. Е.Н. Полякова; Перм. ун-т. Ч. 2. Пермь, 2010. С. 4–22

Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Пунктуация естественной письменной речи как проявление письменной ментальности языковой личности (на материале рукописных

памятников XIX века) // Материалы научно-практической конференции «Умозрение в красках». Усолье–Соликамск, 5–6 ноября 2010. Соликамск, Усолье, 2011. С. 49–52.

Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Историческая языковая личность с позиции адресанта и в позиции адресата (попытка реконструкции на материале эпистолярных текстов XIX века) // Актуальные вопросы филологических исследований: материалы Всерос. науч. конф., Пермь, 6 апреля 2012 г. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2012а. С. 164–170.

Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Рукописные источники Северного Прикамья: принципы издания и аспекты лингвистического описания // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 200-летию со дня рождения академика И.И. Срезневского: сборник статей Международной научной конференции, 26–28 сентября 2012 г. Рязань, 2012б. С. 245–253.

Монастырский быт и уклад XIX века: рукописные материалы Соликамского Святотроицкого мужского монастыря: монография / составители Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова; науч. ред. Н.В. Логунова. Соликамск: СГПИ, 2011. 220 с. (МБ)

N.V. Logunova
Associate Professor of Russian and Foreign Philology Department
Solikamsk State Pedagogical Institute
(branch) of Perm State University

L.L. Mazitova
Associate Professor of Russian and Foreign Philology Department
Solikamsk State Pedagogical Institute
(branch) of Perm State University

PORTRAIT OF HISTORICAL FIGURE BASED ON XIXth CENTURY HANDWRITTEN SOURCES

Based on the 19th century handwritten documents of various genres an attempt was made to reconstruct the historical figure of Levkiy, Hieromonk of Solikamsk St.Trinity Monastery.

Key words: linguocultural studies; linguistic source studies; handwritten documents; clerical order; moral bearings of the clergy.

УДК 81-112

Пантелеева Лилия Михайловна
старший преподаватель кафедры русской
и зарубежной филологии
Соликамский государственный педагогический институт
(филиал) Пермского государственного национального
исследовательского университета
liliya_pant@mail.ru

СЛОВО *ВЫДРА* В ДЕЛОВЫХ АКТАХ ПЫСКОРСКОГО МЕДЕПЛАВИЛЬНОГО ЗАВОДА[1]

В статье раскрыты региональные значения однокоренных строительных терминов *выдра* и *в выдры* и обозначены некоторые вехи в их истории. В качестве метода историко-лексикологического исследования используется реконструкция.

Ключевые слова: строительная терминология; историческая лексикология; метод реконструкции.

О высоком содержательном потенциале региональных памятников письменности в деле реконструкции устаревшей лексики написано немало. Нам бы хотелось включить в ряд таких источников и документы Пыскорского медеплавильного завода. Они содержат богатый материал не только по терминологии горного дела, но и терминологии других специальных сфер. Семантизация данной лексики открывает возможность реконструкции языковых единиц, до сих пор не нашедших отражения в исторических словарях.

В описании строений Пыскорского медеплавильного завода нам встретился следующий фрагмент: *«У нее* [кузницы] *для содержанія угля сараичик из бревенника срубленъ в два угла з двухъ сторонъ забранъ в выдры и в столбы длиною 2 ½ шириною и вышиною до кровли 1 сажень крытъ тесомъ на одинъ скатъ»* (РСС: 77 об.), 1803. Смысл отрывка в целом понятен и легко поддается истолкованию, несмотря на то что в нем обильно представлена специальная лексика. Но вот значение наречия **в выдры** нам оказалось неизвестным. О каких *выдрах* идет речь? Что значит *забрать стены в выдры*? Настоящая статья посвящена ответу на эти вопросы.

Руководствуясь тем, что сочетание **в выдры** используется при описании строительных характеристик сооружения, можно предположить, что данное наречие является строительным термином. Следовательно, именно специальное значение слова и должно быть вскрыто в ходе исследования.

© Пантелеева Л.М., 2014

Примечательно, что в пермских рукописях более раннего времени искомое слово не встречается. В «Словаре лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века» наречие **в выдры** не зафиксировано, а существительное **выдра** представлено исключительно в значениях ‘хищный зверек’ или ‘мех хищного зверька’ [СЛПП I: 103].

Полагаем, что причиной отсутствия слова в местных рукописях могла быть узкая специализация и локальная закрепленность исследуемого строительного термина. Это предположение подкрепляется и данными других исторических словарей, ни в одном из которых однокоренные строительные термины не зафиксированы (см. «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского, «Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Словарь Академии Российской» (1789–1794 гг.), «Словарь русского языка XVIII века»). Следовательно, в представленном выше фрагменте делового акта запечатлена первая (из известных на настоящий момент времени) фиксация строительного термина **в выдры** в пермских рукописях.

Факт отсутствия термина **в выдры** и его деривата в исторических словарях XI–XVIII вв. не делает все же недоступной для изучения историю слова. Ее можно проследить по источникам не общерусской, а региональной лексики. В частности, в «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV–XVI веков» отражены данные о специальном употреблении слова **выдра** в вологодских рукописях: «Строит. Выемка, углубление, паз в бревне, брусе. *А выдра вынет колесу десять вершков колесу толщина полтора веркам с краю на край 4 вершка.* Росп. труб. д., 194. *А толщина тем ящикам по пяти вершков а ширина по шти вершков выдра на них колесу вынять осмь вершков а ширина два вершка.* Там же, 192. *А над притином врубить в стены для подволоки 8 брусов с выдрами… а пол мосить в выдру.* Кн. расх. УВ 1678–1679 ТКМГ III, 250» [СПЛ I: 109–110].

Это значение слова и до сих пор живо в говорах Русского Севера (см. [СГРС II: 220]). Судя по всему, позже из него выделились другие более узкие диалектные значения слова, которые, впрочем, не меняют типа его специализации. Так, например, в северных говорах **выдрой** сегодня называют:

– выемку в вертикальном столбе забора, куда вставляется другое бревно *«Столбы поставлены с выдрами; пазником выдры вибирают, как выемка; в их заплотник вкладывается; бревно как заплотник считается.* Осокино Сол.*»* [СПГ I: 134-135];

– паз с обратной стороны дверного или оконного косяка, куда входят концы бревен стены *«У нас молодежь говорят: паз выбрать. А он иначе говорит: выдру добыть надо; Выдра в косяке добывается, а в стене шип деревянный»* [АС I: 168], *«Выдру-то надо бы побольше выдрать.* Сольвычь., Усть-Сысол., Ярен. Волог.*»* [СРНГ V: 274];

– паз в брусьях, к которым примыкают доски обшивки судна (Волж. [СРНГ V: 274]);

– щель между бревнами в стене рубленого дома [СРНГ V: 274].

Как видно из приведенных примеров, слово **выдра** сохраняет в современных говорах исключительно строительную специализацию. Омонимов слова в иных видах деятельности не обнаружено.

Все выявленные специальные значения слова **выдра**, начиная с XVII в., имеют один общий дифференциальный признак, позволяющий сделать вывод о происхождении слова. Этимологически оно не имеет никаких связей с общеславянским названием животного семейства куньих. **Выдра** в широком специальном значении – это паз в деревянной заготовке, т.е. полость, образованная путем выскребания, выжигания, расколки (буквально – выдирания) части дерева. Следовательно, данное отглагольное существительное восходит к индоевропейскому корню *der [Фасмер I: 504–505].

А теперь вернемся к вопросам, поставленным в начале нашей работы. Чтобы ответить на них перенесемся в область практики деревянного строительства.

В представленном выше отрывке из пыскорской рукописи речь идет о характеристиках возведенного из бревен сооружения, стены которого *забраны в выдры и в столбы*, т.е. выложены с использованием двух способов соединения бревен одновременно. Это возможно, если элементы соединения располагаются на разных частях бревен. Таким образом, если известно, что соединение бревен *в столбы* осуществляется путем скрепления концов бревен, то, следовательно, укладка *в выдры* должна затрагивать срединную или продольную часть бревна.

Опишем суть обоих способов. Возведение стен сооружений *в столбы* – общеизвестный и широко распространенный способ в деревянном строительстве (*«Нужникъ забраннои* ***в столбы*** *к сенямъ горбинникомъ 1»* (РСС: 20), 1803; *«У оного госпиталя пристроенъ двор забраннои* ***в столбах*** *бревенникомъ и горбинником з дву сторонъ ветхои 1»* (РСС: 20 об.), 1803; *«Огородъ огороженъ задня стена* ***в столбы*** *горбинником а з боков тынникомъ 1»* (РСС: 23), 1803 и др.). Он осуществляется из горизонтальных бревен или досок, обтесанные концы которых вкладываются в специально сделанные продольные пазы в угловых или стенных бревнах, вкопанных в землю вертикально. Эти опорные конструкции и называются **столбами**.

Но, прежде чем, вложить концы бревен в вертикальные прорези столбов, нужно позаботиться о том, чтобы соприкасаясь покатыми сторонами, бревна не соскальзывали друг с друга и не образовывали щели. Для этого на горизонтально укладываемых бревнах, составляющих полотно стены, во всю длину делаются специальные выемки. Бревна опускаются

друг на друга выемками вниз. Вероятно, этот способ и назвался в тексте пыскорской рукописи **в выдры**. А значит под **выдрой** в лексиконе плотников понимался ‘продольный паз в бревне, создаваемый для прочности сцепления с другим бревном при горизонтальной укладке’.

Становится понятным, что создание выдры – обязательная операция при возведении деревянного жилища или хозяйственной постройки. Тогда почему реконструированный термин **выдра** не встречается в исторических словарях литературного языка? Дадим ответ и на этот вопрос. Указанная строительная номинация, как уже было сказано, носила диалектный характер. Ее бытование ограничивалось северными районами русского государства, тогда как называемая ею реалия была общераспространенной и в речи плотников центральных регионов России издавна называлась **пазом** (ср. *«Паз – желобовина, выдолбленная в бревне или доске для скрепления с другим бревном или доской»* [Срезневский II: 862]).

Таким образом, семантизация древнего термина **в выдры** позволила нам реконструировать однокоренной строительный термин и расширить сведения о региональном варианте языка XIX в.

Примечания

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проекты № 12-34-01043, 14-04-00437, 14-14-59003.

Библиографический список
(с использованными сокращениями)

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь): Вып. I / Гл. ред. Ф.Л. Скитова. Пермь: РИО ПГУ, 1984. 343 с.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. Т. 2. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 292 с.

СЛПП – Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века: в 2 т. Т. I / Е.Н. Полякова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. 428 с.

СПГ – Словарь пермских говоров: Выпуск I. Пермь: «Книжный мир», 2000. 450 с.

СПЛ – Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVIII вв.: в 4 т. Вып. I. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 256 с.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 4 т. Т. II. / И.И. Срезневский. Спб.: Типография императорской Академии наук, 1893. 1803 с.

СРНГ – Словарь русских народный говоров: Вып. 5 / Гл. ред. Ф.П. Филин. Ленинград: Наука, 1970. 344 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. I / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. СПб.: Терра-Азбука, 1996. 576 с.

Список источников

РСС – Дело о составлении росписного сменного списка нерешенных дел служащих, рудников, приисков для управляющего Пыскорским заводом Лукьянова. ГАПК. Ф. 180. Оп. 1. Д. 190.

L.M. Panteleeva
Senior Lecturer of Russian and Foreign Philology Department of
Solikamsk State Pedagogical Institute
(branch) of Perm State University

WORD *GROOVE* IN BUSINESS ACTS OF PYSKOR COPPER PLANT

The article reveals the regional values and highlights some of the milestones in the development of cognate construction terms groove and in grooves. As a method of historical and lexicological research the reconstruction.

Key words: construction terminology; historical lexicology; the method of reconstruction.

УДК 398.4

Подюков Иван Алексеевич
профессор кафедры общего языкознания
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
podjukov@yandex.ru

К ВОПРОСУ О КОМПОЗИЦИОННО-РЕЧЕВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТЕКСТОВ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ЗАГОВОРОВ [1]

В статье рассмотрены некоторые особенности структуры коми-пермяцких заговоров в сопоставлении с текстами русских заговоров. Выявляются особенности построения заговорных текстов, своеобразие их символического состава и речевого оформления, исследуется роль русских фольклорных заимствований. Отдельно характеризуются типичные для коми-пермяцкой заговорной традиции номинативные тексты, основанные на идее перечисления. Высказываются предположения об отражении в обрядовых текстах коми-пермяцкого фольклора этнического мировосприятия и религиозно-мифологических представлений коми-пермяков.

Ключевые слова: этническая специфика фольклора; вербальный аспект магической обрядности; речевая организация коми-пермяцких заговоров; культурно-языковые заимствования в обрядности и фольклоре.

Известная особенность заговоров – стабильность их лексического состава и достаточно строгая композиционная организация. Классический русский заговор предполагает наличие вступительной части (обычно это христианская молитва, изложенная либо полно, либо в виде краткой молитвенной формулы), зачина (в нем обозначаются переход субъекта в мир магических сил и действия, направленные на достижение желаемого), заклинания (императивная часть) и концовки-закрепки (формулы, в которых словам заговора придается сила и действенность). Обязательно также молитвенное завершение заговора (чаще оно представлено «зааминиванием» – троекратным произношением слова *аминь*). Стабильность заговора объясняется не только тем, что это свойство оформления и бытования малых фольклорных жанров вообще; застывшая структура заговора как сакрального текста, по определению С.Ю. Неклюдова, объясняется «особым отношением к магическому слову, сохраняющему свою эффективность именно в данной неизменной форме» [Неклюдов 2001: 2].

В коми-пермяцкой заговорной традиции[2] развернутые, сложно структурированные тексты, содержащие почти все указанные элементы, встречаются достаточно часто. Обычно такие тексты сохраняются в записанном виде и представляют собой заимствования из русской заговорной

© Подюков И.А., 2014

традиции: *Господи благослови. Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Стану я, раба божья Нина, утром рано, благославеся, перекрестеся, умьюся я водою ключевою, утруся белым полотенцем, выйду я из дверей во двери, из ворот в ворота. Выйду я в чистое поле, на океян-море. На океяне-море лежит злат камень, на етем камне стоит церков апостольская, в ней сидит Матерь апостольская. Я, раба божия Нина, помолюся и покорюся. Помоги мне, рабине, вынеть хитки и притки, от шепоты, от ломоты, от худобища и кости ломаше, чтобы не болело, не шипело и не нояло. От встречу встречающих, сзади состигающих, с порога провожаюших. От девки долговолоски, от бабы толстоволоски, от одноженова, от двухженова, трехженова, однозубова, двухзубова, трехзубова. Во имя отца и сына и святого духа, аминь. Небо замок, ключ язык*. (От уроков; зап. от Кучковой Н.И., п. Светлица, Косинский р-н, Пермский край). Заговор открывается и завершается словами так называемой начальной молитвы (в православии обычно она читается в начале богослужения), в его основной части содержится идея перехода в сферу божественного, просьба о помощи, перечисление потенциальных опасностей и вредителей, с помощью чего задается установка заговора на универсальность. Нетипичная для русских текстов форма закрепы *Небо замок, ключ язык* является, очевидно, деформацией традиционной заговорной формулы (обычно в русских текстах используются фразы *Ключ – небо*, *замок – земля*, *Замок в небе*, *ключ в море, Замок в море, ключ в небе, Моим словам губы да зубы – замок, язык мой – ключ*). Сопряжение *язык – небо* нелогично (в отличие от обобщений *небо – земля, небо – море, губы-зубы – язык*), является искажением при заимствовании, но тем не менее формула сохраняет способность условно указывать на прочность и нерушимость произведенных магических действий (так же условно используются в русских заговорах сокращенные формы закреп типа *Ключ*, *замок*, *язык*; *Замок – ключ*).

Молитвенное начало (как и завершение *аминь*) легко включается в собственно коми-пермяцкие заговорные тексты: *Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Амин. Ангел матушка. Ас чышъяннат чышъянась*, *ас чышъяннат и лапясь, из вылын узян, проклад вылісь чеччан, три девять амин* («своим платком накрывайся, свой платок на голову надевай, на камне будешь спать, спокойно встанешь, три девять амин» – заговор от ожога). В то же время молитвенное начало и зааминивание в них могут отсутствовать: *Гыжна, гыжна! Ме бердö эн павкöтчы, тöв сьöрö вöтчы, мун пемыт вöрö, пыр Коня нюрö* («Чесотка, чесотка! Ко мне не прикасайся, за месяцем беги, иди в тёмный лес, зайди на Конское болото»); *Восся ветлöтöм, миянö пырöм, кокам (киам) мöртчöм. Восся, восся! Лун олін, кык олін, куим олін – и тырмас. Коксим (кисим) мездöтчы, миянісь пет, мун мöдіклаö. Логись локтін – мун логат, шорись локтін – мун шорат, тыись локтін – мун тыат* («Шипица ходила, к нам заходила, в руку в но-

гу воткнулась. Шипица шипица, день жила, два жила, три жила – и хватит. С рук с ног отцепись, от нас уходи в другое место. Из лога пришла – уходи в лог, с ручейка пришла – уходи в ручеёк, с реки пришла – на реку уходи»). Отличия, как показывают приведенные тексты, заключаются также в обращении за помощью не к Богу, а непосредственно к тому объекту, на который знахарь направляет действие своих слов: *Небыт гöна, шонді сина! Тэ бокö эн кеж, бöр эн берт, вевдöрöт эн чеччöвт. Мун веськыта аслат осьтаö, менам чомö* («Мягкошерстный, светлоглазый! Ты в сторону не сверачивай, назад не возвращайся, вверх не прыгай. Иди прямо в свою дыру, в мой нежилой дом» – в охотничьем заговаривании ловушки на зайца). Прямой контакт охотника с будущей добычей, равно как и лечащего с болезнью, подчеркивает осознание коми-пермяцким знахарем себя не как посредника с высшими силами, а как всесильного существа.

Специфика также отмечается в использовании обращений не только к христианским святым и божествам, но и к финноугорским божественным силам. Заговор на хорошую жизнь, который произносят, когда в Чистый четверг утром идут в лес, содержит обращение к лесным богам: *Вöрись еннэз, сетö меным верöс öтік ув, кык ув, куим ув. Öтік ув – подалö, кык ув – керкулö, куим ув – отирлö. Гортын джодж шöрö пуктасö горпöдан, сы вылö тэчасö öзтöм сартассэз, биас чапкасö верöс улок, лыддьöтöны: Вöрись еннэз, пöрись енэз, сетö миянлö здоровьё, подалö – йылан, керкулö – олан.* («Лесные боги, дайте мне одну ветку можжевельника, две ветки, три ветки. Одну ветку-скотине, две ветки-дому, три ветки-народу». Дома в середине пола положат дверку у печки, не него положат зажженную лучину, в огонь бросят небольшую веточку можжевельника, приговаривают: «Лесные боги, старые боги. Дайте нам здоровье; скотине – благоприятный год; дому – жизнь»). Кроме лесного, в заговорах упоминается и водяной бог: *Вöрись ен, ваись ен, ті видзöтö, кытчö муна, мыйсö нуа. Вöрись ог босьт, ваись ог кут, йöзлісь ог вöрöт. Отсалö ветлыны кузь туйö да бöр вайöтö гортö ловйöн и дзоньöн* («Лесной бог, водяной бог, вы смотрите, куда я иду, что несу. Из леса не возьму, из воды не поймаю, у чужих не трону. Помогите сходить в дальнюю дорогу и обратно приведите домой здорового и невредимого» – в заговоре при отправлении в дорогу).

При общении со сверхъестественными существами знахарь выступает как равный с ними по силе. В наговоре-молении представлен своеобразный товарообмен охотника с лешим: входя в лес, охотник оставляет на пне большую самокрутку и плохо пропеченные на углях ядовитые грибы (или обмотанный лопухом табак и грибной пирог) со словами *Кывзы менö, ыджыт. Ме тэныт – табак, тэ менö – урез. Ме тэныт – тшака нянь, тэ меным – кöч да пöтка* («Послушай меня, большой. Я тебе – табак, ты мне – белок. Я тебе – грибной хлеб, а ты мне – зайца и птицу»).

Сходный обычай отмечен в русской рыбацкой традиции, когда в воду крошат табак: *«Возьми, хозяин, табачок, дай мне рыбку на крючок»*. О «пристрастии» низших духов природы к табаку рассказывают многие русские былички – исторически табак считался магическим растением (вероятно, из-за того, что в прошлом он был значительно крепче нынешнего; ср. также в народной фразеологии Прикамья *леший курит* ‘о тумане над лесом’). Точно также растением духов считались в прошлом и грибы (леший в быличках мог оборачиваться в гриб).

Заговоры на русском языке в коми-пермяцкой среде могут не иметь прямых аналогов собственно русским текстам. Таковы слова от ожога *«Чугунина, олово, осинова кора, не ломило бы, не драло у раба божьего* (имя). *Галя, камень, аминь»* (зап. от Епановой Р.И., 1936 г.р., д. Важ-Пашня, Кудымкарский р-н, Пермский край). В этом тексте идея устранения болезни через указания на те или иные действия-акции никак не выражена (высказано лишь желание избавиться от болей). В начальной части текста использованы номинативы: логически трудно связываемые обозначения металлов и древесной коры. Общее между этими обозначениями – то, что все они активно применяются в народной магии (лечение болезней выливанием олова, светлого металла, в народной культуре выступающего в качестве некоего аналога магически воспринимаемого серебра; использование чугуна, черного тяжелого металла как оберега от сглаза и порчи, как средства от болезней; применение осины как необычайно живучего дерева в качестве защиты от нечистой силы). В тексте упоминается известное в славянской традиции использование осиновой коры в качестве лекарства (заговоры читают над осиновой корой, а затем трут ею укушенное змеей место [Славянские древности 3: 567]). Перенесение функций обряда с корой осины (аналогичного человеческой коже верхнего слоя дерева) на ожог в свою очередь может быть мотивировано народным представлением о том, что осина останавливает огонь. В русской заговорной традиции известно символическое использование от ожогов коры другого дерева – ели: Когда обварится человек, надо прочитать над ним: *«Еловая кора, рыбья чешуя, ни у кого у родни не будет ничего: ни опуха, ни рвоты, ни ломоты, у раба божьего* (имя)*»* (Бияваш, Октябрьский р-н, Пермский край). Еловая кора («кожа» ели) в народной культуре также отмечена мифологическими характеристиками, как и сама ель, «дерево мёртвых» и «дерево изобилия». Следует отметить и своеобразие использованной в конце текста закрепы *Галя, камень,* где использован усиливающий повтор (*галя* в русских народных говорах и коми-пермяцком языке – ‘округлый камень’). С помощью закрепы усиливается идея крепости сказанных слов (ср. также закрепы *Будьте, мои слова крепки и лепки, крепче камня и булата*). Кроме того, камень и сам по себе используется для обезвреживания опасности, прекращения болезни [Славянские древности 2: 444].

Еще один пример оформленного на русском языке коми-пермяцкого заговора, отличающегося аналогичным включением перечислительного ряда символов, – заговор от судей: «Носовик возьмёшь, когда на суд пойдёшь, скажешь: “*Змея голова, у человека рука, вода годна*”» (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., д. Антипино, Юсьвинский р-н). Открывает текст образ змеиной головы (в русской традиции известно, например, привязывание ее к нагрудному кресту для защиты от порчи), далее приведен символ «человеческая рука», во многих культурах связанный с идеей силы, владения-власти и делания [Славянские древности 5: 254–258]. Завершает текст упоминание очистительной воды: предназначенность ее для очистительного ритуала специально конкретизируется определением *годна*.

Минимальные по лексическому составу, построенные на основе повтора слов-символов заговорные тексты, вероятно, типичны для коми-пермяцкой традиции как архаической (оформление заговорного текста в виде перечисления восходит, по мысли Н.Ф. Познанского, к психологии древнего человека и является отражением древнего способа обобщать [Познанский 1917: 84]). Известно, что в основном среди заговоров доминируют тексты, где ведущее место занимают глаголы – в связи с их акциональной установкой, нарративностью [Кляус 1997: 10, Гультяева 2000: 7]. Отмеченные «именные» тексты содержат перечисление коротких формул, символов, характеризуются сжатостью и представляют, вероятно, архаическую разновидность заговоров, о чем говорит их сходство с внутренней речью. В таких неразвернутых, синтаксически слабо оформленных текстах имя наделяется предикативным свойством; перечисленные слова-символы, очевидно, достаточно произвольно извлекаются из фольклорного словаря традиции, а их мифологическая семантика мотивируется не конкретным текстом, а всем контекстом традиции. Таким образом, русские заговорные тексты в коми-пермяцкой фольклорной среде имеют свою структурную особенность: отличаются большей композиционной свободой и вариативностью, наделены повышенной ассоциативностью.

Примечания

[1] Статья выполнена в рамках гранта РГНФ № 14-14-59005 «Коммуникативные коды в коми-пермяцкой культуре (речь, фольклор, обрядность, символосфера)».

[2] В статье использованы фольклорные материалы, собранные в 2000–2013 гг. на территории ряда районов Коми-пермяцкого округа (хранятся в архивах Центра этнолингвистики народов Прикамья ПГГПУ, Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа), а также тексты, опубликованные в сборнике В.В. Климова «Кытчö тiйö мунатö» (Кудымкар, Пермское книжное издательство, Коми-Пермяцкое отделение, 1991. С. 76–86).

Библиографический список

Гультяева Н.В. Язык русского заговора: лексика: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 21 с.

Кляус В.Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М.: Наследие, 1997. 464 с.

Неклюдов С.Ю. Авантекст в фольклорной традиции // Живая старина. 2001. № 4. С. 2–4.

Познанский Н.Ф. Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Петроград, 1917. 351 с.

Славянские древности: этнолингвистический словарь. В 5 томах. Изд-во Институт славяноведения РАН. Москва, 1995–2012.

I.A. Podyukov
Professor of General Linguistics Department
Perm State Humanitarian Pedagogical University

TO THE QUESTION OF COMPOSITIONAL VERBAL PECULIARITIES OF THE TEXTS OF KOMI-PERMYAK CHARMS

Some peculiarities of the structure of Komi-Permyak charms in their comparison with the texts of the Russian plots charms are discussed in the article. The peculiarities of magic texts structuring, originality of their symbolic composition and speech processing are revealed, the role of Russian folklore and book borrowings is examined. Nominative texts based on the idea of enumeration typical for Komi-Permyak charms tradition are separately analyzed. Suppositions concerning reflection in ritual texts of Komi-Permyak folklore of ethnic perception of the world and religious and mythological views of Komi-Permyaks are given.

Key words: folklore ethnic peculiarities; verbal aspect of magic rites; speech organization of Komi-Permyak charms; cultural and linguistic borrowings in rites and folklore.

УДК 398.21(470.53)

Русинова Ирина Ивановна
доцент кафедры теоретического
и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
irusinova@mail.ru

ЗЛЫЕ ДУХИ, СВЯЗАННЫЕ С КОЛДУНОМ, В МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ [1]

В статье рассмотрены воплощения, особенности звукового поведения и номинации злых духов, связанных с колдуном, по данным мифологических рассказов Пермского края. Идеографический анализ лексики, обозначающей данных персонажей в пермской мифологической традиции, позволяет сделать вывод о том, что они связаны друг с другом и могут быть обозначены как разные этапы «существования» одного и того же персонажа.

Ключевые слова: мифологические рассказы Пермского края; мифологическая лексика; колдун; злой дух; дух – помощник колдуна; «вселяющийся» дух.

Мифо-ритуальная традиция Пермского края, несмотря на стремительную урбанизацию и глобализацию современного общества и, как следствие, повсеместное разрушение основ крестьянской культуры, вымывание диалектной лексики из национального словаря, довольно хорошо сохраняется, представляет собой сложную систему песонажей, их функций и номинаций. Центральным образом данной системы выступает человек, обладающий сверхъестественными свойствами и использующий их, как правило, во вред людям – колдун.

В соответствии с сюжетами мифологических текстов, записанных в Пермском крае и на других территориях, связанных с традициями Русского Севера (Архангельская область, Новгородская область, Республика Коми), колдун связан различными отношениями с другими персонажами – людьми (знахарь) и не-людьми (леший, русалка и под.). Особое место в этой системе взаимоотношений занимают два персонажа второй группы – это духи-помощники и так называемые «вселяющиеся» (Л.Н. Виноградова), или «подселенные» (Е.М. Четина) духи, которые чаще всего «терминологически соотносятся с категорией чертей, дьяволов и бесов» [Виноградова 2010: 298], но имеют свои отличительные особенности.

© Русинова И.И., 2014

Цель статьи – на основе языковых данных, воплощающих демонологические представления региона, сделать вывод о тождестве или различии этих персонажей.

Материалом исследования послужили полевые записи автора и данные готовящегося к печати «Этнодиалектного словаря мифологических рассказов Пермского края» (авт.-сост. И.И. Русинова, А.В. Черных, К.Э. Шумов, Л.С. Нечаева).

Мифологию духов – помощников колдуна по данным Русского Севера (в том числе его восточных регионов – Кировской области и Пермского края) изучала О.А. Черепанова [Черепанова 2005: 156–168]. Исследователь не рассматривает генезиса персонажа и не связывает в своей работе данных духов с теми, которые «вселяются» в жертву, чтобы вызвать у нее болезнь, чаще кликушество.

С другой стороны, Л.Н. Виноградова в своей монографии «Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян» целый параграф посвящает духам, вселяющимся в человека. Представив типичные характеристики таких духов в славянских культурах, исследователь не связывает их с такой категории нечистой силы, как духи – помощники колдуна [Виноградова 2010: 301].

Однако данные мифологических текстов Пермского края свидетельствуют о несомненной связи этих персонажей. Очень часто невозможно даже провести четкой границы между ними: ***Черти*** *и* ***порча*** *как мухи большие. Живут они в дому. Мария их в подвале держит и на ворот людям садит. Как заругаешься, она в тебя и залетит, эта муха* (Вавилово Сол.). ***Чертей*** *держат в туесках и пестерях и в людей пускают* (Исаково Черд.). *Колдунами звали. Будто бы* ***черти*** *у них были. Он садил будто бы на людей. Чё-ко на еду да чё да, где-ко будто бы переругашься, туда может залететь да. Через стакан водки ли чё-то* (Редикор Черд.). *И от стали* [колдунью] *хоронить, и у её в подполье нашли туесок, ну, бурачок, туесок берестяный такой. Это, говорит, открыли – там полно одны мизгири! Это всё там у ёй гадость всякая. Вот этот мизгирёк, значит, он, на кого она придумала посадить, и всё… Ну, она* ***чёртика*** *садила. Икоты же здесь полно. Поставят икоту тебе, и она матерится* (С. Коммунар Сив.).

Идеографический анализ лексики, обозначающей изучаемых персонажей в пермской мифологической традиции, позволяет сделать следующий вывод: эти персонажи представляются связанными друг с другом и могут быть обозначены как разные этапы «существования» одного и того же персонажа. Они как бы «перетекают» друг в друга. Границей между данными духами (вернее, их периодами «развития») служит граница человеческого тела. Дух-помощник – это персонаж, находящийся на стадии до вселения в тело человека; «вселяющийся» («подселенный») дух – это пер-

сонаж, находящийся на других стадиях: уже внедренный в тело жертвы или покинувший его (исторгнутый со рвотой, «рожденный» и т.п.) в результате лечения. (См. описание «стадий» развития, образные воплощения и номинации этих духов по данным мифологических рассказов Пермского края в [Русинова 2010а, Русинова 2010б]).

Общность персонажей проявляется прежде всего в пересекающихся номинациях таких духов: *бес, бесёнок, враг, икота, икотка, порча, чёрт, чертёнок, чёртик* – и в принадлежности колдуну, который ими распоряжается. Кстати, связь колдуна и этих духов проявляется и на уровне мотивационных отношений. В пермских говорах колдунов называют существительными *бесист, чертист, черчист, чертознай,* субстантивами *бесистый*, *бесястый, чертистый*.

Много общего у персонажей и в том облике, в котором они «предстают» перед людьми. Духи могут принимать вид *человека, птички*. Но чаще всего они предстают перед людьми в облике насекомых или так называемых гадов. Общий энтомологический ряд таков: *бабочка, жук, комар, кузнечик, муха*. Из названий гадов представлены следующие: *жаба, змея, лягушка, мышь, червяк*.

Но, несмотря на сходство этих персонажей в номинации и облике, они существенно различаются в других отношениях. Первое, что бросается в глаза, – это наречение «вселяющихся» духов личными именами человека. Находясь в теле человека, завладев его органами и отчасти сознанием, эти духи становятся его своеобразными двойниками, получая при этом и «человеческие» имена. По нашим данным, список имен довольно велик: *Алёнка, Андрейко, Андропка, Андропиха, Ванька, Ваня, Васька, Григорий Иванович, Давыдка, Дарья, Егорка, Егорушко, Иван, Ивашка, Лидка, Макарко, Манька, Мария, Маша, Миколка, Мишутка, Павел-Григорий, Петя, Роза Миколаевна, Семён Иванович, Семёнович, Сергей* и др. В числе этих имен встречаются как неполные имена или дериваты (такими именами обычно называют детей), так и полные, включающие имя и отчество. Причем некоторые из них весьма экзотичны или включают редкие, устаревшие имена (*Милорада Васильевна, Филарет Васильевич*).

Существенно различается у этих персонажей и набор других характеристик и их названий. Яркой чертой духов-помощников является визуальный портрет. При этом духи часто получают цветовую характеристику, но «молчат»: *Чокнутая девка была у них, семья большая. Они* [родители] *шибко знали.* [Черти] *у них были, птички, пёрышки зелёные. «Ох, у нас на русле-то всяки* ***птички: зелёненьки, синеньки, красненьки****», – она рассказывала. Черти были* (Губдор Краснов.). *На Рождество ходили славить… Мать сшила мешочки. В первом доме дали по пряничку, в другой не пустили… В следующем доме никого не было. Мы зашли, стояли, стояли, смотрели, смотрели: из-под печки вышли* ***цыплята – жёлтые, круп-***

***ные**, – много их. Так много – не могли поймать!.. Потом взрослые говорили, что в этом доме колдуны живут, у них цыплята: взрослым не показываются, а дети увидели. Это черти были* (Чердынь).

«Вселяющиеся» духи, попадая в нутро человека, проявляют себя прежде всего разнообразными звуками, не получая какого-либо отчетливого визуального описания.

Перечень глаголов, создающих звуковой портрет, весьма велик. Эти «бесы» способны *визжать, выть, гавкать, говорить петухом, ивгать, икать, икотать, керкать, клохтать, кукорекать, култыкать, лаять (по-собачьи, собакой), мычать, петь петухом (петухами, по-петушиному), пищать, поуркивать, реветь, смеяться, сюськать, тявкать, ухать, хлыхтать, хохотать, шуметь.*

Приведем примеры употребления таких глаголов в текстах быличек: *Колдуны-те жили у нас под окном, колдовали, людей портили. Вот маме садили (чертей садят): то жука садят, то лягушу, то **по-собачьи лают**. Маме был чертёнок посажен. Она заглушала его таблетками. У ней **ухал** или, как собака, **залает**. У кого как. И по-лягушьи, и всяко* (Красновишерск). [А этот чертенок, который кутька, он какие-то звуки производит?] *Могут на человека посадить, они бу[д]ут **розговаривать, керкать** из горла* (Камгорт Черд.).

Часто авторы быличек изображают, имитируют звуки, издаваемые «вселяющимися» духами: *а-а-а-а-а-а, глу-крлу-гл-крл, ду-ту-ту, и-е, ик-ик-ик, култык-култык-култык, пи-пи-пи-пи-пи, тру-ру-ру, ты-ты-ты-ты, тык-тык-тык-тык, ур-ур-ур.*

Данные представители нечистой силы способны и к членораздельной речи, о чем свидетельствует языковой материал. Такой бес может *бормотать, выкрикивать, говорить, кликать, кричать, материться, орать, петь, причитать, разговаривать, рассказывать, ругать, ругаться, ругаться матом (с мата)*: *Когда в ней чертёнок **говорил**, дак она будто задыхалась, говорила не своим голосом. Одни как-то с ней разговаривали, она говорит: «У вас на чердаке шубы висят, ночью сегодня к вам воры залезут». И правда, ночью шубу-то у них украли. То чертёнок в ней **говорил**, и он знал* (Губдор Краснов.). *А я вот один раз ему* [вселенному в мать бесу] *говорю: «Петя!» Он **говорит**: «Чё?» Я говорю: «Ты легуша?» Да он меня **матом** давай **катить**! «Я легуша? Я легуша?» Я говорю: «Конечно, ты лягуша»* (Покча Черд.). *Икота-то **разговаривал**. Тридцать три года ему было. Я спрашивал, где ад. А он мне всё **сказал**, что в Сибири, под землёй. Я, говорит, мысли читаю через своих собратьев. Я с ним в шутку когда как говорю: «Давай мать-то отпускай». Он **говорит**: «Сейчас ещё подавлю и отпущу». А иногда **говорил**: «Иди, Машка (мать называл), иди там корову дой». Или **говорил**: «Иди, Колька (кто в доме хозяин), делай чего-нибудь»* (Левино Караг.).

Актуальными для данных мифологических персонажей являются и те особенности речи, которые отличают ее от речи человека – хозяина духа – или людей вообще. Голос такого духа называется *грубый, грудной, визгливый, внутренний, внутриутробный, второй, другой, дурной, мужской, ненормальный, не свой, нечеловеческий, тоненький, чужой* и под.

Звуки речи, исходящие из одержимого человека, осознаются как принадлежащие иному миру, на что указывают их языковые характеристики: такие звуки всегда находятся за пределами нормы: они выше или ниже, чем обычно, имеют особенности тембра или темпа, извлекаются необычным образом (не на выдохе, а на вдохе); «бесовская» речь такого человека невнятна или имеет дефекты, изобилует повторами: *В Сенино вот, у Маши, у отца сестра, Аксинья… у её Ёрма [икота] есть. Ну, она иногда говорит* [ворожит] *правильно. Она так* ***пикат*** *да* ***нечисто*** *маленько* ***говорит*** *ишо. Нечисто. Недоделанный язык-от, говорит*. [Она мужским голосом говорит?] *Нет.* ***Тоненький голос*** (Сив.).

Кроме того, языковые единицы указывают на гендерно-возрастные характеристики речевого поведения «вселенного» духа. Такой бес может «говорить» как *баба, мальчик, молодчик, мужчина, парень, женщина, ребёнок, старик: Дак вот у её перво-то неговорящая* [пошибка] *была. А потом она сильно разговаривала «Меня зовут Марина Николаевна, я Мариночка. Я ведь не в старуху пушшэна была… Пушшэна была я в Оринку». У её соседей дочь Орина была, у неё тоже пошибка была. Вот она: «Да чё я в её полезу? Старик у её, да седой, да с бородой ишо дак… Я Мариночка-* ***девочка****. А старуха-то Богу молилася, а я ей в ухо полезла*» (Сив.).

Мы перечислили самые яркие, существенные языковые черты, позволяющие рассматривать духов – помощников колдуна и «вселяющихся» духов в демонологической традиции Пермского края как персонажей, безусловно, связанных между собой как терминологически, так и сюжетно. Несмотря на то, что они имеют свой набор имен, характеристик, действий, создающих особую структуру и рисунок образа, на наш взгляд, это не разные мифологические персонажи, а один сложный персонаж, находящийся на разных стадиях своего «развития».

Примечания

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов РГНФ (№ 12-34-01043а1, № 14-04-00437а, № 13-14-59008), гранта в рамках тематических планов по заданию Министерства образования РФ (№39).

Библиографический список
(с использованными сокращениями)

Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.

Русинова И.И. Еще раз об облике бесовском. Статья 1 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010а. Вып. 3(9). С. 18–25.

Русинова И.И. Еще раз об облике бесовском. Статья 2 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010б. Вып.6 (12). С. 13–17.

Черепанова О.А. Мифологические функции птиц в русских быличках и других материалах // Культурная память в древнем и новом слове: Исследования и очерки. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. С. 156–168.

I.I. Rusinova
Associate Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

THE SORCERER EVIL SPIRITS IN MYTHOLOGICAL TRADITION OF PERM KRAI

Ideographic analysis of vocabulary representing data characters in the Perm mythological tradition, leads to the conclusion that they are related to each other and can be identified as different stages of the «life» of the same character.

Key words: mythological stories of Perm Krai; mythological lexis; sorcerer; evil spirit; spirit – sorcerer's helper; «instill» spirit.

УДК 81’37:392.1

Свалова Екатерина Николаевна
аспирант кафедры общего языкознания
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
svalova87@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И ФУНКЦИИ «ХОЗЯЙСТВЕННЫХ» СЛОВЕСНЫХ ФОРМУЛ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ[1]

В статье характеризуются особенности коми-пермяцкого речевого этикета, связанного с повседневным бытом и хозяйственной деятельностью человека. Рассмотрены особенности семантики необрядовых этикетных формул, которые используются в речи коми-пермяков при выполнении различных бытовых занятий и хозяйственных работ. Выявляются функции словесных формул в повседневном общении и анализируются их символика, стилистические качества, особенности структуры. Делаются выводы о высокой степени ритуализированности повседневного быта коми-пермяков. Анализ выполнен в сопоставлении коми-пермяцких и русских диалектных этикетных формул.

Ключевые слова: речевой этикет; бытовая этикетная формула; паремия; продуцирующая функция; благопожелание; семантика; стилистические особенности.

Этикетные формулы существуют в рамках обрядовой и необрядовой коммуникации. Необрядовые словесные формулы можно, на наш взгляд, с некоторой степенью условности обозначить как бытовые, или повседневные: исследователи (например, Т.Ю. Скопинцева) указывают, что «быт (в своей прагматике) обязательно характеризует обыденность, каждодневное существование человека» [Скопинцева: эл. ресурс]. Известно и более расширенное понимание быта: «обычаи, весь ритуал ежедневного поведения, тот строй жизни, который определяет распорядок дня, время различных занятий, характер труда и досуга, формы отдыха, игры, любовный ритуал и ритуал похорон» [Лотман: эл. ресурс]. Хозяйственные словесные формулы сопровождают ежедневную деятельность деревенского человека и четко выделяются на фоне непосредственно бытовых словесных формул (приветствий и прощаний, просьб и извинений, выражений, связанных с приготовлением и употреблением пищи и т.д.). В рамках статьи будут рассмотрены паремии[2], которые используются в коми-пермяцкой культуре на территории освоенного, прилегающего к дому пространства в «хозяйственных целях» – при обращении с водой, в полевых (огородных) работах, при общении с домашним скотом.

© Свалова Е.Н., 2014

Граница между обрядовыми и необрядовыми словесными формулами является зачастую условной. Так, например, словесные формулы, которые произносятся носителями языка для прогнозирования успеха (при сборе ягод, грибов; в промысловой деятельности) или для защиты от какой-либо опасности в лесу, на воде, являются бытовыми. С другой стороны, многие из этих вербальных формул наделены мощной магической функцией и могут строиться на установлении контакта с опасным локусом или с высшими силами, «царящими» в нем. Таково обращение к реке и воде как к живому существу. В коми-пермяцкой культуре принято было приветствовать встретившийся ручей; в русской традиции (Прикамье) известен запрет черпать воду ночью из представления о том, что «она спит». Задабривание воды – один из мотивов коми-пермяцких хозяйственных формул: *Ась ваыс оз резсьы, ась кайӧтчӧ гортӧ* (‘Пусть вода не плескается, пусть домой несется’ – слова говорятся при набирании воды). На понимание водной среды как локуса обитания хтонических существ с еще большей очевидностью указывают удмуртские предписания *Юымтэ ошмесэз юид ке, куар кушты, уске кутоз. Куардэ тазьы шуыса кушты «Монэ эн куты, та куарез кут»* (‘Если собираешься пить из родника воду, из которого никогда не пил, нужно бросить листок со словами «Не меня, а этот листок схвати»’); *Вуэ пырыку куинь пол, пе, сюй кырмыса куштоно, собере “монэ эн кут, сое кут”, пе, шуоно* (‘Прежде чем зайти в воду, нужно бросить три горсти земли и произнести следующее заклятие: «Хватай землю, а не меня»’, см.: [Владыкина 1997]).

Восприятие контакта с водой как мистического отражают коми-пермяцкие пожелания при черпании воды из источника *Тыр ведра* (‘Полное ведро’), *Тыра ведраэз* (‘Целых ведер воды’), *Сӧстӧм ва ведраэзын* (‘Чистой воды в ведрах’), русские пожелания (*Чистой водицы*, *Живая* (*сладкая*) *водица тебе*; *Тихой водицы*, *Водица – медовица, Свеженько тебе, На светленько*, *Серебро в ведро, Чин да коромысло* [Зорина 2011: 95]. Чаще такие выражения строятся на идее полноты вёдер и чистоты воды, и оба эти качества связаны не столько с прямым значением слов *тыр / полный* и *сӧстӧм / чистый*, сколько с символическим их осмыслением. Уже само наличие в доме воды – символический показатель достатка (об этом говорит коми-пермяцкая поговорка *Чож хозяйкалӧн ваыс пыр ведраэзын* ‘У хорошей хозяйки вода всегда в ведрах’). Идея полного как связанного с изобилием представлена и в ряде других формул – в пожелании доящей корову *Ась ведра тыр вайӧ* (‘пусть полное ведро молока принесет’), в напутствиях сборщику ягод, грибов *Ӧтік ягӧд, мӧдік ягӧд и быдса ведра тэныт* (‘Одна горсточка, вторая горсточка и целое лукошко тебе’), *Ась лоӧ тырдоз* (‘полной корзины тебе’). Упоминаемая в пожеланиях чистота выступает не только как физическое свойство, но и как воплощение идеи целебной, очистительной силы воды. Эта идея также ак-

тивна и в других пожеланиях: *Ась чистöй лоö* (‘пусть дом чистым станет’ – при мытье избы), *Чочком тянлö, Чочком тэныт* ‘чисто вам, чистой одежды’ – при стирке и полоскании белья).

Семантически хозяйственные вербальные формулы соотносимы с хозяйственными заговорами, но в отличие от них не предполагают ритуальных действий, имеют лаконичную форму. К примеру, большое значение имеет «техника» произнесения заговора: он может читаться на ухо животному (нашептываться – ср. коми-пермяцкое переносное *шопкыны* ‘заговаривать’) или произноситься над пойлом (стандартное для магических обрядов использование «наговоренной» воды или пищи): *Мöсушко-матушко, сюрушко-комолушко! Йöв жилатö личöт, быдöс йöвтö сет, немымда эн коль! Аминь, чиль-чоль* (‘Коровушка-матушка, рогатушка-комолушка! Молочную жилу свою расслабь, всё молоко дай, нисколько не оставляй! Аминь, чиль-чоль’). Этот текст имеет характерные для жанра структурные элементы – определенную развернутость, основную часть и закрепу в виде молитвенного слова *аминь*. Заявленная в начале фразы просьба *всё молоко дай* детализируется в ее финале – *нисколько не оставляй*. Использованное в конце звукоподражание *чиль-чоль*, обозначающее «непрерывное течение очень слабой и тонкой струи жидкости» [Коми-пермяцкий язык… 1962: 321], выступает как прямое побуждение животного доиться (аналогично это сочетание, очевидно, заимствованное, используется в русских говорах Прикамья как побуждение при доении *чили-чоли, дай поболе*). Если в заговорах в развернутом виде представлены условно-символические ситуации, то в паремиях интенции говорящего выражены максимально четко, в простой и понятной, лишенной образных осложнений форме: *Зорька, сет йöлоктö, чöскытö да бытшöмö* ‘Зорька, дай молоко, вкусное, хорошее’, *Ась ведра тыр вайö* (‘пусть полное ведро молока принесет’). Такие пожелания отличаются от русских типа *Море под матуху*, *Вал в подойницу*, где идея изобилия выражена гиперболами; в коми-пермяцком варианте представлен вполне бытовой «разговор» с животным, его уговаривание.

В основном формулы, комментирующие различные действия с домашними животными, также прогнозируют благополучие и изобилие, например, пожелания стригущему овцу: *Ась вурунсö унасетö* (‘пусть овца много шерсти даст’), *Ась сук вурун лоö* (‘пусть шерсть густая будет’). В русской традиции (Прикамье) в этой функции чаще используется гипербола: *Пуд шерсти*! Отмечены особые формулы, которые произносятся в ситуации забивания скота: когда режут скотину, в красный угол дома кладут хлеб с солью и говорят *Медбы подаыс öшö йывис* (‘Чтобы скотина еще водилась’); когда отрезают голову забитому животному, в рот ему кладут сено со словами *Чтоб сэтчин пыр пöт вöлі, и пода одзлань йыліс* (‘Чтобы там всегда сыт был и скотина дальше водилась’). Эти формулы

правильнее рассматривать в контексте ритуала. В одном случае это обращение к Богу (аналогичным образом хлеб-соль кладут в красный угол, на божницу при новоселье «на хорошее житьё» – Гайны, Пермский край), в другом – символическое кормление забитого животного (последнее выражение отражает веру в то, что, если задобрить душу убитого животного, в следующем году оно «возродится» в новом).

Свою специфику имеют коми-пермяцкие вербальные формулы, которые произносят при высадке овощей. Обычно с их помощью прогнозируется будущий урожай: *Быдмы, картошка, гырись и гырись, басӧк и басӧк, сёртнися ыджытжык, калигся учӧтжык* ‘Расти, картошка, крупная и крупная, красивая и красивая, больше репы и меньше брюквы’ (Юсьвинский р-н, Пермский край). Примечательно, что пожелание также оформлено не метафорически, желаемое «идеальное» качество обозначено прямо (прилагательными *гырись, басӧк*, которые усилены повтором); в русских заговорах в сходных ситуациях (например, при высадке капусты) используются образные аналогии: *Не родись киластая, а родись пузастая*; *Расти, моя капустушка, расти, с мою голову вырасти*).

Словесная формула хозяйственных паремий может быть минимальной или иметь развернутую структуру: *Быдмы, вужьясь, листоккезӧн пасьтась, не зэрлӧ, не шерлӧ эн сетчы* (‘Расти, корни пусти, в листочки одевайся, ни дождю, ни граду не поддавайся’; во фразе последовательно обозначены фазы роста культуры). «Просьба» быть устойчивой к погодным условиям, представленная выше в заключительной части развернутого пожелания, может реализовываться в более лаконичной форме – *Горзы да быдмы* ‘Плачь, но расти’. В приведенном примере реализуется принцип антропоморфизма в народной культуре: растение наделяется способностью испытывать определенное эмоциональное состояние, а человек внушает ему способность стоически выдерживать невзгоды. В этих текстах мы видим, что для коми-пермяцких пожеланий характерно непосредственное обращение к одушевленному природному объекту, что позволяет заговаривающему напрямую воздействовать на него.

При высадке овощей у коми-пермяков используется формула, в которой будущий урожай распределяется прежде всего по родственникам: *Этӧ хозяйкалӧ, этӧ хозяинлӧ, этӧ быдӧс семьялӧ* (‘Это хозяйке, это хозяину, это всей семье’, *Подай, Господи, для низших братьев* (д. Мочга, Юсьвинский р-н, Пермский край). Для русской традиции (см. [Зорина 2012]) более характерно упоминание в перечислении среди тех, кому предназначен урожай, не только родственников, но и других людей, в том числе случайных, обездоленных, даже завидующих и жадных: *«Пусть капуста родится на завидящих, на проходящих»* (Сёйва, Гайнский р-н, Пермский край), вологодское *На меня, на соседа, на жадных душ!*, *Дай Бог для нищих, для братьей и для добрых людей* (Пож, Юрлинский р-н,

Пермский край), *Дай бог на нищего, на голодного, нам на труды!* (Зуята, Карагайский р-н, Пермский край).

Ряд словесных формул, выполняющих продуцирующую функцию, используется при полевых работах. Функциональная близость диктует и формальную близость этих формул в русском и в коми-пермяцком языках: *Быдмы, рудзöг, кузь да тыра шепа* (‘Расти, рожь, высокой да с полными колосьями!’), *Кырым чапкан, пуд босьтан* (‘Горсточку выбросишь, пуд возьмешь’ – пожелание при севе зерна), *Садить крохами, а убирать ворохами!* (вологодское). Отличия формул *Кырым чапкан, пуд босьтан* и *Садить крохами, а убирать ворохами* связаны с использованием в коми-пермяцком выражении названий старинных единицы веса *пуд* и меры объема *горсть*. Отметим, что построенное на сопоставлении *пуд – горсть* коми-пермяцкое пожелание может соотноситься с заговором, включаться в ритуал. Так, произносимые троекратно в конце посевных работ слова *Кöр кöдзсяс, кöдзись пуктö кудсö му вылö да шувлö: Батюшко-рудзöг, быдмы моросви меным. Шепыс – четверть кузя, тусьыс – чуньпон кыза. Кырым чапки – пуд босьта* («Когда все посеют, тот – кто сеял, кладет лукошко на землю и приговаривает: Батюшка-рожь, расти до груди мне. Чтоб зернышко было большим, колос – длинным. Горсть бросил – обратно пуд возьму»).

Как показывает анализ внутренней формы и структуры коми-пермяцких хозяйственных паремий, в целом им в сравнении с русскими паремиями свойственна внешняя простота, безóбразность и краткость. Для них характерно активное использование ряда этнически своеобразных культурных форм (в частности, антропоморфизация природных объектов) – с одновременным усвоением элементов русской этикетной традиции. Тематическое разнообразие хозяйственных паремий в коми-пермяцкой традиции, их развернутая вариантность и синонимия хорошо иллюстрируют известное положение о том, что «народное красноречие характеризуется большой степенью ритуализованности» [Путилов 1994: 28]. Благодаря этикетным хозяйственным формулам многие ситуации повседневного быта и хозяйственной деятельности коми-пермяков представлены как ритуализированные.

Примечания

[1] Статья выполнена в рамках гранта РГНФ № 14-14-59005 «Коммуникативные коды в коми-пермяцкой культуре (речь, фольклор, обрядность, символосфера)»

[2] В статье использованы материалы Центра этнолингвистики народов Прикамья ПГГПУ и Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа.

Библиографический список

Владыкина Т.Г. «Поверья в системе этносоциальной регламентации» // Удмуртский фольклор: Проблемы жанровой эволюции и систематики: Монография. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. С. 240–244.

Зорина Л.Ю. Картошка с колесо! // Русская речь. 2012. № 2. С. 100–104.

Зорина Л.Ю. Чин да коромысло! // Русская речь. 2011. № 2. С. 94–100.

Коми-пермяцкий язык: введение, фонетика, лексика и морфология. Кудымкар: Коми-пермяцкое книжное издательство, 1962. 340 с.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) // URL: http://www.opentextnn.ru/man/?id=1305. (Дата обращения: 30.03.2014.)

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 238 с.

Скопинцева Т.Ю. Теория и история культуры повседневности России // URL: http://nashaucheba.ru/page=2. (Дата обращения: 01.04.2014.)

E.N. Svalova
Postgraduate Student of General Linguistics Department
Perm State Humanitarian Pedagogical University

SEMANTIC PECULIARITIES AND FUNCTIONS OF ‘HOUSEHOLD’ VERBAL FORMULAS IN KOMI-PERMYAK SPEECH ETIQUETTE

The peculiarities of Komi-Permyak speech etiquette connected with everyday household activities are characterized in the article. The peculiarities of semantics of non-seremonial etiquette formulas that are used in Komi-Permyak speech during their household activities are described. Verbal formulas functions in everyday communication are revealed, and their symbolism, stylistic qualities, peculiarities of the structure are analyzed. Conclusions concerning high degree of ritual features of Komi-Permyak’s everyday life are made. The analysis is carried out comparing Komi-Permyak and Russian dialect etiquette formulas.

Key words: speech etiquette; household etiquette formula; proverbs; producing function; good wishes; semantics; the symbolism of popular culture.

УДК [338.488+379.8](510)

Цао Юехуа
профессор Института иностранных языков
Шаньдунский педагогический университет
cyhira@sina.com

Кондаков Борис Вадимович
профессор кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
kondakovbv@gmail.com

«ДИАЛОГ КУЛЬТУР» И РАЗВИТИЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ В ПРОВИНЦИИ ШАНЬДУН: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ

В статье рассмотрены проблемы туристической индустрии провинции Шаньдун, связанные с процессом глобализации культуры и совершенствованием принципов преподавания русского языка. Результаты анализа показывают, что совместное сотрудничество и общие усилия со сторон органов государственного и местного управления туризмом, вузов и отраслевых предприятий играют решающую роль в окончательном решении количественных и качественных проблем с русскоговорящими гидами в провинции Шаньдун, в удовлетворении рыночных потребностей в русскоговорящих кадрах.

Ключевые слова: глобализация; диалог культур; межкультурная коммуникация; образование; Шаньдун; русскоговорящие гиды.

Одна из важнейших современных тенденций развития мировой цивилизации – процесс *глобализации*, охвативший большинство стран, включенных в мировое экономическое пространство. Глобализация приводит к существенным изменениям не только в экономике, но и в системе культуры и образования государств, вовлеченных в этот процесс. Глобализация приводит к расширению сферы *межкультурного диалога*, изменениям в языке, необходимости постоянной оперативной корректировке среднего и высшего образования. Глобализация, сопровождающаяся развитием диалога культур в всех его многообразных проявлениях, имеет еще один аспект: расширение интереса к «местной», региональной культуре и языку, а также к истории их формирования.

Если еще несколько десятилетий тому назад сведения о природе и культуре какой-либо страны человек получал преимущественно из письменных текстов, то в дальнейшем основным источником такого рода информации стало телевидение, а затем Интернет, в котором размещены

© Цао Ю., Кондаков Б.В., 2014

многочисленные мультимедийные тексты, несущие необходимую информацию. В конце XX – начале XXI в. во многих странах активно стала развиваться туристическая индустрия, которая позволила людям непосредственно знакомиться с «чужими» культурами, «лично» вступая в диалог с «инокультурным» миром. Такой диалог предполагает, прежде всего, знание *языка* чужой *культуры* (правил этика, местных обычаев, хотя бы минимального набора словесных формул и т. п.) со стороны всех участников диалога – как «гостей», так и «хозяев».

Актуализация глобальных проблем межкультурного диалога связана также с обострившейся на протяжении последнего десятилетия потребностью культуры в ценностно-ориентированном «открытом» диалогическом мышлении. Идея равноправного диалога между разными национальными культурами, их центром и периферией, «классическим наследием» культуры и ее «фоном», между представителями разных общественных групп в качестве наиболее конструктивного способа общения стала сегодня особенно важной.

Разделение культур глубоко архаично и восходит к древнейшим мифологическим представлениям. Поэтому диалогическое культурное сознание нередко оказывается связанным с определенным набором мифов, функционирующих сегодня в модернизированном варианте.

Основная особенность культурного самосознания человека начала XXI в. – ощущение «рубежности», переходности того типа культуры, к которому он себя относит. Культурный мир становится максимально открытым и непрерывно меняющимся, постоянно «переосознаваемым». Граница такого открытого мира становится местом, где подлинная культура может превращаться в «антикультуру», бытие – в повседневный быт, архаичная мифология – в постмодернистский текст, высокое искусство – в его суррогат. Хранителями традиционной культуры – людьми, которые доносят её до окружающего «иного» мира, оказываются не «деятели культуры» (писатели, художники, композиторы), а гиды-переводчики, с которыми по преимуществу имеют дело туристы.

Все это приводит к необходимости «культурологического» осмысления феномена современного туризма. Устный вариативный разговорный текст (нередко наполненный отдельными фактическими и речевыми неточностями), в чем-то близкий по своей природе к фольклорному тексту, носителями которого они являются, сегодня нередко оказывается основным источником массовых сведений о чужой культуре, что налагает особую ответственность на переводчиков-гидов, предъявляет особые требования к их культурному уровню и образованию.

На сегодняшний день туризм стал одним из самых прибыльных в мире видов бизнеса. Среди государств, имеющих огромные туристические ресурсы, следует прежде всего назвать Китайскую Народную Республику,

которая обладает уникальной природой и богатейшим культурно-историческим наследием, что делает её одной из самых привлекательных для туристов стран. Благодаря тому, что на протяжении последних 20 лет Китай уделял огромное внимание развитию туристической индустрии, туризм стал здесь одной из ведущих и наиболее динамично развивающихся отраслей экономики. Если в 1978 г. Китай посетило 1,81 млн туристов из разных стран (включая Гонконг, Макао и Тайвань), а полученный от этой деятельности доход составил 260 млн долларов USA, то в 2011 г. в КНР побывало 135 млн человек, которые принесли стране 47 млрд долларов USA, что вывело Китай по числу приехавших в страну туристов на 3-е место в мире, а по доходам от туризма – на 5-е место [Годовой отчет… 2012: 21–22]. Согласно прогнозам Всемирной туристической организации, рост туристической индустрии в XXI в. будет необратимым. В 2020 г. Китай станет лидером на туристическом рынке и будет принимать свыше 167 млн иностранных туристов в год [Китай XXI века 2004: 240].

История мирового туризма показывает, что в начальный период основной поток приезжает из близлежащих стран. Китай всегда представлял огромный интерес для России – как с точки зрения экономики и политики, так и культуры. Сегодня эта страна находится на третьем месте среди лидеров наиболее предпочтительных для россиян туристических направлений. По своей привлекательности для российских туристов Китай уступает только Турции и Египту. По данным статистики Государственного управления по делам туризма, КНР Россия стала одним из «высокоприбыльных рынков». Количество посетивших Китай российских туристов в течение последних пяти лет постоянно увеличивается: по темпам роста иностранных туристов Россия вышла на первое место, а по их количеству заняла третье место [Годовой отчет… 2012: 69–70].

Одним из самых перспективных для развития российского туризма мест является Провинция Шаньдун. Эта удивительно красивая земля с семитысячелетней цивилизацией, на территории которой находятся многочисленные памятники культуры, удивительной красоты природные ландшафты и протянувшаяся на три тысячи километров живописная прибрежная полоса с многочисленными островами. Все эти преимущества делают провинцию Шаньдун одним из популярнейших туристских направлений. За 5 лет (2009–2013 гг.) туристический поток из России показывал быстрый и стабильный рост. В 2012 г. количество туристов из России впервые превысило 100 тыс. чел. Российский туристический рынок приобретает всё более важное значение для экономического и культурного развития в провинции Шаньдун. Согласно туристическому рейтингу провинции Шаньдун, в 2011 г. Россия обогнала Сингапур и Германию, заняв в итоге четвертое место, а среди европейских стран выдвинулась на первое место.

Быстрое развитие российского туризма в Китае вызывает и ряд проблем. Почти все туристические агентства, занимающиеся организацией туристических поездок из России в Китай, сталкиваются с дефицитом русскоговорящих кадров. В 2008 г. лицензированных русскоговорящих гидов в Китае насчитывается не больше 2300 человек, при этом 80% из них были сосредоточены на северо-востоке Китая, в провинции Хэйлунцзян [Чжан 2008: 181–182], в то время как в провинции Шаньдун в 2007 г. их работало всего 27 человек. Все это, безусловно, негативно сказывается на конкурентоспособности провинции Шаньдун в сфере российского туризма.

Успешному освоению российского туристического рынка в провинции Шаньдун способствовало ежегодное увеличение численности русскоговорящих гидов (в 2009 г. – 26,8 %, в 2010 – 42,3 %), однако такой рост все равно не мог удовлетворить потребности российских туристов. Например, в приморском городе Вэйхай, пользующемся большой популярностью среди российских туристов, нет ни одного штатного гида, что вызывает конфликтную ситуацию между имеющимся предложением и рыночным спросом. Абсолютное большинство появившихся недавно новых гидов работает по совместительству, поскольку являются студентами вузов.

Большинство гидов окончили институт иностранных языков по специальности «Русский язык и литература», и только некоторые из них по специальностям «Туризм» или «Журналистика». Это показывает, что у большинства из них может не хватать специальных знаний по истории и культуре региона, информации о местных достопримечательностях, а также необходимых профессиональных знаний по организации туризма.

Подготовка квалифицированных русскоговорящих гидов стала актуальной и неотложной задачей туристической индустрии провинции Шаньдун. Решение её позволит провинции существенно повысить конкурентоспособность провинции на российском рынке. Для этого необходима всесторонняя поддержка со стороны органов государственного и местного самоуправления, финансовая помощь туристическим фирмам и вузам.

В настоящее время в провинции Шаньдун насчитывается 7 университетов и 7 институтов, в которых русский язык преподается как основная специальность. Ежегодно эти вузы выпускают около 500 русистов с четырехлетним или трехлетним высшим образованием по русскому языку [Цао 2010: 62–64]. К сожалению, несмотря на наличие такого большого количества выпускников, спрос на квалифицированных русскоговорящих гидов все равно не уменьшается. Это демонстрирует серьезные недостатки в системе преподавания русского языка в провинции Шаньдун: отсутствие системного подхода к практико-

ориентированному образованию, учет профессиональных требований с учетом потребностей рынка.

Таким образом, совершенствование системы подготовки русскоговорящих кадров, разработка эффективных механизмов переподготовки гидов и переводчиков с разными профилями профессиональной деятельности, соответствующими рыночному спросу, является необходимой частью образовательной реформы преподавания русского языка. Решению этих проблем может способствовать дальнейшее развитие отношений с российскими университетами, которое предполагает приглашение в китайские вузы квалифицированных преподавателей – носителей русского языка, организацию включенного обучения студентов в российских учебных заведениях, проведение в России ознакомительной и языковой практики студентов, расширение обмена учащимися с российскими городами.

Необходимой частью современного учебного процесса в китайских вузах становится укрепление сотрудничества с предприятиями провинции Шаньдун на основе создания совместных баз практик с целью формирования у студентов необходимых профессиональных умений и навыков. Сотрудничество вузов с предприятиями предоставляет студентам возможность получить ценный практический опыт, лучше подготовиться к решению профессиональных задач, наконец, решить проблемы психологического плана, связанные с профессиональной самоидентификацией и повышением личной уверенности в себе как профессионале. Взаимовыгодное сотрудничество дает обеим сторонам возможность обмениваться идеями, знаниями, опытом, проводить совместные научные исследования.

Для системного решения имеющихся проблем, связанных с нехваткой русскоговорящих специалистов в провинции Шаньдун, необходима консолидация усилий вузов, отраслевых секторов экономики и заинтересованных предприятий, постоянная работа вузов, направленная на повышение качества учебного процесса и усиление его практической направленности, а также внимание и поддержка со стороны органов государственного и местного управления туризмом, причем не только на внутригосударственном, так и на международном уровне.

Библиографический список

Годовой отчет о развитии въездного туризма Китая – 2012. Пекин: Туристическое образование, 2012. 181 с.

Китай XXI века. Минск: БелНИИДАД, 2004. 250 с.

Цао Юехуа. Преподавание русского языка в провинции Шаньдун: современное состояние, проблемы и перспективы // Вестник педагогических инноваций. 2010. № 4 (24). С. 60–67.

Чжан Фэнчжэн. О подготовке русскоговорящих гидов в профессионально-технических училищах // Образование взрослых в Китае. 2008. № 6. С. 181–182.

Cao Yuehua
Professor of Foreign Language Institute
Shandong Normal University

Boris V. Kondakov
Professor of Russian Literature Department
Perm State University

AN ANALYSIS ABOUT "DIALOG OF CULTURES", THE DEVELOPMENT OF THE TOURISM INDUSTRY: CURRENT SITUATION, PROBLEMS AND SOLUTIONS IN SHANDONG PROVINCE

Through analyzing the crux about the human resources of Russian tour guides' slow development and construction in Shandong Province and reflecting on Shandong Province Higher Russian Education in this paper, it indicates that the mutual cooperation and joint efforts of the tourism management departments, universities and enterprises in Shandong Province are the key to solve the problems of quality and quantity of Russian tour guides team in Shandong Province and to ensure a virtuous cycle of talents and markets.

Key words: globalization; dialog of cultures, cross-cultural communication; Shandong; Russian tour guides; education

УДК 81'373.232

Чугаев Николай Валентинович
учитель гимназии № 31 г. Перми
aegolios@yandex.ru

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПЕРМСКИХ ФАМИЛИЙ XVIII ВЕКА[1]

В статье рассматривается происхождение четырнадцати фамилий, зафиксированных в памятнике письменности XVIII в., но отсутствующих в «Словаре пермских фамилий» Е.Н. Поляковой.

Ключевые слова: антропоним; фамилия; памятники письменности XVIII в.

Предметом рассмотрения настоящей статьи является происхождение фамилий, не вошедших в «Словарь пермских фамилий» Е.Н. Поляковой (далее – СФ) [СФ 2005]. При исследовании памятника XVIII в., рукописи под названием «Столп приходной пыскорской денежной казны 1741 году» (хранится в ГАПК, далее – Столп), было обнаружено более 150 фамилий, большинство из которых фиксируется памятниками, легшими в основу СФ, однако небольшое число фамилий еще не введено в научный оборот, их происхождение не исследовано.

Целью статьи является не только выяснение, к какому личному имени или прозвищу восходит фамилия, но и, по возможности, вероятное объяснение, почему могло быть дано человеку такое прозвище.

Фамилия ***Гарцов*** может восходить к слову *гарц* / *гарнец* [Словарь XVIII века: эл. ресурс] – ‘мера сыпучих тел, 1/8 четверика’. В «Словаре древнерусских личных собственных имен» прозвище *Гарнец* зафиксировано [СДРЛСИ: 103]. Можно предположить, что прозвище *Гарнец* метафорически передавало небольшой рост своего носителя.

Производящая основа фамилии ***Дивликеѣв***, по всей видимости, является результатом фонетического упрощения тюркского имени *Девлеткилдей*, фиксируемого «Словарем имен жителей Пермского края XVI–XVIII веков» [СИ: 454].

Фамилия ***Зломанов***, возможно, восходит к словам *злокоманный, злокоман* ‘зложелательный, злокозненный, злонамеренный, злорадный; человек этого свойства, враг, недруг’ [Даль: 684]; *злохоманный* ‘проклятый’ [Князькова 1965: 208]; *злокоманный* ‘злой, лихой’ [Словарь XVIII в.: эл. ресурс]. Возможно, синкопа в этой фамилии вызвана влиянием трехсложных фамилий с исходом на *-манов*: *Басманов*, *Батманов*, *Гарманов* и т.д. (из 18 таких фамилий, зафикисрованных СФ, только 2 являются четы-

© Чугаев Н.В., 2014

рехсложными: *Ялыманов* и *Талашманов*), а также семантическим сближением с фамилией *Ламанов*/*Ломанов* от *ламан* – ‘леший’ [СФ: 209].

Фамилия ***Лошкомоев*** встречается в книге Б.О. Унбегауна «Русские фамилии». По Унбегауну, фамилия восходит к названию профессии *лошкомой* – судомойка [Унбегаун 1995: 312–313].

Не вполне ясно происхождение фамилии ***Катычев***. Возможно, она представляет собой антропоним с двойным патронимическим суффиксом [там же: 85–87]. В этом случае *-ыч-* является суффиксом, а основа *-кат-* восходит к прозвищу *Кат* [СФ: 169]. Однако обычно такие структуры образованы от мужских календарных имен или прозвищ (*Артамонычев*, *Павлычев*). Возможно, фамилия *Катычев* имеет тюркское происхождение, в таком случае *-ыч-* является частью корня, ср. тат. *каткыч* ‘веретено’ [ТРС: эл. ресурс], турец. *katyk* ‘то, что едят с мясом’, уйгур. *kütüči* ‘пастух’ [Унбегаун 1995: 294].

Фамилия, встретившаяся в форме *клепе/ны-м* (расположенная в конце одной строчки и начале другой), скорее всего, содержит ошибку. Следует, вероятно, прочесть эту фамилию как ***Клепин***. Фамилия *Клепин* может восходить к календарному имени *Клеопа*, *Клеоп* [там же: 44] (как Фефилов к Феофил), впрочем, не зафиксированного СИ Е.Н. Поляковой. Весьма маловероятным представляется связь с антропонимом *Клепен* (Паисий Клепен, наместник Печерский Киевский) [СДРЛСИ: 181]. Учитывая то, что документ является рукописной копией плохого качества, можно предположить и пропуск переписчиком буквы, в случае которого фамилия получает другое прочтение: *Клепчи/ным (с выносной *и* в конце строки), т.к. *е* и *ч* в данном почерке близки по начертанию.

Фамилия ***Массихин***/***Мяссихин*** встречается в одном документе три раза в разных формах, однако везде стоят два с – выносное и строчное. Фамилия может быть образована от женского прозвища *Масиха*, данного по мужу, которого звали *Масей* [СИ: 255] или, возможно, *Мася* (< Максим), или *Мясиха*, по прозвищу мужа *Мясо* [ВФ: 65; СДРЛСИ: 264].

Фамилия ***Осиев***, скорее всего, образована от бытовавшей в XVIII в. формы календарного имени *Осий*/*Осей* [СФ 312-313].

Фамилия ***Ратаев***, зафиксированная рядом словарей [СДРЛСИ: 722; Унбегаун: 99], восходит, очевидно, к прозвищу по профессии *Ратай* из слова *ратай* ‘пахарь’.

Фамилия ***Сафьянов*** [СДРЛСИ: 739], скорее всего, от прозвища *Сафьян* из названия материала *сафьян* ‘выделанная кожа козы’. Можно предположить, что такое прозвище характеризовало материальное положение человека.

Двоякое прочтение может иметь фамилия ***Солонинин***/***Солонихин***, представленная в подписях к документам.

Фамилия *Солонинин* встречается у С.Б. Веселовского [Оном: эл. ресурс], Н.М. Тупикова [СДРЛСИ: 368, 757], Б.О. Унбегауна [Унбегаун 1995: 154], фамилия *Солонихин* – только у Поляковой [СФ: 355]. Подпись появляется около десятка раз, однако окончательного решения о прочтении нет. Буквы *н* и *х* в написании этой фамилии являются практически идентичными. В одном случае фамилия представляет собой разрывную закрепу (т.е. части подписи разделены на несколько листов для удостоверения подлинности документа). Фамилия оказывается разделенной на следующие элементы: Соло-ни-ни(хи?)-ни-нъ. Один слог, несомненно, является лишним, что является результатом ошибки писца (возможно, намеренной), но в таком случае все три слога должны быть идентичными, что говорит в пользу прочтения *Солонинин*.

Фамилия ***Турков*** восходит к имени *Турко* (деривату от некалендарного имени *Тур*), либо к некалендарному имени *Турко* [СФ: 385]). Антропонимы *Тур*, *Турко* и *Турков* встречаются также в СДРЛСИ [СДРЛСИ: 405], «Ономастиконе» Веселовского [Оном: эл. ресурс].

Фамилия ***Углов*** может восходить к некалендарному имени ***Угол***. Словарь фамилий фиксирует фамилию *Уголкин* к деривату *Уголко* от этого имени [СФ: 389].

Фамилия ***Емашев*** / ***Ямышев*** встречается в двух написаниях, но относится к одному человеку. Очевидно, одно из написаний является ошибочным. Фамилия *Емашев* может иметь тюркское происхождение и восходить к имени *Емаш* / *Ямаш* (дериват имени *Джамалетдин*) [СМТИ: эл. ресурс; ТИМ: эл. ресурс]. Фамилия *Ямышев* может быть связана с топонимом Ямышево Вологодской и Костромской областей.

Итак, в настоящей статье сделана попытка этимологизировать ряд фамилий, зафиксированных в памятнике письменности XVIII в. Происхождение некоторых фамилий (например: Осиев, Дивликеев) довольно прозрачно. Происхождение других может быть установлено только предположительно (например, Катычев, Клепин).

Примечания

[1]Исследование осуществлено при поддержке грантов РГНФ №14-34-01279.

Словари и источники с сокращениями

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1: А–З / Владимир Иванович Даль. М.: Рус. яз. Медиа, 2006. 699 с.

Оном – *Веселовский С.Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С.Б. Веселовский. М.: Наука, 1974. 382 с. цит. по www.twirpx.com/file/1061030. (Дата обращения: 01.08.14.)

СДРЛСИ – *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен / Н.М.Тупиков. М.: Языки славянских культур, 2005. 913 с.

ВФ – *Чайкина Ю.И.* Вологодские фамилии: словарь / Ю.И.Чайкина. Вологда: Русь, 1995. 122 с.

СИ – *Полякова Е.Н.* Словарь имен жителей Пермского края XVI-XVIII веков. Пермь: Издательский дом Бывальцева, 2007. 464 с.

СФ – *Полякова Е.Н.* Словарь пермских фамилий (XVI-XVIII века). Пермь: «Книжный мир», 2005. 464 с.

Словарь XVIII века – Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю.С.Сорокин. Л.: Наука, 1989. Вып. 5 –256 с.; Спб.: Наука, 1995. 256 с. Вып. 8 цит. по feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm. (Дата обращения: 1.08.2014.)

СМТИ – Словарь мужских татарских имен // электронный ресурс www.tatar.com.ru/names2.php. (Дата обращения: 1.08.2014.)

Столп – Столп приходной пыскорской денежной казны 1741 году. Рукопись. ГАПК. Ф. 180., оп. 1, ед. хр. 26.

ТИМ – Татарские имена мальчиков // электронный ресурс www.назвать-мальчика.рф/tatarskie-imena16.htm; назвать-мальчика.рф/tatarskie-imena25.htm. (Дата обращения: 1.08.2014.)

ТРС – Татарско-русский словарь / Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова. Казань, 2007. // электронный ресурс http://tatar_russian.academic.ru/5332/әвернәле_каткы. (Дата обращения: 18.11.2014.)

Библиографический список

Князькова Г.П. Лексика народной разговорной речи в комедии и комической опере 60-70-х годов XVIII века (материалы и наблюдения) // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.–Л.: Наука, 1965. 311 с. С. 136–225.

Унбегаун Б.О. Русские фамилии / Б.О. Унбегаун. М.: Прогресс, 1995. 448 с.

N.V. Chugayev
School teacher
Gymnasium № 31 of Perm

ORIGIN OF SOME XVIIIth CENTURY PERM SURNAMES

The article discusses the origins of fourteen names recorded in the written monuments of XVIII century., but not entered in the "Dictionary of Permian names" (prof. E.N. Polyakova)

Key words: surname; anthroponymy; written records of the XVIIIth century.

ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.161.1”18”

Галиева Марианна Андреевна
аспирант кафедры истории русской литературы XX века
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
marianna.galieva@yandex.ru

РОЖДЕСТВО У Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ЗАКОН ПРОСТРАНСТВА

В статье рассматривается поэтика ранних и поздних повестей Ф.М. Достоевского. Большое внимание уделено рождественской тематике. Проводятся параллели с творчеством Гофмана. Анализируется закон пространства в рассказе «Мальчик у Христа на елке».

Ключевые слова: Достоевский; фантастическое; Гофман; космическое начало.

Обращаясь к теме Рождества у Достоевского, исследователи в первую очередь берут для анализа рассказ «Мальчик у Христа на елке». Так, Е.В. Душечкина в монографии «Русский святочный рассказ: становление жанра» пишет о том, что этот рассказ «приобрел репутацию хрестоматийного рождественского текста и, многократно переиздаваясь в сборниках и святочных хрестоматиях, породил множество подражаний» [Душечкина 1995: 155]. А.В. Ляпина в ходе спецсеминара «Рождественские и пасхальные мотивы в русской прозе второй половины XIX – начала XX века» также обращается именно к этому тексту Достоевского. Понятно, что рассказ ориентирован на классическую разработку сюжета о Рождестве, однако *почему-то* этот текст отличается от других текстов на эту же тему, особенно от произведений, в которых прослеживается тот же «елочный» мотив (рассказ И.Н. Мердер «Из жизни петербургских детей (Нищенки)», рассказы К.М. Станюковича). И дело здесь не столько в том, что произведения Достоевского обладают общественно-моральным смыслом, сколько в поэтике рассказа, в том, *как* написан, *сделан* этот небольшой, но емкий текст. В этом контексте можно также провести параллель с произведениями Н.В. Гоголя, и учесть при этом важные положения из известной статьи М.Ю. Лотмана «Художественное пространство в прозе Гоголя» о типах пространственных моделей: «Героям неподвижного, “замкнутого” locus′а противопостоят герои “открытого” пространства» [Лотман 1997: 625], но его фантастический элемент зачастую носит внешний характер, т.е. явно выражен – сакральное, фантастическое и бытовое соприкасаются друг с другом, но легко отделимы друг от друга. У Достоевского все иначе. Итак,

© Галиева М.А., 2014

попытаемся выявить взаимодействие фантастического и бытового в тексте Достоевского, функционирование разных типов locus'ov. Представляется важным также замечание М.М. Бахтина о художественном мире Достоевского, что Достоевский «мыслил свой мир по преимуществу в пространстве, а не во времени» [Бахтин 1972: 38–44].

Рассказ «Мальчик у Христа на елке» примечателен своим ярким контрастом между двумя реальностями – с одной стороны, маленький мальчик очень хочет есть, а с другой – елка, на которую его зовет Христос. Без этого контраста рассказ не был бы так выразителен, несмотря на то что он обладает глубоким моральным смыслом. Можно было бы написать очень кратко, но автор подробно описывает восхищение мальчика тем большим миром, в который он вырывается из тесного холодного подвальчика, являющегося для него в некой мере фантастическим: «Ух, какое большое стекло, а за стеклом комната, а в комнате дерево до потолка; это елка, а на елке сколько огней, сколько золотых бумажек и яблоков, а кругом тут же куколки, маленькие лошадки; а по комнате бегают дети, нарядные, чистенькие, смеются и играют, и едят, и пьют что-то. Вот эта девочка начала с мальчиком танцевать, какая хорошенькая девочка! Вот и музыка, сквозь стекло слышно. Глядит мальчик, *дивится, уж и смеется*, а у него болят уже пальчики и на ножках, а на руках стали совсем красные, уж не сгибаются и больно пошевелить» [Достоевский 1958: 362] (здесь и далее в примерах курсив наш. – *М.Г.*). Важна точка зрения героя на происходящее (для мальчика – это все необычное, даже с фантастической окраской, для читателя – нет). Вторая деталь, говорящая о том, что мальчик воспринимает мир иначе, – куколки в витринах: «И подумал сперва мальчик, что они живые, а как догадался совсем, что это куколки, – вдруг рассмеялся» [Достоевский 1958: 363]. Здесь стоит провести параллель с творчеством Гофмана, получившим распространение в России с 1830-х гг. [Душечкина 1995: 123]. Например, в «Песочном человеке» главный герой Натанаэль влюблен в Олимпию, дочь профессора, как впоследствии выяснилось, куклу, хотя сам влюбленный всегда в ней подмечал эти черты, и для него она казалась прекрасной: «<…> он оставался совершенно равнодушен *к одеревенелой и неподвижной Олимпии* и только изредка бросал поверх компендиума рассеянный взор на эту прекрасную статую, и это было все» [Гофман1991: 309]. Но для нас более важен не столько мотив куклы, а именно то, как вкраплен этот фантастический элемент в совсем не фантастический (даже не романтический, как у Гофмана) контекст – пограничное состояние (было / не было, случилось / не случилось событие). Это характерно и для художественного мира Гофмана: «Скажу чистосердечно, мне думается, что все то страшное и ужасное, о чем ты говоришь, *произошло только в твоей душе*, а действительный *внешний мир весьма мало к тому причастен*» [Гофман1991: 297]. У Достоевского мальчику почудилось, что его кто-то толкнул, а потом, оказывается, что

он и правда, покатился наземь (возникает проблема реальности событий): «*Вдруг ему почудилось*, что сзади его кто-то схватил за халатик: большой злой мальчик стоял подле и *вдруг* треснул его по голове, сорвал картуз, а сам снизу поддал ему ножкой. *Покатился мальчик наземь*, тут закричали, обомлел он, вскочил и бежать-бежать <…>» [Достоевский 1958: 363]. Здесь можно выделить еще одно ключевое для всей поэтики Достоевского слово – «вдруг», которое характеризует особым образов пространственно-временную модель: «Все неожидаемо, все вдруг, и изменения настолько внезапны, что происходящее не может не казаться катастрофой. Весь мир вдруг и разом <…>» [Подорога 2006: 588–589]. Таким образом, ребенок иначе воспринимает действительность, для него потеряна грань между сном и явью, однако в конце рассказа фантастический элемент выражен уже ярко. Герой умер, поэтому разделение мира на «здесь» и «там» особенно актуально: «У Христа всегда в этот день елка для маленьких деточек, у которых *там* нет своей елки ... <…>» [Достоевский 1958: 364]. Более того, Достоевский поместил своего героя в пространство «переходного» типа. Как отмечают некоторые исследователи, к пространствам такого типа относятся «лестница, стена, дверь» и т.д.: «Между пространством закрытым, тесным или сжатым и пространством открытым, свободным, между омраченным, сумеречным и сияющим, световым; как если бы эти их различия сводились к различиям, известным по сновидному опыту пространства, между удушающим сужением *кошмара* и широтой счастья (утопия)» [Подорога 2006: 547]. Мальчик помещен Достоевским в подвал, пространство тесное, сжатое, холодное, сырое, а потом словно «выброшен» в иное пространство – открытого типа, причем освещенное, что, конечно, важно как в плане противопоставления *света – тени*, так и замкнутости – закрытости: «И какой здесь стук и гром, какой *свет* и люди, лошади и кареты, и мороз, мороз!» [Достоевский 1958: 362]. Но и это еще не все. Мальчик, прежде чем попасть в другой locus, должен «преодолеть» лестницу: «Он еще бы и раньше пошел, да все боялся *вверху, на лестнице*, большой собаки, которая выла весь день у соседских дверей. Но собаки уже не было, и он вдруг вышел на улицу» [Достоевский 1958: 361] (здесь снова употреблено ключевое слово «вдруг» для передания ощущения состояния переходности, ускорения *ритма времени* героя). После чего произойдет еще одно «вознесение» – уже последнее – вознесение ко Христу на елку (дерево здесь, как Axis mundi): «Пойдем ко мне *на елку*, мальчик, – прошептал над ним вдруг тихий голос <…> кто-то нагнулся над ним и обнял его в темноте, а он протянул ему руку и ... и вдруг, – о, какой свет!» [Достоевский 1958: 363]. И снова, надо отметить, перед мальчиком открывается светлое, мы бы сказали *световое*, пространство.

Итак, с точки зрения функционирования locus'ov, можно говорить о двойном преодолении пространства, поднятии на уровень *выше* героя – сначала из подвала на улицу, а потом с улицы в небесное пространство.

Здесь же происходит и преодоление *тела* – смерть героя как переход в другой мир (в космическом плане). Так представлена вертикальная модель пространства у Достоевского, через вознесение (двойное), но есть и горизонтальная модель, которую мы разбирали ранее, она выражена в «кукле», в «мальчике», который *вдруг* толкнул маленького мальчика (или ему почудилось это) – в преодолении бытового пространства как выходе из повседневности, в ином видении *реального* мира.

Таким образом, мы проследили характер взаимодействия разных типов locusa в рассказе «Мальчик у Христа на елке» и можем сказать о том, что текст Достоевского, с одной стороны, «хрестоматийный», написанный на рождественскую тему, а с другой – это текст с характерными чертами поэтики Достоевского, с его *действующей деталью*.

Библиографический список

Бахтин М.М. Полифонический роман Достоевского и его освещение в критической литературе // Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.

Гофман Э.Т.А. Песочный человек // Гофман Э.Т.А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1991. Т. 2.

Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 10 т. М., 1958. Т. 10.

Душечкина Е.В. Святочный рассказ середины XIX века // Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: СПбГУ, 1995.

Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб., 1997.

Подорога В.А. Книга вторая. Рождение двойника. Логика психомимесиса и литература Ф. Достоевского. Идеальный хроникер // Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы. Том 1. Н. Гоголь, Ф. Достоевский. М.: Культурная революция, Логос, Logos-altera, 2006.

M.A. Galieva
Postgraduate Student of History of Russian Literature of the XX Century Department
Lomonosov Moscow University

CHRISTMAS IN F.M. DOSTOEVSKY: SPACE LOW

The article deals with the poetics of early and late novels of F.M. Dostoyevsky. Much attention is paid to the Christmas theme. In this regard, parallels to the creation of Hoffmann. Space law is analyzed in “The Boy at Christ's Christmas tree” and the story “The weak heart”.

Key words: Dostoevsky; fantastic; Hoffman; cosmic principle.

УДК 821.161.1”18”

Гурова Елена Павловна
аспирант кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
eg555a@yandex.ru

СТРАННИЧЕСТВО В РУССКОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье рассматривается смысловое наполнение понятия «странничество» на материале русской прозы XIX в. Интерпретация образов странников, скитальцев предопределена в первую очередь мировосприятием писателей, литературным контекстом, особенностями исследовательского (читательского) восприятия. Неоднозначность понятия, его сложность прослеживается наиболее отчетливо в творчестве талантливого писателя-очеркиста, народника Г.И. Успенского.

Ключевые слова: странничество; скитальчество; литературный контекст; смысловая целостность.

Феномен странничества в русской литературе второй половины XIX в. достаточно широко исследован. Его многогранность и неоднозначность отражена в многочисленных работах, посвященных анализу образов странников и скитальцев в произведениях А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова и других, и обусловлена, прежде всего, спецификой восприятия данного феномена в русской культуре.

Следует отметить, что невозможно провести четкую семантическую границу между понятиями странничества, скитальчества, бродяжничества. Приведенные понятия в большей степени синонимичны, представляют собой, с нашей точки зрения, своеобразную градацию смыслов, целый спектр которых можно обнаружить в исследованиях.

Так, по мысли Т.Л. Рыбальченко, «странничество – это перемещения по земной юдоли в ожидании и служении небесному миру; … скитальчество связано с уединением» [Рыбальченко 2013: 88]. Несколько иначе, более четко дифференцирует эти понятия А.А. Моисеев: «“странник”, по сути, являлся человеком, обрекшим себя на бродяжничество ради поклонения святым местам, а “скиталец” воспринимался как чужак или проходимец, которому нет веры» [Моисеев 2013: 10]. Объединяет, как представляется, приведенные точки зрения, заключение З. Хайнади, Дебрецен: «[Русский человек] постоянно занят поиском путей

© Гурова Е.П., 2014

к праведной жизни. … У скитальца не лёгкое чувство странника, а ощущение безбытности и выключенности из истории» [Хайнади, Дебрецен]. При этом, несмотря на проводимые разграничения, выстраивается своеобразный синонимический ряд: скитальчество, странничество, бродяжничество, юродство, паломничество.

Немаловажно, что в нравоописательной прозе 70–80-х гг. XIX в. понятия скитальчества и странничества сливаются, смешиваются. Скитальчество обусловлено не только и не столько ощущением бесприютности, исключенности из истории. Зачастую оно стихийно, является неосознанной необходимостью.

Странничество в своем более распространенном значении – путь к Божьей правде. Таково его отражение в прозе И.С. Тургенева, в частности в «Записках охотника». Нет описания фактического странничества, однако есть помыслы о нем, стремление к идеальному миру, который в «Записках…» сосредоточен в степях за Курском. Степи в представлении Касьяна с Красивой Мечи идут «до самых теплых морей, где живет птица Гамаюн сладкогласная, и с дерев лист ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки растут золотые на серебряных ветках, и живет всяк человек в довольстве и справедливости» [Тургенев, Т. 3: 119]. Таким образом, отражено народное представление об идеальном мире, идеальной жизни – своего рода земном воплощении Эдема.

Подобное представление об идеальном мире, где можно найти «самое настоящее», наблюдается также у Парамона юродивого, одного из персонажей одноименного рассказа-очерка Г.И. Успенского. Так, он «… упорно продолжал думать, что “самое настоящее” еще не тут … надо за ним идти пять тысяч верст, и … без истязаний ничего, пожалуй, и не выйдет» [Успенский, Т. 4: 104]; жития святых, акафисты «можно узнать где-то за пятьсот тысяч верст, на необитаемом острове, у каких-то подземных старцев, которые в сто лет съедают один гриб» [там же]. Здесь нашли отражение апокрифы, духовные стихи, характерные образы и сюжетно-композиционные моменты народных сказок («необитаемый остров», «подземные старцы», мотив пути в дальнее место).

В повести Н.С. Лескова «Очарованный странник» спасение души, истинный путь возможен только сквозь череду испытаний, где каждое новое испытание – на новом месте, с новой силой, знаменуя новый этап развития героя, новую ступень на пути к Божьей правде и искуплению своего греха.

Подобную, душеспасительную семантику мотив странничества приобретает также в повести Л.Н. Толстого «Отец Сергий». Следует обратить внимание на то, что достаточно парадоксально действия, поступки, воспринимающиеся в обществе как свидетельства святости героя, его отрешенности от грешного мира, в большинстве своем обессмысливаются, те-

ряют сакральное значение. Смирение Касатского, в сущности, не является истинным. Это попытка уйти от людей, от своего разочарования, в какой-то мере погрузиться в свою внутреннюю жизнь. «Вообще за все это время Касатский жил не по своей воле, а по воле старца, и в этом послушании было особенное спокойствие. … Все внимание, все интересы его были сосредоточены на своей внутренней жизни» [Толстой, Т. 31: 13]. Это смирение в большей степени внешнее, для окружающих, ради славы людской. В этой связи закономерна скука, охватывающая Касатского на седьмой год жизни в монастыре. Уход в монастырь, монашество становится маской, средством забвения, ухода от прошлого: «... были минуты, когда… воспоминание и – ужасно сказать – раскаяние в своем обращении охватывало его. Спасенье в этом положении было послушание – работа и весь занятой день молитвой. … Но день этот или два были ужасны. Касатский чувствовал, что он не в своей и не в божьей власти, а в чьей-то чужой» [там же]. Уединение не столько способствует совершенствованию, развитию духовного мира, сколько отказу от самого себя.

Сущность жизни в соответствии с христианскими идеями показана через систему контрастов, что подтверждается и выводом, делаемым Касатским после встречи с Пашенькой: «Я жил для людей под предлогом Бога, она живет для Бога, воображая, что она живет для людей… Нет Бога для того, кто жил, как я, для славы людской. Буду искать его» [там же: 44]. В большей степени подобное понимание христианства, христианских идей характерно для народного восприятия: истинный христианин не тот, кто спасает свою душу, уйдя от мирской суеты, а тот, кто живет для других и ради других. Странничество становится спасением, дает возможность через самоумаление, смирение прийти к «настоящему», истине, Высшей правде, прежде всего через понимание себя. Таким образом, феномен странничества концентрирует в себе отказ от собственного «я» во имя других людей, растворения в них, в их жизни, бедах. Своеобразно преломляется смысл заповедей Христа, реализуется (несколько иначе) подвиг распятия Христа.

В соотношении с вышесказанным немаловажно, что странничество как культурное явление не столь однозначно. Оно несет в себе в том числе семантику одиночества, отрыва от своих корней, отчасти отсутствие гармонии в душе, четкого представления о сущности и цели жизни.

Неоднозначная природа странничества наиболее ярко, на наш взгляд, прослеживается в прозе Глеба Успенского. Следует обратить внимание на ряд семантически сложных образов бывших духовных лиц («расстриг»), исключенных семинаристов, образы странников в рассказах-очерках Г.И. Успенского. Его странники зачастую определяются остальными персонажами произведений как «чудаки», шуты, юродивые. С нашей точки зрения, рассматриваемые образы несут в себе сложную семан-

тику, включая в себя признаки нескольких типов (см. рассказы-очерки «Деревенские встречи» (1865), «На постоялом дворе» (1866), «Наблюдения одного лентяя» (1871)).

Немаловажно в художественном мире Г.И. Успенского четкое противопоставление странников и толпы. Косность толпы, ее сосредоточенность на бытовых мелочах, возводимых в культ, противостоит мысли странников, их стремлению понять истинный смысл жизни, найти в ней свое место. Особого внимания, с нашей точки зрения, заслуживает выражение «толпа, не спеша продвигающаяся вперед, расступается и обходит сторонами какую-то плечистую фигуру» [Успенский, Т. 1: 199]. Таким образом, косвенно подчеркивается обособленность бывшего священника Медникова от толпы, его чуждость толпе. Семантика обособленности создается и посредством смеховых моментов, эпизодов. Влияние речи отца рассказчика в «Наблюдениях одного лентяя» на окружающих таково, что его собеседник «с каждым словом в отпор… злится более и более, говорит урывками, словно его бьют по спине, лицо его делается весьма глупым и смешным» [Успенский, Т. 3: 225]. В этой связи вполне правомерно, с нашей точки зрения, отметить логику смехового мира: «В скрытой и открытой форме в “валянии дурака” присутствует критика существующего мира, разоблачаются существующие социальные отношения, социальная несправедливость» [Лихачев, Панченко 1976: 5].

Во главу угла поставлен поиск не Божьей правды, а «жизни», «души». Происходит переосмысление основных христианских категорий: настоящее, Божья правда, истина воспринимается как жизнь, а слепое следование выработанному алгоритму жизни обывателей – как мертвенность, смерть, гибель. Так, требует жизни натура Никитича в «Деревенских встречах», «такой жизни, чтобы каждая жилка жила и трепетала жизнью, каждая крупинка крови не дремала и гуляла живя» [Успенский, Т. 2: 221]. Тем не менее никакое новое положение, никакое новое место, где бы он ни появлялся, не давало «ему жизни» [там же: 229]. Все речи отца рассказчика в «Наблюдениях одного лентяя» сводятся к размышлениям о душе: «несмотря на разнообразие предметов, которых касалась эта речь, и ее неизменно бранный тон, – в ней … постоянно тосковалось о “душе”, о ее погибели, о том, что ее забыли» [Успенский, Т. 3: 223]. Образ жизни и мышления героев выделяемого типа резко контрастирует с искусственностью жизни окружающих.

С нашей точки зрения, прослеживается характерный для народного восприятия, овеществленный, предельно конкретизированный образ-мотив идеального мира, места на земле, где есть средоточие правды, истины, жизни: «Природа здешняя была не та, что на Волге… Рек больших тут не было, лесов тоже…: все было мелко, мало, бедно, все утихло, как будто умерло» [там же]. Именно стихийность, отсутствие запланирован-

ности каждого шага, размах соотносится с жизнью, в то время как практичность, мелкость целей – с мертвенностью.

Тем не менее следует отметить, что и сами образы «чудаков»-странников в рассказах-очерках Г.И. Успенского не обладают смысловой целостностью. В них прослеживается надрыв, подобно героям Ф.М. Достоевского, отчужденность от окружающей жизни – жизни обывателей – и в то же время отсутствие своей жизни, непонимание, «что они такое» [Успенский, Т. 2: 228]. Странничество в данном случае логично интерпретировать, как попытку героя уйти от существующих законов бытия, от своеобразного «алгоритма» жизни. Перемещение с одного места на другое является в большей степени их внутренней потребностью, стремлением найти себя. Однако, подобная особенность в большей степени характерна для скитальца, бесприютного. Указанные черты наблюдаются в распространенном типе «лишнего человека».

Немаловажно, что в художественном мире Глеба Успенского есть и традиционные образы странников. При этом часто они изображаются в комическом контексте, что придает сценам карикатурный характер, отчасти балаганную семантику. В качестве примера может быть приведен эпизод со странником-монахом из Иерасулима, который спас от греха прачку и чиновника, написавших клятву на образе. Причем отмечается буквальное понимание очищения от греха (отмывание клятвы с образа «чистой, расчистой мочалкой»). Сакрализованный в восприятии обывателей сюжет снижается посредством восприятия отца главного героя, своего рода сущностного восприятия: «… Монах его спас! От любви!.. Выели душу из вас, выели… Нету ее!» [Успенский, Т. 3: 244].

В одном художественном пространстве сталкиваются два практически зеркально противоположных мира – мир чудаков, странников и мир обывателей, – чем определяется неоднозначность образов, комичность многочисленных сцен и сценок, составляющих единое целое произведения посредством своего рода эффекта «мозаики», эффекта «зеркального отражения».

Странничество как сложное культурное явление позволяет передать выпукло неоднозначность русского характера, крестьянской жизни, мир обывателей. Образы странников, эпизоды с их участием составляют значимые сюжетно-композиционные узлы повествования, определяющие семантику остальных образов (персонажей) в произведениях. Этим обусловлена неоднозначность восприятия рассматриваемых образов, мотива, его значимость для интерпретации как образов в художественном мире писателя, так и его концепции окружающего мира, концепции произведения.

Библиографический список

Лихачев Д.С., Панченко А.М. Смеховой мир Древней Руси. Ленинград, 1976. 204 с.

Моисеев А.А. Феномен «скитальчества» в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» и способы его художественного воплощения: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2013.

Рыбальченко Т.Л. Сюжет бродяжничества и новая картина мира в современной русской литературе // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2013. №6 (26). С. 87–100.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 31. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1928–1958.

Успенский Г.И. Полное собрание сочинений в 14 т. Т. 6. М.: Изд-во АН СССР, 1952–1954.

Хайнади З., Дебрецен Странник и скиталец в русской и европейской литературах // URL: http://lit.1september.ru/article.php?ID=200303103. (Дата обращения: 30.03.2014.)

E.P. Gurova
Postgraduate Student of Russian Literature Department
Perm State University

WANDERING IN RUSSIAN PROSE OF THE SECOND HALF XIX CENTURY

The article deals with the semantic content of the concept of “wandering” on the material of Russian prose of the XIX century. Interpretation of the images of strangers, wanderers predetermined first worldview writers, literary context, in particular the research (the reader's) perception. The ambiguity of the concept, its complexity can be traced most clearly in the work of a talented writer, essayist, populist G.I. Uspensky.

Key words: wandering; literary context; semantic integrity.

УДК 821.161.1-14

Моисеева Анна Александровна
старший преподаватель кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
akunevich@mail.ru

МИРРА ЛОХВИЦКАЯ И МАРИНА ЦВЕТАЕВА: ДИАЛОГ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ГЕРОИНЬ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА ФЕДРЫ)

В данной статье приводится доказательство связи между поэтическими мирами двух русских поэтесс, М. Лохвицкой и М. Цветаевой. В качестве такового рассматривается мифологический образ Федры, в их творчестве имеющий ряд важных общих особенностей.

Ключевые слова: мифологические образы в русской поэзии; женская лирика; ролевые героини.

Вопрос о наличии связей между художественным миром М.И. Цветаевой и полузабытым ныне поэтическим наследием Мирры Лохвицкой (М. А. Лохвицкой–Жибер) до сих пор фактически не рассматривался в литературоведении. Между тем первичным основанием для него является однозначный интерес М.И. Цветаевой к своим предшественницам и современницам в поэтическом творчестве, к так называемой «женской лирике». При более внимательном рассмотрении обнаруживаются дополнительные основания для сопоставления этих двух авторов (к примеру, наличие мотивов призывания ранней смерти, колдовской природы творчества, безграничной свободы; мифологизация эпизодов собственной биографии, синтаксические и пунктуационные эксперименты, словотворчество и т.д.). Одним из оснований такого рода является общность нескольких мифологических пар, оказавшихся в фокусе внимания обеих женщин-поэтов: Федра – Ипполит (древнегреческая мифология), Агарь – Измаил (библейское предание), смертная женщина – ангел смерти Азраил (кораническое предание). Ведущими в этих парах оказываются героини, от лица каждой из которых разворачивается эмоционально насыщенный лирический монолог, обращенный к герою, монолог, который с таким же правом можно было бы назвать «односторонним диалогом». Это же определение кажется применимым непосредственно к ситуации творческой переклички, наблюдаемой в поэзии названных авторов. «Прячась» за образами мифологических героинь, они ведут своеобразный диалог по поводу содержания интересующих их мифов.

© Моисеева А.А., 2014

Сразу хотелось бы отметить, что употребление терминов «миф», «мифология» и «мифологический» в данном случае оказывается достаточно условным. Понятно, что невозможно рассматривать Библию и Коран исключительно в качестве сборников иудейских и арабских преданий даже с позиций атеистического мировоззрения (тогда как ни Лохвицкую, ни Цветаеву нельзя было назвать атеистками в прямом смысле этого слова и, тем более, упрекнуть в недостаточной эрудиции). Фактически в данном случае речь идёт о мифе не как об архаическом тексте древней культуры, а как о некой универсальной схеме, символически отображающей отношения человека и мира; именно такое понимание мифа оказывается наиболее востребованным в культурном сознании XX в., часто характеризуемом как неомифологическое. Как отмечает в развёрнутом определении понятия «неомифологизм» В.П. Руднев, в XX в. «в роли мифа… начинают выступать… и исторические предания, бытовая мифология, историко-культурная реальность предшествующих лет, известные и неизвестные художественные тексты прошлого» [Руднев 1999: 184].

Остановимся на сопоставлении предложенных русскими поэтессами интерпретаций образа героини античного мифа – Федры. Образы Федры и Ипполита являются центральными в стихотворении М. Лохвицкой «Легенда желтых роз» (1889 г.), в поэтическом цикле «Федра» (1923 г.) и одноименной трагедии в стихах (1927 г.) М.И. Цветаевой. (Кроме того, имя Федры как воплощения беззаконной страсти упоминается в цветаевских стихотворениях «Офелия – в защиту королевы», «Всё так же, так же в морскую синь…» и циклах «Проводы» и «Облака».) Если сосредоточить внимание исключительно на тех лирических текстах обоих авторов, которые являются вариантами прочтения известного мифа, то сразу же обнаруживаются некоторые общие закономерности:

1) по принципу субъектной организации данные произведения однозначно относятся к ролевой лирике (согласно классификации субъектных форм сознания по Б.О. Корману, герой ролевой лирики заведомо нетождественен биографическому автору, являясь носителем иного социально-бытового либо культурно-исторического мышления [Корман 1978: 98]);

2) в центре изображения оказывается собственно один эпизод мифологического сюжета – признание Федры в любви к Ипполиту (завязка сюжета);

3) в обоих случаях акцентируется мотив инцеста, подчеркивается преступность Федриной любви: Ипполит называется не пасынком, а сыном, Федра – не мачехой, а матерью.

При этом и М. Лохвицкая, и М.И. Цветаева словно бы сознательно обособляются от всей предшествующей русской традиции поэтических обращений к образу Федры, для которой, начиная с А.П. Сумарокова, характерно было восприятие этой мифологической героини в первую оче-

редь сквозь призму театральных постановок Расина. Отголоски этой традиции, поддержанной самим А.С. Пушкиным в «Евгении Онегине» («…Онегин полетел к театру, / Где каждый, вольностью дыша, / Готов охлопать entrechat, / Обшикать Федру, Клеопатру…» [Пушкин 1969: 12]), явственно слышны даже у современника М.И. Цветаевой О.Э. Мандельштама, стоит вспомнить хотя бы его стихотворное описание А.А. Ахматовой («Зловещий голос – горький хмель – / Души расковывает недра: / Так – негодующая Федра – / Стояла некогда Рашель» [Русская поэзия XVII–XX веков 2004: 23275]), из стихотворения «Ахматова» («Вполоборота, о, печаль…») (1914) или не менее известное сожаление «Я не увижу знаменитой "Федры"…» (1915). Однако для женщин-поэтов, о чьём творчестве идёт речь, значимым оказывается обращение непосредственно к мифологическому первоисточнику.

М. Лохвицкая в своем произведении фактически усиливает мифологическую составляющую, превращая историю Федры в этиологический миф о происхождении желтых роз: алые розы желтеют, выслушав признание царицы в запретной страсти. «Наш ненавистный, наш презренный цвет / Не радует уж больше взор влюбленных, – / То скорби цвет, страданий затаенных, / Преступной страсти, ревности сокрытой, / Любви отвергнутой и мести ядовитой!» [Лохвицкая 2014]. Весьма любопытна композиционная структура данного текста, по существу представляющая не характерный для лирики «рассказ в рассказе»: повествование от лица желтых роз обрамляет страстный монолог Федры, являющийся семантическим и эмоциональным центром произведения. Функциональное значение обрамляющей его легенды роз, очевидно, состоит в утверждении силы и неистребимости человеческих страстей, налагающих отпечаток на саму природу и переживающих своих носителей.

Поэтический цикл М.И. Цветаевой «Федра» также организован как высказывание от лица героини, точнее, как два высказывания. Первое из стихотворений носит название «Жалоба», второе – «Послание». На первый взгляд, в смысловом отношении они дублируют друг друга, поскольку представляют собой альтернативные варианты любовного признания Федры. Очевидная разница состоит в том, что первом случае это вариант устного признания, во втором – письменного. «Жалоба» с первых строк изобилует восклицательными обращениями («Ипполит! Ипполит! Болит! / Опаляет... В жару ланиты...» [Русская поэзия XVII–XX веков 2004: 42478]), императивными конструкциями («Ипполит! Ипполит! Спрячь!..», «Ипполит! Ипполит! В плен!..» [там же] и т.п.); встречаются вопросно-ответные конструкции, создающие эффект диалогизации («– Олимп взропщет? / Олимпийцы?! Их взгляд спящ! / Небожителей – мы – лепим!» [Русская поэзия XVII – XX веков 2004: 42480]); сбивчивость и прерывистость речи пунктуационно маркирована обилием многоточий.

Начало «Послания» отсылает читателя к античному жанру эпистолы и вызывает в памяти «Героиды» Овидия, созданные как цикл писем мифологических героинь, ср.: «Ипполиту от Матери – Федры – Царицы – / весть. / Прихотливому мальчику, чья красота как воск / От державного Феба, от Федры бежит... Итак, / Ипполиту от Федры: стенание нежных уст» (М.И. Цветаева «Послание») [Русская поэзия XVII – XX веков 2004: 42481] и «Из Гемонийской земли гемонийскому Протесилаю / Шлет Лаодамия весть, счастья желает, любя» (Овидий «Письмо тринадцатое: Лаодамия – Протесилаю») [Овидий 1990: 126]. Отметим, что первые строки входившего в овидиевский цикл письма Федры к Ипполиту в большей степени отличаются от цветаевского текста, как в содержательном, так и в интонационном плане, поскольку в нём не называются имена героев и отсутствует величавая интонация официального приветствия: «Сын амазонки, тебе критянка желает здоровья. / К ней же самой без тебя не возвратится оно» (Овидий «Письмо четвертое: Федра – Ипполиту») [Овидий 1990: 76]. В дальнейшем происходит отказ от эпистолярной «выстроенности» речи и в стихотворении М.И. Цветаевой, официальный канон послания достаточно быстро разрушается под напором обуревающих героиню эмоций. При этом необходимо отметить, что до самого конца стихотворения связь с жанром эпистолы поддерживается: периодически в тексте повторяется «книжный» оборот со словом «итак», и завершается произведение своеобразной «подписью»: «…твоя / Ненасытная Федра».

Для М.И. Цветаевой, как и для её предшественницы М. Лохвицкой, оказывается наиболее важным раскрыть непреходящую сущность мифологического образа, и этой сущностью оказывается всепоглощающая страсть – страсть, убивающая героиню и, парадоксальным образом, тем самым обеспечивающая её бессмертие. Вариативность формы признания в данном случае подчеркивает лишь неизменность его содержания. Чрезвычайно существенен и избранный поэтами способ раскрытия характера – повторим, что в обоих случаях имеет место *само*раскрытие, повествование от лица героини, изнутри мифологического сюжета, что обеспечивает ему дополнительную достоверность и эмоциональную насыщенность.

Не случайно этот способ и в дальнейшем достаточно часто используется М. Лохвицкой и М.И. Цветаевой (да и другими авторами Серебряного века, к примеру, такими, как К.Д. Бальмонт и В.Я. Брюсов) именно в работе с так называемыми «вечными» сюжетами и образами.

Библиографический список

Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 1999. 381 с.

Корман Б.О. Лирика Некрасова. Ижевск: Удмуртия, 1978. 299 с.

Пушкин А.С. Собрание сочинений в шести томах. М.: Правда, 1969. т.4. 478 с.

Русская поэзия XVII–XX веков. Электронная библиотека: шедевры мировой

культуры на CD. М.: ДиректМедиа Паблишинг, 2004. 47 156 с.
Мирра Лохвицкая. Собрание сочинений в пяти томах. Т.1. // http://www.mirrelia.ru. (Дата обращения: 21.03.2014.)
Публий Овидий Назон. Наука любви. Элегии и героиды. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990. 448 с.

A.A. Moiseeva
Senior Lecturer of Russian Literature Department
Perm State University

MIRRA LOHVITSKAYA AND MARINA TSVETAEVA: THE DIALOG OF MYTHOLOGICAL HEROINES (BY THE EXAMPLE OF PHAEDRA)

In this article you can find one argument of connections between poetic worlds of M. Lohvitskaya and M. Tsvetaeva, two Russian poetesses. This is the mythological image of Phaedra in their poetry, which has some important overalls.
Key words: mythological images in Russian poetry; feminine lyrics; role heroines.

УДК 821.161.1“1917/1992”

Мокрушина Ольга Анатольевна
аспирант кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
mokrushina87@gmail.com

ШКОЛА КАК ПРЕДМЕТ ИЗОБРАЖЕНИЯ В ПРОЗЕ 1985–1990 гг. О ДВУХ ПОВЕСТЯХ ЛИИ СИМОНОВОЙ

Статья посвящена выяснению специфики «школьного» текста 1980-х гг. На примере двух повестей Л. Симоновой – «Круг» и «Лабиринт» исследуется художественное воплощение образа школы в литературе этого периода. Особенности представления образов учеников и учителей в произведениях позволяют показать портрет нового поколения. Особое внимание уделяется отражению в обеих повестях исторического времени – второй половины 1980-х гг. Доказывается обусловленность образа школы «перестроечными» процессами, характером переходного времени.

Ключевые слова: русская литература XX в.; Л. Симонова; повесть; школа; образ; время.

Современная литература о постсоветской школе, как и сама школа с ее проблемами, является частью исторического времени, связанного с перестройкой, начавшейся в 1985 г. В эти годы, как и в первое постсоветское десятилетие, школьная тема по понятным причинам была фактически вытеснена другими проблемами. Поэтому не является случайным тот факт, что ряд школьных текстов, созданных с 1985 по 1990 г., очень невелик. Все представляющие его произведения, среди которых повесть Ю. Полякова «Работа над ошибками» (1986), рассказ Д. Рубиной «Всё тот же сон» (1985), рассказ Л. Юзефовича «Гроза» (1987), конечно, показательны с точки зрения отражения в них времени. Однако нам бы хотелось остановиться на двух повестях малоизвестного автора Лии Симоновой, целиком посвященных школе: «Круг» (1985) и «Лабиринт» (1989–1990).

Написанные одна за другой с небольшим промежутком времени, обе повести создают образ школы «на переломе» и раскрывают ее проблемы как часть живой истории конца 1980-х гг. Обе книги вписаны в контекст дискуссий, порожденных временем, и передают его беспокойство и боль, тревогу и поиски выхода из тупиков, развенчивают «идолов» и создают символы, помогающие понять и осознать глубину проблем.

Мы рассмотрим обе повести с точки зрения отраженного в них переходного периода второй половины 1980-х гг.

© Мокрушина О.А., 2014

Действие в повести «Круг» происходит в одной из элитных столичных школ, а описанный выпускной класс – лицо этой образцово-показательной школы. Рассказ о происходящих событиях начинается с конфликтной ситуации: уже в первой главе «Бунт» сообщается, что ученики выпускного класса требуют замены классного руководителя и четко обосновывают свое требование. Они не хотят и не могут больше мириться с тем, что Ольга Яковлевна (физик и по совместительству классный руководитель) плохо знает свой предмет, дает слабые уроки, к тому же «всячески задабривает» завуча Викторию Петровну и является при ней доверенным «стукачом», а с ребятами заигрывает, чтобы «накоротке» выведать их тайны и «донести» все разговоры в кабинет завуча. Их протест удовлетворен, и они получают нового классного руководителя по желанию – Анатолия Алексеевича, преподавателя истории. Однако этот инцидент – внешняя и формальная сторона бунта учащихся. На самом деле конфликт гораздо глубже и имеет системный характер. На примере элитного класса Л. Симонова показывает школу середины 1980-х гг., которая напоминает «разбуженный улей». Эту полифонию голосов и воспроизводит автор, демонстрируя, как неодномерен окружающий мир, как он ломается прямо на глазах.

Л. Симонова «предъявила» подростков во всей полноте их протестного сознания. Из глубины 1985 г. раздались живые и острые голоса маленьких свидетелей большой исторической ломки страны. Приведем некоторые из них, чтобы был понятнее бунт нового поколения: «Мир, в котором мы живем, ужасен. Все лгут, притворяются, тянут одеяло на себя. <…> Все ищут выгоду. Влияние вещей настолько сильно, что некоторые теряют рассудок» (Алёша Столбов) [Симонова 2003: 54–55]; «Добро и Истина – разные вещи? <…> Если счастье заключено в служении Идеалам, так ли необходимо забывать ради них о человеколюбии, всепрощении? Чему я должен служить – Идеалам или Добру?..» (Игорь Пирогов) [там же: 195].

Однако, подчеркивая интеллектуальную и человеческую незаурядность этих ребят, писательница не идеализирует их [Матвеева 1990: 51], она создает диалектический портрет поколения, в котором соединились разные черты. Вот у них на глазах случился сердечный приступ у завуча школы, учитель встает, чтобы подать ей стакан воды, но «ребята смотрели равнодушно. Больное сердце Виктории Петровны не вызывало у них сострадания» [Симонова 2003: 28]. Неслучайно именно об этих ребятах один из свидетелей происходящего говорит: «Вы заметили? <...> У них сухие глаза. Сухие глаза страшнее чумы, это болезнь нашего времени. <…> Их надо научить плакать» [там же: 230–231].

Л. Симонова выносит на обсуждение проблему логической и психологической «нестыковки» ментальных проявлений школьников. Агрессия

и потребность в диалоге, жестокость и воззвание к человечности, способность страдать и равнодушие к чужой боли – эти и другие противоречия Л. Симонова хочет понять и оправдать. Она пишет: «… время выпало на их взросление не такое уж легкое…» [там же: 194].

Критика времени занимает большое место на страницах книги. И в отдельных репликах разных героев, и в развернутых дискуссиях представителей старшего поколения время встает как главная первопричина и нескладной жизни в целом, и искаженных человеческих характеров и отношений. В этом смысле повесть «Круг» напоминает по жанру книгу-диспут, книгу-полемику, в которую втянуты буквально все герои. Только в контексте этого разветвленного диспута можно понять мир и детей, и взрослых. На страницах книги ярко и четко нарисована «учительская» школы – характеры, принципы, функции многоликого учительского коллектива. И в нем тоже сошлись на равных старое и новое, вчерашнее и сегодняшнее.

Директор Надежда Прохоровна не судит резко детей, потому что понимает: нельзя от них требовать сострадания, когда им внушалось, что «жалость унижает», а беспощадность оправдывается «во имя великой цели...» [там же: 234]. Но при этом она живет и действует «как положено» и не нарушает общественного регламента. Завуч Виктория Петровна, напротив, никогда не выпадает из раз и навсегда усвоенного стиля: «Кричать на них мало. Их надо наказывать! Наказывать надо!» [там же: 15]. Этот тон бурсы происходил оттого, что завуч была убеждена: «для школы времена не меняются» [там же: 218].

Парадокс, однако, в том, что эти два мира – учеников и учителей, – конфликтуя, являя друг другу неприятие и взаимное раздражение, на самом деле представляют общий мир, показанный в момент поиска, выбора пути.

Практически все герои говорят о времени. Мысль о связи всех звеньев цепи, образующих время, символизирована уже в самом названии повести. В повести круг является метафорой, имеющей четкую семантику. Образ круга дважды появляется в тексте. Впервые, когда ребята на домашней вечеринке обмениваются репликами по поводу состава приглашенных: «Ты же сам говорил, что он человек не нашего круга», – «Но здесь же общий круг <…> мы же на танцах, а не в салоне» [там же: 96]. В полном объеме значение метафоры круга для понимания концепции повести вырастает в самом ее конце, когда Анатолий Алексеевич, не переставая размышлять о ребятах и событиях, мысленно обращается к услышанному от матери пересказу ее сна о похоронах Сталина. Круг и в этом сне, и в повести в целом – это символ некой тоталитарной структуры, замкнутой системы. Ей присуща монолитность, законченность, цельность, и именно поэтому из нее невозможно вырваться, она подчиняет и парали-

зует человека. Началом конца этой системы – этого круга – может быть только бунт, протест, сопротивление. Герои книги, расколотые на два мира, при всех «текущих» разногласиях и противоречиях, движутся по общему, одному и тому же кругу, они обречены на него и выбраться из него могут только вместе. Л. Симонова, рисуя круг жизни школы начала и середины 80-х гг. прошлого века, показывает, что в нем начинают «срабатывать» и преобладать центробежные силы, что круг готов взорваться изнутри. Противостояние учеников и учителей, конфликт школьных миров, невозможность их консенсуса, ослабление позиций старой школы и неумолимое нарастание перемен – первые и мощные симптомы сокрушения круга, подрыв его тоталитарной замкнутости.

Повесть «Лабиринт» написана в конце 1980-х гг. (1989–1990), и это вносит свои коррективы в раскрытие темы школы. Хотя промежуток времени, разделяющий обе повести, незначителен, но изображение школы имеет принципиальные отличия. Если в «Круге» показана школа на переломе и в поисках ответов на больные вопросы, то в «Лабиринте» школа изображена в состоянии распада, агонии, когда традиции старой советской школы уже изжиты, а демократические принципы новой школы еще не утвердились. Через весь текст повести звучит мотив отвращения к ней, неприятия, нежелания туда идти. Ребята восстают против уничтожения и равнодушия, они выстраивают свою систему защиты личности, свой параллельный мир, в котором правит не школа, не учитель, очень часто не семья, а улица, ее подвалы и злачные места. В «Лабиринте» они осваивают заброшенное бомбоубежище, в которое попадают через канализационный люк. Там они свободны и, как им кажется, личностно независимы и защищены. Школа же свободу отбирает, а от жизненных травм не защищает. Эту коллизию автор раскрывает как один из парадоксов времени. Казалось бы, перестройка принесла свободу и огромный простор для проявления личностных возможностей, но именно школа, обязанная по замыслу и статусу поддержать этот дух, выступает в роли тормоза.

Л. Симонова показывает, что агрессия и жестокость подростков вырастают из глубокой неудовлетворенности ребят своим местом в окружающем мире, отчуждением от взрослых, личностным неравенством и отсутствием уважения и понимания. Эти четырнадцати – пятнадцатилетние подростки предъявляют выверенный счет времени, взрослым, школе, жизни. Вот позиция Кирилла, того Дикаря, который лидирует в созданном им «подпольном» мире: «Кибернетики, как я слышал, в глубоком подполье, генетики – по лагерям <...> А нам с детского сада вдалбливали только одну истину: “Наш паровоз вперед летит, в коммуне остановка”. И не учили нас, а вербовали. На службу дохлой идее, от которой теперь открещиваются» [Симонова 2004: 145]. Так он отвечает на вопрос, почему подростки не хотят учиться. Они не хотят лжи и обмана, а школа активно

включена в процесс мимикрии и оболванивания. Арина, самая самостоятельная девочка в классе, всегда полагающаяся только на себя и свои силы, восклицает: «Кому же верить? А никому! Никто не выдерживает проверки на вшивость. Все в грязи! Всё прогнило и смердит!» [там же: 81]. Вот почему, протестуя против такого мироустройства, эти подростки вечерами уходят в подвал.

Коллектив учащихся в этой книге, как и в «Круге», противостоит «учительской», это тоже два разных мира, однако есть разница в их изображении. В «Круге» два мира, разделенные и часто не понимающие друг друга, находились в одном пространстве, они жили и шли по общему кругу и за его пределы не могли вырваться. Но неожиданно круг разомкнулся, тоталитарный «обруч» сорвался, центробежные силы ослабли, и наметился выход. Однако вышедшие за черту круга попали не в открытый мир, а в лабиринт, где и запутались в его переходах. Школа раскололась, и ее обитатели оказались в разных отсеках лабиринта – жизни. Ученики объединились с улицей в широком понимании этого слова и создали свой лабиринт.

По общей логике жизни в лабиринте оказалась и школа. Старые методы воспитания и обучения исчерпали себя, а новых нет, их надо создавать. В этом смысле книги Л. Симоновой – первое «пособие», в котором возникает мысль о незамедлительном реформировании школы. Автор не ищет виноватых, и школа рассматривается ею как слепок с действительности. Вот почему в книге так много говорят и спорят о времени, о меняющейся жизни, которая «ломается и перестраивается в еще неясную и пугающую всех новизну» [там же: 30].

Об этой книге очень точно пишет Н. Хмелик в заключении своего краткого отзыва: «Книга Лии Симоновой написана жестко, без прикрас, но над мрачным подвальным миром, затянувшим в свою тьму почти всех героев повести, возвышаются вечные нравственные ценности. О них писательница постоянно напоминает, обращаясь к Евангелию. И то, что она видит для заплутавших подростков возможность иного пути, и то, что жизнь меряется ею высшими, неумирающими критериями, освещает, казалось бы, беспощадное повествование гуманностью и надеждой, что выход из зловещего лабиринта непременно будет найден» [Хмелик 1994: 15].

Подводя итог, можно сказать, что повести «Круг» и «Лабиринт» Л. Симоновой были первыми в русской литературе перестроечных лет произведениями о школе. В них показано время середины и конца 80-х гг. прошлого столетия, когда страна расставалась с тоталитаризмом и в устройстве жизни, и в психологии людей, и когда школа оказалась отражением болезненных и неизбежных перестроечных процессов, связанных с переходным периодом. Обе повести имеют полемический характер и приближаются по жанру к книге-диспуту. Это придает своеобразие их худо-

жественности: она сильно «разбавлена» публицистикой, в тексте повестей много вопросов, риторических и злободневных, диалогов и споров, острых и афористических высказываний, авторская монологическая речь отличается эмоциональностью и публицистическим пафосом. По структуре обе повести имеют антитетический характер, отражающий время с его многоголосием, столкновением разных мнений и позиций, взглядов и точек зрения.

Библиографический список

Матвеева Л. Круг // Детская литература. 1990. № 3. С. 51–52.
Симонова Л. Круг. М.: Астрель: АСТ, 2003. 240 с.
Симонова Л. Лабиринт. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2004. 304 с.
Хмелик Н. В лабиринте жизни // Детская литература. 1994. № 1. С. 14–15.

O.A. Mokrushina
Postgraduate student of Russian Literature Department
Perm State University

SCHOOL AS AN OBJECT OF REPRESENTATION IN PROSE 1985–1990. ABOUT TWO NOVELS BY LIYA SIMONOVA

The article is about “school”-text of 1980s. We study about image of the school in the Russian literature of this period using material of stories “Circle” and “Labirinth” by L. Semionova. Images of pupils and teachers are the picture of a new generation. In both stories the author wants to demonstrate the époque of the second half of 1980s. She demonstrates the relationship between the image of the school and processes of “perestroyka”.

Key words: Russian literature of XX century; L. Simonova; novel; school; image; time.

УДК 821.161.1(1-87)-14

Расторгуева Мария Юрьевна
студентка III курса филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
mariia.rastorgueva@yandex.ru

ТЕМА АФРИКИ В ПОЭЗИИ А. ЛАДИНСКОГО

Антонин Ладинский (1896–1961) – русский поэт и писатель, творческая деятельность которого относится к первой волне русской эмиграции. Данная статья посвящена рассмотрению темы Африки в творчестве поэта. Африка А. Ладинского принимает разные формы: это «черная», арабская и библейская Африки. Поэтическое наследие Ладинского становится предметом исследовательского внимания относительно недавно; рассматриваемый образ Африки практически не изучался в отношении поэтов русского зарубежья.

Ключевые слова: поэзия первой волны русской эмиграции; образ Африки.

Антонин Ладинский (1896–1961) – поэт и писатель, начало творчества которого относится к первой волне русской эмиграции. Для российского читателя он больше известен как автор исторических романов, написанных после Великой Отечественной войны. Однако как поэт А. Ладинский состоялся еще в Париже, в 30-е гг. XX в. он издал пять поэтических сборников: «Черное и голубое» (1931), «Северное сердце» (1932), «Стихи о Европе» (1937), «Пять чувств» (1938) и «Роза и чума» (1950). Эмигрантские стихи А. Ладинского в России были изданы только лишь в 2008 г.

А. Ладинский писал о разных странах и континентах, еще современники поэта отмечали его пристрастие к поэтическим путешествиям. В журнале «Мир и искусство» в 1931 г. появился анонимный отзыв на первую книгу А. Ладинского: «Как Гумилев, Ладинский чаще всего путешествует. Оторвавшись от России, плывет он в далекие, может быть, существующие страны, бредет с караванами по Сахаре, летит на Северный полюс, чтобы вернуться к Каиру, <…> и снова по голубым морям уходит в дальние страны, в пески Сахары» [Мир и искусство 1931: 15].

А. Ладинский четыре года прожил в Каире, и жизненный опыт пребывания в Африке воплотился в стихотворениях поэта. Африка в поэзии А. Ладинского выступает в разных ипостасях: это «черная», арабская и библейская Африки. Образ «черной Африки» в поэзии А. Ладинского создается схематично. Элементы именно «черного» континента встречаются в стихотворении *«Караван»* и цикле *«Стихи о Европе»*. Образ Сахары, данный в стихотворении *«Караван»*, становится основой для создания ок-

© Расторгуева М.Ю., 2014

сюморона, объединяющего жару и холод в одном образе: «раскаленной стуже эфирных ледяных Сахар» [Ладинский 149: 1930]. Описание африканского холода занимает значительное место в поэзии А. Ладинского. «Этот звук, “хрустальный звон зимы” проходит через все стихи» А. Ладинского [Мочульский 1931: 236]. Холод в понимании поэта является экзотическим элементом, присущим Африке.

«Черная» Африка в цикле *«Стихи о Европе»* противопоставлена Европе. Противопоставление по цвету черной Африки («небо все ниже, чернее», «черные пики», «шоколадная нежная дева», «в райской черной стране» [Ладинский 1937: 56–59]) и белой Европы («на светлом лице Европы», «белой рукой», «голубоглазой Европе» [там же]) основано на национальной специфике населения этих территорий.

Арабская Африка встречается в стихотворениях *«Муза»*, *«Караван»*, *«Каирский сапожник»*, *«Мы купим белую большую яхту…»* и *«Географической поэме»*.

Поэтике А. Ладинского свойственно объединение африканского и восточного миров в единое арабское пространство, что происходит с помощью сближения картин природы, включения аллюзий к арабским сказкам и объединения типичных знаков африканского с типичными знаками восточного мира.

А. Ладинский в своих стихах обращается к разным географическим точкам Африки и Азии. Употребление топонима Каир в стихотворениях *«Муза»*, *«Каирский сапожник»*, название пустыни Сахара в *«Караване»* и топонима Африка в *«Мы купим белую большую яхту…»* указывает на принадлежность этих поэтических текстов к африканскому пространству. *«Географическая поэма»* содержит название государства Аравия, в *«Каирском сапожнике»* упомянуты аравийские пески. Стихотворение *«Мы купим белую большую яхту...»*, наряду с африканским топонимом, включает и азиатскую Сирию. Поэт обращается к географическим объектам как Африки, так и Азии, которые объединены пейзажем. Описание природы африканского континента и стран Азии создается с помощью образов пальмы, каравана, пустыни и мотивов жары и жажды.

Стоит отметить, что пейзаж, созданный А. Ладинским, складывается из типичных элементов, соответствующих образу именно Африки (а не Азии) в русском языковом сознании. Пейзаж близок к экзотическому коду именно «черной» Африки. Исследователь Ф.Э. Уде на основании проведенного им эксперимента показал, что «в русском языковом сознании основными ассоциациями, связанными с Африкой и африканцами, являются темнокожие / чернокожие люди / негры (200), жара – жарко (192), пальмы (49). <…>. Практически каждый десятый респондент имеет следующие ассоциации: солнце (34), континент / материк (34), <…>, пустыня (27)». Не менее 10 раз повторялись лексемы Сахара (14) и львы (11) [Уде 2008: 167]. Обращение к элементам флоры, фауны, ландшафта и топонимики

ограничивается констатацией какой-либо детали и географического названия, поэту не свойственна подробная прорисовка пейзажных деталей. А. Ладинский дает читателю схематичный набор определенных ассоциаций, связанных с Африкой в русской культуре, и оставляет за ним право конструировать конкретные реальные воплощения этих ассоциаций.

Поэтике творчества А. Ладинского свойственна интертекстуальность. Обращение А. Ладинского к восточным сказкам стирает границы между Азией и Африкой в его поэтической географии. В стихотворении *«Каирский сапожник»* (1930) появляются аллюзии к восточным сказкам. Сюжетная ситуация стихотворения «*Каирский сапожник*» (1930) заимствована из восточной сказки «Рассказ о Маруфе-башмачнике» («Тысяча и одна ночь»). В сказке идет речь о бедном башмачнике, который жил со сварливой женой. «У него была жена по имени Фатима, а по прозванию ведьма, и прозвали ее так потому, что она была несчастливая злодейка, бесстыдница и смутьянка. И она властвовала над своим мужем, и каждый день ругала его и проклинала тысячу раз» [Тысяча и одна ночь: 552]. Ситуация, взятая из восточной сказки, переносится А. Ладинским в африканский Каир, но при этом поэт не привносит в этот сюжет особенностей африканских сказок. У А. Ладинского мы читаем:

В этом горестном мире – <…>
На базаре в Каире
Жил сапожник Али.

Он в убогой лачуге
Починял башмаки,
У суровой подруги –
Тяжкие кулаки <…> [Ладинский 1930: 11]

Поэт меняет имя героя из восточной сказки на Али. А. Ладинский вновь обращается к восточному имени и выбирает более распространенный в восточных странах вариант. Имя Али является заимствованием более известного для русского читателя имени из восточной сказки «Али-Баба и сорок разбойников». А. Ладинский совмещает типичные знаки африканского с типичными знаками восточной культуры. Так, в географии, созданной А.Ладинским, происходит наложение культуры Востока на образ Африки.

Наряду с арабской Африкой, в творчестве А. Ладинского создается образ и библейской Африки. В создании образа библейского континента ключевую функцию выполняют аллюзии к Священному писанию. Цикл *«Похищение Европы»* объединяет в себе аллюзии к Библии и греческой мифологии. «Европа Ладинского, – по мнению Ф. Федорова, – это двуязычная Европа. С одной стороны, это персонаж греческой мифологии, дочь финикийского царя <…>. С другой стороны, Европа – это несомненно континент. Короче говоря, это персонифицированная Европа; конти-

нент как персонифицированный миф» [Федоров 2013: 135]. Ф. Федоров полагает, что А. Ладинский обращается к библейским и древнегреческим мотивам, символам и сюжетам как к прототекстам, при этом «значительно корректирует прототекст. “Европа, ты *зябким и сирым* / Летишь голубком…” И это констатация ущербности, болезни Европы. С другой же стороны, голубок летит неизвестно куда, во всяком случае, не туда, куда определено прототекстом» [Федоров 2013: 136]. Мы полагаем, что отсылка к Африке в трактовке древнегреческого мифа о похищении Европы («Африка детского рая» [Ладинский 1937: 8]) также является попыткой поэта представить интерпретацию прототекста. Приведенная строка служит аллюзией к творчеству Н. Гумилева и К. Чуковского. К. Чуковский писал сказки для детей, в которых часто фигурировал образ Африки, и в аллюзии указана основная тема его творчества. Аллюзия связывает стихотворение А. Ладинского и с «сакральной географией» Н. Гумилева. Е. Раскина отмечает, что Африка «изображена в сакральной географии Н.С. Гумилева как континент со “звериной душой”, которому покровительствует “по-детски неопытный ангел”. “Детская” душа африканского континента связана в “африканских стихах” из сборника “Шатер” с темой “детства человека”, протекавшего в райском саду <…>» [Раскина 2009: 264]. Аллюзия к творчеству Н. Гумилева в стихотворении А. Ладинского актуализирует библейские мотивы происхождения человека. Поэт включает в греческий прототекст и библейские мотивы, таким образом связывая воедино греческую мифологию и библейские предания.

Если аллюзия на библейский текст в стихотворении *«Похищение Европы»* проявляется через творчество Н. Гумилева, то в *«Стихах о Европе»* аллюзия напрямую связывает цикл с библейским топосом. Метафора «райская черная страна» говорит об Африке. Лирический герой относит себя к числу людей, которые, находясь в Африке, плачут о «голубоглазой Европе»:

Но воздух рая недвижим –
В райской черной стране <…>
Мы плачем, как дети…
[Ладинский 1957: 56–59]

В стихотворении Африка представлена как райская страна, родина человечества. Толкователи библии не дают однозначный ответ, где именно находился рай. Например, А.П. Лопухин полагал, что Эдем предположительно был в Месопотамии, а не в Египте. А. Ладинский же, переосмысляя библейское предание, не сомневается, что прародиной человека является именно Африка.

Аллюзии в образе Африки отражают стремление поэта к культурному универсуму. Поэт проецирует библейские сюжетоы, греческую мифологию и восточные сказки на образ «черной Африки», тем самым эта

культурная информация становится частью его собственной поэтики. Более того, поэт не просто использует традиционные культурные коды греческой мифологии или библейского текста, а интерпретирует прототекст. Авор, расширяя географические и культурные границы африканского континента, создает собственную историю и географию.

Библиографический список

Анонимный отзыв // Мир и искусство. 1931. № 3. С. 15

Коростелев О.А. Лирический театр Антонина Ладинского (Предисловие) // Антонин Ладинский. Собрание стихотворений / А. Ладинский. Русский путь, 2008. Цитируется по: Ладинский Антонин Петрович Собрание стихотворений [Электронный ресурс] // URL: http://lib.rus.ec/b/385293.Ладинский.А. (Дата обращения: 10.10.2013.)

Ладинский А. Антонин Ладинский. Собрание стихотворений. Русский путь, 2008. Цитируется по: Ладинский Антонин Петрович Собрание стихотворений [Электронный ресурс] // URL: http://lib.rus.ec/b/385293.Ладинский.А. (Дата обращения: 10.10.2013.)

Мочульский К. Ант. Ладинский. Черное и голубое. Стихи. Изд. «Совр. Зап.». Париж, 1931 // Числа. 1931. № 5. С. 235–237.

Раскина Е.Ю. Геософские аспекты творчества Н.С. Гумилева: дис. … докт. филол. наук. Москва, 2009. 283 с.

Рассказ о Маруфе-башмачнике // Тысяча и одна ночь: Собрание сказок: в 8 т. Т. 8 / перевод и комментарии М. Салье, под ред. акад. И. Крачковского. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2007. С. 552–621.

Уде Ф.Э. Образ Африки в русском языковом сознании: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 240 с.

Федоров Ф. Антонин Ладинский: «Стихи о Европе» // Toronto Slavic Quarterly. 2013. № 45. С. 130–146.

M.U. Rastorguyeva
Student of Philological Faculty, 3rd year
Perm State University

THE AFRICA TOPIC IN THE WORKS OF THE POET ANTONIN LADINSKY

Antonin Ladinsky (1896–1961) is Russian poet and writer, whose creative activity leads to the first part of the Russian emigration. The article is dedicated to researching of the Africa topic in the works of the poet. Africa in his understanding has several forms: “black”, Arab and Bible. The urgency of our research is caused by our appealing to poet, whose works is just becoming the object of attention, and our consideration of the Africa image, which has not practically been researched towards to poets of the Russian abroad.

Key words: the poetry of the the first part of the Russian emigration; Africa topic.

УДК 821.161.1-191”18”

Роготнев Илья Юрьевич
старший преподаватель кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет»
rogotnev05@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТАХ САТИРЫ И.А. КРЫЛОВА[1]

В статье раскрывается сатирическое отношение И.А.Крылова к некоторым социокультурным явлениям. Доказывается, что предметом сатиры нередко выступал сам «дух классицизма», парадигма дворянской культуры. В этом ключе может быть прочитана комедия «Подщипа», в которой дворянская трагедия противопоставляется балагану, сопоставляются классицистический и демократический эстетический идеал. В дальнейшем тема критики дворянской культуры развивается в ряде басен.

Ключевые слова: Крылов; трагедия; балаган; басня; сатирический объект.

И.А.Крылова принято считать крупнейшим русским сатириком рубежа XVIII–XIX вв. Басни Крылова также принято считать сатирическими, хотя объект крыловской сатиры остается непроясненным. Басни направлены против глупости, злоупотреблений, лени и прочих индивидуальных пороков, редко рассматриваемых в социальных и политических контекстах. Общую направленность крыловской сатиры, вероятно, можно понять, обратившись к Крылову XVIII в. (не хронологически, а исторически – включая время правления Павла Первого) и спроецировав линии крыловской критики на тексты басенного жанра.

Г.А. Гуковский, как известно, преувеличивал радикализм крыловской сатиры, конструируя образ непримиримого демократа, нонконформиста, «радищевца» (а стало быть, почти революционера). «Для Крылова вся социальная действительность официальной России его времени сверху до низу презренна. Он – отрицатель по преимуществу» [Гуковский 1939: 477]. Осознавая ограниченность концепции Г.А. Гуковского, нельзя полностью игнорировать мнение крупнейшего знатока русской литературы XVIII в. Исследователь не просто отметил некоторые черты литературного стиля Крылова (“«разночинская» угловатость, его демократизм и радикализм, его стремление к активной, социально-заостренной литературе, его антидворянский пафос” [там же: 481]), но и сформулировал идеолого-эстетическую позицию сатирика – демократическая оппозиция либерально-аристократической фронде. Трудно судить, насколько последователен был демократизм Крылова, однако отмеченный антиаристократизм прослеживается в творчестве писателя на протяжении всего его творческого пути (достигая, пожалуй, выс-

© Роготнев И.Ю., 2014

шего накала в «Похвальной речи в память моему дедушке»). Как отмечает современный исследователь, Крылов «не просто дерзок в своих ранних произведениях, но вызывающе, эпатажно дерзок; он буквально ходит по краю, осмеивая всех и вся невзирая на ранги» [Крицкая 2013: 10].

Крылов входит в литературу скандально: в «Проказниках» посвященные без труда опознают прототипов – круг семьи Княжниных. Пасквиль на русского драматурга и его жену Екатерину Александровну (дочь А.П. Сумарокова) был весьма дерзкой демонстрацией характера И.А. Крылова и его позиции в поле литературы. Дерзость эта имеет объяснения не только на языке личной биографии, но и на языке литературного процесса. Для Крылова (как и для большинства читателей) Княжнин – прежде всего, трагик; к трагедии же молодой писатель испытывает, по-видимому, идеологическую и эстетическую антипатию, что и проявится в его дальнейшем творчестве.

В «Подщипе» Крылов не просто пародирует трагедию – он ее сатирически обличает. Объектом отрицания стал сам дух трагедии, то есть дух классицизма как такового, поставившего трагедию на вершину жанровой иерархии.

Совершенно очевидна ориентация Крылова в «Подщипе» на народно-смеховую образность, на так называемый «карнавал» (или формы «карнавализованной» литературы и культуры). В данном случае предпочтительнее все же использовать термин «балаган». «В широком смысле под ним необходимо подразумевать то, что происходит на праздничной площади» [Хренов 2006: 244]. Балаган можно представить своеобразным восточнославянским «двойником» карнавала (в понимании М.М. Бахтина). Такой подход значительно корректирует бахтинскую концепцию, в которой балаганная комика предстает лишь как «поздний дериват» карнавала [Бахтин 1994: 369]. «Шутотрагедия» И.А. Крылова есть *спор балагана с трагедией*. Трудно подыскать более далекие друг от друга культурные коды и эстетические идеалы.

Балаганная комика у Крылова имеет незатейливые, но яркие смысловые аспекты. Царь, князья, бояре в «Подщипе» предстают в облике глупцов и простаков, причем их ведущей характеристикой становится инфантильность. Царство Вакулы – это царство дураков, противопоставленное дисциплинированному, милитаризованному королевству Трумфа. Как ни странно, именно царство Вакулы несет на себе отпечаток утопии, оно предстает миром безначальной веселой игры, миром без насилия и принуждения. Увлекаясь очевидными историческими параллелями (Трумф – Павел), литературоведы прочитали пьесу не просто как политический памфлет, а как беспощадную критику всего политического строя. Между тем, «Подщипа» вряд ли претендует на политическую философию – автор здесь, в самом деле, противопоставил две реальности, два царства, но подразумевал в них не только и не столько два политических режима, сколько два культурных порядка. И в этом ракурсе царство Вакулы (в чем-то подобное королевству

Гаргантюа и Пантагрюэля) автору ближе. Эстетический идеал Крылова тяготеет (но не более, чем тяготеет) к балагану, а не к трагедии.

Специфика балагана и площадной комики вообще – в том, что она редко ставит перед собой сатирические задачи. В ней царит дух «веселой относительности», известного ценностного релятивизма, через который утверждается равенство людей и происходит реабилитация несложных страстей и потребностей, которыми живут реальные, телесные люди. В балагане ничего не утверждается и не отрицается – сама народная жизнь предстает в причудливых сочетаниях, осмеянная, но не обличенная. Так же стоит отнестись к царству Вакулы: оно не является объектом критики – оно воплощает материальную первосубстанцию социального бытия, заключенную в вечный круг самоотрицания.

Замечено, что материальный мир трагедии предельно упрощен, редуцирован до двух-трех вещей и нескольких типовых жестов. Балаганная комика, напротив, адресует к телесной, чувственной жизни – хотя бы через мотивы избиения. В «шутотрагедии» персонажи бегают, играют, испражняются – выламываются из эстетической рамки, задаваемой трагической ситуацией. Это живое тело – главный источник смешного, но оно же – главный оппонент милитаризованной серьезности Трумфа.

Комедия классицизма является инверсией классицистической трагедии. Однако «Подщипа» инверсирует трагическую схему совершенно иначе, нежели «обычные» комедии. Здесь конфликт не спускается с государственного уровня на бытовой, а тиран не лишается зловещего ореола. Тиран остается трагическим тираном, а его жертва (княжна) так же, как и в классических трагедиях, оказывается перед выбором между свободой и жизнью. Трумф и Подщипа (давшие комедии два альтернативных названия) остаются трагическими героями со всеми трагическими атрибутами. И оба они угнетают царство балаганной вольности. Главный конфликт разворачивается не между Трумфом и Подщипой, а между трагической парой Трумф – Подщипа, с одной стороны, и балаганными дураками во главе с Вакулой и Слюняем, с другой.

Подщипа подвигает князя Слюняя рискнуть жизнью в сражении с тираном или покончить с собой – она навязывает князю трагическую логику. Её стиль при этом вполне выдержан в рамках сумароковской нормы:

Жестокий! Робостью ты бед моих не множь!
<…> Зарежемся!.. Мы тем от бед себя избавим,
И наши имена навек с тобой прославим!
[Крылов 1984: 258].

И жених Слюняй, и отец Вакула предпочли, чтобы Подщипа вышла замуж за Трумфа. Если Трумф угнетает балаганный мир деспотизмом, то Подщипа угнетает его своим трагическим свободолюбием. В итоге бала-

ганный мир обманывает трагические маски, переигрывает их – балаганный фарс не подчиняется законам трагедии. Символом балаганной судьбы становится цыганка, расправляющаяся с Трумфом. Дурацко-шутовскую жизнь, жизнь ленивых тел и пустых голов, невозможно подчинить трагическим законам.

Крыловский демарш против трагического – это, конечно, очередная насмешка над дворянским либерализмом, идеологически выражавшим себя в тираноборческих драмах. Крылов явно ищет альтернативный идеал – в наивном, простом, незамыславатом. Эстетическая программа Крылова будет изложена в басне «Ларец». Знаменитый «ларчик» является метафорой крыловской басни: автор не претендует на тайнопись и изыск, от читателя требуется умение быть простым, но при этом сметливым.

Впоследствии Крылов будет выступать против «матрицы» дворянской культуры неоднократно. Хрестоматийная басня «Кот и повар», в которой видят отголоски внешнеполитических событий (повар – император Александр, кот – Наполеон Бонапарт), продолжает борьбу с классицизмом как общекультурной нормой и стилем мышления. Повар, иронически названный «грамотеем» и «ритором», выступает перед котом с инвективами, достойными Ювенала («Он порча, он чума, он язва здешних мест!»). Объектом сатиры является не столько власть, сколько риторика. Как раз к власти, действующей и беспощадной, апеллирует автор, обличая бесполезность риторических опытов по исправлению нравов.

Система символов классицизма (парадигма дворянской культуры) кажется автору лживой и комичной. В «Собачьей дружбе» персонажи называют себя «Орестом» и «Пилатом»: античные имена служат признаком неискренности дружеских отношений, но главное – они смешны. Столь же смешны поиски персонажем идиллической Аркадии в басне «Волк и кукушка». Можно предположить, что Крылов изложил свой взгляд на употребление «классических» форм и символов в басне «Парнас». На место девяти муз пришли ослы (баснописец не пренебрегал грубыми сравнениями):

И новый хор певцов такую дичь занес,
Как будто тронулся обоз,
В котором тысяча немазаных колес.
[Крылов 1984: 12].

Крылов, в самом деле, восстал против «дворянской фронды» и не забывал обличать этот культурный мир в своих баснях. Следует, однако, подчеркнуть, что далеко не все басни Крылова носят сатирический характер. Чаще всего басни не обличают, а поучают. Они учат «общим местам», здравому смыслу, житейской мудрости (существуют, однако, интересные попытки интерпретации басен в философском ключе, см.: [Строганов 1996]). Крылов переходил к демонстративной простоте через сатирическое отрицание эстетического идеала «высокой культуры».

Примечания

[1]Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-34-01230, «Русская сатира Нового времени: теория, история, интерпретация».

Библиографический список

Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского / М.М. Бахтин. 5-е изд. Киев, 1994.

Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века: Учебник для высших учебных заведений / Г.А.Гуковский. М., 1939.

Крицкая Н.В. Живи как пишешь // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 11. С. 9–12.

Крылов И.А. Сочинения в двух томах. Том II / И.А.Крылов; Н.М.Любимов. М.: Правда, 1984.

Строганов М.В. Крылов и Руссо (Человек в философских схемах и реальной жизни) // XVIII век: Сб. 20 / Н.Д.Кочеткова; Институт русской литературы РАН. СПб.: Наука, 1996. С. 274–280.

Хренов Н.А. Зрелища в эпоху восстания масс / Н.А.Хренов; Государственный институт искусствознания Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ; Научный совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2006.

I.U. Rogotnev
Senior Lecturer of Russian Literature Department
Perm State University

TO THE QUESTIONS ABOUT THE OBJECTS OF I.A. KRYLOV'S SATIRE

The article is about the satirical attitude of I.A.Krylov to the some sociocultural phenomena. We prove that the subject of satire is often performed "the spirit of classicism", a paradigm of aristocratic culture. In this vein the comedy "Podschipa" in which noble tragedy is contrasted booths, classic and democratic aesthetic ideals are compared, can be reading. Later topic criticism of aristocratic culture develops in a number of fables.

Key words: I.A. Krylov; tragedy; farce; fable; satirical object.

УДК 821.161.1”1917/1992”

Туманова Ольга Сергеевна
магистрант II курса филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
tumanova_os@mail.ru

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СЕВЕРА В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИКИ И. СЕВЕРЯНИНА)

Статья посвящена образу Севера в лирике Игоря Северянина. Этот образ имеет три символических значения, которые и становятся объектами исследования: 1) север как сакральная часть Родины, 2) север в качестве нового серьезного противника «итальянского мифа» русской поэзии, 3) север как «поэтическая Вальхалла». Авторский миф Севера соединяется со скандинавскими, эстонскими и финскими мифами и легендами. Возлюбленной лирического героя также является северянка, важная часть этого мира снов.

Ключевые слова: поэзия Серебряного века; лирика И. Северянина; образ Севера; мифология; пересечения культурных контекстов; образ возлюбленной.

Общеизвестно, что образы мировой мифологии получают «вторую жизнь» в искусстве, чему посвящено огромное количество разных исследований. В отношении русской поэзии до сих пор наиболее изученным остается вопрос о бытовании в ней разнообразных мифологических персонажей античности, в то время как можно говорить о влиянии на становление ее образности и других мифологических систем, в частности, скандинавской. Перспективным представляется изучение культурных контекстов, на пересечении которых в лирике Серебряного века функционирует мифологический (и мифологизированный) образ Севера.

«Скандинавизм» русской литературы имеет долгую историю (не последнюю роль здесь сыграли исторические связи со Скандинавией). При этом русское видение Скандинавии имело определенную специфику: с одной стороны, она мыслилась как исторически связанная с Россией страна, с другой стороны – «как область, находящаяся за пределами ясного видения, как иной, запредельный и непостижимый мир» [Смирницкая: эл. ресурс]. В культурном сознании русского человека прочно укоренились представления об уходящих вглубь веков связях Древней Руси со Скандинавией.

Историко-географические координаты никогда не были существенными для поэтического воображения, поэтому в богатой на мифологиза-

© Туманова О.С., 2014

цию и автомифологизацию поэзии Серебряного века конструируется единый образ Севера – потерянного рая, утраченной прародины и вместилища красоты. Примеры данной «мифоконструкции» можно найти в поэзии В.Я. Брюсова, А. Белого, К.Д. Бальмонта, Н.С. Гумилева, Б.К. Лившица, В.И. Иванова и др.

Интересно проследить формирование мифологемы Севера в лирике И.В. Северянина. Своеобразно представлены в ней актуальные для эпохи формы воплощения мифологического начала, скандинавские мифологические образы, сюжеты и мотивы, а также особенности их литературной интерпретации. Панорамы вполне реальных Эстонии, Финляндии, Швеции и Норвегии, встречающиеся в лирических травелогах Игоря Северянина, – это, в первую очередь, север, видимый сквозь призму культурно-исторических и литературных реминисценций.

В лирике поэта, уже своим псевдонимом подчеркивавшего собственную принадлежность к «северу милому», образ севера существует одновременно в трех планах: Север как часть родины, России; Север как вызов общепринятой норме и выход за пределы «итальянского мифа» русской культуры; Север как страна грез, «поэтическая Вальхалла» (которую поэт называет «Сканда» или «Миррелия»). Все три плана восприятия образа являются взаимосвязанными и взаимодополняющими.

Образ Севера как части родины предстает в аскетичных тонах в сопровождении мотивов тоски и ожидания, но именно он важен как отправная точка для индивидуального мифотворчества поэта: «Мне нравится унылая природа / Мне дорогого севера с красой / Свободного славянского народа / С великою и гордою душой. / На север я хочу! На север милый!» [Северянин 1999: 178]. Именно на его основе начинает конструироваться образ сурового скандинавского севера, противостоящего в более позднем творчестве итальянскому югу: «Тебя всё манит Калабрия, Меня – Норвегии фьорд» [там же: 314].

Север как часть родной земли представляется поэту концентрированным образом России. С ним прочно ассоциированы такие топосы, как лес, степь, поле. Образ леса мифологизирован в традициях русских народных сказок: «Мне чудится, что леший правит свадьбу / Пируя у невесты, у Яги»; «Мне чудится, что рядом пляшут бесы, / И ведьмы сзади водят хоровод» [там же: 178]. Русский Север – это «мёрзлое царство снега», «волшебные пейзажи, бегущие при трепетной луне», «лес в одежде цвета изумруда» [там же]. Этот дикий мир является родным для лирического героя, именно его он маркирует как «свое» пространство: «Я – властелин над ними! Я – хозяин / Я здесь дышать и властвовать могу» [там же], его он готов воспевать. Но север манит героя не только своим романтическим колоритом; север символизирует духовную чистоту, здесь «правду видит… радостный взор» [там же: 179].

Герой шлет югу лишь ироничный «северный привет» [там же: 88].

В то же время Север может быть представлен как реальное, но недоступное лирическому герою пространство. Как правило, с ним связан яркий образ-репрезентант – образ возлюбленной лирического героя («северянка», «Сольвейг полярная, блондинка печальная», «Ингрид»), с которой он в разлуке. Она является своеобразным «проводником» в иной мир скандинавского севера (и вызывает определенные ассоциации с валькирией). В этом аспекте нам кажется неслучайным появление образа Сольвейг из драмы Ибсена «Пер Гюнт» в стихотворении «Кэнзель X». На ассоциативном уровне она воспринимается как целебное средство от духовной слепоты лирического героя, «этический маяк» на пути обретения чистоты и прозрения (которые, согласно концепции поэта, можно обрести лишь на Севере). Ибсеновская героиня – это идеальный собирательный образ скандинавской женщины, одновременно и носительницы памяти о героическом викингском прошлом, и верной возлюбленной, ожидающей лирического героя «на том берегу».

Портрет героини изобилует цветовыми эпитетами: она – «ледяная сапфирно-жемчужная царица» [там же: 124], «лебедь белая, голубка сизая» [там же: 125], «сребростру́нная» [там же], «неземная и бирюзовая» [там же: 263].

Окружающая лирического героя полумифическая страна «Эстляндия» примиряет его с действительностью, являясь преддверием свидания с возлюбленной в желанной Скандинавии: «О, сказанья про Ингрид! О, Норвегии берег! / О, эстляндские зори! / Лишь в Эстляндии светлой мне дано вас увидеть / наяву!» («Эстляндская поэза»).

Таким образом, топос «Эстляндия» органично вписывается в сакральный для поэта собирательный образ Севера.

Соединение образов эстонской и скандинавской мифологии способствует созданию универсального образа Севера. На севере лежит воображаемая страна Миррелия; имя «Сканда» становится синонимом имени любимой и наименованием желанной страны. В рамках этого мифологизированного топоса начинают существовать стилизованные под исландские саги авторские сказания (например, об Ингрид и Эрике).

Библиографический список

Северянин И. Тост безответный: Стихотворения, поэмы, проза. М.: Республика, 1999. 543 с.

Смирницкая О.А. Софья Свириденко и ее «Эдда» / URL: http://norse.ulver.com/articles/smirn/sviridenko.html. (Дата обращения: 14.02.2014.)

Шарыпкин Д.М. Скандинавская литература в России. Л.: Наука, 1980. 324 с.

O.S. Tumanova
Master Student of Russian Literature Department
Perm State University

MYTHOLOGICAL IMAGE OF THE NORTH IN THE POETRY OF SILVER AGE (OF THE EXAMPLE LIRICS BY I. SEVERYANIN)

The article deals with the North as an unique image in the lyrics by Igor Severyanin. This image has three symbolic meanings which become objects of investigation: 1) the North as a sacral part of Motherland; 2) the North as a new serious opponent of cultural "Italian myth" in Russian poetry; 3) the North as "poetic Valhalla". Author's myth of the North connects with Scandinavian, Estonian and Finnish myths and legends. Mistress of lyric hero also is northern girl, one important part of this dream world.

Key words: poetry of Silver Age; lyrics by I. Severyanin; image of the North; mythology; crossing of cultural contexts; image of mistress.

УДК 82.139-31

Чичкина Мария Валерьевна
зав. отделом литературы на иностранных языках
ГБУК СО «Свердловская областная универсальная
научная библиотека им. В.Г. Белинского»
tchitchkok@yandex.ru

ЭКФРАСИС В «ТРЕХ ПОВЕСТЯХ» Г. ФЛОБЕРА

В статье представлено исследование художественного приема экфрасиса в «Трех повестях» Г. Флобера. В «Простой душе» экфрасис явлен в виде «пьеты» (картина, изображающая оплакивание Девой Марией тела снятого с креста Иисуса Христа), в «Легенде о святом Юлиане Странноприимце» – это витраж Руанского собора, передающий историю жизни Святого Юлиана, в «Иродиаде» – картина художника Рогира ван дер Вейдена «Смерть Иоанна Крестителя». В каждой из повестей экфрасис оказывается связан с мотивообразующими для цикла евангельскими мотивами, что создает эффект многомерности текста.

Ключевые слова: экфрасис; Три повести; Флобер; Простая душа; Легенда о Святом Юлиане Странноприимце; Иродиада; евангельские аллюзии.

Понятие «экфрасиса» все чаще привлекает внимание современных литературоведов. Это связано в какой-то степени с постмодернистской исследовательской парадигмой, в рамках которой на первый план выходят синкретические особенности культуры и начинает обнаруживаться размытость границ между различными видами искусства, их смешение и взаимозависимость. В этом смысле понятие экфрасиса связывает литературу и живопись.

В представлении современных исследователей экфрасис – это «словесное воссоздание произведений изобразительного искусства» [Рубинс 2003: 14]. Литературовед Е. Постнова выделяет то, что отличает экфрасис от других типов описаний предметов искусства: «… общая цель искусствоведческих … описаний – идентификация предмета / экспоната. … Эта установка на предметную сторону отличает все эти описания от “классического” экфрасиса, который описывает не столько предметный характер произведения, сколько его мир» [Постнова 2012: 14].

П. Дюбуа уточняет функции и предназначение экфрасиса: «Экфрасис – это поэтический, повествовательный дискурс, который стремится быть эталоном, или буквальной иконой структур прошлого и будущего с целью объяснения, чем они были и чем они будут, через их репрезентацию в связи с окружающим повествовательным дискурсом, т.е. историей продвижения героя» [Рубинс 2003: 23]. В определенном смысле экфрасис служит для связи частей произведения в единое целое. Он не остается в стороне от общего повествования, но оказывается в одних случаях отправной точкой, а в других – сцепляющим звеном.

© Чичкина М.В., 2014

М. Рубинс отмечает, что «экфрасис… является как бы переводом с языка одной семиотической системы на язык другой, в результате чего происходит замена изобразительных знаков на словесные» [там же: 14]. Говоря об экфрасисе, также не стоит забывать и о «двойственной природе» данного художественного приема. Как замечает Н. Ковтун, «с одной стороны, экфратическое описание стремится к точности передачи изобразительного объекта, с другой, оно обретает дополнительную символическую глубину, многомерность» [Ковтун 2012].

Анализируя «Три повести» Г. Флобера, мы обнаруживаем присутствие экфрасиса в каждом из произведений, входящих в цикл. Но прежде чем обратиться к исследованию повестей, стоит заметить, что при помощи экфрасиса писатель прежде всего экстраполирует внутренний мир и семиотическую систему предметов изобразительного искусства. И здесь стоит привести слова литературоведа Л. Геллера, который отмечает, что «экфрасис – это не исключительно, но в первую очередь – запись последовательности движений глаз и зрительных впечатлений. Это иконический образ не картины, а видения, постижения картины» [Геллер 2002: 10].

В повести «Простая душа» экфрасис оказывается встроенным в систему библейских мотивов и аллюзий. Так, в процессе исследования можно выявить отождествление главной героини повести Фелиситэ с Девой Марией, а ее племянника Виктора – с Иисусом Христом.

Как мы знаем из сюжета, Виктор погибает во время плаванья. Описывая реакцию героини на эту новость, Флобер воссоздает данную сцену определенным образом. Здесь стоит отметить, что традиционно в живописи при изображении снятия тела Иисуса с креста художники домысливали участников этой сцены, так как во всех четырех Евангелиях не описано, как происходило само снятие тела, рассказывается лишь о том, как Понтий Пилат дал на это разрешение. Среди действующих лиц обычно всегда изображается скорбящая Дева Мария. Отсутствует в канонических текстах и сцена оплакивания Иисуса Христа. В иконописи же слева от Христа почти всегда изображена оплакивающая его Дева Мария, ее руки чаще всего опущены, а глаза закрыты. Изображение этой сцены, получившей название «Пьета» (итал. – «оплакивание») достаточно известно в западной живописи.

Если вернуться к повести Флобера, можно заметить, что образ Девы Марии в данном контексте выявляется, когда автор описывает состояние Фелиситэ, узнавшей о смерти любимого племянника: «Фелиситэ упала на стул, прислонившись головой к перегородке, и закрыла веки... – Бедный мальчик! – повторяла она с поникшей головой, с бессильно повисшими руками…» [Флобер 1956: 109]. Сцена горевания главной героини раскрывает в Фелиситэ материнские чувства по отношению к племяннику: «Она крепилась и бодрилась до самого вечера, но у себя в комнате, лежа ничком на постели, отдалась горю, уткнувшись лицом в подушку и сжав кулаками виски» [там же]. В данном случае, несмотря на лаконичность текста, явно просматриваются «следы» живописного источника. Мы можем отметить сходство описанной сцены с

серией икон, объединенных понятием «Пьета» – т.е. таких, где изображается Дева Мария, оплакивающая Христа.

Говоря об экфрасисе во второй повести сборника «Легенде о святом Юлиане Странноприимце», сошлемся на собственные слова автора. В последних строках данного произведения Флобер замечает: «Вот и легенда о святом Юлиане Странноприимце, – почти так же она изображена на расписной оконнице в одной из церквей моей родины» [там же: 85]. Писатель не раз осматривал эти старинные изображения, а легенду прочел в работе руанского ученого Ланглуа «Опыт живописи на стекле» (1832).

Таким образом, можно отметить, что возможным источником сюжета повести послужил витраж Руанского собора, который состоит из множества фрагментов, изображающих жизнь святого Юлиана. Для анализа мы используем подписи к элементам витража. Некоторые сцены, действительно, совпадают по сюжету с текстом Флобера. К примеру, во время охоты, олень предсказал молодому Юлиану, что он убьет своих родителей. Название фрагментов 4, 5, 6 витража: “Trois scènes évoquant l’enfance de Julien à qui l’on a prédit qu’il tuera son père et sa mère” [Три сцены, изображающие детство Юлиана, которому было предсказано, что он убьет своих отца и мать].

Совпадают также сцены, когда в замок Юлиана приходят его родители и знакомятся с его женой. «Жена Юлиана предложила им не дожидаться его. Она сама уложила их в свою постель, и они заснули», – пишет автор [там же: 84]. Название фрагмента 14 витража: “Ses parents qui le recherchent arrivent à sa demeure” [Родители, искавшие его, приходят к нему в жилище]. Фрагмент 15: “La femme de Julien les accueille et leur offre son propre lit” [Жена Юлиана встречает их и предлагает им свое ложе].

Следующие три фрагмента изображают возвращение Юлиана, убийство родителей и появление жены Юлиана, сообщающей правду. Те же события описаны в повести Флобера. В финале «Легенды» Юлиан строит лодку и перевозит людей с берега на берег. Этот момент в точности копирует изображение на витраже. Фрагмент 21: “Julien se fait passeur” [Юлиан становится паромщиком].

В третьей повести флоберовского цикла «Иродиаде» возможно проведение параллелей между эпизодом, где Маннэй преподносит Саломее голову Иоанна Крестителя и картиной голландского художника Рогира ван дер Вейдена «Смерть Иоанна Крестителя» (после 1450). Данное полотно – это последняя часть триптиха «Алтарь Иоанна Крестителя».

Мы можем отметить определенные сходства в передаче образа Саломеи. Так, на картине Вейдена у Саломеи белая кожа и четко выделяются «дуги бровей». Приведем описание внешнего вида героини в «Иродиаде»: «Сквозь голубоватое покрывало, которое спускалось с головы на грудь, просвечивали дуги ее бровей, халцедоновые серьги, белизна кожи. Квадратный кусок переливчатого шелка, накинутый на ее плечи, был перехвачен на бедрах золотым узорчатым поясом. Черные шальвары были густо вышиты цветами мандрагоры» [там же: 147].

Как мы видим, на картине Вейдена изображены: «квадратный кусок переливчатого шелка, накинутый на ее плечи», «золотой узорчатый пояс», «черные шальвары». В этом смысле можно отметить, что экфрасис – это не абсолютное калькирование и перенесение сюжета живописного полотна на страницы повести. Как пишет Ю. Шатин: «Экфрасис становится метаязыковой рефлексией по поводу метафорического содержания картины, он принципиально не изобразителен, а референциален, поскольку сокращает дистанцию между различными семиотическими сущностями и включает в изображенный мир картины эксплицированную точку зрения созерцающего субъекта» [Шатин 2004: 221]. Можно сделать вывод, что литературное произведение позволяет картине ожить, «сойти с холста» и таким образом продолжить движение в контексте повествования.

Приблизительное сходство внешних черт и одежды является дополнением к более конкретным деталям, которые одинаковы на картине Вейдена и в описании Флобера. «Маннэй держал ее за волосы, вытянув руку, гордясь рукоплесканиями. Положив голову на блюдо, он подал ее Саломее», – пишет автор [Флобер 1956: 147]. На картине Вейдена изображен человек, в котором по описанию можно угадать Маннэя: «… тетрарх, хлопнув в ладоши, крикнул: “Маннэй! Маннэй!” Появился человек, обнаженный до пояса, подобно массажистам в банях. Он был очень высокого роста, старый и худой; на бедре у него висел тесак в бронзовых ножнах. Волосы, поднятые гребнем, непомерно удлиняли его лоб» [там же: 126]. На картине мы видим именно такого персонажа. Далее обратим внимание на положение головы Иоанна относительно Саломеи и блюда: «Показалась голова, – Маннэи держал ее за волосы, вытянув руку, гордясь рукоплесканиями. Положив голову на блюдо, он подал ее Саломее» [там же: 149]. На полотне Вейдена запечатлен именно момент, когда Маннэй подает голову Саломее, положив ее на блюдо.

Сходства с картиной можно увидеть и в описании головы Иоанна: «Острое лезвие меча, скользнув сверху вниз, задело челюсть. Углы рта судорожно перекосились. Кровь, уже запекшаяся, пятнила бороду. Закрытые веки были бледны, точно раковины. От светильников падали вокруг лучи света», – пишет автор [там же]. На картине Вейдена виднеется едва заметный шрам на левой щеке и закрыты веки. Заметна и «прорезь ресниц»: «Сквозь прорезь ресниц мертвые зрачки и зрачки потухшие словно сказали что-то друг другу» [там же]. На картине заметна эта самая «прорезь ресниц».

Исследователи часто говорят о различных функциях, выполняемых экфрасисом в художественных произведениях. Он является существенным элементом на уровне структуры произведения и может привносить новые смыслы в текст.

Если размышлять о функции экфрасиса в «Трех повестях» Флобера, то стоит отметить, что данный прием играет прежде всего композиционную роль, являясь связующим звеном, сцепляющим воедино части сюжета. Помимо этого, через экфрасис в произведения вводятся значимые для флоберовского цикла евангельские аллюзии. Другой момент – это воссоздание ис-

торической эпохи. Важной функцией экфрасиса также становится психологическая функция – перед нами не просто «картина в словах», но прежде всего «ожившее» полотно, и мы можем не только видеть героев, но узнавать их мысли, эмоции. При этом благодаря экфрасису достигается эффект того, что произведения обретают «символическую глубину и многомерность».

Библиографический список

Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума/ под ред. Л. Геллера. М.: МИК, 2002. С. 5–23.

Ковтун Н.В. Повесть Л. Улицкой «Сонечка»: поэтика экфрасиса // Жанровые трансформации в литературе и фольклоре: коллективная монография / Т.Н. Маркова, И.А. Голованов, Н.Э. Сейбель [и др.]; под общ. ред. Т.Н. Марковой. Челябинск: Изд-во ООО «Энциклопедия», 2012. С. 87–118.

Постнова Е.А. Экфрасис в творчестве В.А. Каверина 1960–1970-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2012. 169 с.

Рубинс М. Пластическая радость красоты: Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция. СПб: Академический проект – СПб, 2003. 354 с.

Флобер Г. Собрание сочинений в 5 тт. Т.4 / Г. Флобер. М.: Правда, 1956. 406 с.

Шатин Ю.В. Ожившие картины: экфрасис и диегезис // Критика и семиотика. Вып. 7. Новосибирск, 2004. С. 217–226 // URL: http://www.philology.ru /literature1/shatin-04.htm. (Дата обращения: 28.01.2014.)

M.V. Chichkina
The head of the Foreign Language Literature Department
Sverdlovsk Regional Universal Scientific Library named after V.G. Belinsky

EXPRESIS IN FLAUBERT'S "THREE TALES"

The article displays the research on the presence of exspresis in Flaubert's "Three Tales". This method can be seen in every text of this cycle. In "The Simple Heart" exspresis is presented as a "pieta" (a picture of the Virgin Mary bemoaning the body of Christ), in "The Legend of Saint Julian the Hospitalier" – the stained glass window of the Rowan Cathedral, that tells the life of St. Julian, in "Herodias" – the picture of Rogier van der Weyden's "Death of John the Baptist". In every tale the exspresis is connected to evangelic motives and creates the multidimensional effect in the text.

Key words: expresis; Flaubert; The Three Tales; The Legend of Saint Julian the Hospitalier; Herodias; evangelic allusions.